

The background of the book cover is a photograph of a dark crow perched on a metal railing. To the left, a traffic sign with orange and white diagonal stripes is visible. In the background, a multi-story building with several windows is partially obscured by a hazy or smoky atmosphere. The entire scene is framed by a thin red border.

Дэвид Саттер

ТЬМА НА РАССВЕТЕ

**Возникновение криминального
государства в России**

Дэвид Саттер
Тьма на рассвете

МОСКВА
2004

David Satter

Darkness at Dawn

The Rise of the Russian Criminal State

Yale University Press / New Haven & London

Дэвид Саттер

Тьма на рассвете

Возникновение
криминального государства в России

Москва 2004

УДК 82-4
ББК 84(7)
С21

Дизайн обложки: А. Черпаков

Саттер Д.

С21 Тьма на рассвете: Возникновение криминального государства в России / Пер. с англ. — М.: 2004. — 336 с.

ISBN 5-94282-242-5

Дэвид Саттер — американский журналист и писатель, проработал в Москве в качестве корреспондента английской газеты «Файненшел таймс» с 1976 по 1982 год. Позже он был свидетелем драматических событий перестройки, распада СССР и образования нового российского государства.

В своей книге Дэвид Саттер, рассказывая о важнейших событиях недавнего времени, стремится показать, как эти события отразились на повседневной жизни обыкновенных русских людей из самых разных социальных слоев, почему свобода и демократия привели к духовному кризису и криминализации общества, почему новые духовные ценности не смогли заполнить огромный моральный вакуум, который образовался после падения коммунистического режима.

УДК 82-4
ББК 84(7)

ISBN 5-94282-242-5

© David Satter, 2003
© ОГИ, оформление, 2004

Честным людям России

**Нет ничего тайного, что не сделалось
бы явным; и ничего не бывает пота-
енного, что не вышло бы наружу.**

Евангелие от Марка. 4:22

Предисловие автора

В этой книге я попытался показать, как в России возникла и окрепла криминальная бизнес-элита, как она взяла под контроль государственный аппарат, что привело к обнищанию и деморализации подавляющего большинства населения.

Книгу составили рассказы и истории простых людей, из которых видно, каким образом криминальная олигархия добилась господствующего положения в России, и которые воссоздают ту социальную атмосферу, в которой это могло произойти.

В период реформ русские пережили духовный кризис, столкнувшись с новым для себя образом жизни, к которому они не были подготовлены предыдущим опытом. Я решил показать ситуацию в России через истории простых людей, так как, чтобы понять природу этого кризиса, недостаточно знания одних только фактов: необходимо понять каждого, кто живет в этой стране.

К тому же сами истории — это способ хоть какой-то конкретной помощи. Датский романист Исаак Динезен как-то сказал: «Все печали можно превозмочь, если есть возможность поведать их кому-нибудь или же записать».

Введение

**Любой призыв к личной дисциплине
приводит русских в раздражение.
Русские не считают духовную работу
над формированием личности чем-
то необходимым или интересным.**
Николай Бердяев. Судьба России

В 1991 году в России занялась новая заря свободы. Коммунистическую партию распустили, и страна была готова строить демократическое будущее. Публицист и философ Юрий Карякин выразил мнение большинства, когда сказал: «Впервые в этом столетии Бог улыбнулся России»¹.

Мало кто в то время мог предвидеть то, что происходит сегодня. В последующие годы многие бывшие коммунистические страны вернулись в свободный мир, Россия же оказалась во власти бедности, страха и криминала. Причина этого кроется в том, что в период реформ, когда предпринимались огромные усилия заново построить российское общество и экономику, Россия в очередной раз стала жертвой ложной идеи.

Победа над коммунизмом была моральной победой. Миллионы людей вышли на улицы не из-за бедности, а протестуя против попытки коммунистов фальсифицировать историю и изменить человеческую природу. Однако в начальный период построения нового государства основное внимание уделялось конструированию капитализма и, в частности, на формирование группы состоятельных частных собственников, чей контроль над средствами производства, как предполагалось, должен был автоматически привести к экономике свободного рынка и правовой демократии. Подобный подход, сомнительный даже в иных, более благоприятных условиях, для России оказался гибельным, потому что в стране с утраченными нравственными ценностями, после более чем семи десятилетий духовной деградации под властью коммунизма, приход капитализма просто не мог не окончиться провалом. Молодые реформаторы спешили построить капитализм, и при продвижении вперед их мало что заботило, за исключением преобразо-

вания экономических структур. «Расчет был вполне разумным, — говорила Алиса Долгова, специалист по организованной преступности Генеральной прокуратуры, — любыми средствами создать в России общественный слой, который служил бы поддержкой реформ... Весь капитал был изъят и пущен в обращение. Не принималось никаких мер для предупреждения легализации криминальных доходов. Никто не задавал вопросов во время приватизации: откуда у вас эти деньги? Огромные суммы вкладывались в собственность, и не велось никакой регистрации владельцев. Подобной политики не знало ни одно цивилизованное государство»².

Решение преобразовать экономику огромной страны без соблюдения законов привело не к демократии свободного рынка, а к клептократии с некоторыми опасными экономическими и психологическими особенностями.

Прежде всего новая система характеризовалась взяточничеством. Все ресурсы первоначально были сосредоточены в руках государства, поэтому бизнесмены стремились «подкупить» важных государственных чиновников. Победители в этой гонке получали возможность купить услуги большего количества чиновников, что приводило к тому, что с ростом системы росли и взятки³.

Помимо взяточничества новая система также характеризовалась организованным насилием. К бандитам относились как к обычным экономическим деятелям, и такая политика молчаливо узаконивала их преступную деятельность. В то же время они становились партнерами бизнесменов, использовавших их в качестве охранников, «вышибал» и сборщиков налогов.

Кроме того, новая система основывалась на воровстве. Деньги, полученные в результате криминальной деятельности, нелегально переправлялись за границу во избежание их конфискации в будущем. Эта утечка средств лишала Россию миллиардов долларов, необходимых для ее развития.

Но, быть может, наиболее важным фактором, по сравнению с экономическим, была социальная психология новой системы, отличительной чертой которой стало всеобщее моральное равнодушие. Если при коммунизме универсальные моральные принципы отвергались в пользу предполагаемых «интересов рабочего класса», то при новом правительстве люди разучились различать законное и преступное.

Коррупция чиновников воспринималась как «норма» и считалась доблестью, если служебное лицо совмещало воровство с выполнением своих служебных обязанностей. К вымогательству также стали от-

носятся как должному, и продавцы в силу привычки рассматривали выплату денег вымогателям как составную часть сделки.

Должностные лица и бизнесмены не отвечали за последствия своих действий, даже если эти последствия влекли за собой голод и смерть. Правительственные чиновники помогали организовывать «финансовые пирамиды», которые вводили в заблуждение людей, и без того уже нищих и беспомощных. Правоохранительные органы брали взятки у лидеров преступных группировок, закрывая глаза на вымогательство, а директора заводов крали общественные средства, предназначенные для заработной платы рабочим, которым уже несколько месяцев не платили.

С молодыми реформаторами поначалу носились на Западе, но годы шли, а обещанного возрождения не состоялось, и в России разгорелись дебаты по поводу того, помешало ли прогрессу сопротивление Думы, недостаточная помощь со стороны Запада или особенности «загадочной русской души».

Указанные аргументы, однако, имели под собой сюрреалистическую почву, поскольку они безоговорочно предполагали, что при правильной экономической комбинации можно было построить демократию свободного рынка без соблюдения правовых норм.

На самом деле рыночная экономика предполагает соблюдение закона, поскольку только он может обеспечить основу существования свободного рынка, представляющего собой эквивалентный обмен. При отсутствии закона цены диктуются не рынком, а монополиями и применением силы.

Необходимость в законных принципах особенно остро стояла в России, потому что для рядовых граждан социализм был не только экономической системой, но и светской религией, которая придавала смысл миллионам жизней. После распада Советского Союза возникла необходимость заменить как социально-экономические структуры, так и «классовые ценности», придающие системе более высокий статус. Это можно было сделать, установив власть трансцендентной, универсальной ценности, которая в практическом плане может быть гарантирована только соблюдением закона.

10 мая 1997 года греческая полиция обнаружила в неглубокой могиле под оливковым деревом, в трех километрах от афинского пригорода Сарониды обезображенное тело Светланы Котовой, одной из российских топ-моделей, в прошлом «Мисс России». Было установлено, что она приезжала в гости к Александру Солонику (Саше Македонскому),

профессиональному российскому киллеру номер один, который и сам был найден задушенным за три месяца до этого в афинском пригороде Барибоби.

История Светланы вызвала широкий резонанс в России из-за ее молодости и красоты, и потому, что в любви 21-летней королевы красоты и профессионального киллера было нечто символическое для состояния тогдашней России.

Светлана познакомилась с Солоником в московском ночном клубе в канун нового, 1997 года и 25 января поехала в Грецию по его приглашению⁴. В аэропорту девушку встретили с охапкой цветов, и на «Мерседесе» отвезли на виллу Солоника. Аренда виллы обходилась около 90 000 долл. в год. В числе ее достопримечательностей были плавательный бассейн, гимнастический зал, баскетбольный корт, площадка для гольфа и сады со скульптурами. Начиная с 26 января Светлана каждый вечер звонила матери и говорила, что это не жизнь, а просто чудо.

На вилле и в машине Солоника было много огнестрельного и другого оружия, но неизвестно, знала ли об этом Светлана. Пять дней она жила будто во сне, а 30 января на виллу прибыли бандиты из курганской преступной группировки, поставщики наемных убийц для преступного мира России. Во время разговора с Солоником один из них набросил ему сзади на шею тонкую веревку и задушил. Затем пошли за Светланой, которая находилась на втором этаже⁵.

Когда до России дошла весть об убийстве Светланы, российские газеты были заполнены фотографиями: Светлана со спадающими назад волосами в длинном черном платье с тонкими бретельками; Светлана в купальном костюме застенчиво выглядывает из-за растопыренных пальцев; Светлана обхватила голову руками; Светлана в вечернем платье с волосами, собранными в пучок. Казалось, не было человека, меньше нее подготовленного к дьявольской игре, в которую ее втянули. И тем не менее есть что-то общее в судьбах Светланы Котовой и ее народа, беспрепятственно отдавшего себя в руки преступников в период реформ. Награды приходят быстро и достаются легко. А на все прочее лучше закрыть глаза.

Поживем — увидим, разделит ли в конце концов Россия судьбу Светланы.

1. «Курск»

**А теперь оно умерло; зачем же мне
поститься? Разве я могу вернуть?
Я подойду к нему, а оно не возвра-
тится ко мне.**

Вторая книга Царств. 12:7

12 августа 2000 года, суббота

При неярком дневном свете полярного лета, с развешивающимися вымпелами, среди оглушительного грохота взрывающихся ракет и торпед, атомная подводная лодка «Курск» заняла свою позицию, чтобы принять участие в крупнейших морских учениях за всю историю российского Северного флота. Район, где проходили эти учения, в 130 милях к северо-востоку от Мурманска в Баренцевом море, имеет огромное стратегическое значение для России. Здесь расположена база Северного флота — наиболее боеспособной части российских ВМС, и его ключевая позиция позволяет России бросить вызов Западу и укрепить статус России как великой державы.

«Курск» — одна из восьми действующих подводных лодок класса Антей — являлся гордостью российского Северного флота. В случае войны его задача — разорвать связь стран НАТО через моря Атлантического океана. Его реактивные снаряды «Гранит» были способны уничтожить целую группу авианосцев или транспортный конвой США и, согласно данным российских морских источников, были снабжены ядерными боеголовками, ударная сила которых была эквивалентна 500 000 тоннам тротила, что достаточно для того, чтобы сравнять с землей Лос-Анджелес или Нью-Йорк¹. Задача «Курска» заключалась в том, чтобы продемонстрировать две главные его возможности: уничтожать авианосцы и ликвидировать подводные лодки. Сначала «Курск» применил свое главное оружие, ракету «Гранит», (кодовое название в странах НАТО «Shipwreck»), с обычной боеголовкой весом 726 килограммов, которая осуществила прямое попадание в корпус старого российского корабля, стоявшего на расстоянии более 200 миль.

Затем «Курск» подготовился вести огонь торпедами «SS-N-16», (кодовое название «Сталион») по муляжу подводной лодки. «Сталион», совершенно секретное оружие, приводилось в действие ракетным ускорителем, который воспламеняется под водой. Когда торпеда оказывалось на определенном расстоянии от подводной лодки, ракетный ускоритель поднимал ее на поверхность воды, и она попадала в цель наподобие ракеты. Снаряды «Сталион», которыми должен был стрелять «Курск», снабжены боеголовкой весом 220 тонн.

Но после запуска «Сталиона» случилось непоправимое. Ракетный двигатель торпеды взорвался, пламя от взрыва за несколько секунд расплавало металлический корпус торпеды. После этого взорвалась боеголовка, пробив дыру в армированном корпусе «Курска». Ледяная вода залила корабль, но не погасила пламя, поскольку ракетный ускоритель был предназначен для горения без доступа воздуха. Горящие части ускорителя попали в первый оружейный отсек.

Подводная лодка резко пошла вниз, и менее чем через две минуты произошел второй сильнейший взрыв резервных торпед и крылатых ракет внутри торпедного отсека. В результате взрыва субмарина накренилась на правый борт и пошла ко дну. Вслед за ударной волной поток воды хлынул отсек управления, в результате чего вышли из строя система электроснабжения, компьютеры и мониторы, составлявшие основу управления гигантского корабля. Отсеки, примыкающие к атомному реактору, были мгновенно затоплены, не оставляя морякам пути к спасению².

Вначале командование флота предположило, что взрывы силой 1,5 и 3,5 балла по шкале Рихтера произошли по вине ракеты и торпеды, которые были запущены с «Курска», но когда попытки установить радиосвязь с подводной лодкой потерпели неудачу, был дан сигнал тревоги и начались массированные поиски. В результате в 4.35 в воскресенье, 13 августа «Курск» был обнаружен на дне моря на глубине 100,5 метра. В 7.00 об этом сообщили президенту Владимиру Путину, который в это время находился на отдыхе в Сочи. Военно-морские силы начали операцию по спасению команды.

В воскресенье российские власти хранили молчание о пропавшей подводной лодке. В понедельник 14 августа в официальной российской прессе появились первые сообщения о катастрофе. В них говорилось, что в воскресенье на лодке возникли неполадки и «Курск» был вынужден «остаться на морском дне». Некоторое время спустя было объявлено, что установлена связь с экипажем лодки, «Курск»

снабжается электричеством и свежим воздухом и все члены команды живы. Все эти заявления, как показали последующие события, были неправдой.

В период «холодной войны» Советский Союз организовал службу спасения, которая, как предполагалось, ничем не уступала аналогичным службам НАТО. В 1991 году российские водолазы спасали людей на глубине 300 метров, за что были награждены звездами Героев России. Однако после распада Советского Союза служба спасения была расформирована. К 2000 году в российском морском флоте не было водолазов и его мини-субмаринам, которые издавна использовались главным образом для разведывательных целей, не хватало обученных спасателей. В случае с «Курском» российские власти оправдывали решение обойтись без действующей спасательной службы, утверждая, что подводная лодка непотопляема.

В тихом провинциальном городе Курске 14 августа, в понедельник, текла спокойная размеренная летняя жизнь. На улицах было мало народу, многие заводы не работали.

Город, прославившийся во время битвы на Курской дуге, ставшей поворотным пунктом во время Второй мировой войны, расположен на холмах и окружен полями пшеницы, ржи и подсолнечника. С распадом Советского Союза Курск оказался лишь в ста километрах от независимой Украины, но сохранял патристическую общность с Россией и гордился тем, что его имя было присвоено самой современной российской атомной подводной лодке.

Валентина Старосельцева, сын которой, Дмитрий, был моряком на «Курске», сидела за своим столом в медицинской части шарикоподшипникового завода, где она работала физиотерапевтом. Но вместо того чтобы проводить обследование пациентов, она упаковывала посылку для сына. Она положила туда печенье, конфеты, ручки, одноразовые бритвы, бумагу и тетради — словом, все, чего так не хватало в Видяево, где находился Дима.

В три часа дня по телевизору передавали выпуск новостей. Валентина не обратила на него внимания. Внезапно она поняла, что диктор говорит о несчастном случае на борту «Курска». Валентина отложила посылку и стала слушать внимательнее. Дима ранее написал ей, что через три дня уходит в море. Она поняла, что с «Курском» произошло несчастье и ее сын находится на корабле.

В тот вечер во всех российских телевизионных выпусках новостей преобладала тема «Курска». Каждый час информационные службы

передавали новые данные. Вскоре пресс-службы сообщили, что радиосвязь с кораблем прервалась и единственным признаком жизни был стук, исходящий изнутри корабля. Также давались разные цифры о количестве людей на борту: вначале от 107 до 130, затем 116 или 117 и наконец 118. Такие изменения заставляли предполагать, что официальные власти пытались скрыть присутствие гражданских специалистов на борту.

Когда армада российских кораблей собралась на месте происшествия в Баренцевом море, две спасательные бригады производили неоднократные погружения, но не могли добраться до борта «Курска». Сообщалось о сильном шторме в этом районе и о том, что спасательная команда не могла приблизиться к «Курску» вследствие того, что он затонул под острым углом, кроме того, сильное подводное течение, плохая видимость (всего 2 метра) и поднятый со дна ил мешали работе спасательной команды.

Великобритания, Норвегия и Соединенные Штаты предложили свою помощь в спасении моряков. И в Великобритании и в Норвегии есть хорошо обученные водолазы; Великобритания, кроме того, предложила свою мини-субмарину «LR-5», способную сопротивляться подводным течениям и оборудованную специальным соединительным тросом, позволяющим зацепиться за люк подводной лодки независимо от ее наклона. Однако российское правительство ответило отказом на все предложения. Представитель Министерства обороны заявил, что у России есть все необходимое для спасения людей и присутствие иностранных кораблей лишь внесет путаницу в ход операции, да и технические параметры спасательных кораблей НАТО не совпадают с параметрами российской подводной лодки.

Морские службы начали также высказывать предположения, что причиной аварии стало столкновение с иностранной подводной лодкой. Такое предположение было опровергнуто Соединенными Штатами и Великобританией, единственными державами, чьи подводные лодки находились в данном районе, но российское верховное командование беспрестанно повторяло это, до некоторой степени отвлекая внимание от вопросов о некомпетентности командования.

Старосельцева сидела дома с друзьями. Она не могла ни есть, ни спать. Слушать официальную информацию не имело смысла. Что значит: лодка «лежит на дне»? Она затонула или просто отдыхает там? Если работа спасательной бригады продвигается «удовлетвори-

тельно», то почему люди до сих пор заперты в корабле? И почему власти отказываются принимать помощь других государств?

Непрерывно звонил телефон. Мать и отчим Алексея Некрасова, друга Димы, который служил вместе с ним на «Курске», звонили из деревни, где они жили, в 50 километрах от Курска. Отчим Алексея, Владимир Шаляпин, в прошлом подводник, сказал Валентине, что на основании поступающей информации можно предположить, что их сыновья живы. Старосельцевой также позвонила Валентина Будикина, председатель местного Комитета солдатских матерей, и сообщила, что ей удалось связаться с верховным командованием Военно-Морского флота и что для родственников команды «Курска» организуется поездка в Видяево.

Днем 15 августа, во вторник, число кораблей на месте происшествия увеличилось с пятнадцати до двадцати двух. Здесь находился «Михаил Рудницкий», который доставил на своем борту две мини-субмарины, «Приц» и «Бестер». Однако вскоре стало ясно, что усилия по спасению лодки фактически ни к чему не привели. Мини-субмарины снова и снова погружались в воду, но не могли зацепить крышку люка «Курска». Морские службы заявляли, что спасательные суда испытывают трудности в подстыковке к «Курску» из-за сильного повреждения стыковочного шпангоута вокруг люка, но они продолжают слышать стук внутри подводной лодки. В то же самое время водолазная служба сделала первые фотографии «Курска». По ним было видно, что весь носовой отсек снесен, как будто отрублен гильотиной.

Теперь стало ясно, что если на «Курске» кто-то и уцелел, они должны были находиться в задних отсеках лодки, расположенных дальше всего от взрыва. Но даже там морякам угрожали затопление ледяной водой и быстрое уменьшение запасов воздуха.

Весь ужас создавшейся ситуации обрисовали военные врачи, интервью которых было опубликовано в прессе. Валерий Матлин, военноморской врач из Владивостока, принимавший участие во многих спасательных операциях, писал:

Основными проблемами являлись холод, отсутствие света, возможно, пищи и избыточное давление воздуха, которое вызывает онемение конечностей ... но при такой низкой температуре это практически незаметно и приписывается действию холода. Если система очистки воздуха вышла из строя, в нем может быть избыток углекислого газа и в связи с этим — понижение двигательных функций, сонливость и повышенное потоотделение, в результате

чего моряков бросает из жара в холод. Кроме того, замедление метаболизма нарушает функцию кишечника, что вызывает запоры и резкую боль в животе.

Но самое страшное — это ослабление сопротивляемости организма и полное непонимание происходящего. Ребята совершенно не осознают своего положения. Они находятся в состоянии эйфории и уходят из жизни, не отдавая себе в этом отчета³.

Октай Ибрагимов, главный психиатр Тихоокеанского флота, отмечал: «Данная ситуация усугубляется низкой температурой, при которой ускоряется процесс нарушения душевного равновесия... Конечно, на них оказывает воздействие отсутствие света; люди не знают, сколько часов они провели в подводном плену. Судя по всему, моряки «Курска» совершенно дезориентированы во времени. Но, несмотря ни на что, я сомневаюсь в том, что на борту возник массовый психоз: вероятно, там очень сильные личности»⁴.

Во вторник вечером военно-морские службы впервые признали возможность фатального исхода. Командующий флотом Владимир Куроедов сказал, что, принимая во внимание катастрофическое разрушение носового отсека субмарины, некоторые моряки, несомненно, погибли. Он заявил, что будут предприняты усилия для спасения тех, кому удалось выжить, но выразил сомнение, явившееся резким контрастом по отношению к высказываемым ранее оптимистичным утверждениям: «Боюсь, что надежда на спасение моряков невелика». Отвечая на вопросы журналистов, Куроедов говорил, что многое зависит от ситуации внутри подводной лодки, но он будет сохранять надежду до 18 августа.

Случившееся потрясло обыкновенных россиян, которые отождествляли себя с моряками, запертыми в железном гробу на морском дне. Тысячи людей шли в церковь, зажигали свечи и молились за спасение моряков. Со всех концов страны стекались денежные пожертвования в фонд помощи семьям команды «Курска». Среди них были даже пожертвования от бедных пенсионеров, некоторые из них могли внести не более пяти рублей.

В кабинете Комитета солдатских матерей Курска собрались родственники моряков с чемоданами и сумками с едой, готовые ехать на север. Можно было видеть сцены страдания и замешательства. Первые несколько дней многие родственники моряков верили властям, но по мере того как проходили драгоценные часы и становилось очевидным заблуждение, в которое власти вводили людей, их страх постоянно нарастал.

В атмосфере растущего отчаяния члены семей моряков стали открыто высказывать властям свои подозрения. Многие не могли понять, почему Путин продолжает свой отдых в Сочи, а не летит в Видьево. Также вызывали подозрение непрерывные отказы властей принять иностранную помощь. Некоторые начали открыто высказываться, что действительная причина, по которой власти отказывались от помощи иностранных государств, заключалась в том, что они боялись разглашать военные секреты, даже если это стоило жизни морякам⁵.

На месте катастрофы непрерывно продолжали свои погружения спасательные суда и мини-субмарины, но они не могли добраться до «Курска». Военно-морские службы, однако, сообщали, что с субмариной поддерживается «контакт» и спасательные операции проводятся «согласно плану».

Помогая Будикиной организовать поездку в Комитет солдатских матерей, Валентина слушала выпуски новостей по радио и телевидению. Из непрерывно идущих сообщений было ясно, что внимание всего мира приковано к драме находившихся в заточении моряков. В Соединенных Штатах сообщения о «Курске» явно диссонировали с положениями Национальной демократической конвенции, поэтому представитель Государственного департамента заявил: «Нас очень беспокоит судьба экипажа подводной лодки, и мы надеемся, что операция по его спасению пройдет успешно». Во всех странах Западной Европы передачи всех телевизионных каналов начинались и заканчивались сообщениями о «Курске». Лондонская газета «Таймс» писала: «Кошмар — это слово лучше всего подходит для описания состояния в данный момент моряков на борту подводной лодки „Курск“. Аварийные огни горят в темноте, трудно дышать, пронизывающий холод и леденящий душу страх. Моряков поддерживает лишь надежда на спасение и вера в то, что они любой ценой должны продержаться и дожидаться спасения»⁶.

Накануне в среду вечером 16 августа появились признаки того, что международная реакция на несчастье возымела действие. В телевизионных новостях сообщили, что после звонка президента Клинтона Путин приказал военно-морскому командованию принять помощь из любого источника. Услышав это, Валентина вздохнула с облегчением. Она была убеждена, что судьба ее сына находится в руках не России, а Великобритании и Норвегии.

В четверг 17 августа в 16.30 Валентина с дочерью Инной вместе с другими 14 родственниками членов команды «Курска» сели в Курске на

поезд Симферополь—Мурманск. Они хотели ехать все вместе, и к поезду был прицеплен дополнительный вагон. Родственников провожала большая группа репортеров и друзей. Но по мере того как поезд удалялся на север через сердце России, родственники уходили в себя и почти не разговаривали друг с другом. Наступила ночь, и только станционные огни деревень мерцали в темноте. Валентина спросила Шаляпина, каковы, по его мнению, шансы их детей на спасение. Он на мгновение заколебался и ответил: «Пятьдесят на пятьдесят».

В 0.30 поезд прибыл в Москву, но никто не вышел из него, чтобы купить минеральной воды или покурить на платформе. В последнем вагоне было совершенно темно. На следующее утро поезд сделал остановку в Петрозаводске, где на платформе стояла толпа сочувствующих. Они принесли еду — кастрюлю с горячей вареной картошкой — и выкрикивали слова ободрения.

С этого момента сочувствующие встречали поезд на каждой станции, предлагая родственникам продукты, деньги и слова поддержки. Но такие проявления чувств почти не меняли настроения пассажиров, которые были погружены в себя и находились как будто в тумане. Проводница потом рассказывала репортерам, что в их присутствии у нее поднималось давление и болело сердце.

На вторую ночь поезд миновал лесную зону, пересек Полярный круг и мчался меж голых холмов, утыканных карликовыми соснами. Надежда Шаляпина показала Валентине номер «Комсомольской правды» с фотографиями их сыновей, который она купила перед тем, как сесть на поезд в Курске. «Вот мой сын, а рядом с ним его друг Дима, — произнесла она. — Я думаю, наши ребята не сидят сложа руки. Они делают все, чтобы выжить. Я верю, что мой сын выживет». Валентина согласилась с ней, потом закрыла глаза и попыталась отдохнуть. Через два часа поезд прибыл в Мурманск.

Тем временем норвежские корабли «Морской орел» с норвежскими водолазами на борту и «Нормандский пионер», на борту которого находилась британская мини-субмарина «LR-5», направлялись в Баренцево море. Норвежские водолазы собирались подготовить «Курск» к прибытию «LR-5», который затем должен был присоединиться к российской подводной лодке.

Когда родственники моряков сошли с поезда в Мурманске, их встретила военно-морская охрана и проводила в автобус, который отвез их в гостиницу в Видяево. В Видяево море было спокойным. Одна из матерей заметила, что единственное, что Бог подарил им, это хорошую солнечную погоду.

В тот вечер Валентина пошла в церковь и помолилась за жизнь своего сына. Члены семей прибывали со всех концов страны, надежда у них оставалась только на норвежцев, которые, по данным радио- и телевизионных сообщений, то ли уже начали, то ли собирались начать спасательные операции. На службе присутствовало около 30 родственников членов экипажа. Некоторые из них были в церкви впервые за всю свою жизнь. Священник, отец Аристарх, сказал: «Возможно, некоторые члены экипажа уже мертвы, а некоторые живы. Мы будем молиться за тех, кто остался жив».

После службы Валентина и Инна вернулись в гостиницу и слушали по телевизору последние известия. Михаил Моцак, главнокомандующий Северного флота, сказал, что оставалась надежда найти уцелевших моряков в 7, 8 и 9-м отсеках. Однако Валентина больше не верила ни во что. Прошло уже семь дней с тех пор, как «Курск» затонул, и четыре дня с тех пор, как был слышен последний стук изнутри корабля. Слишком сложно было поверить в то, что моряки еще живы. Когда они с Инной пошли в свою комнату, Валентина сказала: «Дима мертв. Бесполезно продолжать обманывать себя». Проговорив это, она разрыдалась.

«Морской орел» и «Нормандский пионер» по пути в Баренцево море достигли мыса Нордкап в Норвегии. Для облегчения работы водолазов норвежские специалисты попросили у России выслать им информацию о подводных течениях и о том, под каким углом лежит субмарина, а также схемы расположения внутренних и внешних люков. Но вместо официальных чертежей им были переданы рисунки от руки и записи, от которых было мало пользы. Когда норвежцы пожаловались на то, что рисунки неподходящие и попросили российскую сторону немедленно выслать морскую команду, которая смогла бы объяснить систему управления «Курском» специалистам на норвежской базе в Вардно, российская сторона заявила, что консультации будут проводиться на месте после прибытия кораблей. В конце концов, она послала команду в Вардно, но данная ею информация, хоть и более подробная, была неточной.

В субботу 19 августа, когда прошла уже целая неделя после взрыва, два норвежских корабля достигли пункта в 20 милях от места происшествия, где были остановлены российскими военно-морскими силами. Об этом сообщили адмиралу Эйнару Скоргену, командующему вооруженными силами Северной Норвегии, который позвонил адмиралу Владиславу Попову, главнокомандующему Северным флотом, и спросил его о том, что происходит. Попов объяснил, что российские

специалисты хотят сделать последнюю попытку спасти моряков своими силами. Шокированный и потрясенный, Скорген заявил, что если норвежским кораблям не позволят немедленно продолжать свой путь, они вернутся домой. После этого русская сторона пропустила «Морского орла», но продолжала задерживать «Нормандского пионера». В воскресенье утром четыре норвежских водолаза спустились на водолазном судне к «Курску». Они увидели, что состояние корабля хорошее и что, вопреки утверждениям российских военно-морских властей, подводное течение было несильным. Позже им без труда удалось встать на поверхность подводной лодки. Водолазы установили, также вопреки утверждению официальных российских источников, что субмарина лежала не под острым углом, а была наклонена всего лишь на 10–20 %. Это упрощало задачу состыковки с люком и не создавало проблем для мини-субмарины «LR-5». Спасатели также обнаружили, что как наружный люк на корме, так и стыковочный шпангоут были совершенно не повреждены. Это означало, что в течение долгого времени сохранялись все условия для успешного спасения моряков. Начав спасательные работы, норвежские водолазы заметили многочисленные отметины на корпусе подводной лодки, в тех местах, где об нее многократно ударялись неумело маневрирующие российские спасательные суда.

Водолазы начали стучать по субмарине в районе люка и простукивали в течение получаса, надеясь получить отклик изнутри. Их стук передавался по кабелю, соединяющему их с водолазным колоколом, находящимся на «Морском орле» наверху. Когда ответа не последовало, они попытались открыть наружный люк. При этом произошла задержка, поскольку российские специалисты сообщили им, что рабочее колесо в верхней части люка нужно крутить в одну сторону, а на самом деле его нужно было поворачивать в другую. Российская сторона также дезинформировала норвежцев, каким образом нужно открывать вентиляционное отверстие.

Работа норвежских водолазов продолжалась все утро, до тех пор, пока методом проб и ошибок им не удалось открыть наружный люк. Они увидели, что шлюзовая камера, разделяющая наружный и внутренний люки, затоплена водой. Следующим шагом было вызвать LR-5, подсоединить его к субмарине и выкачать воду из пространства между люками, чтобы спасатели смогли войти в самую подводную лодку. Но перед тем как приступить к этому, надо было установить, на самом ли деле «Курск» затоплен водой. Если в задних отсеках был воздух, еще имелся шанс на спасение кого-то из моряков.

Водолазы не смогли проникнуть в шлюзовую камеру в своих громоздких костюмах, поэтому специалист на борту «Морского орла» приготовил специальный инструмент. С его помощью нижний люк удалось открыть наполовину. После этого водолазы использовали автоматическое устройство, которое помогло открыть нижний люк. Из отсека вышел остаток газа, и спасатели увидели, что отсек полностью затоплен. Они поняли, что не было смысла вызывать LR-5, поскольку никого из команды «Курска» не было в живых.

20 августа Валентина четыре раза ходила в церковь. В гостинице морские офицеры встречались с родственниками членов команды, в каждый номер заходили врачи и спрашивали, нужна ли кому-нибудь помощь. Все знали о том, что скоро станет известно о норвежской спасательной операции, и с тревогой ждали новостей.

В 18.00 передавали вечерний выпуск новостей. Все члены семей собрались у телевизоров в холле гостиницы. Диктор объявил, что у него есть важное сообщение о судьбе «Курска». Норвежские водолазы открыли люки на корме и обнаружили, что подводная лодка затоплена. Это означало, что больше не оставалось никакой надежды на то, что кто-нибудь из членов экипажа остался в живых и работа спасателей теперь будет прекращена. После этого сообщения на экране появился адмирал Попов и сказал, что в силу указанных обстоятельств большинство моряков жили не более трех минут. «Мы, пытаюсь спасти людей, делали все, что в наших силах... Простите меня, что я не смог защитить ваших мужчин». Члены семей залились слезами. Тамара Анненкова, мать Юрия, одного из членов команды из Курской области, потеряла сознание. Другие родственники в скорби разошлись по своим комнатам. Идя по коридору, Будикина слышала только плач. Ей казалось, что стены гостиницы почернели.

В последующие дни представители Северного флота приходили побеседовать с членами семей, как будто для того, чтобы ответить на их вопросы, но эти встречи лишь усиливали подозрение. Родственники спрашивали, как можно было проводить военные учения с участием атомных подводных лодок без надлежащего спасательного снаряжения. Они также задавали вопросы, почему власти не сразу приняли иностранную помощь. Но ни на один из них не было получено компетентного ответа.

В течение недели, пока на «Курске» не были открыты люки, российское военно-морское командование неоднократно заявляло, что с подводной лодки слышны сигналы и некоторые моряки выживут до пятницы 18 августа или даже дольше. Некоторые должностные лица

предсказывали, что кислорода на подводной лодке может хватить до 25 августа. Однако после окончания миссии спасателей официальные власти делали заявления, что все моряки погибли мгновенно, и что не было никакой реальной возможности их спасти. Илья Клебанов, первый заместитель премьер-министра, утверждал что стук исходил не от моряков, а от разбитого снаряжения внутри подводной лодки.

Некоторые из родственников начали уезжать из Видяево, но Валентина не могла заставить себя сделать это. Ей было необходимо постоянно видеть молодых моряков в военно-морской форме, которую носил ее сын. Так она ощущала себя ближе к нему.

Во вторник 22 августа большая толпа родственников собралась в Доме офицеров и в 13.00 на встречу с ними прибыли Куроедов, Попов, Клебанов (на которых были возложены полномочия по расследованию данного инцидента) и Юрий Евдокимов, губернатор Мурманской области. В зале находилось 215 человек, в том числе 6 беременных женщин.

Для каждого из собравшихся наиболее болезненным был вопрос о запоздалом принятии иностранной помощи. Увидев скорость, с которой норвежские водолазы открывали люки «Курска», многие родственники пришли к заключению, что если бы норвежцев вызвали раньше, некоторых членов экипажа можно было бы спасти. В ответ на это Клебанов сказал: «Более раннее прибытие норвежских водолазов едва ли изменило бы ситуацию, потому что уже во второй половине дня 14 августа в живых, вероятно, не осталось никого из членов экипажа».

Почувствовав скептическое отношение зала, Куроедов спросил:

— Вы верите, что ребята живы?

— Да, — слышался ответ.

— Вы не доверяете командующим флотом?

— Нет! — закричали ему.

— Вас и Попова нужно отдать под суд, — закричала одна из женщин. — Вы опозорили себя перед всей Россией.

Был объявлен день траура по команде «Курска» и этот жест еще больше взволновал толпу. «Объявляют день траура и в результате прекращены все усилия по поискам. Мы даже не получили тел своих ребят». Куроедов сделал попытку ответить, но его прервали.

— Почему норвежские спасатели уезжают? Ведь они не спасли наших мужей!

— Почему вы не вызвали иностранных спасателей раньше? Чем вы занимались? Охраняли военные секреты?

— Я спасла своего сына из Чечни — отправила его во флот! Спасибо вам за то, что защитили его!

— Вы командир, который не умеет командовать. Снимите свои погоны! — От нас все скрывают, и от прессы тоже.

И, наконец, все голоса слились в едином вопле: «Не верьте ничему! Они намеренно не дают нам информацию. Они издеваются над нами!» Клебанов стоял у стены и хранил молчание, пока Куроедов пытался отвечать на вопросы. Внезапно одна из матерей приблизилась к нему, с криком схватила за галстук и начала душить. Два охранника немедленно оттащили ее и увели.

Многие из родственников были не в состоянии поверить, что их мужья и сыновья мертвы. Они настаивали на том, что те еще живут на единственном пузырьке воздуха в лодке, ожидая помощи. Обезумевшие от горя люди отказывались слушать какие-либо аргументы, оправдывающие поведение властей.

Наблюдая за происходящим, Валентина невольно сочувствовала Куроедову и Клебанову. Когда началась массовая истерия, Валентина поняла, что больше не в состоянии этого выносить, встала и ушла. Встреча с командованием должна была продлиться не более десяти минут, но в действительности продолжалась полтора часа.

В тот вечер Путин, приехавший в Видяево еще до этой встречи, также беседовал с членами семей. Он стоял на возвышении в зале заседаний неподалеку от Куроедова и Попова⁷. Путин выразил соболезнования по случаю этой «страшной трагедии». «Это страшная трагедия. Трудно даже вообразить такое, и для меня это также невыносимо... Для вас не секрет, что наша страна находится в трудном положении и наши вооруженные силы тоже. Но я не мог и представить себе, что они находятся в таком состоянии».

Женщина (кричит): Почему сразу не позвали иностранных специалистов? Почему?

Путин: Я отвечу. ...Лодки эти конструировались сразу же со средствами индивидуального спасения для лодки... и все эти средства спасения — в ней. И Северный флот этими средствами спасения располагал. Поэтому на мой первый вопрос — Сергеев позвонил мне 13-го в семь утра....

Мужчина: В субботу пропала лодка, а позвонили в воскресенье!

Путин: ...секундочку. Утратили контакт с лодкой... в 23 часа 12-го⁸. Начали искать. В 4 часа 30 минут нашли. 13-го. ...Я об этом ничего не знал. О том, что происходит. Мне министр обороны позвонил 13-го в семь утра и сообщил: «Владимир Владимирович, во время учений нештатная ситуация, утрачен контакт с лодкой, мы ее нашли, она лежит на грунте... развернули спасательные работы...» Мой первый вопрос: Игорь Дмитриевич, что с реактором? И что мы можем сделать для спасения людей? ...Нужна ли вам какая-нибудь помощь от любого министерства, ведомства, от страны? Вся страна готова помочь... Ответ был в общем-то понятным. Ну, теперь понятным. Действительно, военные считали, что у них в руках есть... все средства спасения... Что касается иностранной помощи. Сразу же, как только иностранная помощь была предложена — это было 15-го числа, — так сразу же с ней Куроедов согласился... (Шум в зале, крики).

Путин: Это правда, правда. Телевидение? Значит, врет. Значит, врет. Значит, врет. Там есть на телевидении люди, которые сегодня орут больше всех и которые в течение 10 лет разрушали ту самую армию и флот, на которых сегодня гибнут люди. Вот сегодня они в первых рядах защитников этой армии. Тоже с целью дискредитации и окончательного развала армии и флота. За несколько лет они денег наворовали и теперь покупают всех и вся! Законы такие сделали!

Мужчина: ...Почему нашу... <лодку> которая нужна, чтобы спасти кого-то, ее на иголки списали?

Путин: ...15-го числа впервые военные атташе официально предложили помощь... 21-го они залезли в отсек. На шестой день. Мы считаем, что, если бы сразу же военные наши не понадеялись на свои спасательные средства... если бы сразу 13-го обратились к норвежцам... 19-го они бы залезли в лодку... теперь по поводу вот этих спасательных средств. Развалили все средства, нету ни шиша. В стране нет ни шиша! Вот и все...

Крики в зале: Так они есть или нет? Вы же сказали...

Путин: Нет, я вам сказал, что у этих лодок, сконструированных в конце 80-х годов, есть специальные средства спасения... Вот именно поэтому они мне сразу ответили, что у нас все эти средства есть. Что касается аппаратуры для водолазов... Есть на Черном море и есть на Балтике, по-моему... Но для спасения этих лодок они не приспособлены... Вот и все...

Женщина (сквозь рыдания): Где же мой сын? Где мой сын?

Другая женщина: Сколько времени они будут поднимать, сколько нам ждать здесь?! Сколько мне еще ждать сына?

Путин: Что касается... Я вас понимаю и понимаю, что невозможно уехать и сидеть невозможно...

Женщина: А вы им <военным> доверяете? Да надо их посадить. Они же Вас, президента, обманули.

Путин: Нельзя сказать, что они обманули... Ведь они правду сказали. Эти спасательные средства были. Но не сработали...

Путин: Они говорили, что аппараты для спасения у них есть...

Крики: 50-х годов...

Мужчина: Правильно ли мы поняли, что работа со спасательными снарядами... была узаконенная, предусмотренная всеми документами?

Путин: Да.

Мужчина: А все что творилось с водолазами, — это импровизация?..

Путин: Да... Штатные спасательные работы были закончены неудачно.

Мужчина: А траур объявлен и считают погибшими, потому что нет средств на это и времени?

Путин: На что нет?

Крик: На водолазов.

Мужчина: ...Мы не поняли друг друга. Я... еще раз повторяю вопрос: если у нас предусмотрены штатно только спасательные снаряды и больше ничего у нас в России нет... Значит... когда нам говорили, что все средства использованы, самые наилучшие из них, потому что другого ничего нет...

Путин: Да нет, рассчитывали на эти средства....

Мужчина: Все эти средства рассчитаны для работы чуть ли не на ровном киле....

Путин: Так рассчитано.

Мужчина: А не при всех этих реальных повреждениях, которые там были....

Крики: Запустили аварийно-спасательную службу!

Женщина (кричит): Восемь дней! Уже было видно на второй день, что ничего не получается....

Путин: ...Восемь дней не получалось, потому что им не давал работать шторм...

Юноша: Норвеги залезли за один час!

Путин: Норвежцы пришли на пятый день, а залезли на шестой. И у правительства Норвегии нет, кстати, таких водолазов, они коммерческих взяли... Они вручную работали, по-простому... Просто подошли, подобрали ключи. Сделали ключ...

Из зала: А мы не могли. Господи...

24 августа, в четверг, через два дня после встречи с Путиным была проведена панихида по команде «Курска»⁹. «Кладите сюда гирлянды! Не бросайте сигареты!»

Автобусы с членами семей подошли к остановке у причала, где их уже ожидал пароход «Клавдия Еланская», чтобы повезти в Баренцево море. — Ох! — кричала какая-то бабушка, крепко держась за своих внуков. — Он никогда не вернется к нам.

— Наши дети живы! — кричала другая женщина, размахивая кулаками. — Не смейте хоронить их!

Половина родственников смирилась со смертью своих близких, а другая половина нет, и не хотела и слышать ни о каких похоронах, требуя продолжения спасательных работ. Люди упрямо верили, что их сыновья живы, возможно, по горло в воде и медленно задыхаются.

Оркестр заиграл похоронный марш. Несколько женщин потеряли сознание. Какую-то женщину в черном поддерживали родственники. Она сжимала в руках красные гвоздики, которые смотрелись как капли крови на фоне белых халатов ожидающих рядом докторов. В течение одного вечера в администрацию района было доставлено 2000 цветов. Ими был устлан трап, ведущий к кораблю. «Для церемониального марша в память о наших героически погибших товарищах, становись! Равнение на памятник». Старушка упала, но ее подхватили.

У причалов стояли ряды подводных лодок. У половины из них корпус находился под водой. Перед кораблем вслух читали имена:

— Лячина! Дудко!

— Здесь.

— Матрос Сидюхин! Мама и папа!

Холмы на фьорде казались фиолетовыми, вода — ярко-бирюзовой. Огромная красная медуза подплыла к кораблю. Местные жители говорили, что вода здесь обычно бывает серой или серо-зеленой, но она изменила свой цвет на бирюзовый в тот день, когда пропал «Курск».

«Уважаемые гости, — объявили по радио, — если кому-то нужна медицинская помощь, обращайтесь к врачу». Бесплатно давали кофе и чай. Люди не могли больше стоять на ногах. Их посадили за стол. Оказалось, что корабль не пойдет к месту трагедии, до которого было 6 ча-

сов хода. Он поплывет лишь в открытое море. Когда родственники узнали об этом, они стали высказывать недовольство, но были слишком измучены, чтобы что-то предпринять.

Иван Нидзиев, заместитель командующего дивизии атомных подводных лодок, объяснял репортеру, что родственников не повезут к месту аварии по требованию докторов. «Они могут попытаться прыгнуть с борта». Раздался громогласный голос:

— Эй, на корабле, приготовьтесь к возложению венков! Стоять! На корабле, приготовьтесь к оказанию последних почестей героически погибшим морякам подводной лодки Северного флота «Курск».

В полном молчании отец Аристарх провел православную поминальную службу. Имам Хатиб читал Коран — на «Курске» служило 8 мусульман.

«Приспустить флаг! Венки в воду!» Прозвучала сирена, и цветы бросили в море. Возле перил стояла женщина и сотрясалась от плача. Все рыдали. Венки качались на волнах. Здесь были венки, присланные Думой, правительством и от города; все они проплывали мимо корабля. Последней была брошена в воду шелковая женская шаль.

В течение 15 минут корабль совершал прощальный круг вокруг венков. После этого всем стало легче.

— Успокойтесь, — сказал мулла, — Видите, на горизонте идет дождь. Согласно исламским обычаям — это хорошая примета. Это означает, что умирает очень хороший человек.

— Поднять флаг! Курс на базу!

Стало накрапывать. Каждому из родственников дали пластиковую бутылку с водой из Баренцева моря, которая символически касалась останков их любимых близких. Лица людей стали спокойнее. Несмотря на все свои недостатки, церемония явилась для членов семьи неким подведением итогов. Теперь, после этого ритуала — по крайней мере, в их сердцах — тела их близких упокоились с миром.

— На этом все, отец, — сказала одна молодая женщина. — Теперь мы можем ехать домой.

После поминальной службы родственники членов команды «Курска» начали возвращаться домой. 24 августа уехала в Курск и Валентина. У нее было чувство опустошенности, ее переполняла горечь несправедливости, что у нее отняли единственного сына. Дома трое друзей сказали ей, что видели сон о том, что Дима был жив и спрашивал ее: «Почему прекратили спасательные работы?»

Проходили недели, для родственников команды «Курск» жизнь возвращалась в свою колею. На стене дома Валентины появилась посвященная Диме мемориальная доска, которая гласила, что он «героически» погиб на борту атомной подводной лодки «Курск». В Курске был воздвигнут памятник семи членам экипажа из Курской области. Анненковой дали новый дом взамен лачуги в деревне Подасовка, где она много лет жила без домашних удобств.

Но даже тех, кто смирился со смертью членов команды, одолевало несколько вопросов: если было ясно с самого начала, что все моряки сразу погибли, почему были сообщения о стуке изнутри субмарины и о скором успехе российской спасательной службы? И наоборот, если были признаки того, что моряки выжили после первых взрывов, почему российские власти выжидали 5 дней, прежде чем попросить иностранцев о помощи?

Валентина не знала ответов на эти вопросы, но она была убеждена, что спасение жизней членов команды не очень заботило правительство. Тем не менее ее осмысление того, что происходило с «Курском», оставалось туманным — до тех пор пока до нее не дошло послание от самих погибших о том, как это было на самом деле.

Под давлением общественности Путин пообещал поднять тела моряков. Российских водолазов на несколько недель отправили в Норвегию для интенсивного обучения. 20 октября команда российских и норвежских водолазов спустилась к подводной лодке и начала вырезать отверстие в наружном корпусе над 8-м и 9-м отсеками. 25 октября водолазы проникли в лодку.

Такая операция по подъему лодки была необычной для российских вооруженных сил, но властям, дискредитировавшим себя вопиюще беспомощным поведением во время аварии с «Курском», уже ничего не оставалось, кроме как попытаться провести данную операцию¹⁰.

В течение последующих нескольких дней, перед тем как операция была временно приостановлена из-за сильных штормов, четыре тела были найдены и подняты на поверхность. Одним из обнаруженных оказался капитан-лейтенант Дмитрий Колесников. В его кармане водолазы нашли завернутую в целлофановый пакет записку, написанную между 13.34 и 15.15 часами 12 августа. Колесников писал, что в 12.58 все моряки из 6, 7 и 8-го отсеков перешли в 9-й отсек. «Нас здесь 23 человека, — писал он — Мы приняли это решение в результате аварии. Никто из нас не может подняться наверх». Затем он перечислил имена выживших, которые находились в 9-м отсеке, вместе

с их личными номерами. В конце записки было послание к его жене. В начале записки почерк четкий, но под конец слова стали неразборчивы. «Я пишу на ощупь».

Часть послания прочитали по государственному телевидению. Решение Куроедова обнародовать его было встречено с благодарностью и уважением со стороны российских военно-морских служб, хотя высказывались соображения, что Куроедов обнародовал послание выборочно, скрыв, таким образом, его содержание от общественности. Военно-морские власти заявили, что не обнародовали полный текст послания, так как часть его носила личный характер. Однако нельзя доподлинно утверждать, было ли это истинной причиной того, что послание опубликовали не полностью.

В начале ноября работа водолазов возобновилась, и тела еще восьми моряков были подняты с «Курска». После этого работы прекратились из-за ухудшения погоды и повышения риска для водолазов, с трудом маневрировавших внутри разбитой субмарины. 9 ноября заместитель командующего Северным флотом Владимир Доброскоченко на встрече с родственниками команды рассказал о существовании второй записки, найденной в одежде капитан-лейтенанта Рашида Аряпова. Записка была написана на странице, вырванной из детективного романа и завернута в полиэтилен. Пресса о существовании этой второй записки, однако, умолчала.

Сообщение о том, что по крайней мере 23 моряка пережили взрыв, повергло членов семей в шок. Даже тех, кто верил, что их сыновья и мужья находились в переднем отсеке, ужасала мысль об уцелевших моряках, которые замерзали и задыхались, в то время как российские власти отказывались попросить столь необходимую иностранную помощь.

По прошествии недель становилось ясно, что российские военно-морские силы никогда бы не смогли спасти моряков сами, потому что у них не было ни водолазов, ни обученного спасательного персонала. В свете этого уверения Клебанова, что все 118 членов команды погибли одновременно, казались ничем иным, как попыткой скрыть безразличие военно-морских сил к жизни своих же моряков.

В то же время был и другой вопрос по поводу аварии «Курска»: что послужило ее причиной?

Во время катастрофы заявления российских властей, что «Курск» был потоплен иностранной подводной лодкой, были опровергнуты правительствами западных стран и звучали диссонансом на фоне об-

щей трагедии. Для многих людей гораздо важнее была неспособность военно-морских служб действовать быстро для спасения выживших моряков. Но для многих российских военных и политических лидеров действительно гораздо важнее была истинная причина гибели «Курска». Жизни не возвратишь, но некомпетентность России в обращении с оружием дискредитировала ее притязания на роль великой державы. Согласно одному подсчету, на «Курске» взорвался весь запас торпед мощностью, эквивалентной семи тоннам тротила. Подобного несчастья не знал ни один военно-морской флот в мирное время¹¹.

25 октября, когда останки капитан-лейтенанта Колесникова были подняты на поверхность, Куроедов высказался, что он на 80% уверен в том, что причиной аварии было столкновение с иностранной подводной лодкой, и что он постарается установить и сообщит миру, чья это была лодка. Но 26 февраля 2001 года в «Известиях» появилось сообщение о второй записке, в которой Аряпов связывал с аварией взрыв экспериментальной торпеды. За два дня до этого «Комсомольская правда» привела цитаты из высказывания «капитана первого ранга К.», командира другой атомной подводной лодки, который видел эту записку и писал, что в ней давалась хроника разрушения «Курска». «Представьте, вы едете в поезде, в закрытом купе без окон, и поезд начинает рушиться под откос, а вы все это фиксируете»¹².

Аряпов служил в 6-м отсеке, где находился ядерный реактор. Значит, он мог быть в курсе того, что стало причиной первого взрыва. После второго взрыва моряки 6, 7 и 8-го отсеков нашли убежище в 9-м отсеке. Принимая во внимание указанные обстоятельства, записка Аряпова подтверждала, что «Курск» был разрушен взрывом в 1-м отсеке, но такое объяснение было менее удобно для властей.

Наиболее правдоподобное объяснение случившемуся с «Курском» было в то время едва замечено на фоне проведения спасательных операций. 17 августа, в четверг, на сайте официальной газеты российского Министерства обороны «Красная Звезда» была опубликована статья, в которой высказывалось предположение, что в аварии с «Курском» виновато решение правительства принять на вооружение более дешевые торпеды. Статью быстро удалили с сервера газеты, и она не была напечатана в пятничном номере.

Как следовало из данного материала, в 1998 году «Курск» был переоснащен на судостроительном заводе Северодвинска «Севмаш» новым видом торпед. Представители российского морского флота выступали против их установки, но фирма-изготовитель ратовала за их применение. Новые торпеды было трудно и опасно хранить, потому

что в них использовалось дешевое жидкое топливо вместо дорогих батарей серебряно-цинковых аккумуляторов. Такая «экономия» заставила лейтенанта Сергея Тылика написать своей матери: «У нас смерть на борту» — незадолго до того, как он ушел в свое последнее смертельное плавание¹³. В 1980-е годы в российском Военно-морском флоте перестали использовать жидкое топливо для двигателей новых ракет, так как его считали взрывоопасным.

18 августа в выпуске «Красной Звезды» первоначальная статья о причинах аварии на «Курске» была заменена статьей, в которой высказывались предположения, что «Курск» столкнулся с «неопознанным объектом». Такая перемена могла быть объяснена только давлением сверху.

После этого у Клебанова появилось законное право предполагать, что «Курск» затонул в результате столкновения: ведь именно Клебанов, возглавлявший оборонную промышленность, поддерживал применение новых торпед. У Куроедова также была причина принять теорию столкновения, так как на нем лежала ответственность за то, что он не поддержал военно-морских специалистов, возражавших против использования новых недорогих, но опасных торпед¹⁴.

Норвежские водолазы, производившие обследование «Курска» во время первой спасательной операции, видели, что разрушения внутри лодки были вызваны взрывом, а не столкновением с внешним объектом.

18 февраля 2001 года «Новая газета» сообщила, что комиссия по расследованию результатов аварии пришла к заключению: столкновения с иностранной подводной лодкой не было, однако публично об этом не заявила. Согласно данным, приведенным в газете, подробный анализ показал, что «Курск» затонул в результате неисправности своего собственного оружия или по фатальной ошибке оператора.

Газета писала: «случилось то, что не должно было случиться ни при каких обстоятельствах. В этом уверяли нас и самих себя ученые, конструкторы, кораблестроители, флотские начальники, руководившие учениями...»¹⁵. Именно с этой верой обреченная команда «Курска», самого современного и мощного вида вооружения в российском арсенале, отправилась в плавание, чтобы продемонстрировать мощь России НАТО и всему миру.

2. Рязань

**«Нельзя поверить в невозможное».
«Просто у тебя мало опыта, — заметила Королева. — В твоём возрасте я уделяла этому полчаса каждый день! В иные дни я успевала поверить в десяток невозможностей до завтрака!»**

Льюис Кэрролл. Алиса в Зазеркалье

Апрель 2000 года

Сгустились сумерки, машины оживленно сновали по улице Новоселов на окраине города Рязани, делая круг перед 12-этажным домом № 14/16. Покупатели толпились в новом гастрономе «День и ночь» на первом этаже здания, а жители дома возвращались с работы, набирали коды своих квартир и открывали новую тяжелую металлическую дверь подъезда.

Мало что в этой сцене говорило о том, что 22 сентября 1999 года на том месте, где в настоящее время стоит здание, могла находиться зияющая яма, и многие из тех, кто теперь спешит по своим делам, могли бы быть погребены под тоннами кирпича, если бы не чудо, которое спасло их от смерти.

Единственно, что напоминает об этом происшествии — металлическая дверь, установленная через несколько месяцев после того, как в основании здания обнаружили бомбу, из-за чего пришлось эвакуировать почти 250 человек. Город охватила паника, пока Федеральная служба безопасности не объявила, что это была не настоящая бомба, а муляж, помещенный туда для «испытания».

После инцидента жители дома говорили в интервью по телевидению и в прессе, что после этого случая у них возникли проблемы со здоровьем, а их дети бояться ложиться спать. Они дали понять, что не верят тому, что их эвакуировали из квартир в ходе испытания, и были убеждены, что кто-то — возможно, сама Федеральная служба безопасности — намеренно пытается одурачить их.

Пожилая женщина, входя в дом, сказала: «Это страшно даже произвести, но мне кажется — это было не тренировочное испытание».

«Чему я должен верить, — говорил 67-летний житель дома, — тому, что говорит правительство, или тому, что было в основании здания? Тогда спросите: кто несет ответственность за войну? Кому нужна эта война? Конечно, правительству». (На следующий день после этого инцидента правительство, обвиняя чеченских боевиков во взрывах жилых зданий в Москве, Волгодонске и Буйнакске, начало бомбить Грозный.)

«Власти пытаются замять все это и скрыть от народа, — сказала Татьяна Боричева, другая жительница дома — Я думаю, что это большая политическая игра. Здесь идет борьба за власть, а наша жизнь не стоит и копейки... [Они] хотели заставить чеченцев начать боевые действия и захватить власть».

Некоторые жители дома говорили, что собираются подать в суд на ФСБ. Другие проявляли большую осторожность. «Общее мнение гласит, что лучше нам не предъявлять им обвинения, — заметила Татьяна Лукичева, — или в следующий раз они на самом деле взорвут нас». Дом № 14/16 по улице Новоселов был построен в 1987 году Рязанским радиозаводом, и большинство его жителей работали на нем. В основном это были патриотически настроенные граждане, не склонные критиковать правительство. Но после «тренировочного испытания» и событий, последовавших за ним, они пришли к убеждению — в некоторых случаях впервые, — что их жизнь в глазах властей не имеет ценности. Осмысление этой ситуации началось в тот вечер, который обитатели дома № 14/16 по улице Новоселов теперь считают своим вторым рождением.

В 20.30 22 сентября Алексей Картофельников, водитель городского автобуса, вернулся в Рязань после выходных, проведенных на даче. Он поставил свою машину подальше от дома и отправился домой пешком. Когда он подошел к подъезду, его внимание привлекла белая «Лада», припаркованная перед входом, на заднем сиденье которой сидел мужчина. Последние две цифры на номерном знаке автомобиля были заклеены бумагой, на которой были написаны цифры 62, код Рязани. У входа стояла молодая блондинка и нервно оглядывалась по сторонам.

В свете произошедших за 18 дней в Буйнакске, Москве и Волгодонске взрывов четырех жилых зданий эта сцена показалась Картофельникову подозрительной. Он вошел в свою квартиру и набрал «02».

В это время Владимир Васильев, по профессии инженер, живший на восьмом этаже, возвращался домой и тоже заметил машину. Лист бумаги на заднем номерном знаке машины уже слетел, и появился номер 77, код Москвы. Васильев заметил, что номер на задней пане-

ли отличается от номера на передней. Блондинка, привлечшая внимание Картофельникова, теперь сидела с мужчиной в машине. Васильев поднялся на лифте до своей квартиры и также позвонил в милицию.

Картофельников непрерывно набирал «02», но номер был постоянно занят. Его дочь Юлия, 23-летняя студентка медицинской ординатуры, вышла на балкон, чтобы узнать, как разворачиваются события. Она увидела, что из подвала здания появился второй мужчина, посмотрел на часы и сел в машину, после чего она рванула с места с тремя пассажирами. В этот момент Картофельников дозвонился в милицию.

Картофельников описал увиденное им, но вначале милиция отказалась проводить расследование. Однако тот настаивал, и милиция согласилась приехать. Отец и дочь встретили милиционеров у подъезда в 21.30. Юлия предложила им пройти в подвал, чтобы убедиться, не оставили ли там что-нибудь люди из машины. Местные бомжи использовали подвал в качестве туалета, и милиционеры не хотели туда идти, но Юлия настаивала, и они, наконец, решили спуститься.

Несколько мгновений спустя один из милиционеров пулей вылетел наверх с криком: «Там бомба!» Другие два милиционера выбежали за ним, и один из них сказал Картофельникову: «Мы должны эвакуировать жителей дома».

В здании вскоре началась суматоха. Милиционеры стали стучать во все двери, приказывая людям покинуть квартиры. Жители вынимали грудных детей из ванночек, хватали документы и набрасывали на себя пальто. Те, кто был слишком болен или слаб, чтобы выйти самостоятельно, оставались на месте. Милиция окружила здание, а жители его, стоя на улице, смотрели, как милиционеры, включая Юрия Ткаченко, руководителя отряда саперов, входили в подвал. Толпа затихла в ожидании объявления, что все это ложная тревога. В подвале Ткаченко обезвредил взрывное устройство с часовым механизмом, а затем проверил три мешка с белым кристаллическим веществом портативным газовым анализатором МО-2, который показал наличие в мешках гексогена, взрывчатого вещества, использовавшегося во время взрывов домов в Буйнакске, Москве и Волгодонске. Теперь не было сомнений, что кто-то намеревался взорвать здание.

Милицейские и пожарные машины и автомобили технической помощи со всех концов города устремились к месту происшествия, а когда распространилась молва о том, что в подвале дома № 14/16 по улице Новоселов обнаружена бомба, жители соседних домов также в страхе по-

кинули свои жилища. Дело кончилось тем, что почти 30 000 обитателей района Дашково-Песочня, в котором находится дом № 14/16 по улице Новоселов, провели ночь на улице.

Милиционеры допросили Картофельникова, его дочь и Васильева и на основании их показаний составили фотороботы подозреваемых. Тем временем 1200 милиционеров были приведены в состояние боевой готовности, патрулировались железнодорожные вокзалы и аэропорт, а на всех шоссе при выезде из города были установлены контрольно-пропускные пункты. Милиция останавливала и проверяла каждую белую «Ладу».

Незадолго до полуночи генерал Александр Сергеев, начальник рязанской ФСБ, подъехал к дому № 14/16 по улице Новоселов и встретился у входа в здание с его жителями. «Можете считать, — сказал он, — что сегодня вечером вы родились заново». Он пообещал, что все смогут вернуться домой, как только станет ясно, что опасность миновала. Представитель ФСБ допросил Картофельникова, а после этого сказал ему: «Вы родились в рубашке»¹.

В половине второго ночи ФСБ увезла мешки и детонатор на небольшом грузовике. Жители дома продолжали бродить на холоде до 3 часов утра, пока не открылась дверь кинотеатра «Октябрь», расположенного через улицу, и его заведующая не принесла из дома посуду и не напоила всех чаем. Он, однако, почти не помог успокоению расшатанных нервов. Для людей, у которых было плохо с сердцем или поднималось давление, непрерывно вызывали «скорую».

Многие из тех, кто находился в кинотеатре, с трудом приходили в себя. Они понимали, что в подвал их дома кто-то подложил бомбу, но им сложно было осознать, что они и их семьи могли погибнуть. В 5 часов утра включили радио и жители дома слушали сводку новостей по Радио России о попытке взорвать здание. Диктор, рассказывая об инциденте, сообщил, что бомба должна была взорваться в половине шестого утра. После этих слов в театре воцарилась тишина, так как все понимали, что если бы бомбу не обнаружили, им осталось бы жить всего полчаса.

Наступило утро, Рязань походила на осажденный город. Улицы были запружены вооруженными милицейскими патрулями и военными курсантами. Милиционеры в бронежилетах с автоматами в руках оцепили все выезды из города. Длинные шеренги автомобилей и грузовиков растянулись на многие километры по дорогам, и милиция производила обыск каждой машины и пассажиров. Портреты трех террористов были приклеены буквально к каждому столбу и дереву.

В 8 утра Российское телевидение сообщило о попытке взорвать жилой дом в Рязани и процитировало официальные сообщения Рязанского МВД о том, что в бомбе было взрывчатое вещество гексоген. Утром по рязанскому телевидению выступил Сергеев и поздравил жителей дома со спасением при теракте. Некоторое время спустя по государственному телевидению выступил министр внутренних дел Владимир Рушайло с заявлением о том, что попытка террористов взорвать пятое по счету российское здание была предотвращена. Тем временем, когда по Рязани поползли слухи, что город выбран местом проведения террористического акта из-за расположения здесь 137-го Рязанского парашютно-десантного полка, Павел Маматов, глава администрации Рязани, отдал приказ опечатать все чердаки и подвалы города.

В 19 часов в вечерних новостях выступил председатель Правительства Путин с заявлением о том, что российские самолеты начали бомбить Грозный. Смысл сообщения в стране, ожидавшей новых террористических актов, был понятен: террористы покушались на жизнь невинных людей, а значит, они будут наказаны.

К вечеру 23 сентября на автостоянке была обнаружена брошенная белая «Лада». Через некоторое время был зафиксирован звонок в Москву — связистка, которая довольно долго оставалась на линии, успела поймать обрывок разговора. Звонивший сообщал, что у них не было возможности покинуть город незамеченными. Голос на другом конце провода ответил: «Разделитесь и выбирайтесь по отдельности».

Телефонистка доложила о звонке в милицию, которая установила номер звонившего. К их изумлению, звонили из ФСБ.

Через короткое время рязанская милиция, с помощью местного населения, арестовала двух террористов. При опознании задержанных выяснилось, что они работают в ФСБ. По распоряжению из Москвы их вскоре освободили. Теперь объяснение со стороны ФСБ РФ было неизбежно.

В пятницу 24 сентября директор ФСБ Николай Патрушев, выйдя из Кремля после совещания, сообщил репортеру, что эвакуация людей из здания в Рязани была частью тренировочных учений и бомба была поддельной, подложенной с его ведома. Патрушев добавил, что в мешках, обнаруженных отрядом саперов, не было ничего, кроме сахарного песка. Данные газового анализатора о наличии гексогена были ошибочными. В других городах проводились аналогичные учения, и лишь в Рязани жители спохватились раньше времени. Он высказал восхищение жителями дома за проявленную ими бдительность.

Когда высказывания Патрушева дошли до Рязани, местное население было в шоке. Все были убеждены в том, что бомба была настоящей. Больше всех были потрясены обитатели дома № 14/16 по улице Новоселов, которые два дня жили с верой в то, что лишь чудо спасло их от смерти². В течение последующих недель для многих жителей дома жизнь постепенно возвращалась в свою колею. ФСБ устроила в Рязани церемонию награждения, во время которой Картофельникову и Васильеву подарили по цветному телевизору в награду за проявленную бдительность, также была награждена внимательная телефонистка Надежда Юхнова. Представитель ФСБ генерал Александр Зданович разъяснил, что газовый анализатор дал неправильные показания, потому что его не протерли спиртом — намек на то, что спирт «употребили», — а у Ткаченко остались на руках следы гексогена, поскольку неделю назад он имел дело со взрывом.

Но подозрение на то, что это было вовсе не испытание, продолжало витать в воздухе. Жители дома хотели знать, почему, если данный инцидент был учебным испытанием, им не разрешалось вернуться в свои квартиры после успешного обезвреживания бомбы и почему им в течение двух дней не говорили об истинной причине случившегося? Их также интересовало, какое право имела ФСБ использовать их в качестве подопытных кроликов в подобных учениях — если это на самом деле были учения?

Через несколько недель после происшествия в Рязани российские войска вторглись в Чечню, начав «антитеррористическую акцию», и полным ходом стала набирать темпы предвыборная президентская кампания. В результате загадочный инцидент на время выпал из поля зрения общественности.

Но в феврале российские журналисты вновь обратились к расследованию событий в Рязани, и вскрытые ими факты почти полностью дискредитировали ФСБ в глазах жителей дома № 14/16 по улице Новоселов.

Наиболее важные сведения сообщил 30-летний корреспондент «Новой газеты» Павел Волошин, который до прибытия в Рязань придерживался официальной версии о тренировочных учениях³.

Волошин приехал в Рязань в начале февраля, зарегистрировался в гостинице и отправился в городское управление Министерства внутренних дел, где представился работнику пресс-службы и нескольким следователям, объяснив им, что занимается расследованием недавних учений. К его удивлению, милиция при виде его обрадовалась. «Мы очень уважаем „Новую газету“, — заявил работник пресс-служ-

бы, — Мы отказали канадским и японским телерепортерам, но готовы помочь вам. Вероятно, вы хотели бы встретиться с Ткаченко, начальником отряда саперов».

На следующий день Волошина представили человеку, которому на вид было чуть больше тридцати. «Это Ткаченко», — сказал работник пресс-службы. Они остались вдвоем в одной из комнат, и Волошин задавал вопросы эксперту в течение двух часов.

Ткаченко настаивал на том, что версия событий, представленная ФСБ, ошибочна. У него не вызывало сомнений, что бомба, подложенная в подвал дома № 14/16 по улице Новоселов, была настоящей. Взрывное устройство, в том числе часовой механизм, источник питания и взрыватели были боевыми, явно изготовленные специалистом. Газовый анализатор, предназначенный для исследования выделяемых паров, четко показывал наличие гексогена.

Волошин спросил у Ткаченко, мог ли газовый анализатор дать неправильные показания, на что Ткаченко ответил, что это исключено. Качество таких анализаторов соответствует мировому классу. Каждый из них стоил 20 000 долларов и находился под контролем специалиста, который в соответствии со строгим графиком проверял приборы после каждого применения и производил частые профилактические проверки. Это необходимо, так как устройство содержит источник повышенной радиации. Ткаченко также подчеркнул, что тщательный контроль за состоянием газового анализатора нужен еще и потому, что от его надежности зависит жизнь самих саперов.

Что же касается утверждения Здановича о том, что газовый анализатор якобы не промыли спиртом, то Ткаченко заявил, что спирт никогда не применяется для очистки газового анализатора. В ответ на заявление Здановича, что у Ткаченко остались следы гексогена на руках после того, как он имел дело с этим взрывчатым веществом неделю назад, Ткаченко сказал, что в течение той недели он много раз мыл руки.

В последующие несколько дней, находясь в Рязани, Волошин спрашивал милиционеров, которые выехали на место происшествия по звонку Картофельникова. Они также настаивали на том, что данный инцидент не был тренировочным учением, да и по внешнему виду вещества, находившегося в мешках, было ясно, что это не сахар.

На основании этих и других интервью Волошин опубликовал статью в «Новой газете» от 14–20 февраля под заголовком «Что было в Рязани: сахар или гексоген?». Кроме изложения мнения Ткаченко и других присутствовавших на месте происшествия, в статье высказывалось

предположение, что для разрешения сомнений ФСБ должна опубликовать отчет о тренировочных учениях и обеспечить журналистам доступ к материалам и к тем людям, которые установили бомбу в подвале⁴.

Статья вызвала многочисленные споры среди населения, но правительство и российская пресса почти никак не отреагировали на нее. ФСБ РФ приказала Юрию Блудову, начальнику пресс-службы Рязанской ФСБ, не комментировать события, имевшие место в сентябре 1999 года, а также издала аналогичные указы для рязанской милиции и работников спасательной службы.

В один прекрасный день, после публикации статьи, Волошину позволила в офис «Новой газеты» какая-то женщина и сообщила, что у нее есть информация для него относительно событий в Рязани. Волошин с одним из коллег встретился с ней на станции метро «Библиотека им. В.И. Ленина». Женщине было 45 лет, и она преподавала в одном из московских вузов. Она сообщила, что подруга одной из ее студенток познакомилась с солдатом, который похвастался, что охраняет мешки с гексогеном. Солдата звали Алексей Пиняев, и он служил под Москвой, в Нарофоминске.

Волошин решил разыскать Пиняева. Через несколько дней после встречи с той женщиной он подъехал на машине к военной базе в Нарофоминске. Вход туда усиленно охранялся, но Волошину удалось проникнуть на базу через дыру в заборе. Он отправился в административное здание, нашел учетный стол и выяснил там, где разыскать Пиняева, объяснив, что он друг его родственников. Не задавая никаких вопросов, секретарь направил его в часть, где служил Пиняев, а когда Волошин вошел в здание части, солдаты указали ему на Пиняева, который только что кончил ремонтировать бензобак и был весь вымазан в горючем. Волошин объяснил ему, зачем он хотел его увидеть, и дал пачку сигарет. Затем они пошли в солдатское кафе, где Пиняев со всеми подробностями рассказал ему свою историю.

Из его рассказа Волошин узнал, что осенью 1999 года Пиняев был направлен из базы в Московской области на базу 137-го Рязанского парашютно-десантного полка, в 32 километрах от Рязани, где проводилась подготовка десантников для войны в Чечне. По прошествии некоторого времени учебной стрельбы и прыжков с парашютом ему поручили охранять товарный склад, где предположительно хранилось оружие и боеприпасы. Охранная служба была скучной и утомительной, и Пиняев с другим солдатом решили посмотреть, что же находит-

ся внутри этого склада. Они открыли металлическую дверь и увидели вместо оружия огромную кучу 50-килограммовых холщовых мешков, на которых было написано «Сахар».

Пиняев и его сослуживец были озадачены: зачем их поставили охранять мешки с сахаром, но, не желая уходить ни с чем, они потыкали штыком в один из мешков и отсыпали немного хранившегося там вещества в полиэтиленовый пакет. Через какое-то время они насыпали содержимое пакета в чай. Вкус у чая был отвратительный, и они испугались, что выпили какой-то нитрат. Отнесли полиэтиленовый пакет к своему командиру, который вызвал эксперта по взрывчатым веществам. Эксперт проверил содержимое пакета и сообщил командиру, что в нем находится гексоген.

Почти сразу же, продолжал Пиняев, из Москвы прибыла группа сотрудников ФСБ, и его вместе со вторым солдатом освободили от обычных обязанностей и стали регулярно вызывать на допрос. К изумлению Пиняева, его с товарищем бранили не за то, что они украли сахар, а за «разглашение государственной тайны». Сослуживцы посоветовали им готовиться к длительному тюремному заключению. Но в конце концов дело было закрыто, и офицеры ФСБ посоветовали Пиняеву и второму солдату забыть о складе и «особом сахаре». Вскоре Пиняева переправили в Чечню, где бронетранспортер переехал ему ногу. Несчастный случай произошел в глубокой грязи, поэтому Пиняев не лишился ноги. После этого его направили в Нарофоминск на лечение, где он продолжил службу, выйдя из госпиталя.

История Пиняева была рассказана в выпуске «Новой газеты» за 13 марта под заголовком «Гексоген. ФСБ. Рязань». Дополнительные сведения увеличили вероятность того, что ФСБ преднамеренно хотела взорвать дом № 14/16 по улице Новоселов. Впервые в статье говорилось не только о том, что газовый анализатор обнаружил гексоген в мешках, подложенных в подвал здания (или что детонатор бомбы был настоящий), но и о том, что во время проведения рязанских «тренировочных учений» большое количество гексогена держали под охраной на складе военной базы в 32 километрах от Рязани в холщовых мешках с надписью «Сахар».⁵

Волошин давал подробные интервью российским газетам и зарубежным корреспондентам. Тем временем группа депутатов предложила послать письмо генеральному прокурору с просьбой ответить на вопросы относительно инцидента в Рязани, затронутые в статьях «Новой газеты»: «Проводился ли какой-нибудь анализ вещества?» и «Кто дал приказ проводить эти „тренировочные учения“?». 197 депутатов Думы

проголосовали за предложение и 137 — против, а для утверждения этого предложения требовалось 226 голосов — абсолютное большинство; настроенная в пользу Кремля партия «Единство» единодушно проголосовала против.

Но сомнения, посеянные статьями «Новой газеты», получили такую широкую огласку, что руководство ФСБ согласилось принять участие в телепередаче, посвященной этому инциденту, на которой присутствовали жители дома №14/16 по улице Новоселов. Целью программы было продемонстрировать откровенность ФСБ, но стратегия подвела их. В ходе этой программы, которая транслировалась по НТВ 23 марта 2001 года, Зданович был не в состоянии объяснить, почему «тренировочные учения» проводились без принятия мер по защите здоровья жителей дома, почему газовый анализатор обнаружил гексоген и почему члены отряда саперов по ошибке приняли поддельную бомбу за настоящую? После окончания программы жители дома были убеждены более чем когда-либо, что они невольно стали пешками в игре, сфабрикованной ФСБ, и лишь чудом спаслись⁶.

Через три дня после передачи Путин, бывший руководитель ФСБ, был избран Президентом России.

В доме № 14/16 по улице Новоселов Владимир Васильев размышлял о «тренировочных учениях» и их последствиях.

— Когда я думаю о том, что это здание могли взорвать, и не только я и моя семья, но и многие из тех, кого я знал в течение многих лет, могли погибнуть, эта мысль просто не укладывается у меня в голове.

Я заметил, что жертвы терактов в Буйнакске, Москве и Волгодонске, очевидно, также не могли себе представить, что их убьют во сне.

— Как можно вообразить такое? — вопрошал Васильев, — Это не подчиняется никаким законам человеческой логики. Какая нам разница, пытался ли кто-то взорвать нас или это были учения, да и какой тогда в них смысл, если это были учения. Какой смысл проверять бдительность людей, в то время как вся страна находится в состоянии паники??

— Мы хотели подать в суд на ФСБ, но чтобы завести судебное дело, каждый житель дома должен написать свои жалобы в индивидуальном порядке. Для этого требуется юрист и нужно за все платить. Когда люди поняли, как много для этого нужно, они отступили. После случившегося ни у кого не было времени и сил».

Дом № 14/16 по улице Новоселов явился странным выбором для проверки бдительности, потому что в здании находился круглосуточно работающий гастроном и жители дома запросто могли подумать, что

кто-то разгружает мешки с сахаром для магазина. В то же время эффект от тренировочных учений был бы минимальным, потому что дом находился на окраине города⁸.

Однако здание очень хорошо подходило в качестве цели террористического нападения, особенно если цель его заключалась в уничтожении большого количества человеческих жизней. Как и здание в Москве на Каширском шоссе, дом № 14/16 по улице Новоселов стандартной планировки был выстроен из кирпича. В случае взрыва он быстро разрушился, а значит, едва ли у кого-нибудь был бы шанс выжить. Более того, поскольку дом стоит на возвышении, он бы лавиной обрушился на соседнее здание, и, принимая во внимание неустойчивый песчаный грунт в данном месте, оба здания определенно развалились бы. Перед лицом рязанской трагедии померкли бы все остальные.

Поскольку те, кто подложил бомбу, равно как и все вещественные улики — мешки и взрывное устройство — находятся в распоряжении ФСБ, бесспорные факты с большим трудом поддаются обоснованию. Тем не менее таинственные тренировочные учения в Рязани едва ли будут забыты. Если бомба, подложенная ФСБ в подвале дома № 14/16 по улице Новоселов, была настоящей и могла уничтожить 250 человек, то кажется вполне правдоподобным и то, что террористические акты, имевшие место в Москве, Волгодонске и Буйнакске, во время которых погибли сотни человек, были также делом рук ФСБ. Тайна событий в Рязани висит как пелена над Россией и над всем российским периодом реформ.

3. «Молодые реформаторы»

При поверхностном взгляде кажется, что в России произошел небывалый по радикализму переворот... Новые выражения лиц, новые жесты, новые костюмы, новые формулы господствуют над жизнью; те, которые были внизу, возносятся на самую вершину, а те, которые были на вершине, упали вниз; властвуют те, которые были гонимы, и гонимы те, которые властвовали; рабы стали безгранично свободными, а свободные духом подвергаются насилию... Но попробуйте проникнуть за поверхностные покровы революционной России в глубину... За революционной борьбой и революционной фразеологией нетрудно обнаружить хрюкающие гоголевские морды и рожи...
Николай Бердяев. Духи русской революции

— Альфред Рейнгольдович, так книга есть или ее нет?

Корреспондент «Комсомольской правды» Василий Устюжанин беседует с Альфредом Кохом, бывшим руководителем Государственного комитета по имуществу. Кох ушел в отставку из-за скандала, разгоревшегося вокруг книги о приватизации, за которую ему заплатила 100 000 долл. швейцарская бухгалтерская фирма, связанная с Онексимбанком, победителем нескольких наиболее важных приватизационных аукционов, проходивших в обстановке жесткой конкуренции. Коху и четырем другим «молодым реформаторам» — Анатолию Чубайсу, Максиму Бойко, Петру Мостовому и Александру Казакову — также заплатили по 90 000 долл. каждому за написание отдельных глав в другой книге по истории экономических реформ в России, опубликованной издательством «Сегодня Пресс», 50% акций которого принадлежат Онексимбанку¹.

Устюжанин: — В программе «Время» Сергей Доренко показывал тонкую пачку страниц. Это и есть вся [первая] книга?

— Повесть Тургенева «Му-му» тоже небольшая. Но это не умаляет в наших глазах Тургенева.

— Но что касается вашей книги — она уже написана?

— Да.

— Какого она объема?

— Больше 200 страниц.

— Вы не считаете, что преступаете закон?

— Какой закон?

— Согласно закону о государственной службе, должностное лицо не имеет права получать гонорар за работу, связанную с его официальной деятельностью.

— Я никогда не слышал о таком законе. Вопрос о том, нарушили мы закон или нет, должен решать суд.

— Вы не чувствуете угрызений совести. Миллионы людей не получают зарплату, а вы...

— Что касается совести, то я вот что скажу. Этим летом я читал декларацию о доходах Бориса Николаевича Ельцина. Он получил за книгу «Записки президента» около 300 000 долл. и купил на них БМВ. Это не дешевая машина. Его совесть, по-вашему, мучить не должна? Я всегда считал, что если моему начальнику позволено что-то, чем я хуже?

— Вы не считаете, что сделали что-то предосудительное?

— Да о чем вы говорите? Так поступают во всем мире!

— Вы расстроены из-за случившегося?

— Я расстроен из-за своих друзей; моя судьба меня волнует гораздо меньше. Моя репутация и так уже испорчена. Осталось только меня убить.²

Вскоре у Коха появилась еще одна возможность объясниться. В беседе с Кристией Фриланд — московским корреспондентом «Файненшел таймс» ему был задан вопрос: «Если бы членам российского кабинета министров платили 10 000 долл. и более в месяц, помогло бы это избавиться от коррупции?»

— Что касается меня, то мне этого слишком мало, — ответил Кох.

Фриланд спросила, какая зарплата его устроила бы, на что Кох ответил, что не менее чем 3% от всех доходов, которые он внес в государственную казну, занимая должность главы Государственного комитета по имуществу. В 1997 году доход этого Комитета составлял около 60 млн долларов. Фриланд сказала, что ей понятна притягательная сила денег, но у нее создалось впечатление, что им и остальными молодыми реформаторами движут все же другие ценности: «рыночные реформы, забота о всеобщем благе, глубокое чувство собственного достоинства».

— Что вы подразумеваете под достоинством? — спросил Кох. — На одном достоинстве далеко не уедешь³.

Необычайная откровенность Коха изумляла, но его взгляды были характерны для моральных принципов «молодых реформаторов» — группы бывших советников и академических экономистов Советского Союза, которым было поручено перевести Россию с коммунистических рельсов на капиталистические. На Западе их идеализировали, считая убежденными демократами, но на самом деле на их психологию наложила отпечаток коммунистическая идеология. Их мало заботила судьба отдельных людей, и они рассматривали «переход» как научный процесс, управляемый «законами» рыночной экономики. А без морального чувства, коренящегося в уважении к человеку, им было море по колено, и, принимая во внимание огромные искушения, связанные с экономикой переходного периода, они сами стали подвержены коррупции.

Первым «молодым реформатором», создавшим группу, которая должна была стать проводником России в новую эру, стал Егор Гайдар, 35-летний экономист, возглавивший постсоветское российское правительство. В 1990 году, будучи редактором экономического раздела газеты «Правда», он участвовал в спорах относительно будущего Советского Союза. Однако в то время он не проявлял того антикоммунистического рвения, которое вскоре продемонстрировал. Вместо этого он призывал к постепенной эволюции к «коммунизму с человеческим лицом» под руководством Коммунистической партии и предостерегал против сторонников политики рыночного радикализма. В конце 1990 года Гайдар ушел из «Правды» и основал новый Институт экономической политики, а поскольку его больше не сдерживали партийные обязанности, то и его политическая позиция претерпела изменения. Он приступил к разработке проектов радикальных экономических реформ, касающихся России.

20 августа 1991 года он примкнул к толпе демонстрантов в защиту Ельцина у стен Белого дома во время попытки путча. Там он познакомился с Геннадием Бурбулисом, близким советником Ельцина, и они вдвоем обсуждали будущее Советского Союза. Бурбулис согласился с Гайдаром, который делал упор на судьбе России, а после провала путча он познакомил Гайдара с Ельциным и вместе со своими близкими партнерами начал разработку плана реформ в России.

Эта группировка разработала план, призывающий Россию начать экономические реформы, в том числе либерализацию цен и создание свободно конвертируемого российского рубля, не ожидая других республик. Ельцину понравился этот план и он начал предпринимать ша-

ги по его осуществлению. Гайдар был назначен заместителем премьер-министра, и ему были предоставлены полномочия для того, чтобы сосредоточиться на экономике⁴. В ноябре 1991 года он был назначен министром финансов.

Назначение Гайдара привело к радикальным переменам в стиле российского правления. Гайдар поддерживал тесную связь с экономистами свободного рынка, с которыми он был знаком со времен советских институтов и эпохи перестройки, и они вместе с ним вошли в состав правительства. Впервые группа молодых людей, объединенных студенческими связями, достигла вершины власти. Небритые молодые люди в потертых на коленях джинсах запросто стали заходить в офисы Администрации Президента, в то время как остальные просители, включая министров и директоров заводов, ждали в приемной с 7 часов утра до поздней ночи.

Большинство этих «молодых реформаторов» в советское время были работниками идеологической сферы, где в их задачи входило способствовать «построению коммунизма». Хотя они были в значительной степени прозападно настроены, им постоянно приходилось выражать точку зрения, прямо противоположную их истинным воззрениям. Результатом этого стала их моральная деградация, которая вызывала у них беспощадность по отношению к другим чиновникам коммунистического режима и к россиянам вообще. Их раздражение усиливалось из-за того, что они потеряли доверие партийных лидеров, лишивших их перспективы блестящей карьеры⁵.

В атмосфере двоемыслия, в которой реформаторам приходилось работать в советский период, они разработали систему, способствовавшую продвижению России по пути реформ. Она включала социальный дарвинизм, экономический детерминизм и терпимое отношение к преступлениям.

Социальный дарвинизм «молодых реформаторов» во многом явился реакцией на мнимую заботу советского общества о нуждающихся в помощи. Эта теория выражалась в отказе учитывать влияние их политики на население России. Когда благодаря одному из первых законов нового правительства цены почти на все продукты вышли из-под контроля, в результате чего 99% населения лишились своих сбережений, Гайдар, отвечая на протесты, говорил, что деньги на сберегательных счетах людей были ненастоящими, поскольку не подкреплялись количеством имеющихся товаров⁶.

Социальный дарвинизм дополнялся экономическим детерминизмом. По иронии судьбы реформаторы, намереваясь разрушить социализм, сохранили его основной философский постулат — веру в то, что мораль и законы сами по себе не имеют независимой законной силы, а являются функцией лежащих в основе общества экономических отношений.

Реформаторы мало интересовались источниками права, которые регулировали работу рыночной экономики в странах Запада. На самом деле, в результате многих лет изучения марксизма, они объявили моральный идеализм «буржуазным вымыслом», который не был основан ни на чем реальном.

Последствия социального дарвинизма и экономического детерминизма в значительной степени усиливались практическим влиянием мировоззрения, на основании которого реформаторы проводили преобразования в России. Это заключалось в терпимости реформаторов по отношению к преступлениям. Под влиянием десятилетий лживой советской пропаганды они полагали, что первоначальное накопление капитала в рыночной экономике почти всегда является преступным, и, поскольку были яркими сторонниками капитализма, им было сложно не преступать закон.

Бандиты и дельцы «черного» рынка также были заинтересованы в экономике свободного рынка, поэтому реформаторы начали считать их «своими» и реагировали на рост благосостояния и собственности у преступников с хладнокровием и даже с одобрением, полагая, что бандиты смогут удерживать свой капитал лишь до тех пор, пока у них будет возможность заставлять его работать «на пользу общества»⁷.

Социальный дарвинизм, экономический детерминизм и терпимое отношение к преступлениям, вместе взятые, подготовили «молодых реформаторов» к фронтальному наступлению на структуры советской системы без какой-либо поддержки со стороны общества и законодательных органов. Это стало причиной катастрофы российского общества.

Россия в 1992 году, первом году реформ, нуждалась в фундаментальных изменениях, но в моральном и психологическом отношении она была не подготовлена к быстрым и решительным преобразованиям, которые планировали «молодые реформаторы». Большинство россиян обладали коллективистским менталитетом и не были готовы к тому, чтобы принять конкуренцию без социальных гарантий, которые они долгие годы воспринимали как само собой разумеющееся. В то

же время переход от социалистической экономики к рыночной на самом деле являлся переходом от экономики вертикальных связей к экономике горизонтальных связей и был очень рискован, поскольку эти горизонтальные связи, существовавшие в сердце старой структуры и на которых строилась любая экономика нового типа, были монополией «черного» рынка.

Но, несмотря на неподготовленность российского общества к несвоевременным и быстрым преобразованиям, реформаторы продолжали действовать с максимальной скоростью. Они тотчас же отпустили цены, либерализовали внешнюю торговлю и ликвидировали барьеры для импорта. Для борьбы с инфляцией денежные запасы были сокращены и рубль был сделан полностью конвертируемым. Под действием этих мер, известных под собирательным названием «шоковая терапия», плановая советская экономика в полной мере подверглась сильному воздействию рыночных сил, но без обычных гарантий рынка. Результатом этого явился внезапный и катастрофический экономический кризис, который стал в конечном счете результатом эпидемии воровства⁸.

В посткоммунистической России деньги находились в руках бандитов, коррумпированных бывших членов советской номенклатуры и ветеранов подпольной экономики⁹. Ресурсы сосредоточились в руках правительственных чиновников. В обществе, где отсутствовала мораль и правовые нормы, эти партии действовали сообща.

Новая система предлагала непреодолимые искушения. Заработная плата государственных служащих была невысока, а одно официальное решение могло быстро сделать бизнесмена богатым. В этой связи решения стали продаваться за деньги. Бизнесмену, нуждающемуся в экспортной квоте, праве на то, чтобы держать правительственные фонды в своем банке и в благоприятном решении на приватизацию, говорили: «Ваша просьба будет удовлетворена, если вы получите заем в следующей международной компании». В некоторых случаях, особенно когда речь шла о Москве, данные о переводе средств в такую офшорную компанию печатались на дистрибутивных карточках. Отсюда ясно, что в таких случаях «заем» нельзя было погасить.

Взятничество вскоре стало неотъемлемой частью ведения дел и заключения сделок в России, а расходы на подкуп правительственного чиновника считались наиболее важной частью начального капитала нового предприятия.

«Молодые реформаторы» были еще не самыми продажными и безнравственными членами появившегося в России класса капиталистов. Эта честь принадлежала бывшим членам номенклатуры, в частности директорам заводов, которые захватили власть над своими предприятиями и преобразовали их в «бизнес-фирмы». Однако по мере распространения взяточничества мировоззрение реформаторов пресекало любую тенденцию наступления на коррупцию, так как они считали, что злоупотребления будут в итоге ликвидированы самой рыночной системой. Реформаторы не переставали повторять, что «весь большой капитал был основан на нечестных деньгах». Тем не менее случилось так, что вместо устранения коррупции они сами попались на ее удочку. Многие пришли к убеждению, что если нет смысла бороться с беззаконием, смысл заключается в том, чтобы воспользоваться возможностями и тем периодом, когда они находились у власти — они боялись, что он будет недолгим, — чтобы обеспечить свое будущее, будущее своих детей и внуков.

Те, кто делал попытки бороться с коррупцией, вскоре потерпели поражение.

— Огромные толпы людей приходили в правительственные учреждения, — рассказывала Ольга Сверидова, работавшая у Бурбулиса. Казалось, будто произошло землетрясение, земля разверзлась и отовсюду хлынула лава. Эти люди рассказывали нам о том, что происходит.

С самого начала сообщения о коррупции заставляли задуматься. Нам говорили, что государственные чиновники всюду организуют частные фирмы на имя своих родственников, а затем перенаправляют государственные заказы в эти так называемые «независимые» фирмы.

В Свердловской области администрации была выдана лицензия на экспорт товаров, чтобы покупать на полученные средства необходимые продукты и лекарства для населения. Но вскоре после выдачи лицензии областные чиновники организовали фирмы на имя своих родственников, и эти фирмы начали бесконтрольно вывозить за границу металл, в частности высококачественную медь. Они наводнили медью мировые рынки и вызвали падение мировых цен на медь. У меня есть данные, что среди предметов импорта предположительно «для нужд населения» были французские духи и норковые манто.

В другой раз Министерство топливно-энергетической промышленности открыло частную фирму на втором этаже министерства. Все, кому нужна была экспортная квота на нефть, должны были платить за нее, пользуясь услугами этой фирмы. Если какой-то компании нужно было перевезти нефть в Крым, она обращалась в это министерство за получением экспортной лицензии на основании того, что доставка нефти в Крым укрепит положение России на Черном море. Представителям этой компании объясняли, что министерство не может дать им квоту, но если они обратятся в эту частную фирму, смогут за деньги получить квоту на вывоз какого угодно количества нефти.

Некоторые реформаторы были обеспокоены ростом преступности, но заявляли, что введение свободного предпринимательства неизбежно сопровождается ростом преступности. Реформаторы полагали, что они будут находиться у власти короткое время, говорили всем, что происходящие изменения явятся психологическим потрясением, а такое правительство навряд ли вызовет любовь у народа. Да и сами они, честно говоря, не знали толком, как долго они продержатся.

И все же в конце февраля Бурбулис организовал комиссию по борьбе с коррупцией, в которую вошли все главы правоохранительных органов.

На собрании этой комиссии, которое я посетила, Виктор Ерин, министр внутренних дел, внес предложение проводить проверку деловых связей родственников государственных служащих. Он объяснил, что мог бы начать с глав администрации области и осуществить детальную проверку взаимосвязей между государственными чиновниками и вновь образованными коммерческими структурами. Но, продолжал Ерин, прежде всего разъяснив свою точку зрения в Министерстве внутренних дел, его предупредил один из его подчиненных, что если он хочет остаться на посту министра, ему нужно выбросить из головы эту идею.

«Геннадий Эдуардович, — спросил он <у Бурбулиса>, — вы можете дать мне гарантию, что я буду жив и здоров и сохраню за собой должность, если издам приказ силами милиции провести такую инвентаризацию связей между государственными чиновниками и частными фирмами?»

Бурбулис ответил: «Я не могу предоставить вам такой гарантии, но все собранные вами данные будут переданы на рассмотрение президенту». После этого дело было закрыто.

В декабре 1992 года, проработав под началом «молодых реформаторов» всего год, Сверидова оставила свой правительственный пост и вступила в организацию, заботящуюся о благе людей.

«Я уважаю вас, — говорил Гайдар Валерию Черногородскому, председателю Антимонопольного комитета. — Но антимонопольный комитет мало кому нужен. Первым делом нужно провести приватизацию». Черногородский протестовал — он много недель потратил на то, чтобы попасть на прием к Гайдару и нуждался в его поддержке. Но Гайдар стоял на своем: «Раз был создан частный сектор, комитет должен заниматься им».

Черногородский покинул собрание в подавленном и пессимистичном настроении. Ему казалось, что коррупцию процесса реформ уже не остановить.

Антимонопольный комитет был создан 14 июля 1990 года, и Черногородский стал его первым председателем.

Поначалу считалось, что данный комитет мало чем отличается от Государственного комитета по имуществу и требовалась его виза при принятии почти всех экономических реформ. В результате на протяжении первых шести месяцев 1992 года Черногородский встал на пути осуществления планов многих бывших членов номенклатуры в их борьбе за захват государственных средств.

Существовало несколько способов, с помощью которых представители советской номенклатуры, используя свои связи, присваивали государственное имущество. Одним из наиболее распространенных способов была попытка директоров заводов завладеть большей долей активов своих предприятий в качестве оплаты за их вклад в «интеллектуальную собственность». Черногородский систематически препятствовал таким попыткам.

Другой способ заключался в том, что директора заводов передавали наиболее доходные в потенциальном отношении части предприятия «дочерним фирмам», которыми управляли их друзья или родственники. Дочерние фирмы обычно организовывались на базе кооперативов, основанных на территории завода в период перестройки, но возможности дочерних фирм были неизмеримо шире. В отличие от кооперативов, ограниченных выполнением конкретных услуг, в ведении дочерних фирм могла находиться большая часть предприятия.

В то же время, когда государственное предприятие преобразовывалось в акционерное общество, правительство обычно удерживало у себя пакет акций, а поэтому государственные чиновники нередко становились директорами фирм. В результате в правление частных

предприятий — в особенности тех, которые имели дело с нефтью, золотом и алмазами, — часто входили облеченные властью государственные чиновники, иногда на уровне заместителя министра, которые принимали участие в грабеже данного предприятия.

В январе 1992 года Черногородский получил сведения о том, что в план приватизации Пермского ракетного завода на Урале входили ассигнования за получение 80% доли компании, чья стоимость оценивалась в 100 миллионов долларов, которые шли директору и служащим завода якобы за то, что они обеспечили «интеллектуальный капитал» предприятия. Этот план был одобрен как Министерством экономики, так и Государственным комитетом по имуществу. Не хватало лишь одобрения Антимонопольного комитета, но Черногородский не согласился с данным планом. Он выразил свой протест Генеральному прокурору Валентину Степанкову, а затем встретился с Чубайсом, который освободил от обязанностей своего заместителя, одобрявшего данный план.

Бывший заместитель мэра Москвы Сергей Станкевич и бывший мэр Гавриил Попов организовали Мосбизнесбанк, который ведал бюджетом Москвы, и назвали себя владельцами львиной доли акций на основании того, что они вложили «интеллектуальный капитал». В конце концов Станкевич ушел из правления банка, а Попов сохранил свой пост, правда ушел в отставку с поста мэра.

В беседе со Станкевичем Черногородский сказал: «Вас интересует, как можно, не имея знаний, способностей и опыта, управлять Москвой? Причина в том, что для этого и не требуется никаких особых знаний».

Относительный успех Черногородского стал возможным только из-за неурегулированной политической ситуации. В первоначальной программе экономических реформ, одобренной в 1990 году, когда еще существовал Советский Союз, речь шла о постепенном введении рыночной экономики, при которой продолжали сохраняться государственные предприятия до тех пор, пока на рынке в результате развития малого бизнеса не появится частный капитал. Против такого подхода выступили Гайдар и Чубайс, которые доказывали, что прежде всего нужно создать класс частных собственников, и таким образом, как только капитал окажется в частных руках, рынок автоматически справится с оставшимися экономическими проблемами. Аргументы, приводившиеся Гайдаром и Чубайсом, содержали молчаливое допущение, что бесполезно рассматривать первоначальное накопление капитала, поскольку оно было бы преступным при любых обстоятельствах.

Однако в апреле Бурбулис, который поддерживал Черногородского, был смещен с должности первого заместителя премьер-министра и заменен Гайдаром. Чубайс стал заместителем Гайдара. С устранением Бурбулиса политическое равновесие изменилось, и Ельцин принял позицию Гайдара и Чубайса. В начале июня речь уже не шла о соблюдении справедливых правил конкуренции. Все внимание было поглощено быстрым созданием частного капитала.

К июню 1992 года отношения Черногородского с коллегами по работе претерпели серьезные изменения. Вместо содействия в работе коллеги стали считать его препятствием на пути к реформам. Ежедневно происходили конфликты с Антимонопольным комитетом. Черногородский оспаривал попытки захвата власти в предприятиях и создания дочерних фирм, но они получали одобрение и без его подписи, при прямом нарушении закона. Он пытался связаться с Гайдаром, но тот отказывался подходить к телефону. Черногородский писал письма Чубайсу, но ни на одно не получил ответа.

Когда страна готовилась к ваучерной приватизации, Черногородский понял, что даже Генеральный прокурор не желал принимать всерьез нарушения закона, производимые новыми российскими капиталистами. Антимонопольный комитет разделил территорию страны на 64 административных округа, но Верховный Совет одобрил бюджетное мероприятие, делающее местную администрацию ответственной за финансирование этих региональных округов. На этом закончилось действие Комитета в провинциях.

По мере роста злоупотреблений Черногородский мог лишь высказывать свои возражения. Он был убежден, что при отсутствии гарантий справедливой конкуренции реформы в России приведут лишь к росту преступности. Но это был глас вопиющего в пустыне, и было видно, что его коллеги теряют терпение. 18 июля он открыл свою почту и обнаружил копию президентского указа, освобождающего его от должности. После этого закончились попытки урегулировать процесс реформ изнутри самого правительства.

«Русские не любят резких перемен», — заявлял Владимир Иванов, бывший член Службы безопасности Президента. — По этой причине появление молодых реформаторов лишь способствовало росту негодования. Реформаторы болтали о „Чикагской школе“ (колледж экономики свободного рынка при Чикагском университете). Многие россияне сделали из этого вывод, что, очевидно, эти реформаторы долгое

время жили в Чикаго, а в этом случае их, по всей вероятности, послали сюда как иностранных агентов.

Кроме того, реформаторы имели странные фамилии. Чубайс — родом из Прибалтики. Авен (министр внешнеэкономических связей в первом кабинете Гайдара) и Уринсон (директор Центра экономической конъюнктуры) — евреи. У Коха — немецкая фамилия. У Гайдара — нормальная фамилия, но он полный, лысый, весь покрывался потом и говорил на научном жаргоне. Никто из них не вызывал к себе симпатии».

Иванов, бывший работник разведывательного управления КГБ, после развала Советского Союза служил аналитиком в Службе Безопасности Президента под началом генерала Александра Коржакова, до тех пор пока разочарование во всех российских правящих кругах не заставило его подать в отставку и стать дьяконом в церкви Св. Николы в Хамовниках.

Иванов говорил, что отношение обыкновенных людей к реформаторам быстро ухудшалось, по мере того как изменения в экономике вели к росту коррупции.

Согласно действующим правилам, процесс правительственной приватизации должен был начинаться с приватизации нерентабельных предприятий. Но директора заводов начали «подправлять» документы таким образом, что по прошествии нескольких месяцев прибыльные предприятия казались обанкротившимися, и появлялась необходимость приватизировать их немедленно. Затем эти директора платили за проверку отчетности, которая подтверждала, что данное предприятие приносит убытки, после чего либо давали взятки арбитражному суду во избежание торгов с аукциона, либо другим образом организовывали своими силами фиктивные аукционы.

Государственному комитету по имуществу приходилось одобрять подобные акты приватизации, и в результате этого Государственный комитет по имуществу и местные комитеты превращались в центры взяточничества. У нас были свои люди в этих организациях, поэтому нам известно, что весь процесс был пропитан коррупцией. Простые граждане также направляли письма в Администрацию Президента, и вскоре на имя Ельцина в день стало приходиться по 10 килограммов писем о коррупции. Весь штат служащих занимался составлением конспектов этих писем. Местные подразделения ФСК (Федеральной службы контрразведки) также были связаны с коррупцией, поэтому здесь не было нехватки в информации.

Однако все эти сообщения оказывали очень мало действия. Иногда Коржаков принимал информацию и сообщал ее Ельцину. А иногда нам было известно, что он принимал информацию и не передавал ее. Иногда он приходил и говорил нам: «Я не смог сообщить истинное положение вещей». Мы спрашивали его почему. Он отвечал: «Я не понимаю, что вы там пишете. Напишите снова, один экземпляр для меня, а другой, более простыми словами, для президента».

Когда данная проблема была поднята реформаторами, они сказали: «Мы находимся сейчас на хищнической стадии капитализма. Все западные страны прошли через эту стадию, и мы тоже должны пройти. Кто были предки Рокфеллеров? Бандиты. Теперь это нормальные люди».

При таком положении вещей я понимал, что моя работа никому не нужна. Мы поделились информацией о коррупции с МВД и ФСБ, но они не приняли никаких мер. В конце концов в 1993 году я просто оставил эту службу.

4. История реформ

....По меткому выражению матери царя, «народ измалодешествовал», т. е. потерял нравственные устои — исчезли такие понятия, как честь, совесть, законность, патриотизм, самопожертвование. Продажным было все, даже правосудие. Воровство, казнокрадство, взятки стали явлением нормальным и повседневным. Все, кому было доверено управление страной, грабили ее.

Сол Шульман. О России времен первого царя Романова» (В кн. Николая Бердяева «Власть и судьба»)

В полдень 31 декабря 1999 года на российских телеэкранах неожиданно появилось бледное, отекавшее лицо Бориса Ельцина. В течение нескольких недель распространялись слухи вокруг Ельцина и его дочерей, связанные с обвинениями в коррупции, из-за чего предполагалось, что Ельцин не мог позволить себе отказаться от власти.

Именно это предположение Ельцин собирался опровергнуть.

— Дорогие друзья! — произнес он, сидя за своим столом в Кремле перед украшенной новогодней елкой и трехцветным флагом Российской Федерации. — Сегодня я в последний раз обращаюсь к вам с новогодним приветствием. Но это не все. Сегодня я последний раз обращаюсь к вам, как Президент России.

...Я ухожу. ...Россия должна войти в новое тысячелетие с новыми политиками, с новыми лицами, с новыми, умными, сильными, энергичными людьми.

А мы — те, кто стоит у власти уже многие годы, мы должны уйти.

...Я хочу попросить у вас прощения.

За то, что многие наши с вами мечты не сбылись. И то, что нам казалось просто, оказалось мучительно тяжело. Я прошу прощения за то, что не оправдал некоторых надежд тех людей, которые верили, что мы одним рывком, одним махом сможем перепрыгнуть из

серого, застойного, тоталитарного прошлого в светлое, богатое, цивилизованное будущее.

...Будьте счастливы.

Вы заслужили счастье.

С Новым годом!

С новым веком, дорогие мои!

На улицах быстро распространилось известие об отставке Ельцина. Чувства испытывались самые разные: от облегчения, что уходит Ельцин, до полного безразличия, связанного с убеждением, что все равно ничего не изменится.

Вскоре после полудня на церемонии в Кремле временно исполняющим обязанности президента был назначен Владимир Путин, за несколько месяцев до этого совершенно неизвестный своим соотечественникам; ему же был вручен ядерный чемоданчик. В тот же день Путин издал указ, предоставляющий Ельцину и членам его семьи пожизненную неприкосновенность. Указ распространялся буквально на все: предохранял Ельцина от обысков, арестов и допросов, брал под защиту его транспорт, телефонные звонки, документы, имущество и корреспонденцию.

В полночь традиционное поздравление главы государства произносил Путин, а не Ельцин. Путин объявил, что теперь он является президентом, и заверил россиян, что вооруженные силы, пограничники и правоохранительные органы работают нормально. «У нас не будет вакуума власти, — сказал он, — я хочу предупредить, что любые попытки преступить границы законов и Российской Конституции будут решительно пресечены».

Отставка Бориса Ельцина и приход к власти Владимира Путина ознаменовали финал в создании криминальной системы олигархии в России. В результате первой мирной передачи власти в истории России небольшая группа людей, которые использовали свои связи для мошеннического раздела богатств бывшего Советского Союза, убедилась в безопасности их собственности, и была утверждена новая экономическая система, в которой главным жизненным принципом стало не производство, а воровство.

Криминальная олигархия в России утвердилась в два этапа: в период примерно с 1992 по 1998 год, когда шло создание самой системы, и в более короткий период, в конце 1990-х годов, когда нарождающийся протест против системы был успешно подавлен. В оба периода движущей силой было не желание создать систему, основанную на обще-

человеческих ценностях а скорее стремление установить систему частной собственности, которая при отсутствии законов открывала дорогу преступной погоне за деньгами и властью.

Создание олигархической системы началось в период перестройки, но последняя не препятствовала развитию, начавшемуся в январе 1992 года с началом постсоветских реформ. На эти реформы влияли три основных процесса: гиперинфляция, приватизация и криминализация. Взаимодействие этих процессов вело к экономическому краху, массовой бедности и быстрой приватизации российского государства.

Гиперинфляция началась 2 января 1992 года после того, как были резко отпущены цены, в результате чего население стремительно расслоилось на меньшинство — очень богатых и большинство — безнадежно бедных людей. Егор Гайдар, заместитель премьер-министра, предсказал, что цены вырастут в 3–5 раз, после чего начнется падение цен. Однако за 10 месяцев цены выросли в 25–30 раз, что обрекло миллионы людей на нищету. Скоро повсюду на улицы высыпали всевозможные торговцы и разносчики товаров, в большинстве своем участники Второй мировой войны, и начали продавать свои личные вещи. За три месяца российские граждане потеряли 99% своих сбережений на личных счетах в сберегательных кассах. Деньги, которые собирались в течение десятилетий на покупку квартиры, машины либо на свадьбу или на приличные похороны, пропали, что вызвало психологический кризис у миллионов людей.

Вслед за пропажей сбережений граждан появились многочисленные коммерческие банки, инвестиционные фонды, контроль над которыми полностью отсутствовал. Когда все возрастающая инфляция толкала обыкновенных граждан на поиски путей для сохранения своих доходов, эти инвестиционные фонды и многочисленные коммерческие банки, большая часть которых была связана с высокопоставленными официальными лицами, развернули массовые рекламные кампании, обещая по вкладам до 1200% годовых. Большинство этих фондов представляли собой пирамидальные схемы, и когда они развалились, более 40 миллионов людей во второй раз потеряли свои сбережения.

В то время как миллионы людей теряли средства к существованию, лидеры бывшего советского правительства и коммунистической партии использовали свои связи с российскими правящими кругами для накопления огромных состояний. Почва для этого была хорошо

подготовлена. В период перестройки органы управления коммунистической партии занялись бизнесом. Коммерческие организации, формировавшиеся также под эгидой комсомола, были освобождены от налогов на пять лет и получили право заниматься экспортными операциями. Несмотря на наличие государственной монополии на внешнюю торговлю, им было разрешено ставить собственные условия для удовлетворения почти неограниченных запросов. Партия тем временем тратила партийные деньги, которые в то время нельзя было отличить от правительственных денег, на создание коммерческих банков. А директора заводов расхищали имущество своих заводов. Они делали это, организуя кооперативы, обычно руководимые их родственниками. Кооперативы выступали посредниками при продаже продукции предприятий, взимая чрезмерную цену за фиктивные услуги.

Существовало несколько способов быстрого накопления огромных незаработанных средств. Первый из них заключался в присвоении правительственных кредитов. В 1992 году инфляция создала нехватку оборотного капитала, в результате чего было парализовано производство, и многие российские заводы получили кредиты, величина которых достигала почти 30% валового внутреннего продукта. При уровне инфляции 2500% эти кредиты предлагались в размере 10–25%. Но вместо траты этих кредитов на заработную плату рабочим и покупку оборудования эти деньги использовались в коммерческих банках по рыночному курсу, а разница распределялась между служащими банка и директором завода.

Второй способ получения крупной собственности заключался в получении разрешения на экспорт сырьевых ресурсов. Хотя большая часть цен в России не подчинялась никакому контролю, цены на энергетические ресурсы, которые в начальный период реформы составляли менее 1% от мировых рыночных цен, продолжали регулироваться. Отказавшись от монополии на внешнюю торговлю, принятую в советское время, правительство стало разрешать заниматься экспортом любому, у кого имелась лицензия; и поскольку российское сырье внутри страны покупалось за рубли, а продавалось за границу по мировым ценам за доллары, получить экспортную лицензию означало практически право печатать деньги. В Москве такие лицензии часто выпускались Министерством внешнеэкономических связей, которое превратилось в рынок, где лицензии обменивались на взятки, причем стоимость лицензии была незначительной по сравнению с размером взятки.

Третьим источником добывания собственности был субсидируемый импорт. Боясь, что зимой 1991 года в стране наступит голод, правительство продавало доллары в обмен на ввоз продовольствия за 1% от их реальной стоимости, при этом разница субсидировалась с помощью западных подтоварных кредитов. Продукты, однако, продавались по обычным рыночным ценам. В результате попытка предотвратить предполагаемый продовольственный кризис в стране привела к обогащению небольшой группы московских спекулянтов. Стоимость импортных субсидий составила в 1992 году 15% от валового внутреннего продукта¹.

В 1993 году обнищание населения и коррупция в ходе реформ стали причиной борьбы за власть между Верховным Советом, Российским парламентом и исполнительными органами правительства, что закончилось 4 октября роспуском Верховного Совета и созданием новой политической системы, которая в значительной степени ускорила рост криминальной олигархии².

После роспуска Верховного Совета остался лишь один центр принятия решений в стране — аппарат президента; его члены, убежденные в своей безнаказанности после октябрьских событий, стали брать еще больше взяток. Одновременно российская коммерческая система была поставлена под контроль президента, и двенадцати банкам, которые поддерживали Ельцина в его конфронтации с парламентом, было «поручено» иметь дело с правительственными счетами. Эти банки, задерживая выплаты по правительственным обязательствам и используя бюджетные фонды для краткосрочных межбанковских кредитов по рыночной цене примерно 400%, получили огромные прибыли с оборота государственных денег. К ним присоединились региональные банки, которые также приобрели бюджетные деньги и начали одалживать их по ставке процента. Тем временем невыплата заработной платы превратилась в характерную черту российской жизни.

Вскоре главные московские банки стали штабами финансово-политических групп, каждая из которых была связана с тем или иным крупным политическим деятелем. По мере увеличения их власти и капитала банки начали вести себя как государства в государстве, приобретая средства массовой информации и создавая собственную контрразведку, способную шпионить за экономическими и политическими противниками, равно как и подслушивать телефонные разговоры тысяч обычных жителей. Борьба за власть между финансовыми политическими группами стала решающим фактором в политике российского

правительства, имея в своем распоряжении ресурсы бывшей сверхдержавы.

Вторым процессом в становлении российской криминальной олигархии была приватизация. Она опередила период гиперинфляции и пережила его. Вначале была так называемая «неофициальная» приватизация, которая состояла в бесконтрольном и нелегальном захвате экономической инфраструктуры страны. «Официальная» приватизация проходила в два этапа: ваучерная приватизация, с октября 1992 по июль 1994 года, и приватизация путем продажи предприятий на аукционах, которая началась в августе 1994 года и продолжалась до конца десятилетия.

«Неофициальная» приватизация началась в период перестройки, как только правительственные организации получили разрешение принимать участие в коммерческой деятельности. Правительственные чиновники, тайно и безо всякого законного основания, захватив власть в своих организациях, превращали их в частные предприятия. Вместо министерств они устроили «концерны»; вместо системы государственного распределения они создали товарную биржу; а вместо государственных банков с их региональными филиалами они организовали коммерческие банки. Новые коммерческие предприятия использовали те же источники снабжения, те же здания и тот же рабочий персонал, менялось только название организации. Но имущество данной организации становилось собственностью ее новых «владельцев»³.

Стихийную приватизацию сменила ваучерная приватизация, которая началась в октябре 1992 года. Каждому россиянину давали ваучер с номинальной стоимостью на сумму 10 000 рублей (месячный заработок рабочего автомобильной промышленности), тем самым погашая долю в российской промышленности. Для большинства россиян от ваучеров было мало толку: люди редко получали по ним дивиденды: даже когда они вкладывали свой ваучер в собственный завод, это не давало им права голоса в делах управления.

Однако ваучеры очень помогли тем, кто собирал их в огромном количестве. Поэтому криминальные и коммерческие структуры стремились приобрести их как можно скорее. В некоторых случаях агенты скупали ваучеры на улице у бедняков и алкоголиков, часто за бутылку водки. В других случаях эти группы устраивали ваучерные фонды, которые рекламировались по телевизору, обещали высокие дивиденды, а затем либо не платили, либо исчезали. Таким образом, в руках криминальных и коммерческих структур скопи-

лось огромное количество ваучеров, которые они использовали для покупки наиболее престижных промышленных предприятий, нередко почти даром⁴.

В последние дни ваучерной приватизации фонд федеральной собственности одновременно выставил на продажу больше сотни наиболее ценных российских предприятий, что вызвало резкое падение стоимости акций, которые затем приобретались ваучерными фондами⁵.

Когда вслед за ваучерной приватизацией в последнем квартале 1994 года началась продажа предприятий, население уже было поделено на две неравные части: группы, которые могли принимать участие в приватизации, и почти все остальное население, которому это было недоступно. Давление, направленное на то, чтобы как можно быстрее сосредоточить собственность в одних и тех же руках, однако, не ослабевало, что привело к продаже многих оставшихся промышленных предприятий страны, в том числе наиболее престижных, по самым низким ценам.

Первым шагом было назначить цену предприятия, о котором шла речь. Обычно цену устанавливали директор предприятия и служащие соответствующего министерства на основании предполагаемой стоимости зданий и оборудования. Эти цифры либо искусственно занижали, используя цены годичной или двухлетней давности и списывая годное оборудование, либо завышали, чтобы помешать посторонним инвесторам. Установленная цена должна была быть одобрена местным Комитетом по государственной собственности, который, как правило, не чинил препятствий.

В случае, когда могущественный банк или коммерческая группировка были заинтересованы в приобретении завода, следующим их шагом было устранение существующих или потенциальных конкурентов. Поскольку в организации аукциона принимал участие местный фонд собственности, который подчинялся губернатору, та партия, которая пользовалась влиянием в данном регионе, оказывалась тут как тут и манипулировала аукционом, подделывая документы или добывая информацию о встречном предложении. Фактически многие аукционы состоялись только на бумаге. А в тех случаях, когда аукцион все же проходил, часто цены предлагали фирмы, работающие на победителя. Лишь в редких случаях аукцион был настоящим, и если цену могущественной группировки перебивал более настойчивый конкурент, удачливый покупатель мог запросто поплатиться жизнью за свое упорство.

Цены, по которым распродала эти предприятия, ошеломляли российское общество; 324 завода были проданы по средней цене менее 4 млн долл. каждый. Уралмаш, огромный машиностроительный завод в Екатеринбурге, был продан всего за 3,73 млн долл.; Челябинский металлургический комбинат — также за 3,73 млн долл., а Ковровский механический завод, который снабжал огнестрельным оружием российскую армию, Министерство внутренних дел и контрразведку, был продан за 2,7 млн долл.⁶ Телефонные компании продавались за 116,62 долл. за линию, тогда как в Северной Америке — 637 долл., а в Венгрии — за 2,083 долл. Объединенная энергетическая система был продана за 200 млн долл. В Центральной Европе компанию с аналогичной продукцией продали бы за 30 млрд. долл., а в Соединенных Штатах — за 49 млрд долл.

Российские нефтяные компании продавали разработанные нефтяные скважины по 0,4 доллара за баррель, тогда как цена за баррель нефти в Североамериканских компаниях была 7,06 долл. Мурманский траловый флот, состоявший из 100 кораблей, каждому из которых было менее 10 лет и которые стоили более 20 млн долл. при спуске на воду, был продан за 3 млн долл. Северное морское пароходство было продано за 4 млн долл.⁷

9 сентября 1994 года инвесторский бюллетень «Независимая стратегия» сообщал: «Большая часть основных производственных фондов России продается примерно за 5 млрд долл. Даже если считать, что в России стоимость основных средств производства равняется стоимости ее валового внутреннего продукта (в странах Запада она обычно по крайней мере в 2,6 раза больше), ...на самом деле она составляет 300–400 млрд долл.; сумма же, полученная от приватизации, минимальна. По этой причине данная организация рекомендует британским инвесторам не упустить возможности и принять участие в покупке российских предприятий»⁸.

В конце 1994 года российское правительство под давлением со стороны Международного банка, требовавшего понизить уровень инфляции до одного процента в месяц и ликвидировать дефицит бюджета, прекратило печатать деньги, которые шли на покрытие текущих расходов, включая выплату зарплат. Положение стало критическим, и чтобы покрыть обязательства, правительство стало брать ссуды в коммерческих банках в обмен на доли в престижных, неprivатизированных отраслях промышленности.

Теоретически программа «Ссуды за акции» предусматривала конкуренцию пакетов акций, а победителем выходил тот, кто мог предло-

жить наибольшую ссуду правительству. Но на практике победителем оказывался банк, имевший самые тесные «неформальные» связи с правительством, и данная схема, хотя и упрощала передачу наиболее рентабельных российских предприятий олигархам, давала очень мало доходов правительству, в которых оно так нуждалось. В 1995 году, например, общий доход от залоговых аукционов 21 наиболее прибыльного российского предприятия составил 691,4 млн долл. и 400 млрд рублей⁹.

Как только предприятие было «заложено», банк, обладавший правом собственности на него, мог свободно использовать его; а когда правительству не удавалось выплатить банку ссуды, что, учитывая дефицит доходов государственной казны, было в порядке вещей, банк, получивший залладную на это предприятие, организовывал его финальную продажу. Неудивительно поэтому, что предприятия становились собственностью банков, которые давали им первоначальные ссуды.

В 1995 году Онексимбанк получил контрольный пакет из 38% акций «Норильского Никеля», производителя-гиганта цветных металлов, в обмен на ссуду правительству в 170 млн долл. Чтобы удержать свою долю, два года спустя, в августе 1997 года, оно заплатило 250 млн долл. После удержания ссуды правительство получило всего лишь 80 млн долл. за львиную долю акций завода, который производит 90% российского никеля, 90% кобальта и 100% платины.

Тем временем Онексимбанк спокойно использовал огромный комбинат по своему усмотрению. «Норильский Никель» был одним из ведущих российских поставщиков устойчивой валюты, но к весне 1997 года он задолжал своим рабочим зарплату в объеме 1,2 трлн рублей. Для рабочих было не внове терять от голода сознание, и в том году, впервые за многие десятилетия, норильских детей не послали летом на отдых из полярного города. Банкротство «Норильского Никеля» в связи с платой по обязательствам подняло вопрос о том, что Онексимбанк делает с деньгами, заработанными от комбината. Из статьи, напечатанной в «Общей газете», мы узнаем, что банк участвовал в высокоприбыльных проектах, для которых требовалось огромное вложение наличных денежных средств. Одним из таких проектов была своевременная выплата по простым векселям федерального правительства региональной администрации взамен на 20–30% от номинальной стоимости векселя. Поскольку долг правительства рабочим составлял более чем 50 трлн рублей, часто невозможно было заплатить по самим векселям, а коммерческие банки использовали доход со своих пред-

приятый для покупки этих векселей, оставляя контролируемым ими предприятиям недостаточно средств для выплаты зарплат¹⁰.

Фактически банки со своими неограниченными возможностями вскоре стали контролировать уже приблизительно 50% экономики страны и начали постоянно «подкармливать» государственный бюджет. Они собирали проценты с бюджетных фондов, используя эти деньги для приобретения наиболее прибыльных российских предприятий, а затем и доходы от этих предприятий, получая огромные прибыли за счет одалживания денег правительству.

Схема «заем-акции» изменила взаимоотношения между основными финансовыми учреждениями и правительством. Банки долгое время пользовались протекцией правительственных чиновников, но теперь впервые банки находились в положении, когда им надо было оказывать давление на правительство. Высокопоставленным лицам приходилось идти в банк и обсуждать такие вопросы, как изменение процентной ставки и размеры задолженности правительства. Создав влиятельные банки и доверив им свои деньги, правительство оказалось в зависимости от них.

С приближением президентских выборов 1996 года стало ясно, что правительство не только не в состоянии произвести выплаты по взятым им займам, но и нуждается в новых займах. Такое положение дел привело к тому, что начали строить планы о передаче на продажу с аукциона некоторых наиболее рентабельных предприятий, таких, как завод «Пермские Моторы», выпускающий авиадвигатели, Аэрофлот и Связьинвест, телекоммуникационная холдинговая компания. Вопрос рассматривался вместе с банками, владевшими акциями в этих предприятиях и диктовавшими им условия.

Банки, в свою очередь, действуя в поддержку правительства, которое их обогатило, внесли по крайней мере 170 млн долл. — а возможно, и во много раз больше — в избирательную кампанию по перевыборам Ельцина. Узаконенные же траты не должны были превышать 1,7 млн долл. Таким образом, банки гарантировали победу Ельцина¹¹.

Третьим процессом, способствовавшим росту российской криминальной олигархии, связанный с двумя другими, явился процесс криминализации.

Как и приватизация, современная криминализация в России началась в эпоху перестройки. Задуманные Горбачевым реформы начались с легализации «кооперативов», которые стали единственными частными торговыми предприятиями в Советском Союзе. Кооперативы быст-

ро начали преуспевать, но, подходя к ним с точки зрения идеологической, их оставили без защиты правоохранительных органов в те времена, когда нанимать частную охрану считалось незаконным. Таким образом, кооперативы стали соблазнительной наживкой для бандитов, и по всей стране начали формироваться банды, вымогавшие у них деньги.

К 1992 году почти все малые предприятия и уличные киоски в России выплачивали рэкетирам деньги. Однако денежные средства отдельных магазинов и киосков не шли ни в какое сравнение с государственным бюджетом, и когда после начала реформ Гайдара криминальные группировки увидели, что бывшие советские чиновники используют свои связи для приобретения огромной, не заработанной ими частной собственности, они стали с помощью террора захватывать власть на предприятиях, принадлежавших этим бывшим государственным чиновникам. Одной из примет деятельности этих группировок было растущее число банкиров и бизнесменов, ставших жертвами заказных убийств¹².

Однако криминальный террор, направленный против российских бизнесменов с большими связями, просуществовал недолго. Скоро бандиты, бизнесмены и продажные государственные чиновники начали работать вместе. Бандиты нуждались в бизнесменах, поскольку им нужно было куда-то вкладывать свой капитал, но в большинстве случаев им не хватало умения управлять крупными предприятиями. Бизнесмены, в свою очередь, нуждались в бандитах, чтобы заставить клиентов выполнять свои обязательства. До недавнего времени почти каждый крупный банк или коммерческая организация в России использовали бандитов для взыскания долгов.

Методы у бандитов были простые. Они сообщали должнику, что знают его адрес и все его перемещения, и если он не выплатит к определенному числу свой долг, он и его семья будут убиты. Обычно этого было достаточно, чтобы последовала выплата, и в этом случае половина выплаченных денег доставалась бандитам. Если же должник не мог с ними рассчитаться, его обычно зверски убивали.

Сотрудничество между бизнесом и преступностью не ограничивалось выбиванием долгов. Скоро стало ясно, что бандитов можно использовать и для других целей, начиная от устранения неугодных соперников до «убеждения» потенциальных деловых партнеров умерить свои аппетиты при согласовании условий договора. Наибольшего успеха достигали те банкиры и предприниматели, которые были тесно связаны с криминальными структурами.

Вскоре в состав **российских** коммерческих организаций вошли бизнесмены, основной талант которых заключался в умении устанавливать связи с **продажными государственными чиновниками**, которые за взятки, давали «добро» их проектам, и бандитами, которые выбивали долги и устраняли конкурентов. Все труднее становилось провести границу между бизнесменами и бандитами. Ничего не подозревающий российский предприниматель мог внезапно обнаружить, что если он не согласится на условия договаривающегося с ним внешне respectable бизнесмена, то его «партнер» станет угрожать его жизни.

К 1997 году небольшая группа банкиров и бизнесменов, в прошлом не пользовавшихся известностью, но имевших тесные связи с криминальными группировками и правительственными чиновниками, захватила контроль над **большой частью** российской экономики. В эту группу вошли Борис Березовский, директор агентства по продаже автомобилей «ЛогоВАЗ»; Владимир Потанин, директор Онексимбанка; Владимир Гусинский, директор Мост-банка, и Михаил Ходорковский, директор банка «Менатеп».

Приход в России к **власти людей**, которые нажили свое богатство не путем законной экономической деятельности, а с помощью воровства, вел к **экономическому краху**. За период 1992–1999 годов количество российского валового внутреннего продукта сократилось наполовину. Такого падения не было даже во времена немецкой оккупации. Россия стала классической страной «третьего мира», продавая свои сырьевые ресурсы — нефть, газ и драгоценные металлы — и закупая товары народного потребления¹³. Стоимость инвестиций в России падала с каждым годом на протяжении восьми лет, пока в 1999 году не стала составлять примерно 20% от уровня 1991 года¹⁴. Получив свои деньги, большей частью нажитые незаконным путем, российские нувориши отказывались вкладывать средства в российские предприятия, опасаясь, что будущее правительство их конфискует. Деньги в огромных количествах утекали из страны; предположительная сумма средств, вывезенных из России нелегальным путем в период правления Ельцина, составила от 220 до 450 млрд долл.¹⁵

Экономическим бедствиям сопутствовала демографическая катастрофа. В 1990–1994 годов средняя продолжительность жизни мужчины снизилась **более чем** на шесть лет. В 1998 году она составляла пятьдесят семь лет — это самый низкий показатель в индустриаль-

ном мире. В конце 1990-х годов общая численность населения России снижалась на 750 000 человек в год, стране пришлось столкнуться с эпидемиями лекарственно-устойчивой формы туберкулеза и ВИЧ/СПИД¹⁶.

К 1998 году переход от коммунизма к капитализму более или менее завершился. В то же время разрушительное действие реформ привело к образованию постоянно растущей оппозиции, и именно успех олигархии в борьбе с этой оппозицией еще больше способствовал укреплению ее власти в России.

К началу 1999 года было широко распространено мнение, что с выбором нового президента в июне 2000 года неизбежно произойдет переоценка реформ, в том числе новый раздел собственности. Однако ожидаемое сведение счетов с правящей олигархией так и не произошло из-за ряда событий, которые были неожиданными для всех, кроме высшего руководства страны.

В августе 1998 года Россия пережила разорительный финансовый кризис. Будучи не в состоянии выполнить свои обязательства, правительство провело девальвацию денежных средств, не заплатив по долговым векселям 40 млрд долларов, и объявило мораторий на выплаты процентов по вкладам. Резко поднялись цены, и у большинства людей упал уровень жизни. Только что народившийся средний класс был уничтожен.

Экономический крах имел политические последствия. Политический рейтинг Ельцина сильно упал, и отрицательно оценивали его правление уже 80% избирателей. В результате Ельцин был вынужден идти на уступки своей политической оппозиции в Государственной думе.

За пять месяцев до этого Ельцин отправил в отставку Виктора Черномырдина, который пять с половиной лет занимал должность премьер-министра, и заменил его Сергеем Кириенко, бывшим министром топливной и энергетической промышленности. После августовского кризиса Ельцин снял с поста Кириенко и сделал попытку восстановить Черномырдина, но Дума дважды, 31 августа и 9 сентября, проголосовала против его кандидатуры. Коммунисты выдвинули кандидатуру Евгения Примакова, министра иностранных дел и бывшего главы разведывательной службы. Опасаясь третьего отказа от кандидатуры Черномырдина, с перспективой новых парламентских выборов, Ельцин назначил Примакова, кандидатура которого была одобрена Думой 11 сентября большинством голосов (317 против 63).

Назначение Примакова ознаменовало раскол в системе олигархии. Впервые с октября 1993 года, когда Ельцин распустил Верховный Совет, он столкнулся с альтернативным центром власти.

Примаков быстро доказал, что хочет добиться политической независимости правительства от олигархов и Администрации Президента. С этой целью он санкционировал расследование дел «семьи» Ельцина, группы, стоящей у вершины власти, куда входили дочери Ельцина Татьяна Дьяченко и Елена Окулова, Валентин Юмашев, глава Администрации Президента, Борис Березовский, Павел Бородин, ответственный за управление недвижимым имуществом в Администрации Президента, и другие олигархи и государственные чиновники, тесно связанные с Ельциным.

Расследование началось с Березовского, на которого в январе 1999 года пало подозрение в присвоении денежных средств, принадлежавших Аэрофлоту. Но задолго до начала этого расследования генеральный прокурор Юрий Скуратов занимался расследованием возможных выплат Бородину швейцарской фирмой «Мабетекс» в связи со строительными и восстановительными работами в Кремле — делом, к которому оказались причастны дочери Ельцина.

Осенью 1997 года Карле дель Понте, генеральному прокурору Швейцарии, были предоставлены полицейские отчеты о том, что представители российской организованной преступности контролируют более 300 швейцарских фирм и что швейцарский бизнесмен албанского происхождения Беджет Пакколи, стоявший во главе «Мабетекса», снабжал неизвестно как приобретенными средствами Ельцина и его дочерей. В сентябре 1998 года эти документы были направлены Скуратову.

22 января 1999 года был произведен обыск в офисе «Мабетекса» в Лугано и были обнаружены записи с указанными в них выплатами на общую сумму 600 000 долл. по кредитным картам дочерей Ельцина. Также оказалось, что Пакколи выплачивал денежные суммы Бородину и что бывший помощник президента «Мабетекса» Виктор Столповских получил от Пакколи комиссионные в размере около 8 млн долл., которые он, очевидно, поделил между большим числом российских должностных лиц.

Вооружившись сообщением дель Понте о результатах расследования, Скуратов продолжил следствие по делу, связанному с «Мабетексом», а также более интенсивно занялся изучением деятельности Березовского. 2 и 4 февраля до зубов вооруженные агенты Федеральной

службы безопасности ворвались в офисы Аэрофлота и частного охранного предприятия «Атолл», также связанного с Березовским. Теперь становилось ясно, что предпринимаются серьезные усилия для раскрытия коррупции и что ниточки тянутся к «семье» Ельцина.

Примерно в это же время скрытой видеокамерой сняли Скуратова, занимавшегося сексом с двумя проститутками в сауне, принадлежащей солнцевской криминальной группировке. Дьяченко показала видеозапись своему отцу, и Николай Бордюжа, глава Совета Безопасности РФ, вызвал Скуратова и попросил его подать в отставку. Скуратов формально согласился, но решил подождать голосования в Совете Федерации, который, согласно конституции, должен одобрить отставку Генерального прокурора. 17 февраля Совет Федерации отказался голосовать за смещение Скуратова. После этого Скуратов приказал своим сотрудникам продолжать расследование дела Березовского.

После того, как Совет Федерации отказался уволить Скуратова, представители «семьи» Ельцина тайно предлагали ему выступить в качестве обвинителя Березовского и прекратить расследование, связанное с «Мабетексом». Скуратов отказался. В марте он получил от швейцарской стороны более подробные отчеты о «Мабетексе». Руководитель расследования Георгий Чуглазов заявил, что 90% содержания отчетов были правдой, а Скуратов прокомментировал это так, что утверждение дель Понте о взятке в 10 млн долл. высокопоставленным российским чиновникам «выглядит вполне реальной суммой, которую, впрочем, нужно еще доказать»¹⁷.

17 мая в Совете Федерации вновь было проведено голосование по поводу снятия Скуратова и вновь он остался на своем посту. Через несколько дней по государственному телевизионному каналу РТР во время передачи новостей была показана видеозапись, сделанная в сауне солнцевской группировки. После этого Ельцин назначил Владимира Путина, малоизвестного руководителя ФСБ, вместо Бордюжи на должность главы Совета Безопасности (при этом он оставался главой ФСБ). Под руководством Путина против Скуратова было открыто уголовное дело. Его сексуальные развлечения, заснятые на видео, интерпретировались как взятка натурой в обмен на оказанные услуги. На этом основании Ельцин снял с поста Скуратова и назначил временно исполняющего обязанности прокурора. Ордер на арест Березовского был немедленно аннулирован.

Накануне третьего голосования по поводу Скуратова в Совете Федерации Ельцин попытался оказать давление на сенаторов, обещая им

перераспределить власть во многих регионах. Но сенаторы на закрытом заседании выслушали доклад Скуратова о коррупции среди высокопоставленных лиц и проголосовали в поддержку его 79-ю голосами против 61-го. Для «семейства» Ельцина теперь самой жизненно важной задачей стало назначение постоянно действующего прокурора, который покончил бы с расследованием «Мабетекса».

В то же самое время Ельцину, поведение которого вызывало негодование населения, выразили вотум недоверия. Ему предъявили обвинения по пяти пунктам: что он незаконно развалил Советский Союз в декабре 1991 года; что он действовал вопреки конституции, распустив Верховный Совет в октябре 1993 года; что он нарушил конституцию, развязав войну в Чечне в декабре 1994 года; что он ослабил российские вооруженные силы и совершал акты, ведущие к геноциду русского народа.

Слушание дела об импичменте готовилось в течение многих месяцев. 12 мая, за день до начала разбирательства, Ельцин уволил Примакова и его правительство и назначил временно исполняющим обязанности премьер-министра министра внутренних дел Сергея Степашина. Примаков стал самым популярным политическим деятелем в России, и Ельцин все меньше и меньше переносил независимость его суждений. В то же самое время быстрота, с которой Ельцин уволил Примакова, стала сигналом для депутатов, что в случае импичмента он может запретить коммунистическую партию и силой разогнать парламент.

Сорентировавшись в обстановке, «семья» Ельцина старалась сорвать компанию импичмента.

15 мая 1999 года

Один из депутатов фракции российских регионов в Государственной думе занимался подготовкой вотума по объявлению импичмента президенту Ельцину, когда в дверь его офиса постучали, и в комнату вошел незнакомый человек, представившийся как «доброжелатель, который хочет предложить очень выгодную сделку».

Незнакомец сказал:

— Вы можете получить большие деньги, берите, не церемоньтесь, и в то же время вы поможете нам.

Однако он не уточнил, кого он имел в виду под словом «нам».

Из пяти обвинений, выдвинутых против Ельцина, только одно — развязывание войны в Чечне — имело шанс набрать две трети голосов,

необходимых для импичмента. Поэтому депутат не удивился, когда незнакомец объяснил ему, что более всего он заинтересован в том, чтобы его собеседник не поддерживал пункт обвинения, касающийся Чечни.

— Можете голосовать за импичмент, — заявил незнакомец. — Только не голосуйте за пункт, касающийся Чечни. Можете сказать, что вы поддерживаете импичмент, но не можете заставить себя одобрить обвинение относительно Чечни, потому что не считаете, что за развязывание войны ответствен президент.

Затем последовала многозначительная пауза, после чего незнакомец сказал:

— Я могу предложить вам 30 000 долларов.

Депутат встал и произнес:

— Простите, но я боюсь, что вы ошиблись дверью.

Примерно в то же время другой депутат от фракции российских регионов принимал аналогичного посетителя, который предлагал ему 30 000 долл. за то, чтобы тот не голосовал за импичмент. Депутат не принял 30 000 долл., но проявил заинтересованность к сделке. Однако он настаивал на том, что проголосует по крайней мере за один пункт обвинения против Ельцина. Посетитель спросил, за какой именно. Депутат ответил, что проголосует за обвинение Ельцина в том, что он незаконно разрушил Советский Союз.

Посетитель улыбнулся: «Мы уважаем ваш выбор». Они сошлись на сумме 52 000 долл.

Пока Ксения Колбакова, корреспондент ИТАР-ТАСС, ожидала результатов голосования по поводу импичмента, эти и другие истории о попытках подкупа депутатов переходили из уст в уста среди журналистов, которые толпились в коридоре, за дверьми пресс-центра и поддерживали постоянную связь с депутатами и их служебным персоналом.

Хотя Колбакова и раньше предполагала, что Ельцину будут предъявлены обвинения по крайней мере по одному из пяти пунктов, теперь у нее появились сомнения. Очевидно, кто-то хорошо поработал, чтобы подкупить депутатов с целью оставить Ельцина. Зная депутатов по своей работе в качестве парламентского корреспондента, она мало верила в то, что они смогут устоять.

Твердая уверенность в действенности взяток, которые только и могут сохранить Ельцину президентский пост, казалась тем более поразительной, что на карту были поставлены очень серьезные проблемы, ведь эти обвинения затрагивали всю историю России периода реформ.

Первый день слушания дела начался с речи Вадима Филимонова, председателя комиссии Думы по импичменту, который внушительно и уверенно приводил факты за отстранение Ельцина от руководства.

Он говорил, что Ельцин не имел права вопреки Конституции Российской Федерации распускать Советский Союз и что, заключив Беловежское соглашение, он нанес «колоссальный ущерб» безопасности и обороноспособности Российской Федерации. Упразднив российский Верховный Совет в 1993 году, продолжал Филимонов, Ельцин захватил власть, которая по закону принадлежала Верховному Совету, и его действия привели к смерти большого числа невинных людей. Война в Чечне была незаконной, так как Конституция не давала президенту права в одностороннем порядке принимать решения об использовании силы внутри страны, и действия Ельцина привели к огромным финансовым потерям и смерти десятков тысяч людей.

В отношении четвертого пункта обвинения против Ельцина Филимонов заявил, что его действия привели к ослаблению российских вооруженных сил, и комиссия признала, что кризис российских вооруженных сил явился результатом «преднамеренного поведения президента и его небрежного отношения к своим обязанностям». В отношении пятого обвинения, что Ельцин проводил акты, «ведущие к геноциду русского народа», Филимонов сказал, что, даже в соответствии с официальными данными, потери населения в России с 1992 по 1998 год составили 4,2 миллиона человек. «Ельцин сознательно шел на ухудшение условий жизни россиян, что обернулось неизбежным ростом смертности среди населения и падением рождаемости. Все предложения об изменении политического курса неизменно отвергались».

Филимонов заявил, что специальная комиссия по импичменту пришла к заключению, что все пункты обвинения являются справедливыми. В заключение Филимонов сказал: «Кровь убитых и инвалидов, слезы умирающих, униженных и оскорбленных стучат в наши сердца!»

След за Филимоновым выступил Виктор Илюхин, главный обвинитель по делу Ельцина, и председатель Комитета безопасности Думы. Он подчеркнул, что правление Ельцина носило авторитарный характер, и поэтому именно на Ельцина ложится ответственность за трагедию России. «Страна находится в состоянии упадка, и... это само по себе делает невозможным дальнейшее пребывание Ельциным на его посту. Мы надеемся, что его отстранение будет началом процесса

возрождения страны. Наше настоящее решение данного вопроса станет серьезным предупреждением настоящим и будущим правителям России».

На обвинения против Ельцина откликнулся Александр Котенков, представитель президента в Государственной думе. Ельцин не отвечает за развал Советского Союза, сказал он, потому что во время заключения Беловежского соглашения Советский Союз уже не существовал в своей первоначальной форме. В нем оставалось только семь республик из пятнадцати, и поэтому «России не от чего было отделяться». Роспуск Верховного Совета был оправдан, сказал Котенков, потому что управление президента обладало большей законностью в глазах народа, чем Верховный Совет, и Верховный Совет препятствовал любым попыткам ограничения его монополии на власть.

В отношении третьего пункта обвинения, ответственности за развязывание войны в Чечне, Котенков сказал, что указы Ельцина не предусматривали прямых военных действий. Средства, использованные при выполнении указов Ельцина по разоружению чеченских боевиков, выбирала сама армия. Котенков также заявил, что Ельцин пытался спасти армию от кризиса и не был ответствен за «геноцид русского народа», за то, что население России уменьшалось с каждым годом, начиная с 1960 года.

Затем каждый из говоривших ответил на вопросы зала, большей частью заново утверждая свои позиции.

Тем временем толпы демонстрантов около Думы кричали: «Ельцина под суд!» Журналисты в пресс-центре наблюдали за происходящим у экранов телевизоров и, временами, засыпали.

На второй день слушания дела были выступления с мест. Владимир Жириновский, лидер Либерально-демократической партии, защищал Ельцина. «Как Горбачев обманывал нас, — сказал он, — коммунисты теперь хотят сделать то же самое. Вы хотите свалить вину за все на одного человека... В 1917 также нашли одного человека, виновного во всем, — царя. И он согласился с этим, даже отрекся от престола. А что с ним после этого стало?»

Ольга Беклемищева, депутат из Нижнего Новгорода, заявила, что во время расследования октябрьских событий 1993 года было установлено, что «Скорой помощи» в Москве запрещалось оказывать помощь защитникам Белого дома. «Врачам приходилось нарушать свой профессиональный долг. Только врачи-добровольцы из Академии им. Сеченова помогали раненым. Трое из них были убиты... Я буду голосовать за импичмент».

После того, как еще несколько ораторов высказали свои соображения по различным пунктам обвинения, слово было предоставлено Виктору Бенедиктову, врачу, приглашенному коммунистами. Он принес с собой резолюцию недавнего конгресса российских врачей, в которой говорилось об ужасном демографическом положении в России. «Сокращение численности населения продолжается на фоне ухудшения здоровья всех возрастных групп населения, — сказал он. — Есть все причины предполагать, что население страны в XXI веке сократится до такой степени, что сохранение численности населения и его воспроизводство станут невозможными».

На третий день Геннадий Зюганов, лидер коммунистов, сказал, что 98% населения России были единодушны: «Долой Ельцина!»

Владимир Рыжков, лидер фракции «Наш дом — Россия», заявил, что его партия будет голосовать против импичмента, туманно пояснив, что «справедливость требует движения к истине». Еще некоторые ораторы со стороны оппозиции повторяли аргументы Илюхина, а затем заседание было приостановлено для голосования и подсчета голосов.

Когда дебаты близились к завершению, Сергей Зверев, заместитель главы Администрации Президента, хорошо знавший депутатов, начал рассказывать журналистам, что он уверен в том, что импичмент не пройдет. Глеб Черкасов, корреспондент «Москоу ньюс», разговаривал с помощниками депутатов, которые отказались от взяток. Ему рассказали, что в пятницу 14 мая лоббисты предлагали 30 000 долл. депутатам, чтобы они голосовали против импичмента, но цену пришлось поднять.

Ксения Колбакова была встревожена внешним видом лоббистов, которые, казалось, только что вышли из тюрьмы. Многие из них толпились в буфете на первом этаже, беспрестанно курили и пили пиво, создавая полукриминальную атмосферу.

Когда слушание дела было приостановлено из-за перерыва на обед, парламентские служащие начали печатать избирательные бюллетени по каждому из пяти пунктов обвинения, и депутаты были отпущены до 15 часов. Зюганов сказал репортерам, что обвинение относительно Чечни наберет 300 голосов, необходимых для импичмента, а обвинение по поводу Беловежского соглашения может также получить необходимые две трети голосов. Однако его оптимизм был напускным по нескольким причинам. Во-первых, имелись сообщения о том, что многие депутаты не взяли свои бюллетени. В то же время депутаты и члены аппарата Думы рассказывали журналистам, что стоимость взяток постоянно возрастала. Лоббисты приходили к колеблющимся депутатам и предлагали заплатить им от 50 000 до 70 000 долл.

Коммунисты и фракция «Яблоко» приняли решение голосовать в пользу импичмента по вопросу Чечни. Партия российских регионов также склонялась к импичменту, но ее членам сказали, что они свободны голосовать по своему усмотрению. Лоббисты сосредоточили свои усилия на покупке голосов членов этой фракции.

Колбакова заметила, что лидеры коммунистической партии начали устраивать встречи за закрытыми дверями, и когда они выходили оттуда, то казались мрачными и неразговорчивыми, что резко контрастировало с их прежним оптимистичным настроением. Наконец в комнату для журналистов Думы вошел Александр Кравец, идеологический секретарь партии, заняв свое место у микрофона на сцене за столом. Толпа репортеров затихла и подалась вперед, когда он заговорил. «Депутатов подкупают, — сказал он. — Начальная цена равнялась 30 000 долларов. Если депутат согласится проголосовать против всех пунктов обвинения, то получит гораздо больше».

Подсчет голосов продолжался, но после заявления Кравца все напряжение спало. Больше никто уже не ждал, что Ельцину объявят импичмент.

В 17.30 комиссия по подсчету голосов объявила, что за обвинение в отношении Чечни в пользу импичмента проголосовали 283 депутата. Это было подавляющее большинство, но не хватало еще 17 голосов для необходимых двух третей. По другим пунктам подсчет обвинений получил еще меньше голосов.

После того как были оглашены все цифры, коммунисты казались ошеломленными. Филимонову было трудно говорить. Зюганов сообщил репортерам: «Все были подкуплены». Он обещал на следующий день начать расследование.

После того, как импичмент потерпел поражение, Степашин предпринял попытку организовать прокремлевскую партию, способную потеснить процветающее движение «Отечество—вся Россия», организованное Юрием Лужковым, мэром Москвы, который поддерживал на высоком посту Примакова. 23 августа Лужков пообещал, что если Примаков, самый популярный политический деятель страны, будет баллотироваться на пост президента, он поддержит его.

По мере того как экономическое положение в России постоянно ухудшалось, рейтинг Ельцина упал до 2%, и тем, кто был тесно связан с его режимом, стало ясно, что их положение и благосостояние находятся под угрозой.

Закон о приватизации, принятый в 1992 году, содержал лишь общие принципы и не был предназначен для применения к конкретным актам приватизации. Эти акты проводились на основании президентских указов. Все крупные нефтяные компании и финансовые промышленные круги были созданы в соответствии с его указами, равно как и некоммерческий телевизионный канал ОРТ. Продажа промышленных предприятий в ходе программы «Ссуды за акции» также производилась в соответствии с указами. Но то, что создавалось по указу, можно было указом и отменить, и с выбором нового президента было наиболее вероятно, что многие результаты приватизации будут уничтожены росчерком пера.

В то же самое время расследования по делу Березовского и «Мабеткса» показали, что в случае победы на выборах оппозиции Ельцина те, кто незаконно накопили состояние в годы его правления, — и это, в сущности, была совершенно новая элита, включая членов семьи Ельцина — рисковали потерять не только свою собственность, но и свою свободу и даже жизнь. По этой причине примыкавшие к Ельцину были полны решимости удержать его на посту или любой ценой закрепить президентское кресло за выбранным им преемником.

Вначале надеялись, что Степашин одержит победу над Примаковым. Но скоро стало ясно, что он плохо подходит для этой роли. Похоже, у него не было энтузиазма нападать на Примакова и Лужкова изнутри, и было известно, что он отвергнул планы введения чрезвычайного положения и отмены президентских выборов из боязни начала гражданской войны.

Согласно статье, опубликованной 22 июля в «Московской правде», основанной на секретных документах, один из планов, обсуждавшихся в Кремле, состоял в создании беспорядков в Москве путем организации террористических актов, похищения детей и войны между соперничающими криминальными кланами¹⁸. Этот план, известный среди посвященных как «Ураган в Москве», никогда не был осуществлен, но разразился гораздо более сильный кризис, изменивший ход истории и против всех ожиданий спасший режим Ельцина.

5 августа 1999 года исламисты под предводительством двух командиров — Шамиля Басаева и Хаттаба, предположительно гражданина Саудовской Аравии, вторглись из Чечни в западный Дагестан с целью начать антироссийское восстание. 9 августа Степашин был освобожден от должности, и его место занял Владимир Путин¹⁹. 22 августа боевики отошли назад в Чечню без тяжелых потерь.

Это вторжение вызвало в России и возмущение, и подозрение, что это провокация, направленная на то, чтобы подготовить народ к новой войне в Чечне. Подразделение внутренних войск, охранявшие границу, были отозваны незадолго до вторжения чеченцев, поэтому боевики под предводительством Басаева и Хаттаба беспрепятственно вошли в Дагестан. В течение двух недель, пока они вели борьбу с местной милицией, Российская армия не делала попыток атаковать их. Затем они ушли из Дагестана на 72 КамАЗах, и им никто не помешал. В своих комментариях по поводу вторжения Виталий Третьяков, редактор «Независимой газеты», правами на которую владел Березовский, утверждал, что чеченцы были завлечены в Дагестан в ходе операции, организованной российскими разведывательными службами²⁰.

Александр Жилин, видный военный журналист, рассказывал, что он разговаривал с высокопоставленными офицерами генерального штаба, Министерства обороны и Министерства внутренних дел, и все согласились, что вторжение было подготовкой другой, предвыборной чеченской войны. «В этой связи, — писал он, — все мои собеседники без исключения отмечали немаловажную деталь: ФСБ и Совет Безопасности возглавлял глава правительства Владимир Путин²¹».

Несмотря на подозрение, что это была провокация, вторжение в Дагестан переключило внимание страны на Северный Кавказ. В конце августа федеральные войска начали наземные и воздушные атаки на дагестанские села, находившиеся под контролем ваххабитов, будто бы пытаясь в какой-то степени отомстить им за более раннее вторжение. 31 августа мощный взрыв прогремел в подземном торговом центре в Манеже рядом с Кремлем, при этом один человек был убит и 30 ранены²². Это событие всколыхнуло политическую атмосферу, но надо было накалить напряженность до качественно нового уровня, чтобы возбудить народ до нужного состояния и заставить его поддерживать вторую чеченскую войну. Это и произошло в результате событий, случившихся в последующие несколько дней.

События разворачивались будто бы по определенному плану.

4 сентября в 21.40 в городе Буйнакске в Дагестане взорвалась машина, начиненная взрывчаткой, разрушив пятиэтажное жилое здание, где жили семьи российских военнослужащих. В результате взрыва погибло 62 человека и около 100 были ранены.

9 сентября, вскоре после полуночи, взрыв разрушил все девять этажей центральной части здания на улице Гурьянова, 19, в районе Печатники в Москве. Несколько тел было отброшено на соседние ули-

цы. Огонь бушевал несколько часов под окутанными удушливым дымом развалинами. К концу первого дня число погибших достигло 98 человек²³.

Российские официальные службы тут же обвинили во взрывах на улице Гурьянова и в Буйнакске чеченских террористов, стремившихся «отомстить» за свое «поражение» в Дагестане. Представитель ФСБ заявил, что взрывчатое вещество, использованное в обоих взрывах, — это смесь гексогена и динамита. Выражаясь словами Ельцина, террористы «объявили войну россиянам».

Теперь жители Москвы начали опасаться, что их взорвут во время сна. Ельцин приказал Лужкову осмотреть все 30 000 домов Москвы на предмет поиска взрывчатки, а жители Москвы организовали круглосуточные дежурства во дворах домов. Милиция приняла тысячи звонков от жителей столицы, в которых сообщалось о подозрительных фактах.

13 сентября мощный взрыв превратил девятиэтажное панельное жилое здание в Москве на Каширском шоссе, 6, в окутанные дымом развалины. Взрыв произошел в 5.00, и, проснувшись, москвичи увидели на телевизионных экранах, как рабочие аварийной службы лихорадочно пробираются через завалы. Один из спасателей спросил: «Как можно сказать, сколько людей погибло, если мы находим только их фрагменты?» Число погибших во время взрыва на Каширском шоссе вскоре достигло 118 человек.

16 сентября, когда еще не успели похоронить все жертвы первых взрывов, новый взрыв обрушил фасад девятиэтажного жилого дома в южной части российского города Волгодонска, при этом погибло по крайней мере 17 человек и получили ранения 69. Психологический шок, произведенный этим взрывом, который, как и взрыв на Каширском шоссе, произошел в 5.00, был настолько велик, что после этого сотни людей не желали спать в своих домах и настаивали на том, чтобы провести ночь на улице²⁴.

После взрыва на телевизионных экранах появился Путин и заявил, что террористов нужно «мочить в сортире»²⁵.

Так в результате взрывов были созданы психологические предпосылки для второй чеченской войны.

Россияне всегда характеризуют нападение Гитлера на Советский Союз как «вероломное», и именно гнев, вызванный этим нападением, помог мобилизовать Советский Союз в первые дни Великой Отечественной войны. Теперь взрывы сыграли такую же роль. С точки зрения

большинства россиян чеченцы несли с собой войну, и им надо было отомстить, пусть даже это означало, что нужно идти на войну.

Но почти с самого начала были и сомнения, действительно ли взрывы — дело рук чеченских террористов. И Аслан Масхадов, чеченский лидер, и Басаев отрицали тот факт, что чеченцы имеют какое-то отношение к этим взрывам²⁶. Однако еще сильнее, чем эти заявления, беспокоили обстоятельства самих взрывов, которые делали все более невероятными утверждения, что их устроили чеченские террористы. Во-первых, всем четверем взрывам был свойствен один и тот же почерк, судя по характеру разрушений, по тому, как рушились бетонные панели, и по размеру взрывов. В каждом случае в качестве взрывчатки применялся гексоген, и все четыре бомбы были подложены так, чтобы взрыв произошел ночью, чтобы вызвать наибольшее число жертв.

Во-вторых, чтобы без помощи специалистов совершить то, в чем их обвиняли, чеченским террористам понадобилось бы в течение двух недель в городах, значительно удаленных друг от друга, организовать девять взрывов (четыре, которые произошли, и пять, которые, по утверждению российских властей, им удалось предотвратить). Для этого пришлось бы действовать с молниеносной быстротой. Так, в здании на Каширском шоссе милиция проверила подвалы всего за три часа до взрыва.

В-третьих, чеченцам понадобилось бы также проникнуть на совершенно секретные российские военные заводы. Следователи сообщили, что каждая бомба содержала от 200 до 300 килограмм гексогена, который производился в России только на одном-единственном заводе в Пермской области, охраняемом ФСБ. Распределение продукции ведется там по строгому учету. Несмотря на это, предполагаемые чеченские террористы якобы могли получить этот гексоген и осуществить его транспортировку по всей России.

И, наконец, чеченским террористам пришлось бы продемонстрировать техническую виртуозность. В Москве взрыв бомбы на улице Гурьянова вызвал обвал лестничных пролетов. На Каширском шоссе восьмэтажное кирпичное здание было превращено в груды камней. В Волгодонске взрывом убито 17 человек, и от него пострадало 37 зданий вокруг. Чтобы добиться таких результатов, нужно тщательно определить и подготовить взрывчатые вещества. В Москве взрывчатка была подложена таким образом, чтобы разрушить наиболее уязвимые и важные структурные элементы, так, чтобы все здания рассыпались, как карточные домики. Такие тщательные расчеты под силу лишь опытным

специалистам, а единственным источником таких специалистов в России являются спецназ, военная разведка (ГРУ) и ФСБ²⁷.

Другим интригующим аспектом взрывов жилых зданий был расчет времени. Взрывы объяснялись как ответ на исламское вторжение в Дагестан под предводительством чеченцев в начале месяца (которое многие считали провокацией со стороны России). Тщательное расследование взрывов жилых зданий, однако, показало, что для организации их потребовалось бы от четырех до четырех с половиной месяцев. При построении модели указанных событий видно, что конспирация строго соблюдалась на всех этапах подготовки взрывов: при разработке целей нападения, посещении этих целей, внесении корректив, определении оптимальной смеси взрывчатых веществ, отдаче приказов об их подготовке, проведении точных расчетов на основании состава взрывчатки, найме в аренду площадей в намеченных зданиях и транспортировке туда взрывчатых веществ.

Если бы даже эти расчеты были хотя бы приблизительно верными, планирование взрывов должно было начаться еще весной и никак не связано с возмездием за чеченское вторжение в Дагестан. Однако эти взрывы могли быть составной частью плана, в который входило чеченское вторжение в Дагестан, ответная бомбардировка ваххабитских селений якобы с целью возмездия и взрывы в Буйнакске, Москве и Волгодонске под видом ответной чеченской мести. Но подобный план мог осуществляться только должностными лицами российского правительства в сотрудничестве с ФСБ²⁸.

Вначале эти противоречия волновали лишь небольшую группу людей, знакомых с террористическими организациями и возможностями ФСБ. Но вечером 22 сентября, шесть дней спустя после взрывов в Волгодонске, произошел инцидент с «тренировочными учениями» в Рязани, и пойманные там «террористы» оказались офицерами ФСБ²⁹. Вскоре после этого в ФСБ стали утверждать, что взрывчатым веществом, использованным во время терактов в Буйнакске, Москве и Волгодонске, был не гексоген, как об этом говорилось в течение нескольких недель, а смесь порошка алюминия и аммиачной селитры, которые можно найти в любом колхозе.

У многих россиян не укладывалось в голове, что ФСБ может быть причастна к взрывам жилых зданий, но оба эти события усилили подозрения. Многие просто не могли поверить в то, что фальшивая взрывчатка была подложена в подвал жилого дома в Рязани в ходе «тренировочных учений». В то же время изменение названия взрывчатого вещества казалось попыткой опровергнуть факт обнаружения

газовым анализатором гексогена в Рязани — ведь единственный завод в России, производящий гексоген, находился под охраной ФСБ. Милиция уже арестовала одного человека со следами гексана на руках, который по своим химическим свойствам напоминает гексоген³⁰. Однако эти подозрения не создали серьезных проблем для ФСБ. Утверждения ФСБ по поводу «тренировочных учений» в Рязани и изменения типа взрывчатого вещества, хотя и казались неправдоподобными, но их трудно было опровергнуть. Мешки со взрывчаткой, обнаруженные в подвале дома № 14/16 по улице Новоселов в Рязани, находились под надзором ФСБ, и к ним запрещено было приближаться посторонним лицам. И точно так же невозможно было доказать, что во время терактов использовался гексоген, потому что место катастрофы расчищалось в течение нескольких дней после взрывов, уничтоживших следы преступлений. На улице Гурьянова груды камней разобрали за три дня³¹.

После этих взрывов Россия предприняла новое вторжение в Чечню, которое теперь встретило огромную поддержку населения. Путин был назначен преемником Ельцина, и предвыборная агитация за него началась в то самое время, когда российские войска двигались по чеченской равнине к Тереку. В стране, уставшей от преступности и беспорядков, государственное телевидение помогло Путину создать образ компетентного, энергичного и решительного человека; за несколько недель его рейтинг совершил скачок от почти нулевого до главного кандидата в президенты.

Но по мере продолжения чеченской войны и расширения кампании по выборам президента все более распространялись опасения по поводу того, что события, приводящие к войне, были спланированы заранее. Некоторые политические обозреватели в Москве отмечали, что события разворачивались таким образом, как это описывал в своей книге известный политолог из Чикагского университета Гарольд Лассвелл, и были наиболее оптимальными для успешной пропаганды. В книге, касаясь пропагандистской деятельности союзников во время Первой мировой войны, Лассвелл писал, что успех пропагандиста определяется степенью напряженности среди населения, которую автор называл «условием приспособления или плохого приспособления: сюда входят общественное беспокойство, нервозность, раздражительность, волнение, недовольство или напряжение». По мнению Лассвелла, «пропагандист, ведущий пропаганду в обществе с высоким уровнем напряженности, обнаруживает, что для воспламенения скопившейся в

нем взрывной энергии достаточно маленькой спички, которой в обычном состоянии можно было бы разжечь только костер³².

Не было сомнения в том, что чеченскую войну Путин вел, имея дело с обществом, где степень напряженности после сентябрьских терактов сильно возросла. Когда Волошин начал расследование рязанского инцидента, друзья посоветовали ему ознакомиться с книгой Лассвелла, зная о популярности американского политолога в кругах ФСБ. Прочитав книгу, Волошин пришел к выводу, что события были разыграны по сценарию, написанному Лассвеллом.

В то же время, хотя доказательств причастности к взрывам чеченцев не было, предполагалось, что они имеют чеченский «хвост», хотя для чеченцев взрывы не имели смысла³³. Добившись относительной независимости в первой чеченской войне, они знали, что легко могут лишиться ее, если Россию спровоцировать в достаточной степени. Если предполагать, что чеченцы понимали опасность вторжения, но — из чистой ненависти — все же устроили взрывы жилых зданий, то для них было бы логичным совершить новые террористические акты сразу же после вторжения, однако этого не произошло. В то же время, взорвав жилые дома в рабочих районах, а не стратегические объекты или же цели, важные как символы государства, чеченские террористы как бы объявили войну российскому населению, и такой взрыв был бы совершенно нелогичным для выражения протеста против действий российского государства.

Возможно, никогда не будет убедительных доказательств того, кто же организовал взрывы жилых зданий. Прямые улики относительно рязанского инцидента находятся в руках ФСБ и, очевидно, никогда не будут преданы гласности. Однако политическая ситуация в момент взрывов степень подготовки организации и экспертизы, продемонстрированные при их выполнении, а также подозрительный характер «тренировочных учений» в Рязани — все это говорит о том, что эти взрывы были организованы не чеченцами, которые ничего не выигрывали от них, а теми, кому нужна была еще одна война, способная протолкнуть Путина на пост президента и тем самым спасти свое добытое путем коррупции благосостояние. Это могли быть только лидеры самого режима Ельцина.

В октябре 1999 года окружение Ельцина способствовало организации «Единства» — прокремлевской политической партии, которая ассоциировалась с Путиным. В то же время партия «Отечество—вся Рос-

сия», организованная Лужковым и Примаковым, подвергалась жесточайшим нападкам прессы, контролируемой «семьей» Ельцина³⁴. В конце концов, несмотря на то что партия «Единство» не имела идеологической платформы, 17 декабря она набрала 23% голосов, слегка отстав от Российской коммунистической партии, которая набрала 24%. «Отечество—вся Россия», у которой ожидалось рекордное число голосов, набрала всего 13%.

В свете полученных результатов Лужков и Примаков сняли свои кандидатуры на пост президента, расчищая дорогу Путину. Единственной проблемой оставалось время проведения президентских выборов. Чеченская война шла полным ходом, и рейтинг Путина был высоким, но не было гарантии, что такая ситуация удержится до запланированной даты выборов — в июне 2000 года. Но если бы Ельцин ушел в отставку немедленно, Путин стал бы временно исполняющим обязанности президента и выборы можно было бы провести через три месяца, что дало бы Путину огромные преимущества. Окружение Ельцина убедило его согласиться на это, и вот в канун Нового года Ельцин ушел в отставку, сняв в себя бразды правления.

Выборы были назначены на 26 марта, и Путин отказался от интенсивной избирательной кампании и избегал даже объяснений относительно своей позиции по главным вопросам, касающимся положения в стране. В результате россияне выбирали того, о ком они ничего не знали, и из-за этого наделили его чертами, на которые рассчитывали.

Благодаря сентябрьским взрывам гнев населения был перенесен с криминальной олигархии, ограбившей страну, на чеченцев. И поскольку было ясно, что война ведется успешно, Путин получил поддержку народа, которая в противном случае досталась бы тем, кто пытался бороться со смертельно опасным наступлением криминала на российское общество.

В результате Путин набрал 54% голосов, Геннадий Зюганов — 30%, на 2% меньше, чем в первом раунде против Ельцина в 1996 году.

7 мая 2000 года

Незадолго до полудня Путин вошел в Андреевский зал Большого Кремлевского Дворца и прошел по красному ковру к возвышению, где его ждал Ельцин. Два человека встали вместе под двуглавым золотым орлом. Огромное количество видеокамер запечатлеvalo то, что потом описывалось как первая демократическая передача власти мирным путем в российской истории.

По словам Ельцина, он и не предполагал, что испытает столь сильные чувства. Медленно произнося слова, как будто с трудом читая их по телесуфлеру, он сказал: «Теперь нам есть чем гордиться... Мы не позволили нашей стране попасть в руки диктаторов. Мы сохранили для России почетное место в мировом сообществе... и открыли дорогу для нормального удовлетворения потребностей людей».

Ельцин обратился к Путину: «Берегите Россию».

Как видели политические соперники Ельцина — Зюганов, Лужков и Григорий Явлинский, председатель партии «Яблоко», Путин положил правую руку на Конституцию и принес должностную присягу, пообещав защищать права и свободы граждан, целостность правительства и следовать Конституции.

Затем Путин произнес речь, которую, очевидно, заучил наизусть. «Мы обязаны сделать все, — говорил он, — чтобы власть, выбранная народом, работала в интересах народа, защищала российских граждан повсюду, в нашей стране и за ее пределами, и служила интересам общества». Он описывал, как в ходе избирательной кампании он встречался с людьми на улицах, которые говорили ему: «Мы просим вас по крайней мере не обманывать нас». Путин пообещал работать «открыто и честно».

Но, произнося свою речь в великолепном Андреевском зале, Путин дал понять, что ему не чужды цезаристские замашки. «В России, — заявил он, — глава правительства всегда был и будет человеком, который отвечает за все».

Таким образом, потенциальный вызов, брошенный системе криминальной олигархии в России, потерпел поражение. Эпоха Путина началась с того момента, где закончилась эпоха Ельцина. Александр Волошин, главный советник Ельцина, сохранил свой пост главы Администрации Президента³⁵. Михаил Касьянов, министр финансов в кабинете Ельцина, был назначен премьер-министром и вместе с большинством его главных министров имел тесные связи с «семьей» Ельцина.

И, что важнее всего, «семья» Ельцина определила выбор нового генерального прокурора. 16 мая 2000 года Совет Федерации выдвинул на обсуждение кандидатуру Дмитрия Козака. Но на следующий день Путин предложил другую кандидатуру — временно исполняющего обязанности генерального прокурора Владимира Устинова. Как писала газета «Сегодня», такой кардинальный поворот произошел после того, как кандидатура Козака была отвергнута Волошиным. Согласно

газетной статье, такое решение было принято потому, что Волошин не был уверен в том, что Козак не будет продолжать копаться в делах, связанных с Аэрофлотом и «Мабетексом».

Через десять месяцев ситуация изменилась до такой степени, что многие даже не могли себе представить. Ельцину и его семье были предоставлены гарантии неприкосновенности, новое правительство было очень похожем на старое, представителям правящей олигархии не нужно было больше опасаться преследований за свою криминальную деятельность. Все разговоры о перепроверке распределения собственности в период процесса приватизации — самого преступного разбазаривания государственных ресурсов в истории — прекратились.

5. Золотоискатели

**Бесплатный сыр бывает только
в мышеловке**

В теплый апрельский день 1995 года длинная очередь выстроилась вдоль оживленной улицы рядом с фирмой «Русская недвижимость». Люди в потертой одежде терпеливо ждали, пока откроются двери фирмы.

Вера Мозжилина, первая в очереди, потеряла 5 млн рублей, когда «Русская недвижимость» прекратила свою деятельность. Теперь она простояла в очереди уже семь часов, с 7 часов утра, вместе со своим сыном Василием, чтобы встретиться с представителем фирмы. Мозжилина и ее муж жили вместе с дочерью, сыном Василием, его женой и внучкой, в небольшой трехкомнатной квартире и хотели построить себе дополнительное жилье, чтобы избавиться от тесноты. Мозжилины уже однажды пытались построить дом, но гиперинфляция съела их сбережения, и они не могли позволить себе закончить его. Чтобы скопить денег на новый дом, муж Мозжилиной, водитель грузовика, ездил в Оренбургскую область на уборку урожая, где работал по 16 часов в день, занимаясь перевозкой зерна. Когда он вернулся, у него с Верой уже была необходимая сумма, но она убедила его вложить деньги до весны в «Русскую недвижимость», когда у них появятся необходимые строительные материалы.

Действительно «Русская недвижимость» была надеждой многих. В 1993 году фирма начала рекламировать свою деятельность по радио, обещая платить по 6 рублей в день за каждую вложенную тысячу рублей. С этого момента началась «золотая лихорадка».

Почти сразу же «Русская недвижимость» организовала 46 региональных филиалов и 1100 пунктов по продаже акций в 280 городах. Никто не знал, чем именно занималась «Русская недвижимость», но рекла-

ма обладала гипнотическим действием. Длинные очереди выстраивались у офисов фирмы, многие из которых устраивались в сельских почтовых учреждениях, и вид собравшейся очереди привлекал новые толпы вкладчиков.

На самом деле «Русская недвижимость» не владела реальной недвижимостью или чем-то в этом роде. Это была холдинг-компания. В январе 1995 года фирма развалилась, убеждая акционеров, что они получат свои деньги позже. Результат был плачевным. Вкладчики снова толпились в очередях у офисов компании, только на этот раз они хотели не вложить свои деньги, а тщетно пытались спасти хотя бы малую их часть.

Вера уже приходила в компанию четыре раза и требовала, чтобы они расплатились с ней. Первые три раза служащие фирмы отвечал ей, что они ничего не могут ей сказать. Во время ее четвертого посещения ее обнадежили, что она получит свои деньги, когда придет в следующий раз. Обрадованная, она заказала материалы для дома, чтобы построить его летом.

Пока они ждали в очереди, Вера дала сыну свой плащ, но крепко держала в руках продуктовую сумку. Василий понятия не имел о том, что в этой продуктовой сумке находилась стеклянная бутылка с бензином. Незадолго до открытия Василий отошел постоять в тени соседнего дерева. Ровно в 14 часов компания распахнула свои двери, и Вера вошла внутрь. Внезапно до Василия донеслись ужасный вопль, а вслед за ним слабый детский крик. Очередь в панике выбежала на улицу. Василий попытался прорваться сквозь толпу. В коридоре стоял острый запах гари, а на полу офиса, к своему ужасу, он увидел обуглившееся тело матери. «По крайней мере они дают деньги на похороны», — сказала она. Мозгилину срочно отвезли в ближайшую больницу, но три часа спустя она скончалась.

Комментируя этот случай, газета «Труд» писала: «Мы живем в постоянном стрессе. Нам причиняют страдания, к которым мы не привыкли. И среди них — инфляция, вынуждающая многих испытывать судьбу. В действительности большинство из тех, кто вложил свои деньги в „Русскую недвижимость“, знали или, по крайней мере, догадывались, что рискуют. Но где можно чувствовать себя в безопасности? Мы привыкли к тому, что правительство обманывает нас, но чтобы человек взял на себя обязательство, пообещал выполнить его, издал документ, подтверждающий это, а затем обманул нас... к этому трудно привыкнуть»¹.

Последующие месяцы Василий пытался выяснить подробности смерти матери. Его посылали из одной инстанции в другую, в милицию, к районному прокурору. Тем временем в деревне Колтуши, где жила Мозжилина, распространился слух, что ее смерть произошла не в результате самоубийства, а от руки убийцы. Вера работала лаборанткой и недавно, чтобы заработать большую пенсию, устроилась маляром. В этой деревне многие люди потеряли деньги в «Русской недвижимости», и они говорили, что компания организовала убийство Мозжилиной, чтобы напугать других, кто ранее приобрел акции и теперь требовал деньги назад.

Наконец журналист газеты «Труд» получил материалы проведенного расследования. В них подтверждалось, что смерть Мозжилиной была самоубийством. Свидетели рассказали лицам, проводящим расследование, что Мозжилина была на приеме у М.А. Ингра, заместителя директора компании. Он сообщил ей, что не может вернуть ей ее деньги, но через несколько месяцев она получит их на почте, там, где покупала свои акции. Мозжилина заявила, что никуда не уйдет, пока не получит деньги, а затем достала из сумки бутылку с бензином, облила себя, поднесла спичку к одежде и загорелась.

Начало реформ в России было временем больших надежд не только для обычных людей, но и для нового класса мошенников, которые понимали, что в условиях гиперинфляции и при отсутствии какой-либо юридической защиты можно организовать фиктивные компании, собрать у населения огромные суммы денег и испариться.

Старшее поколение в период перестройки следило за тем, как партийные и комсомольские лидеры богатели, присваивая государственное имущество, и среди многих талантливых молодых людей стало модным изобретать хитрые планы, как обмануть простых граждан и присвоить себе их собственность. Александр Конаныхин, выпускник Московского физического института, организовавший сеть доходных предприятий, в те годы поддерживал отношения с другими выпускниками этого института. Не найдя своего места на научном поприще, многие выпускники теперь планировали сделать карьеру в бизнесе, и Конаныхин был потрясен их циничным отношением ко всему. Частой темой для разговоров, к примеру, были действия российских бандитов, которых эти ребята критиковали не за жестокость, а за бездейственность. На одной вечеринке, которую посетил Конаныхин, предложили, вместо того чтобы посылать хулиганов и угрожать каждому бизнесмену по линии его предпринимательства, гораздо более эф-

фактивно класть листовки в почтовые ящики с объявлениями о страховке на случай пожара, вандализма и воровства. Всех тех, кто не приобрел страховку, можно затем поджечь или совершить на них физическое нападение. Эта идея впоследствии была реализована во многих районах Москвы.

В конце 1991 года Российский валютный банк начал платить 20% по депозитным вкладам. Эта величина в несколько раз превышала проценты, выплачиваемые другими коммерческими банками, и это предложение было повсеместно разрекламировано. Почти сразу же вклады резко возросли. Впервые рынок ощутил, что с помощью больших процентных ставок можно привлечь огромные денежные суммы. Однако лучше всего этот урок усвоили беспринципные руководители фирм, для которых возможности использовать высокие процентные ставки для привлечения денежных средств населения были практически неограниченными, особенно если учесть, что у населения не было опыта в осуществлении вкладов, а у хозяев инвестиционных компаний не было намерения платить по этим вкладам.

С 1992 года до конца 1994 года 800 фиктивных компаний обманули около 30 миллионов россиян на 140 триллионов рублей (140×10^{12} . — *прим. перев.*), что получило известность как «кража века».

Методы мошенников были направлены на то, чтобы воспользоваться слабостью и доверчивостью жителей России, которая воспитывалась на протяжении десятилетий советской жизни.

Во-первых, на россиян обрушилась лавина фальшивой рекламы, создаваемой банками и финансовыми компаниями. При советском режиме люди привыкли полностью доверять телевидению и печатному слову. Поэтому, когда печатные издания заполнила реклама, обещающая огромные проценты по вкладам, они поверили этим обещаниям. «Конечно, это правда, ведь это напечатано в газетах»².

За рекламной кампанией последовали сообщения о том, что первые вкладчики получили огромную прибыль. Эти сообщения вызвали оживление в стране. В тот момент, когда уровень инфляции составлял 300%, по различным пирамидальным схемам можно было получить от 1000 до 10 000%. Простые граждане все время слышали: «Дядя Ваня получил три миллиона рублей, а ты сидишь как дурак. Почему ты не вкладываешь деньги?» И люди начинали думать: «Я, наверное, и вправду дурак, раз сижу дома и не вкладываю деньги».

Вскоре все пошло как по плану. Чем выше были обещанные дивиденды и активнее проводилась рекламная кампания, тем больше был по-

ток вкладчиков и быстрее росли доходы фирм. К сожалению, период, в течение которого фирма выполняла свои обязательства, был достаточно коротким. У наиболее шустрых фирм он обычно длился около трех месяцев³.

К тому времени, когда до многих россиян наконец дошел смысл происходящего, они остались совершенно без средств, и это состояние в большинстве случаев было им обеспечено на всю оставшуюся жизнь.

27 июля 1994 года московский астролог Тамара Тюкалова рано ушла с работы, чтобы купить сто акций в инвестиционной компании «МММ». Как и миллионы других россиян, она уже владела акциями этой компании, чей акционерный капитал всего за несколько месяцев возрос в 125 раз. Тюкалова вошла в метро и доехала до станции «Динамо», а затем направилась пешком в офис «МММ» на Ленинградском проспекте. Раньше в офис всегда можно было свободно войти, но на этот раз она была удивлена, увидев очередь людей, ожидающих на тротуаре у входа.

— Вы покупаете акции? — спросила она у женщины в очереди.

— Нет, — ответила женщина, — продаю.

— Чего же вы ждете?

— У них нет денег, поэтому нам приходится ждать.

Раньше Тюкалова не ощущала ни малейшей опасности, вкладывая деньги в «МММ». Теперь впервые ей стало не по себе. Она вышла из очереди, доехала на метро до офиса «МММ» на улице Богдана Хмельницкого и увидела там такую же очередь. То же повторилось и в других двух офисах «МММ»: люди стояли в очереди, чтобы продать свои акции, а им говорили, что у компании нет денег. Тюкалова забыла о том, что пора возвращаться на работу, и заторопилась домой, чтобы продать свои акции.

Тюкалова сделала вклады в «МММ», потому что ей были нужны деньги для издания журнала «Гермес», который она выпускала с группой других астрологов. У журнала увеличивался тираж, потому что люди уверовали теперь в астрологию, пытались выжить в условиях новой и незнакомой экономической обстановки. Когда их сбережения были съедены гиперинфляцией, многие Тамарины друзья впали в глубокую депрессию. Ведь все они выросли в стране с фиксированными ценами и не могли себе представить, что такое возможно. По мере того как покупательная способность заработной платы сократилась вдвое, а пенсий — в три раза, миллионы людей были вынуждены заниматься мелкой торговлей, которая в Москве сосредоточивалась вокруг стан-

ций метро. Пенсионеры начали продавать то ценное, что у них было. Многие пожилые люди покупали в киосках сигареты и перепродавали их по более высокой цене или продавали хлеб после закрытия магазинов в 20.00. После работы заводские рабочие покупали товары на оптовых товарных складах и несли их на продажу. Даже беременные женщины занимались торговлей. Одна из таких женщин, Тамарина соседка, покупала после работы тяжелые лампы и часами стояла в подземном переходе, пытаясь продать их прохожим.

Мать Тамары писала ей, что она жалеет о том, что не умерла до развала Советского Союза. Ведь теперь люди стали совершенно беспомощными.

И именно в такой обстановке вновь организованные коммерческие банки и инвестиционные компании начали устраивать массовую рекламу в газетах, по радио и телевидению. Во всех средствах массовой информации наиболее эффективной и вездесущей была реклама акционерной компании «МММ». В феврале 1994 года акции «МММ» продавались по 1000 рублей, и стены станций метро были заклеены плакатами с бабочками в виде буквы «М» со словами «Из тени в свет перелетая». В лучшее эфирное время каждый вечер по телевидению начали показывать рекламные ролики компании с эпизодами из жизни Лени и Кати Голубковых, которые вложили деньги в «МММ». В рекламе рассказывали, каким образом Леня и Катя покупали, а затем продавали свои акции «МММ» всегда с большой прибылью и наконец осуществили свою мечту — купили дом в Париже. По всей России открылись филиалы «МММ»; в одной Москве их было около сотни. Стоимость акций «МММ» росла с разительной быстротой. Обычные граждане видели, что можно купить акции «МММ», а через неделю продать их по возросшей втрое цене.

Тем временем каждый вечер по телевидению продолжался показ рекламы о Лене и Кате. Целые полосы в центральных газетах занимала реклама «МММ», в которой говорилось, сколько заработают вкладчики через три месяца, через шесть и через год. Компания спонсировала показ футбольных матчей и один день бесплатного проезда в метро для жителей Москвы. Каждый, кто набирал «100», чтобы узнать точное время, слышал: «МММ» — нет проблем; затем называлась последняя цена акций «МММ» и лишь потом — точное время.

Россия была охвачена лихорадкой «МММ», которую также называли «Мани, мани, мани» (что ассоциировалось с английским словом «деньги»). Тюкалова, начавшая покупать акции «МММ» в марте, заметила, что цены на акции обсуждают всюду: в магазинах, метро и ка-

фе. Некоторые газеты попытались исследовать механизм, позволяющий покупателям акций «МММ» добиваться такой феноменальной прибыли, по радио также предупреждали об опасности новых инвестиционных компаний, в особенности «МММ». Но эти предостережения потонули в море рекламы, обрушившейся на население, которое никогда до этого не становилось объектом рекламы, и кроме того, ведь первые инвесторы «МММ» получали прибыль почти 7500%.

Пока миллионы людей покупали акции «МММ», никто не пытался разобратся в том, чем подкреплены эти акции. Ходили слухи, что эта компания владеет мощными военными заводами, скрытыми под землей. Но никто не выяснил ни этот, ни другие вложения «МММ». В то же время все были полны решимости не задавать лишних вопросов, чтобы, не разрушая иллюзию волшебной формулы добывания денег, которая позволяла каждому мгновенно стать богачом. Мало кто мог вообразить, что 90% своих доходов «МММ» тратила на рекламу и что на самом деле «МММ» вкладывала деньги с единственной целью — обогащения небольшой группы директоров и продажных чиновников, которые защищали их.

Весной, по мере того, как миллионы людей попадали в водоворот незаработанных богатств, до сознания некоторых стало доходить, что никакие вложения не могут вырасти в цене в 125 раз за несколько месяцев. Но миллионы россиян, которые никогда не слышали термин «финансовая пирамида», были загипнотизированы повышением стоимости их акций, что, как позже было обнаружено, базировалось не на чем ином, как на готовности новых азартных игроков включиться в рыночную игру, и определялось на самом деле директорами «МММ», которые постоянно повышали объявленную цену.

Но когда спала пелена с глаз, сразу началась паника.

28 июля Тюкалова поднялась рано, чтобы попасть в офис «МММ». Сначала она поехала на Ленинградский проспект, но увидев там очередь, протянувшуюся на целый квартал, отправилась в центральный офис «МММ» на Варшавском шоссе. Там акционеры со всего города запрудили тротуары и заполнили обычно и так оживленную улицу. Отчаявшись, они напирали, ломились в запертые двери здания и разбивали окна. Вскоре на защиту здания прибыли тридцать омоновцев в бронежилетах с дубинками и автоматами. Пытаясь продать акции, люди образовали длинную очередь. Официально акции стоили 125 000 рублей каждая, но никто не был уверен, что за них можно получить полную стоимость. Очередь почти не двигалась. Вскоре пло-

щадь перед центральным офисом покрылась пылью, грязью, грудami пластиковых бутылок, пачек от сигарет и банановой кожуры. Но во время этих долгих часов ожидания хорошо одетые люди входили в здание с чемоданами, полными акций, и выходили оттуда с мешками денег.

Наступила ночь, акционеры, спрятав свои акции в дамские сумочки, портфели и во внутренние карманы одежды, улеглись спать на тротуарах, скамейках и подоконниках, превратив пустынный промышленный район, где находился центральный офис «МММ», в огромный лагерь для людей, единственным капиталом которых была надежда.

На следующий день вновь прибывшие из пригородов пополнили ряды толпившихся; утомление акционеров, часами стоявших на жаре, все росло. Время от времени по динамику из здания раздавались успокаивающие объявления, что инвесторы смогут продать свои акции за полную стоимость.

Наконец прозвучало объявление, что «МММ» вначале выплатит деньги ветеранам войны, инвалидам и пенсионерам. «Просим вас написать заявления, объясняющие ваше положение, и вы получите свои деньги», — объявили по динамику.

После этого люди всех возрастов начали писать заявления и отдавали их под контролем милиции. В заявлении с просьбой вернуть деньги Тамара указала, что она инвалид и пенсионерка.

В течение долгих часов ожидания среди акционеров распространялись противоречивые слухи. Одна пожилая женщина рассказала Тамаре, что она слышала по радио, что на следующий день в Москве будут открыты все пункты продажи акций «МММ». Другая женщина объявила в рупор, что 2 августа акции «МММ» будут продаваться по цене 150 000 рублей. Другие слухи касались людей, которых удушили полиэтиленовыми пакетами за то, что не смогли выплатить им ссуды, и людей, совершивших самоубийство. Тамара разговаривала с людьми, которые продали свои машины и квартиры для приобретения акций «МММ» и теперь были в отчаянии. Они никогда не могли себе представить, что потеряют все.

Позже в тот же день передали объявление, что «МММ» собирается продавать новые акции под названием «билеты» по цене 1000 рублей за штуку. Сотрудники «МММ» начали распространять сомнительные брошюры с таблицами, в которых разъяснялось, каким образом инвесторы смогут удвоить свои деньги. Это объявление о билетах вызвало новую волну возбуждения, так как те, кому не удалось продать первоначальные акции «МММ», теперь пытались пробиться в очередь, что-

бы купить новые сертификаты с портретами Сергея Мавроди, основателя «МММ», и поэтому эти билеты вскоре получили прозвище «мавродики».

Простояв в очереди три часа, Тамара купила 100 новых акций. Люди устраивали драки, пытались пролезть без очереди, и в толпе разгорались жестокие споры.

— Вас одурачили один раз, и вы хотите, чтобы вас одурачили вторично, — говорили пессимистически настроенные граждане.

— Не ваше дело, — слышалось в ответ.

Однако покупка «мавродики» не давала ответа на вопрос, что будет с акциями, которые оставались на руках у миллионов людей. В субботу 30 июля центральный офис «МММ» был закрыт, хотя тысячи людей ждали у входа в здание, охраняемое милицией. В течение дня по громкоговорителю периодически раздавались объявления о том, что стоимость акций остается неизменной.

В той части толпы, где вместе с другими ждала новостей Тюкалова, люди обсуждали создавшуюся ситуацию. Пожилая женщина предсказывала, что к вечеру цены на акции «МММ» упадут до 90 000 рублей. Другие считали, что при возобновлении торговли акциями стоимость каждой акции составит 150 000 рублей. Дискуссию прервал голос диктора.

— Уважаемые акционеры, — объявила диктор. — Я прошу вашего внимания. Когда я говорила, что стоимость ваших акций осталась неизменной, я руководствовалась данными на вчерашний день. Если вы хотите знать цену акций на первое августа, я бы хотела сначала услышать аплодисменты. Толпа слабо зааплодировала.

— Благодарю вас, — произнесла диктор. — Стоимость акций акционерной компании «МММ» на первое августа 1994 года следующая: продажа — 1195 рублей, покупка — 1130 рублей». Толпа задыхнулась от возмущения. Теперь всем стало ясно: пирамида рухнула.

Однако Мавроди предпринял шаги для защиты от гнева своих инвесторов. С прошлой зимы от уклонялся от уплаты налогов и отказывался встречаться с представителями налоговой полиции. Он даже потребовал от Министерства финансов, чтобы его оставили в покое, и угрожал, что в противном случае он обратит на них гнев своих акционеров.

Учитывая, что «МММ» находилась на грани развала, он отказался платить штраф, который налоговая инспекция собирались взыскать с него, и поздно ночью 4 августа он был арестован у себя дома по обвинению в уклонении от уплаты налогов.

Арест Мавроди позволил предложить другое объяснение краха пирамиды «МММ» — якобы Мавроди собирался выполнить свои обязательства, но ему помешало вмешательство правительства. Эта стратегия достигла желаемого результата. Акционеры, уже отчаявшиеся поверить, что они когда-либо получают свои деньги, сплотились в защиту Мавроди. 5 августа «союз акционеров», организованный из числа людей, толпившихся у центрального офиса «МММ», потребовал освободить Мавроди. Они отправили письмо президенту Ельцину, которое гласило: «За полгода своего существования „МММ“ ни разу не обманывала нас... Однако в результате действий правительственных органов на «МММ» среди акционеров возникла паника, которая привела к сокрушительному падению акций в цене. Из-за этого мы потеряли деньги, вложенные в „МММ“, которые для многих из нас были последними».

Акционеры потребовали, чтобы Мавроди выпустили из тюрьмы ко дню его рождения в конце августа. Это воззвание было опубликовано в газетах, и таким образом Тамара узнала, когда у Мавроди день рождения. Она сразу же пошла домой и составила его гороскоп. Она узнала, что по знаку зодиака он Лев и пользуется своей властью в своих интересах и что ему нельзя доверять.

Тем временем Мавроди, все еще находившийся в тюрьме, решил выставить свою кандидатуру в депутаты Государственной думы от города Мытищи, расположенного к северу от Москвы. Вакансия появилась в связи убийством местного бизнесмена Андрея Айзеншписа. Депутатское кресло могло бы защитить Мавроди от следствия.

Для проведения избирательной кампании Мавроди и его помощники наняли людей, которые были разорены при крахе «МММ», в том числе инвалидов и пенсионеров, просивших вернуть им деньги ввиду тяжелых условий жизни. Время, которое инвесторам предстояло ждать, прежде чем им выплатят деньги, было обещано дифференцировать в зависимости от их активности. Несколько женщин, с которыми Тамара встречалась в толпе перед центральным офисом «МММ», сообщили ей по телефону, что они собираются работать на Мавроди, и уговаривали ее присоединиться к ним. Но на этот раз она не была готова к тому, чтобы ее одурачили. «Уже и так в Думе достаточно мошенников», — ответила она.

13 октября Мавроди выпустили из тюрьмы, и, по мере того как избирательная кампания набирала скорость, он давал следующие объяснения того, почему была создана «МММ»: «Благодаря „МММ“ происходит естественное перераспределение свободных ресурсов в

обществе прежде всего в пользу... социально незащищенных групп: пенсионеров, малоимущих и безработных». Мавроди обещал, что помощь его избирательной кампании сделает в будущем невозможным вмешательство правительства в дела «MMM» под любым предлогом.

В конце концов люди принимали решение голосовать за Мавроди по различным причинам: в надежде, что он вернет украденные у них деньги, но также и потому, что они считали, что человек, настолько хитрый, чтобы обмануть всю страну, может стать превосходным депутатом. Были даже такие, кто утверждал, что Мавроди станет хорошим президентом. 30 октября Мавроди был избран депутатом. Тем временем Тюкалова узнала, что многие из тех, кто потерял деньги в «MMM», умерли от инфаркта и инсульта.

Как только Мавроди стал депутатом, с него сняли обвинение в неуплате налогов, и хотя правительство утверждало, что намеревается востребовать с него штрафы в сумме, равной примерно 50 млрд рублей, деньги так и не были заплачены.

Мавроди также нарушил законодательство по ценным бумагам, что предвещало ему обвинение в крупном мошенничестве. Лицензия финансового маклера, по которой направлялись публичные продажи акций «MMM», не давала руководству права самим назначать цены на акции.

Наконец в марте 1995 года против Мавроди было открыто дело по обвинению его в мошенничестве, но им занималась команда из трех следователей, двое из которых были практиканты, и без того загруженные другими делами. Никто из высокопоставленных руководителей «MMM» не был допрошен, в компании не было проведено ни одной серьезной ревизии и не было приложено никаких усилий, чтобы найти недостающие финансовые документы. В то же время опросили лишь небольшое число жертв пирамидальной схемы, несмотря на то что по самым скромным подсчетам пострадавшие потеряли свыше 10 трлн рублей.

Мавроди не присутствовал на заседаниях Думы и Комитета по иностранным делам, что входило в его обязанности. В конце концов, в январе 1996 года он был лишен статуса депутата за абсентизм, и расследование уклонений от уплаты налогов возобновилось.

Но дело Мавроди снова зашло в тупик. Следователи провели две финансовые ревизии с различными оценками количества денежных сумм, из которых Мавроди должен был платить налоги. Вместо того чтобы назначить третью ревизию, было решено закрыть дело.

Попустительство правоохранительных органов по отношению к Мавроди многие объясняли желанием правительственных чиновников, бывших «безмолвными партнерами» Мавроди, избежать огласки своего участия в создании пирамиды «MMM». Лишь в начале 1997 года Мавроди наконец было предъявлено обвинение в мошенничестве, но к тому времени он исчез. Несколько месяцев спустя, в сентябре 1997 года — через три года после авантюры, — акционерная компания «MMM» была объявлена банкротом. Теоретически это означало, что те, кто потерял деньги, вкладывая их в пирамиду, могли потребовать выплаты после ликвидации имущества компании. Но все следы имущества «MMM» к тому времени тоже затерялись.

Услышав, что «MMM» объявили банкротом и следы имущества компании исчезли, Тюкалова восприняла это как еще одно доказательство того, что Мавроди находился под защитой высокопоставленных правительственных чиновников. Но Тюкалова не поддавалась горьким переживаниям. Она медленно восстановила свой капитал, долгие часы работая астрологом. Теперь она была полна решимости покончить с прошлым и продолжать жить дальше.

Виктор Верютин спокойно ждал, пока мужчина, нервно куривший на-против него, соберется с силами. Они стояли на безлюдной лестничной площадке офисного здания рядом с Таганской площадью в Москве, и мужчина постоянно смотрел по сторонам, чтобы убедиться, что их никто не слушает.

«Эта квартира находилась рядом с отелем „Будапешт“, — сказал он. — Старая коммунальная квартира. Одну комнату снимал человек Футурум Рус. С мая 1994 года по февраль 1995 года он являлся директором Первой ФСК [первой финансовой строительной компании] Игорь Петериков, Алим Кармов и Алексей Шелехов регулярно заходили туда. Они приносили деньги в кожаных мешках, чемоданах и бумажных пакетах. Потом они уехали поездом в Чехию. Каждый день деньги приносили и уносили».

Теперь Верютин понял, как работала Первая ФСК и как основательно одурачили его и тысячи других людей.

Верютин был отставным полковником КГБ и раньше работал на ФАПСИ, подразделение КГБ, занимавшееся подслушиванием. В период гиперинфляции он потерял свои сбережения — 9000 рублей, накопленные в течение 32 лет. В то же время покупательная способность его пенсии упала на 70%.

Виктор никогда не был богат, но будучи офицером КГБ, он имел хорошую квартиру и зарабатывал достаточно для удовлетворения своих потребностей. Теперь ему приходилось экономить даже на еде. После завтрака он ничего не ел в течение всего дня, а вечером пил чай с хлебом.

Как-то Верютин обратил внимание на объявления об инвестиционных компаниях и коммерческих банках. Как и у многих бывших офицеров КГБ, его знания о капиталовложениях были ограничены тем, что он узнавал, подслушивая разговоры в посольствах западных стран. Но его привлекло объявление Первой ФСК. Эта компания занималась реконструкцией зданий на Трубной улице в центре Москвы. Компания обещала инвесторам доход от 240 до 270%, что, учитывая степень инфляции, было весьма умеренной цифрой. Компания получила одобрение городских властей, включая мэра Юрия Лужкова и заместителя мэра по делам строительства Владимира Ресина. Последний даже сказал, что, хотя некоторые компании обманывают людей, он советует москвичам вкладывать деньги в Первую ФСК.

Вместе со своей женой, преподавательницей средней школы, и шестью другими бывшими офицерами КГБ Виктор отправился на строительный участок на Трубной улице, где увидел несколько трех- и четырехэтажных зданий XIX века, находящихся в состоянии реконструкции. Такое явное доказательство того, что компания занимается серьезным делом, произвело впечатление на Виктора, и он вместе с другими участниками группы решил вложить деньги в Первую ФСК.

У Верютина и его жены не было денег, но у них имелись золотые часы, золотая цепочка и золотые серьги, и все это он мог продать. Виктор решил сделать вклад для себя и тех, кто вместе с ним ходил на Трубную улицу. Они вложили, включая и средства других отставных офицеров КГБ, 4 млн рублей (около 2000 долл.).

В течение нескольких месяцев Первая ФСК работала без сбоев. В главном офисе на Миусской улице несколько десятков операторов принимали вклады от горожан, а в это время в другой части зала служащие банка выплачивали дивиденды. Даже после краха других финансовых компаний по телевидению регулярно появлялась реклама Первой ФСК — древний русский витязь, сидя на коне, объявлял зычным голосом: «Время получать дивиденды, господа!»

Однако в конце октября Виктору позвонил по телефону один из его коллег и сообщил, что Первая ФСК прекратила выплачивать дивиден-

ды. Охваченный страхом, Виктор сразу же поехал на метро в центральный офис Первой ФСК, где у входа собралась толпа вкладчиков. Через несколько часов вышел Петериков и сказал, что ждет поступления денег и что средства инвесторов находятся в безопасности. Он уверял, что дивиденды будут выплачиваться.

Однако уверения Петерикова не способствовали уменьшению паники. На следующий день 20 000 человек заполнили внутренний двор офиса и соседнюю улицу. Люди были охвачены паникой, но некоторые из них продолжали верить, что получат свои деньги, потому что Первая ФСК пользовалась поддержкой городского правительства. Снова вышел Петериков; он уверял, что инвесторы получат свои деньги и объявил, что примет инвесторов, которые испытывают «особые трудности». Одним из тех, кого он принял, был Верютин. Петериков пообещал ему, что тот получит деньги через два дня, но когда Виктор снова пришел, двери никому не открывали.

Крах Первой ФСК ошеломил инвесторов. В Москве и 29 других городах были организованы инициативные группы инвесторов. Проходы, ведущие к офисам Первой ФСК, были оклеены листовками с тысячами подписей. Но это, однако, не облегчило мучений инвесторов. В 1994–1995 годах уровень смертности среди инвесторов Первой ФСК составлял 15–20%. Людям, зовущим вкладчиков на встречи, часто говорили, что инвестор только что умер от инфаркта или инсульта.

Делегации от инициативных групп ходили в Управление по борьбе с экономическими преступлениями, в ФСБ и к генеральному прокурору и требовали, чтобы против Первой ФСК было заведено уголовное дело. И всюду им говорили, что деньги уже выплачивают или выплаты задерживаются лишь из-за временных трудностей. Обычный ответ прокуратуры Тверского района гласил: «Первая ФСК делала выплаты и собирается делать их в настоящее время... нет основания заводить уголовное дело».

В феврале 1995 года во время слушания дела в московском Арбитражном суде обнаружили доказательства того, что деньги инвесторов были вывезены из страны. Инвесторы Первой ФСК полагали, что их деньги хранятся в Калита-Банке и что Первая ФСК является одним из учредителей этого банка. Однако благодаря свидетельским показаниям во время слушания дела стало ясно, что Первая ФСК не является учредителем банка, что деньги, которые вкладывали в Первую ФСК инвесторы, никогда не хранились в этом банке, и что компания задолжала Калита-Банку 84 млн рублей. 11 мая Петериков улетел из

Москвы, и с тех пор его никогда больше не видели. Одновременно Верютин узнал от одного из своих бывших коллег, который продолжал работать в ФАПСИ и следил за передачами чешского радио, что фонд под названием Футурум Аурум начал предлагать делать вклады жителям Чешской Республики путем рекламной кампании, аналогичной той кампании в Москве, которую проводила Первая ФСК летом 1994 года.

В начале июня Верютин отправился в последний еще действующий офис Первой ФСК на Бауманской улице и спокойно сидел в приемной, притворяясь, что читает проспекты компании.

Вошла пожилая пара, и они начали просить вернуть деньги, чтобы они смогли заплатить за памятник на могиле своего сына, убитого в Чечне. Принимавшая их женщина ответила, что у компании нет денег.

Когда пара ушла, женщины в офисе начали разговаривать между собой, не предполагая, что за ними следит профессиональный соглядатай. Они говорили о том, что по иронии судьбы Первая ФСК собирала деньги с россиян для реконструкции какого-то района Москвы, а на самом деле их отдали чехам. Из разговора Виктор понял, что деньги инвесторов были использованы чешскими криминальными группировками для покупки оружия, переправляемого правительству Чечни.

Верютин отложил проспект и спросил:

— Девушки, как же это получается, что вы собираете деньги и отдаете их чеченцам, чтобы они убивали наших солдат? Почему вы не сообщите об этом ФСБ или в милицию?

— А вам-то какое дело? Они платят нам зарплату.

— А если бы вашего жениха убили в Чечне? — спросил Верютин у одной из молодых женщин.

— Я ничего не знаю, — ответила та. — В курсе всех дел Олег Болдырев..

К удивлению Верютина, одна из женщин дала ему номер телефона Болдырева.

На протяжении последующих трех месяцев Верютин непрерывно звонил Болдыреву, пытаясь уговорить его встретиться с ним. Болдырев неизменно отказывался, но он всегда был вежлив и, как показалось Верютину, вкладчики ему симпатизировали. Наконец, летом 1995 года Болдырев согласился встретиться с ним. Он теперь работал в частной фирме, ведущей операции с ценными бумагами, и встретился с Верютиным на улице неподалеку от станции метро «Таганская».

— Если я дам вам какую-либо информацию, они убьют меня, — сказал он. — Меня уже предупредили.

Верютин ответил:

— Вы знаете, где найти Петерикова. И вы прекрасно знаете, что наши деньги отправлены в Чечню.

— Они убьют меня, — затрясся Болдырев. — Я действительно не могу вам ничего рассказать.

Наконец, Болдырев согласился поговорить с сотрудником Министерства внутренних дел, но только если он получит официальный вызов. Однако правоохранительные органы не проявили никакого интереса к беседе с Болдыревым. Верютин связался с Николаем Нено, начальником Управления по борьбе с экономическими преступлениями (УБЭП), который уверил Виктора, что позвонит Болдыреву. Но он этого не сделал. Виктор продолжал звонить Нено, но в конце концов Нено перестал подходить к телефону, а его секретарь отвечал, что он в «командировке».

Виктор позвонил Болдыреву и сказал: «Нам нужно снова встретиться». Вначале Болдырев колебался, но наконец согласился, и они встретились на безлюдной лестничной площадке. Там Болдырев рассказал Виктору, как миллионы долларов засовывались в чемоданы и отвозились в коммунальную квартиру на Петровских линиях, 1, рядом с гостиницей «Будапешт». После того, как Болдырев кончил говорить, Виктор впервые ощутил, что теперь он понимает, с какой низостью московские власти относятся к простым россиянам. Деньги, которые тысячи доверчивых людей по рекомендации городских властей отдали Первой ФСК, никогда не лежали ни в каком банке. Их бросали в чемоданы, отвозили в конспиративную комнату в коммунальной квартире, а затем контрабандой переправляли в Прагу. Виктор почувствовал себя оплеванным и ограбленным.

Он отправился на Петровские линии, 1 и постучал в дверь квартиры 301. Дверь открыл мужчина средних лет. Виктор сказал, что ему нужно поговорить с людьми, которые раньше снимали эту квартиру. Мужчина дал ему адрес неподалеку от станции метро «Красные ворота». Там в квартире на втором этаже его встретил молодой человек лет двадцати пяти.

— У вас была квартира на Петровке, а в ней комната, куда люди приносили деньги, — сказал Виктор.

— Откуда вы это знаете?

— Это деньги наших инвесторов, — ответил Виктор. — Они идут на то, чтобы убивать наших солдат в Чечне.

У молодого человека тут же развязался язык. Он стал рассказывать, как люди в любое время суток входили и выходили из комнаты с сумками денег. Он также согласился поговорить со следственными органами. Верютин передал имя этого человека в УБЭП, но молодому человеку никто не позвонил, никто не позвонил и Болдыреву.

Верютин теперь убедился, что никогда не получит помощь от российских правоохранительных органов, так как подозревал, что эти мошенники дали им взятку. Но тут он вспомнил о чешском радио, которое прослушивали его коллеги из ФАПСИ. У него появилась идея, что, возможно, ему помогут чехи. Он позвонил в Чешское посольство и попросил о встрече, объяснив свою просьбу так: «Те, кто грабил нас, теперь грабят вас».

К его удивлению, его принял торговый атташе. Во время встречи Виктор сообщил чешскому дипломату, что ему известно о вывозе денег инвесторов в Прагу. Полученные данные были должным образом записаны и явно произвели впечатление. Несколько дней спустя после визита Виктора в посольство корреспондент радио «Свобода» в Праге Нелли Павласкова посетила офис Футурум Аурум, ознакомилась с документами компании и подтвердила, что данная компания была основана как филиал Первой ФСК в Москве. Чешское министерство внутренних дел немедленно приступило к расследованию деятельности Футурум Аурум.

9 марта 1996 года Алим Кармов, которого уже много месяцев не видели в Москве, но который был теперь директором Футурум Аурум в Праге, созвал пресс-конференцию, где прочитал заявление, обращенное к чешским инвесторам компании. В нем говорилось: «Все эти годы я обманывал вас и не сказал ни слова правды. Я делал это для того, чтобы выманить у вас деньги и отдать их другим. Попав в такое безвыходное положение, я не мог выбраться из него, и ужаснее всего было сказать правду. Мне стыдно смотреть в глаза людям, которых я обманул. Вы — люди, а я — настоящее животное, и что еще хуже, русское животное».

Сразу же после пресс-конференции Кармов улетел на Мальту. Но вскоре он вернулся в Прагу, где был арестован. Это вызвало предположение, что он вернулся, чтобы его не убили. В своем заявлении Кармов не только утверждал, что брал деньги у чешских граждан, чтобы «отдавать их другим», и что ему «было страшно сказать правду»; он также назвал себя «русским животным». Но, как явственно видно из его документов, Кармов, хотя и родился в Кабардино-Балкарской автономной республике, в городе Нальчике, на самом деле был чеченцем.

После ареста Кармова в Праге Верютин с группой других инвесторов возобновили попытки убедить российские правоохранительные органы заняться расследованием деятельности Первой ФСК. Они встретились с Петром Южковым, помощником Колемикова, заместителя министра внутренних дел, и убедили его послать в Прагу следователя. Но Южков ответил: «Если вам нужно расследование, поезжайте в Прагу сами».

В ноябре 1995 года Управление по борьбе с экономическими преступлениями наконец назначило следователя по этому делу, но он был смещен, как и его преемник, а также преемник преемника. К маю 1997 года УБЭП назначил уже шестого следователя, и так же, как и всем остальным, ему чинили препятствия, не отпуская денег. Многие инвесторы, физически и духовно измотанные, начали отходить от этого дела. Только Верютин и некоторые другие продолжали заниматься поисками украденных денег, несмотря на ежедневно поступающие данные о бездействии властей и тающие надежды.

25 ноября 1994 года Светлана Осипова смотрела по НТВ ночные новости, когда диктор Новаженев сказал: «Нам только что сообщили, что в морг доставлено тело Владимира Рачука, учредителя „Чара-банка“. Он был найден повешенным в офисе. Более подробная информация в конце выпуска».

Услышав эти слова, Осипова почувствовала, как будто ее стукнули обухом по голове. Она вложила деньги в «Чара-банк», который недавно обанкротился. Долгие недели она молила Бога, чтобы ей вернули ее деньги. Она верила Рачуку, который в своих телевизионных интервью неоднократно подчеркивал, что «Чара» — цивилизованный банк, и главная его цель — пропаганда русской культуры. Но теперь было ясно, что не будет никакой пропаганды культуры, не будет и денег для десяти тысяч людей, которые, клюнув на репутацию банка, вложили в него свои сбережения. Осиповой пришлось в голову, что теперь, чтобы выжить, ей придется продавать свои внутренние органы.

Осипова работала диспетчером в жилом доме и жила вместе с мужем, водителем такси, и тремя детьми в трехкомнатной квартире. С началом рыночных реформ в 1992 году гиперинфляция поглотила все сбережения семьи, равные 10 000 рублей. Но, несмотря на это, ей с мужем удалось заплатить за похороны его бабушки и отчима. В настоящее время на их иждивении находилось трое стариков — ее мать и отец, а также мать ее мужа, и у всех было слабое здоровье.

Психологический стресс, вызванный реформами, привел к резкому увеличению уровня смертности, и Светлана часто слышала истории о пренебрежительном отношении к покойным. Многие люди умирали дома, и в то время как коммерческие погребальные службы отказывались забирать тело без оплаты, муниципальные службы были так перегружены, что усопшим приходилось лежать там, где они умерли, в течение двух-трех дней. В данной ситуации Светлана опасалась, что в случае еще одной смерти кого-то из членов ее семьи она даже не сможет похоронить его достойно.

В начале 1994 года в газетах и по телевидению стали появляться объявления о банках и финансовых компаниях, предлагавших высокие ставки доходов по вкладам. Светлане пришло голову, что это может быть решением ее финансовых проблем. Но, к сожалению, ей нечего было вкладывать. Единственную ценность представляла принадлежавшая ее семье трехкомнатная квартира, но она понимала, что не может рисковать домом всей семьи.

Однако по мере роста финансового давления Светлана начала пересматривать свою точку зрения. Она взвешивала советы, которые давались в средствах массовой информации, о том, что капитал не должен бездействовать, а его нужно заставить работать. Ее квартира была семейным капиталом. Наверное, было вполне логично обратить ее в деньги и сделать вклад.

Из всех инвестиционных компаний и коммерческих банков, которые возникали повсюду, наиболее привлекательным для Светланы казался «Чара-банк». Президент банка Рачук был сыном высокопоставленного деятеля советской киноиндустрии, и банк учредил контрольный комитет под председательством кинорежиссера Никиты Михалкова. Этот банк спонсировал производство двух фильмов и поддерживался некоторыми хорошо известными деятелями российской культурной элиты.

Рачук стал популярной фигурой. Он выступал по телевидению, обсуждая проекты инвестиций банка. В газетах попадались фотографии и его жены и детей, и Светлана посчитала доказательством его порядочности тот факт, что он не боялся показывать свое лицо народу⁴.

Учитывая постоянный рост цен, люди по всей Москве занялись обсуждением финансовых компаний где можно быстрее получить наибольший доход по вкладам.

Наконец Светлана с мужем решили продать свою трехкомнатную квартиру на улице Раменки и вложить вырученную сумму денег. Семья из пяти человек переехала жить к свекрови, заняв одну комнату

в ее двухкомнатной квартире на Фрунзенской набережной. Осипова выручила за квартиру 97,5 млн рублей (75 000 долл.) и положила деньги по пяти различным соглашениям в «Чара-банк». В каждом случае контракт был заключен на шесть месяцев, и она должна была получать доход по 15% в месяц.

Вначале ничего не вызывало беспокойства у Светланы. Каждый раз, когда она приезжала в центральный офис «Чара-банка» на 2-й Тверской-Ямской улице, ее поражала популярность банка. На улице выстраивалась очередь из людей, стремившихся вложить свои деньги и часто стоявших под проливным дождем в течение четырех-пяти часов. Ожидая своей очереди, будущие инвесторы разговаривали о том, что они смогут купить через три или шесть месяцев после того, как истечет срок их соглашений. Один говорил, что приобретет холодильник, другой мебель. Еще кто-то собирался продать старую машину и купить новую. Были люди, которым нужны были деньги на неотложную медицинскую операцию. Люди постоянно говорили о своих вкладах, и Осиповой казалось, что она стоит на пороге новой жизни.

«Чара-банк» исправно выполнял свои обязательства, и многие из тех, кто вложил деньги на шесть месяцев, не забирали свои возросшие вклады, а снова вкладывали их еще на шесть месяцев. Скоро уже почти 85 тысяч человек стали инвесторами этого банка.

Но 18 октября 1994 года Осиповой домой позвонила подруга и сообщила, что «Чара-банк» перестал выплачивать деньги по соглашениям. Было уже 8 часов вечера, но, несмотря на поздний час, Осипова поехала на метро в центральный офис банка, где увидела огромную толпу. Повсюду толпились и кричали испуганные люди. Представители банка открыли окно и в рупор обратились к толпе: «Возникли временные затруднения, но скоро мы возобновим работу». Из динамиков послышался голос Марины Францевой, жены Рачука и соучредителя банка: «Деньги будут выплачены всем в феврале, плюс проценты за четыре месяца», — сказала она.

Однако эти заверения Осипову не убедили. Она была охвачена паникой, глядя на испуганные лица в толпе. Впервые у нее появилось ощущение, что забота «Чара-банка» о культуре — лишь видимость.

Всю ночь Тверская улица была запружена тысячами инвесторов. Некоторые из них стали составлять списки с фамилиями. Светлана продиктовала свою фамилию. Когда машина одного из «новых русских», пытавшегося проехать сквозь толпу, сбила двух пожилых женщин, милиционеры спасли водителя от разъяренных инвесторов, готовых разорвать его на части⁵.

На следующий день Светлана вместе с другими инвесторами пошла в отделение милиции. Она полагала, что власти хоть как-то контролируют банки, что они не могут просто так брать деньги у людей и не нести за это ответственность. Но в милиции инвесторам объяснили, что «Чара-банк» является коммерческим, а не государственным предприятием, и что коммерческих структуры им не подчиняются.

Когда инвесторы поняли, что едва ли от милиции можно ждать помощи, они хлынули в Тверской муниципальный суд, где попытались подать иски к «Чара-банку». Сначала никто не хотел иметь с ними дела. Некоторые судьи проявляли открытую враждебность: «Вы сами виноваты. Вы доверились им и потеряли уйму денег». Но когда численность толпы в приемных перевалила за несколько тысяч, парализуя нормальную деятельность суда, там начали принимать жалобы с требованиями оплаты по соглашениям.

Время шло, и площадь перед «Чара-банком» становилась местом встреч вкладчиков. Светлана тоже приходила туда раз в неделю в надежде узнать новости. Она молилась о том, чтобы слова Францевой оказались правдой и чтобы через четыре месяца она смогла забрать свои деньги.

Но когда вечером 25 ноября она узнала о смерти Рачука, ее надежда умерла.

26 ноября перед зданием центрального офиса банка собралась огромная толпа. Повсюду обсуждали смерть Рачука, и почти все инвесторы были убеждены, что его убили. Многие предполагали, что его убили из-за того, что он хотел отдать вкладчикам их деньги.

Позже в тот же день тело Рачука кремировали. Официальной причиной смерти был объявлен сердечный приступ. Немногие из инвесторов, которым удалось попасть на кремацию, пытались взглянуть на тело Рачука, но им это не удалось. Они хотели увидеть, есть ли следы на его шее, которые говорили бы о повешении. После кремации Францева обратилась к инвесторам и поклялась над гробом своего мужа, что она вернет им деньги. Однако через короткое время она тоже исчезла.

Несколько месяцев после смерти Рачука Осипова пыталась прийти в себя, испытывая чувство беспомощности и унижения. Но ее жизнь изменилась коренным образом. Она и вся ее семья жили лишь на картошке и макаронах и спали впятером в одной комнате. Когда Светлана думала о том, что, скорее всего, у нее никогда больше не будет собственного дома, она теряла дар речи.

Светлана мало интересовалась политикой, но, чтобы не впасть в отчаяние, она присоединилась к группе инвесторов «Чара-банка», которые каждый вторник пикетировали офисы генерального прокурора, обращаясь к нему с требованием выполнить закон. И, разговаривая с другими, она веселее осознавала гигантскую систему заговоров, в которой ее личные цели мало что значили.

Обанкротившись, «Чара-банк» задолжал своим вкладчикам 500 млрд рублей. Первый вопрос, который задавали инвесторы, состоял в том, какая часть из этих денег все еще находится в ведении банка. Поиски ответа на этот вопрос показали, что те, кто присвоил себе сбережения десятков тысяч инвесторов, пользуются протекцией некоторых наиболее влиятельных людей страны.

После 18 октября 1994 года «Чара-банк» перестал платить по соглашениям, но продолжал работать. Когда инвесторы каждую неделю встречались на улице перед банком, его окна были освещены.

Некоторые инициативные группы инвесторов стали требовать чтобы банк был лишен лицензии, чтобы его объявили банкротом и назначили новое руководство. Несмотря на эти требования лицензия не была аннулирована, и банк продолжал давать кредиты десяткам фальшивых организаций, которые затем были ликвидированы или объявлены банкротами. Разбазаривание ресурсов банка прекратилось лишь в марте 1996 года, когда лицензия была аннулирована Центральным банком. Вскоре после этого прогремели выстрелы в окна квартиры Сергея Дубинина, председателя Центрального банка. К 17 июля 1996 года, когда «Чара-банк» был объявлен банкротом и было назначено новое руководство, счета банка опустели, а документация была уничтожена.

В октябре была учреждена ликвидационная комиссия, и ГУВД Москвы создало следственную группу под руководством майора Михаила Ларина, занявшуюся поисками скрытого имущества банка. Несмотря на то что комиссия начала свою работу через два года после краха банка, группа достигла значительных успехов в обнаружении собственности, которую приобрели на деньги банка, по закону принадлежавшую его инвесторам.

1 апреля 1997 года Ларин арестовал Францеву, которая неожиданно вернулась в Москву из Испании, и допросил ее в тюрьме «Матросская тишина», где, как сообщала газета «Сегодня», «он узнал много интересного». 25 апреля был устроен аукцион, на котором были выставлены десять квартир в двух зданиях в центре Москвы — одно на Пречистенке, а другое на Большой Серпуховской улице — следы которых вели к «Чара-банку». В этих домах уже жили несколько генера-

лов Министерства внутренних дел и Сергей Медведев, бывший пресс-секретарь президента Ельцина. Квартиры были проданы за 9 млрд рублей, а деньги начали использовать на возмещение долгов инвесторам банка. Когда комитет муниципального жилищного строительства отказался передать право собственности на квартиры покупателям, Тверской муниципальный суд возбудил уголовное дело против комитета за невыполнение решения суда.

Следственная группа вскоре также установила, что собственность «Чара-банка» записана на подставные фирмы, расположенные на улице Сретенке, в Митине и на Ломоносовском проспекте.

У инвесторов, в том числе и у Осиповой, появилась надежда. Но 23 мая, в газете «Сегодня» она с ужасом прочитала заголовок: «Убит хранитель секретов „Чара-банка“; никто из его коллег не верит в версию самоубийства». Ларина нашла мертвым в квартире отца, голова его была прострелена из его же пистолета, который он держал в руке. В статье говорилось, что никто не подозревал, что Ларин помышлял о самоубийстве. Скорее всего его смерть говорила о том, что убийство было совершено киллерами, проникшими в его квартиру под видом милиционеров. Оружие могли вложить в руку Ларина уже после того, как его застрелили.

Через какое-то время после убийства Ларина Осипова изменила свое отношение к пропаже денег. Хотя раньше она и другие вкладчики обращались к правительству со слабой надеждой, что власти попытаются помочь им спасти хоть часть их сбережений, теперь она поняла, что те, кто обманул ее, сами были частью правительства. Теперь у нее не было надежды, поскольку те, кто ее обманул, могли не бояться правоохранительных органов.

6. Рабочие

**Что пользы человеку от всех трудов
его, которыми трудится он под солн-
цем? Род проходит и род приходит,
а земля пребывает во веки**
Екклесиаст. 1:3–4.

Рязань, февраль 1998 года

Лидер независимого профсоюза Людмила Тихонова сказала директору текстильной фабрики «Голубая Ока» Виктору Бурякову: «У одной из наших женщин обнаружили лейкемию. Ей нужны средства на еду и лекарства. Прошу вас, выдайте ей причитающиеся деньги».

На улице при свете сумерек тающий снег превращался в серую слякоть. Автобусы и грузовики устало ехали в холодной темноте, а пешеходы, недавно закончившие работу, толпились на тротуарах, где фабричные работники продавали в палатках сшитые на фабрике рубашки.

— Я ничего не могу сделать, — ответил Буряков. — У многих тяжелое положение. Мы не можем всем помочь.

— Но ведь это не обычная простуда, а тяжелое заболевание. Если бы у вашей матери или сестры такое обнаружили, как бы вы поступили?

— Как только у нас появятся деньги, мы окажем ей помощь.

Людмила встала, чтобы уйти. Она не верила Бурякову, но была потрясена его цинизмом. В ту минуту она поняла, как мало значили рабочие в глазах директора фабрики. Он не хотел заплатить смертельно больной женщине причитающиеся ей деньги, хотя это могло спасти ей жизнь.

На фабрике «Голубая Ока», которая размещалась в трехэтажном кирпичном здании на оживленной улице неподалеку от Рязанского кремля, работало 500 человек. Там шили мужские рубашки, простыни, военные мундиры и средства маскировки. В основном здесь работали молодые одинокие женщины, многие из которых выросли сиротами. Зарботки на фабрике были низкими, но платили их регулярно. Однако в 1996 году Министерство обороны, самый крупный

заказчик фабрики, сократил свои заказы, и работницам перестали выплачивать зарплату.

Вначале дирекция уверяла, что задержка временная, но не уточняла, когда же работницы получат зарплату. В то же время было предложено платить зарплату рубашками. Некоторые работницы согласились на это предложение, и теперь пять дней в неделю они шили рубашки, а остальное время пытались их продать. Другие отказались от такой зарплаты и настаивали на том, чтобы им заплатили причитавшиеся им деньги. Прошло уже три года, но они продолжали ждать.

На протяжении весны, лета и осени женщины как-то существовали благодаря помощи своих родственников из деревни, которые делились с ними продуктами, выращенной на своих участках. Но когда пришла холодная зима, работницы стали болеть. Они худели и слабели, нередко у них случались обмороки и носовые кровотечения. Врачи, приезжавшие на фабрику по вызовам из службы «скорой помощи», говорили, что работницы страдают от истощения и недоедания.

Наконец в феврале 1997 года, не получая заработную плату 11 месяцев, работницы решили устроить забастовку. В последний день месяца был организован независимый профсоюз, и Тихонову выбрали председателем. Затем женщины разошлись по своим цехам, но работать отказались.

Такое поведение обычно покорных работниц произвело впечатление на руководство. Боссы подходили к работницам и пытались убедить их прекратить забастовку. «Потерпите немного, приступайте к работе», — говорили они. «Мы уже достаточно терпели», — отвечали женщины.

Забастовка длилась два месяца, несмотря на неоднократные угрозы со стороны руководства. В конце мая директора фабрики Людмилу Андрееву сменил Буряков. Вскоре после его прихода, 31 мая, работницы прекратили бастовать, в ответ на это Буряков выплатил каждой из них от 50 до 100 рублей. Благодаря этому многие смогли впервые за много месяцев купить себе продукты.

В оставшиеся месяцы 1997 года работницам выплачивали зарплату, достаточную для того, чтобы хоть как-то заставить их работать. Помимо других заказов, однажды фабрика получила заказ из одной американской тюрьмы, и женщины начали шить фланелевые пижамы для американских заключенных. К изумлению работниц, пижамы были из высококачественного материала и шились с пуговицами, карманами и декоративными элементами.

В феврале 1998 года частичные выплаты зарплаты прекратились. Буряков объяснял это тем, отсутствием денег, но работницы восприняли его заявление с недоверием.

На самом деле руководство фабрики даже не скрывало свою коррумпированность. Работницам было известно, что директора совершают дорогие поездки за границу за счет фабрики и ее площадь сдается магазинам, а получаемый доход не отражается ни в каких документах. На их глазах исчезало оборудование, в том числе импортные швейные машины, а также принадлежавшие фабрике легковые автомобили и грузовики; квартиры в построенных фабрикой домах и предназначенные для работниц, продавались на сторону, также без всяких записей о том, что стало с деньгами.

В этих условиях работницы снова устроили забастовку. Все было так же, как и в прошлый раз: женщины шли к своим машинам, но отказывались работать на них.

Забастовка взбесила Бурякова, но женщины, несмотря на словесные оскорбления, не уступали.

Именно в такой обстановке Тихонова подошла к Бурякову с просьбой о помощи швее, больной лейкемией, и получила отказ.

Отказ директора выплатить задолженность по зарплате даже больной лейкемией потряс женщин и укрепил их решимость. Но последующие события сломили их волю к сопротивлению.

В марте один из грузчиков, отчаявшись прокормить свою семью, повесился у себя дома, оставив жену-инвалида и двоих детей. Вскоре после этого у электрика Виктора Пурикова нашли рак легких. Людмила умоляла Бурякова выплатить Пурикову задолженность по зарплате, чтобы он мог купить лекарства, но Буряков отказался. Вскоре у Пурикова открылась язва, и он умер.

Обе смерти вселили страх в рабочих. Многие из них решили, что если они не вернутся к работе, они не смогут рассчитывать на помощь начальства. В конце апреля забастовка была прекращена. С глубоким смирением рабочие вновь приступили к работе, надеясь, что раз фабрика снова начала выпускать рубашки, им будут платить достаточно для того, чтобы они могли выжить.

Положение швей на текстильной фабрике «Голубая Ока» стало обычным для положения рабочих в России. Реформаторами было обещано, что благодаря приватизации, которая к 1996 году сосредоточила 80% российских промышленных предприятий в частных руках, рабочие станут совладельцами своих фабрик и заводов, но вме-

сто этого рабочие подверглись неслыханной в Советском Союзе эксплуатации.

В результате ликвидации государственной собственности российские фабрики и заводы вышли из-под контроля правительства, и после того, как на них распались комитеты коммунистической партии, директора, будучи последними представителями советского режима, сосредоточили в своих руках полный административный контроль.

Формально последней инстанцией считались акционеры, но в действительности они были не в состоянии диктовать свою волю директору. Поскольку именно директор распоряжался наймом и увольнением рабочей силы и продвижением по служебной лестнице, а также контролировал всю информацию, он играл главную роль на собраниях акционеров, даже если ему принадлежала лишь небольшая доля акций. Именно он решал, какая информация будет доступна для акционеров, а поскольку фамилии акционеров были написаны на избирательных бюллетенях, голосование против директора грозило переводом на менее квалифицированную работу или увольнением.

Характер деятельности директоров предприятий, занявших свои посты еще в советское время, быстро изменился¹. Те из них, которые раньше стремились к выполнению планов и часто мало разбирались в других вопросах, начали расхищать имущество своих заводов и фабрик.

Один из способов грабежа заключался в невыплате необходимых платежей, в том числе заработной платы, и вкладывании денег на депозитные счета под проценты. Директор обычно устанавливал тесные личные взаимоотношения с местным банком, делая его зависимым от завода, а следовательно, и от самого себя. Доходы завода затем клались в этот банк на депозитный счет с высокими процентами, при этом директор и должностные лица банка делили между собой прибыль.

Другим способом расхищения имущества заводов было создание дочерних компаний, которые играли роль посредников, запрашивая непомерно высокие цены за незначительные услуги. Благодаря их доступу в магазины и на оптовые склады и приобретению контроля над транспортом и охраной директора крали оборудование, сырье и продукцию, которая после приватизации стала исчезать в больших количествах с российских заводов и фабрик. В первые годы реформ огромные очереди грузовиков выстраивались перед российскими пограничными пунктами, так как на грузовых машинах вывозились в иностранные порты материалы, украденные с предприятий их управляющими².

Видя ненасытность директоров и понимая собственную уязвимость из-за краха промышленного производства, рабочие оказывались беспомощными и пассивными, что отражалось в их письмах в российские газеты.

«Я работаю на машинном заводе, где нам не платят зарплату, — писала женщина из Липецка в письмо в газету «Липецкие известия». — На моем иждивении находится больной сын. Моя заработная плата нищенская, и даже ее я не получаю. Не так давно нам заплатили за февраль. Я просила заплатить за март, но моя просьба так и лежит на столе у главного бухгалтера. Я устала ходить и попрошайничать, словно ни на что не имею право».

На это газета в колонке «семейный адвокат» ответила ей: «Вы можете сменить рабочее место, но едва ли вы найдете завод с вакансиями ... Вы могли бы обратиться в трудовой комитет и в суд. Но поможет ли это вам получить деньги? Лучший совет, который я могу вам дать: попросите о встрече с директором, и, может быть, в виде исключения он согласится удовлетворить вашу просьбу».

Этот случай, приведенный в бюллетене телеграфного агентства «ИРА-СОК», был напечатан с кратким комментарием редактора бюллетеня: «Было бы лучше не ходить к директору, а отнести к нему с подобострастием. Тогда вы произведете на него впечатление своей беззащитностью. В нашей стране любят покорных и послушных»³.

Действительно, именно беззащитность российских рабочих при росте слоя директоров криминализированных заводов и фабрик и бессилии официальных профсоюзов вызвали у рабочих первые протесты. Они были безжалостно подавлены, но их тщетность показала истинное положение рабочих постсоветский период.

Ярославль, 26 декабря 1995 года

«Если вы голодаете, то имеете право не выходить на работу. Если они обвиняют нас в нарушении закона, мы вправе спросить: а кто их обвинит в нарушении Конституции, где утверждается, что они обязаны платить за работу?»

Речь произносил Владимир Дорофеев, глава независимого профсоюза «Единство», обращаясь к тысяче рабочих Ярославского завода теплооборудования, которые собрались в пасмурный день во дворе завода. Руководство предупредило рабочих, что каждый, кто примет участие в демонстрации, будет уволен. Протестующих снимали на видеокамеру из окон верхних этажей завода. Однако демонстрантов это не испугало. Они с одобрением встретили слова Дорофеева и держали в руках лозунги со словами: «Только рабы работают бесплатно».

После окончания митинга рабочие вернулись в свои цеха. В некоторых цехах они разделились: одни хотели приступить к работе, другие отказывались. Но в инжекторном цеху, цехах точных деталей и корпусных деталей рабочие отключили электричество, что привело к остановке работы всего завода.

Проблемы на Ярославском заводе теплооборудования начались после распада Советского Союза. Сразу после этого заказы и поставки резко упали, в результате чего производство сократилось более чем наполовину. В то же время инфляция съела все сбережения рабочих, вызвав массовую деморализацию. У некоторых эти сбережения доходили до 15 000 рублей, чего хватило бы на покупку трехкомнатной квартиры. Но по прошествии нескольких месяцев на эту сумму можно было приобрести лишь пару ботинок.

Учитывая ухудшение условий жизни, местные власти стали давать рабочим небольшие участки земли, находившиеся в собственности государства и колхозов. У рабочих было мало опыта в сельском хозяйстве, но после того как задержки с выплатой зарплаты превысили месяц и стали регулярными, многие рабочие начали выращивать на своих огородах овощи.

Летом 1992 года в окрестностях Ярославля многие рабочие строили сараи или небольшие домики на крошечных наделах и копали колодцы. Каждый выходной за город отправлялись электрички, набитые людьми, везущими стройматериалы и инструмент. Когда началась уборка урожая, поезда были настолько переполнены, что людям приходилось висеть на подножках и ехать, держась за поручни вагонов.

У Дорофеева также был участок, и все выходные он проводил там, выращивая картофель и овощи.

Скоро задержки в выплате зарплаты достигли двух месяцев, и завод начал выдавать рабочим часть их жалованья в виде продуктов в заводском буфете. Продукты были ужасного качества, но рабочие разбирали их и приносили домой детям, часто сами оставаясь голодными.

После того, как завод был приватизирован, условия еще более ухудшились. Часть продукции, а также запасы запчастей, исчезли. Металлорежущие станки были вывезены из цехов и проданы на стороне. Материалы пропадали со строительного участка будущего спортивного комплекса и использовались для возведения трех- четырехэтажных дач для руководства завода.

К середине 1994 года недоедание и неустойчивое финансовое положение привели к глубокому социальному кризису. Семьи распадались,

так как мужчины не могли содержать своих детей. Больные рабочие, за которыми некому было ухаживать, преждевременно умирали. Стало известно о первых случаях самоубийств. Однажды какая-то женщина остановила на заводе Дорофеева и сказала ему: «Знаете, чем мне приходится кормить своих дочерей? Комбикормом. Я беру корм для коров, смешиваю его с ячменной крупой, варю и этим всех кормлю». Дорофеев вспомнил, что в последний раз люди были вынуждены питаться кормом для животных во время блокады Ленинграда.

В такой ситуации директор завода Лев Соколов организовывал дочерние компании для продажи продукции завода параллельно с отделом сбыта. Скоро их число достигло 15; ими управляли друзья Соколова.

Одна из таких компаний — Интра-центр — предлагала купить акции рабочих завода по 10 000 рублей каждую. В ответ на это предложение Дорофеев решил подсчитать реальную стоимость акций, учитывая стоимость заводских зданий, сырья и оборудования и поделив это на общее количество акций. У него получилось, что реальная стоимость одной акции составила 1 500 000 рублей. На этом основании он старался убедить рабочих не продавать свои акции, но многие, отчаявшись получить дополнительные деньги, все же продали их.

Вскоре Интра-центр владел уже 25% акций завода. Спустя некоторое время Соколов продал Интра-центру заводской гараж по номинальной цене. Завод также закрыл свою ремонтную мастерскую и семь месяцев спустя перевез оборудование в Интра-центр. Таким образом, правление Интра-центра, состоящее из группы подозрительных предпринимателей, связанных с Соколовым, вступили во владение заводом.

В течение нескольких месяцев, по мере углубления кризиса, рабочие не предпринимали никаких действий в связи с невыплатой зарплаты, так как боялись потерять работу. Но в июне 1995 года Дорофеев и слесарь Николай Доросюк стали ходить из цеха в цех, набирая рабочих в новый профсоюз для борьбы с задержкой выплаты зарплаты. «Прежде чем гнать рабов на работу, их кормили, — говорил Дорофеев. — Но здесь нас даже не считают рабами». 4 июня около сотни рабочих устроили митинг в заводском конференц-зале, на котором было объявлено о рождении независимого профсоюза. Профсоюз потребовал ликвидации задолженностей заработной платы и проведение расследования в дочерних компаниях, организованных Соколовым. В нескольких цехах прошли предупредительные забастовки. Более тысячи рабочих, демонстрируя свою силу, собрались во дворе завода на первое собрание независимого профсоюза. Демонстранты несли лозунги

и плакаты со словами «Кто накормит наших детей?», «Боссам место в тюрьме, а не на Канарских островах».

Вскоре после начала протестов Соколов подал в отставку, объясняя это ухудшением здоровья. После его ухода задержка в выплате зарплат достигла почти трех месяцев.

В июле на пост директора был избран Александр Пирожков, заместитель Соколова. В сентябре Соколов улетел на Кипр по путевке, оплаченной за счет завода, а через несколько дней утонул, купаясь в Средиземном море.

Известие о смерти Соколова взбудоражило завод. И рабочие, и руководство были убеждены, что кто-то помог ему утонуть. Соколов был в курсе финансовых махинаций на заводе, и его знания представляли опасность для его бывших коллег, особенно в то время, когда рабочие требовали ликвидации задолженностей по зарплате. В то же время нанять убийцу на Кипре, где так много русских, не представляло сложности.

Соколову устроили грандиозные похороны с лимузином, милицейским эскортом и поставили ему на могиле мраморную плиту с огромным портретом, изготовленным за счет завода.

Новый директор пообещал выплатить все задолженности, но вместо этого задержки в выплате зарплаты еще больше возросли. 22 июля рабочие нескольких цехов устроили забастовку без разрешения профсоюза, и Пирожков остановил работу завода. Две недели спустя локаут был прекращен, но Пирожков не предпринимал шагов к выплате зарплаты. В ответ на это забастовал весь завод. Наконец, Пирожков согласился ликвидировать половину трехмесячной задолженности по заработной плате, и рабочие вернулись на рабочие места, но вскоре после этого завод снова прекратил выплату зарплаты.

Холодную зиму рабочим удалось пережить, устраиваясь на дополнительную работу и перезанимая деньги друг у друга. Многие вступали в фашистские политические группировки. 16 ноября 1995 года газета «Северный край» сообщила, что в результате безработицы, неуверенности в будущем, нищеты и потери денег в пирамидальных схемах и банках в Ярославской области началась эпидемия психических расстройств. «По последним данным, каждый пятый [житель области] страдает расстройством психики», — писала газета.

Всю осень рабочие трудились, не получая зарплату. В декабре, после массовой демонстрации под руководством Дорофеева, они устроили забастовку и прекратили работу. Забастовка длилась две недели, и в

конце концов Пирожков пообещал выплатить задолженности по зарплате. Однако он снова не сдержал обещание, и задолженности продолжали расти. К маю 1996 года рабочим задолжали зарплату за шесть месяцев, и многие, подавленные чувством беспомощности, прекратили бороться за свою зарплату.

Однако Дорофеев был намерен продолжать борьбу. С помощью нескольких менеджеров, которые тайно симпатизировали рабочим, он начал собирать информацию о коррупции, царящей на заводе.

Будучи лидером независимого профсоюза, Дорофеев имел право проверять финансовые документы завода и вскоре сделал несколько открытий. Одно из них состояло в том, что хотя завод не выплачивал зарплату рабочим, Пирожков с декабря 1995 по июнь 1996 года получил 45,5 млн рублей. Дорофеев также обнаружил, что завод заплатил 391% по кредитам на 3,5 млрд рублей, полученным от Кредпромбанка, хотя самые высокие процентные ставки по подобным кредитам за указанный период составляли от 200 до 240%. В то же время завод платил налоги не непосредственно правительству, а через Кредпромбанк таким образом, что в банке оседали проценты с этих сумм. В течение по крайней мере полутора лет платежи шли с опозданием на две недели. Дорофеев отнес эту информацию прокурору, и милиция арестовала руководство отделения Кредпромбанка в Ленинском районе.

К июню отставание в выплате зарплат достигло восьми месяцев, и рабочие могли существовать лишь за счет картошки и овощей, выращенных на дачных участках. Каждый понедельник они приходили на завод уставшими после тяжелой работы в выходные.

Дорофеев начал бороться с апатией среди рабочих. Используя собранную им информацию, он ежедневно выступал на митингах в различных цехах завода, рассказывая о том, как начальство грабило заводские ресурсы, пока рабочие напрасно ожидали зарплат. Вновь вспыхнуло негодование рабочих, и 26 июня они снова объявили забастовку.

После начала забастовки Пирожков пообещал Дорофееву, что рабочим заплатят, если они приступят к работе. «Наши рабочие теряют сознание от голода, — ответил Дорофеев. — Если рабочий упадет в обморок во время работы на станке, от него ничего не останется. Это равносильно прохождению сквозь мясорубку. Вы этого добиваетесь? Наш принцип простой — сначала зарплата, потом работа».

Забастовка продолжалась весь август. Но Дорофееву вскоре стало ясно, что его успехи по объединению рабочих угрожают его собствен-

ной безопасности. Ему стали звонить среди ночи. Иногда он слышал лишь тяжелое дыхание, а иногда его спрашивали: «Вы заказывали женщину?»

26 августа сотни рабочих строем прошли к главному зданию правительства области и потребовали, чтобы завод был объявлен банкротом; такое заявление могло привести к назначению нового руководства.

Вскоре после демонстрации пятеро мужчин подошли к дому, где жил Дорофеев, и начали задавать его соседям вопросы о нем. Наконец они поднялись в квартиру Дорофеева, дома была его жена Нина. Они сказали ей, что они «друзья с Кавказа» — это выражение обычно означает принадлежность к преступной организации — и им нужен Дорофеев для «делового разговора». Их визит поверг Нину в состояние паники. Дорофеев обратился за помощью к главе областного управления ФСБ, и на какое-то время визиты прекратились. Но вскоре после этого сын Дорофеева был ранен во время спора, затем арестован на больничной койке, обвинен в попытке убийства на том основании, что у него был найден сувенирный нож, и позже приговорен к пяти годам тюрьмы.

Тем временем завод усиливал финансовое давление на рабочих. В сентябре рабочие вернулись на работу и получили зарплату за сентябрь и октябрь. Однако в ноябре все платежи были прекращены, и к весне 1997 года задолженности по зарплате достигли девяти месяцев. Дорофеев вновь пытался сплотить рабочих для коллективных действий, но их воля была сломлена. Руководство начало открыто увольнять рабочих или сокращать их жалование (которое все равно не платили). Наконец сам Дорофеев устал от постоянной борьбы за права тысяч рабочих, которые ничего не хотели, кроме того, чтобы им заплатили их зарплату.

Однажды вечером незадолго до Первого мая 1997 года Дорофеев сидел дома и смотрел телевизор и вдруг услышал в соседней комнате звук бьющихся бутылок. Он вскочил и обнаружил свою жену лежащей поперек кровати в неестественной позе. «Скорая помощь», отвезла ее в больницу, где врачи промыли ей желудок и спасли жизнь. Она приняла чрезмерную дозу снотворного. Владимир нашел предсмертную записку, которая была полна бессильной злобы всех рабочих завода теплооборудования: «Будь проклят Пирожков!»

Череповец — 23 декабря 1997 года

— Если вы считаете себя скотами, то можете работать, — заявила Людмила Иванова, лидер независимого профсоюза сталелитейного завода «Северсталь», обращаясь к группе машинистов подъемного

крана и рабочих металлорежущих станков в конвертерном цеху. — Но если здесь нет скота, тогда нам придется устроить забастовку.

Мужчины тесно обступили Людмилу.

— Она права, — сказал один из рабочих. — Нужно заставить их уважать нас. Это настоящее безобразие. Зарплата нищенская, но и ее не платят.

Внезапно цех заполнился охранниками в черных беретах с автоматами в руках. Их сопровождал начальник цеха.

— Мы увольняем всех вас, — сказал он. — Если вам тут не нравится, уберитеесь.

Однако рабочие стояли на своем.

Они спрятали ключи от гигантских подъемных кранов, которые использовались для транспортировки листов стали в цеху, и вся работа была прекращена. Начальник приказал какой-то женщине найти Людмилу, но пять рабочих схватили газовый резак и направили его на охранников.

— Нет! — закричала Людмила. — Не нужно крови!

Людмила и Анатолий Космач, еще один лидер независимого профсоюза согласились следовать за охранниками.

— Держитесь, ребята! — кричала Людмила, когда ее уводили. Она была убеждена, что теперь рабочие примкнут к забастовке.

На заводе «Северсталь» работает 50 000 рабочих, и это один из двух крупнейших заводов в России. В 1992 году, незадолго до приватизации завода, его генеральный директор Юрий Липухин назначил финансовым директором Алексея Мордашова, сына своего близкого друга. После того, как завод был приватизирован, Мордашов организовал дочернюю компанию под названием «Северсталь-Инвест», 24% которой принадлежало заводу, а 76% ему лично. Начальный капитал «Северсталь-Инвест» равнялся 100 000 рублей (50 долл. в 1993 году). Дочерняя компания вскоре начала играть главную роль в жизни завода. Хотя у завода был официальный отдел сбыта, тем, кто хотел купить сталь у «Северстали», говорили, что все покупки делаются через «Северсталь-Инвест», которая брала себе 20% доходов. В результате фирма, на которой работало пять человек, вскоре стала богатой организацией и одним из двух крупнейших налогоплательщиков Вологодской области.

Приватизация сталелитейного завода также привела к созданию независимого профсоюза, число членов которого за шесть месяцев выросло до двух тысяч человек. Численность независимого профсоюза была небольшой по сравнению с 38-тысячным офици-

альным профсоюзом, который занимался распределением льготных путевок в дома отдыха и квартир, но так как его члены работали на главных участках завода, новый профсоюз приобрел потенциально важное значение.

В 1993 и 1994 годах мировые запросы на нефть были высоки, и рабочие «Северстали» жили хорошо; в отличие от рабочих других российских заводов, им платили высокую заработную плату вовремя. Однако в 1995 году там начались задержки с выплатами заработной платы. Поскольку сталелитейный завод был высокорентабельным предприятием, рабочие сначала предполагали, что задержки временные, но когда зарплату не платили два месяца, это вызвало серьезные затруднения. Рабочие одалживали деньги друг у друга и откладывали важные покупки, экономя на еде и одежде.

В это время сомнительная компания под названием «Партнер», о которой впоследствии стало известно, что это филиал «Северстали-Инвест», открыла офисы в административном здании завода и стала предлагать купить акции рабочих на заводе. Рабочие, будучи не в состоянии справиться с финансовым давлением, начали продавать свои акции.

В сентябре 1995 года независимый профсоюз устроил пикетирование для выражения протеста против задержки выплаты заработной платы, и задержки на время прекратились.

Тем временем руководство завода было вовлечено в крупномасштабную аферу. Грабя склады и списывая высококачественный металл как негодный, они отправляли его в фиктивные организации. Иногда исчезали целые поезда из сорока вагонов.

Случаи хищений, о которых сообщали сочувствующие рабочим представители руководства в анонимных листовках, наводнивших завод, привели рабочих в ярость, и количество членов в независимом профсоюзе возросло почти до трех тысяч человек.

В апреле 1996 года проводились выборы нового директора. Липухин предложил выбрать Мордашова. «Северсталь-Инвест» приобрела тысячи акций завода через «Партнера», поэтому Мордашов владел большим пакетом акций и был выбран большинством голосов.

Липухин, бывший рабочий, относился к рабочим с уважением, а Мордашов, всегда работавший в администрации, относился к ним с презрением, считая их «скотом». Всюду за ним следовала вооруженная охрана. Когда рабочие жаловались, что руководство нанимает новых администраторов, в то время как они не получают зарплату, Мордашов отвечал: «Зачем я буду платить вам, чтобы переносить грязь с

места на место? Я лучше заплачу менеджерам, которые продают нашу продукцию»⁴.

Тем временем финансовая империя Мордашова продолжала расширяться. Он скупил акции некоторых крупных заводов и стал во главе Металлургического коммерческого банка (Меткомбанк), из которого «Северсталь» брал кредиты по непомерным процентным ставкам. Он также приобрел газеты и телевизионные станции вскоре осуществлял решительный контроль над Череповецкой городской думой и законодательным собранием Вологодской области.

Видя, как ухудшается положение на заводе, Людмила, работавшая корреспондентом в газете «Голос Череповца», писала сочувственные статьи о рабочих. Лидер независимого профсоюза Владимир Маракасов пригласил ее редактировать их газету. Вскоре ей предложили стать заместителем председателя независимого профсоюза. В декабре 1996 года Маракасов вышел в отставку, и его сменила Елена Виноградова, работавшая в заводском Доме культуры. Таким образом, две женщины стали лидерами независимого профсоюза.

Когда невыплата зарплаты стала постоянной, руководство завода начало оказывать давление на членов независимого профсоюза, предупредив их, что они будут уволены за малейшее нарушение. Несмотря на это, независимому профсоюзу удалось выстоять, и в январе 1997 года он устроил демонстрацию из нескольких тысяч рабочих перед зданием администрации завода в знак протеста против невыплаты заработной платы.

После демонстрации руководство начало платить зарплату, а затем, как и в прошлом, возникли новые задержки. С июня по август рабочим ничего не заплатили.

Атмосфера на заводе накалялась. Рабочие не могли понять, почему им не платят зарплату, если завод получает прибыль. Рабочие хотели созвать митинг членов независимого профсоюза от всех цехов. 27 ноября рабочие наконец устроили митинг и поставили начальству срок до 20 декабря удовлетворить их требование на коллективный подряд, выплаты всей задержанной заработной платы и перестать притеснять независимый профсоюз. Последний направил Мордашову письмо с изложением плана предотвращения несчастных случаев на заводе во время забастовки. Но Мордашов отказался обсуждать эту проблему. К середине января задержка выплаты заработной платы составила 53 дня, и стало ясно, что забастовка неизбежна. Людмила и Елена разработали план постепенного закрытия заводских цехов, и были назначены активисты для воодушевления их товарищей.

19 декабря Мордашов уволил с завода лидеров независимого профсоюза. Охране был дан список из 25 человек, которых не разрешено было пускать на территорию завода; усиленно выслеживали активистов. Но, несмотря на запрет, 20 декабря Людмила проникла на завод через отверстие в стене и пошла в железнодорожный цех, убеждая рабочих поддержать забастовку.

Вечером 21 декабря Виноградова вышла из дома с паспортом своей подруги, который она предъявила охране, стоявшей у двери ее квартиры с целью задержать ее. Охрана разрешила ей пройти, и она уехала на поезде в Москву искать поддержки у организаций, борющихся за права человека.

Позже в тот же вечер Людмила въехала на грузовике на завод, переодевшись, и сказала, что ей нужно принять душ, потому что у них дома испортился водопровод. Она спряталась на заводе до утра, затем вместе с Сергеем Рыбковым, другим лидером профсоюза, начала ходить из цеха в цех, убеждая рабочих начать забастовку. В цеху, где производили грузовые вагоны для внутривозовских перевозок, 300 человек прекратили работу. Некоторые рабочие в формовочном цеху также присоединились к забастовке. К вечеру 8 главных цехов завода остановились.

Несмотря на широкий размах забастовки, вести о ней распространились медленно, так как местная пресса находилась в руках Мордашова. Когда группа с Вологодского телевидения попыталась заснять забастовку, заводская охрана арестовала телеоператоров и уничтожила видеозапись. Лишь публикация в государственной прессе выступления Елены в Музее Сахарова в Москве частично приоткрыла завесу над информационной блокадой Череповца.

Ночь 22 декабря Людмила провела в квартире подруги. На следующее утро она вошла на завод в рабочей одежде и пошла в конвертерный цех. Ее появление вызвало инцидент, в котором рабочие чуть не применили газовый резак против охранников завода. Людмилу поддержали под арестом до вечера.

Уйдя с завода, Людмила обратилась за помощью к череповецкому прокурору Тамаре Гусняк. Та предупредила Мордашова, что, преследуя лидеров профсоюза, он нарушает закон. Однако предупреждение Гусняк осталось без внимания, после забастовки прокурору стали угрожать расправой с ее детьми, и она была вынуждена уйти в отставку.

Другие активисты также продолжали появляться на заводе, проникая в основном через дыры в ограде. Так они прятались от охраны и

встречались с рабочими в цехах. Как только охранники обнаруживали активистов, они хватали их, били, бросали в машины, везли за город и оставляли там на диком холоде.

Когда руководители профсоюза приходили ко входу на завод, предлагая руководству начать переговоры, им заявляли: «С вами никто не намерен разговаривать».

На пятый день забастовки к протестующим присоединились другие цеха. В цеху холодной прокатки стали рабочие остановили краны и отказались разгружать продукцию. Они также отказались вынимать стальные листы, которые мокли для очистки в цистернах с серной кислотой, что создавало опасность взрыва. Людмила и Карпов подъехали к заводскому входу и потребовали, чтобы им разрешили поговорить с рабочими. Когда охранники отказали, Карпов сказал им, что профсоюз не несет ответственности в случае аварии. Наконец охранники разрешили им позвонить в цех и сказать рабочим, чтобы они возобновили работу кранов.

Поскольку была парализована большая часть завода, руководство быстро начало выдавать рабочим зарплату. На пятый день забастовки рабочим заплатили за октябрь и часть ноября, и недоплата сократилась с 53 дней до 8.

Деньги сделали свое дело: хотя рабочие продолжали присоединяться к бастующим, многие вернулись к работе.

Судьба забастовки теперь зависела от железнодорожного цеха, который не присоединился к забастовке, но сочувствовал ей. Этот цех отвечал за железную дорогу, соединявшую все заводские цеха; прекращение работы этого цеха парализовало бы работу всего завода.

26 декабря Людмила вместе с семьёю другими лидерами профсоюза снова проникла на завод и вошла в железнодорожный цех, где их ожидали около 100 рабочих. «Мы просим вас присоединиться к забастовке, — попросили активисты. — Мордашов удовлетворил только одно из наших требований». Но после их ухода Мордашов устроил собрание рабочих цеха и пообещал поднять заработки на 25%. Он также пообещал премию в размере 1000 рублей каждому рабочему, который не будет участвовать в забастовке.

27 декабря рабочие железнодорожного цеха встретились в половине седьмого утра. Людмила, Карпов и Рыбков убеждали их присоединиться к забастовке. Председатель официального цехового профсоюза Игорь Качальников сказал рабочим, что сделать это равносильно самоубийству. Рабочие цеха были возмущены тем, что им годами не выплачивается зарплата, но один за другим активисты высказывали мне-

ние, что забастовка обречена. У Людмилы, которая почти не спала на этой неделе, не было сил спорить с ними. Через сорок минут они вернулись к своей работе.

После такого решения рабочих железнодорожного цеха забастовка была прекращена. Постепенно рабочие других цехов возвращались на свои рабочие места, и 3 января было принято решение прекратить забастовку.

После подавления забастовки рабочие сталелитейного завода «Северсталь» больше не пытались защитить свои права. Вскоре после того, как бастующие вернулись к работе, руководство «Северстали» объявило о намерении прекратить производство и закрыть огромный мартеновский цех с его 12 печами. Это известие не побудило рабочих снова рисковать, участвуя в дальнейшей борьбе. По прошествии недели снова стали увеличиваться задержки в выплате заработной платы.

При обсуждении ситуации, сложившейся на заводе, в телевизионной программе Владимира Познера говорилось, что завод в 1997 году получил прибыль 1,5 триллиона рублей, но лишь 8% из этой суммы пошли на выплату заработной платы. Однако Мордашов в нескольких интервью сваливал вину за невыплату заработной платы на алкоголизм среди рабочих.

После одного из таких интервью группа пикетчиков собралась у входа в административное здание завода для выражения протеста. Демонстранты несли плакаты со словами: «Мы требуем, чтобы вы извинились за свои слова!» Рабочие редко видели Мордашова, но по этому случаю он вышел для разговора с пикетчиками: «Я не собираюсь извиняться, потому что я прав, — заявил он. — Рабочие действительно пьют».

Нефтеюганск, 26 июня 1998 года, 8.45

Машины запрудили улицу Рабочих Нефтяников, и туманное утро обещало сибирякам еще один жаркий день. Анатолий Ширяев, лидер независимого профсоюза, вошел в приемную мэра Нефтеюганска Владимира Петухова. Внезапно какой-то охранник вбежал в приемную, расталкивая группу просителей, которые сгрудились, тщательно изучая свои документы.

— В переулке кого-то убили! — закричал он.

В ту же минуту еще два охранника вбежали в комнату.

— Что случилось? — спросил Ширяев.

— Два вооруженных бандита только что стреляли в мэра.

Ширяев вышел на улицу и присоединился к толпе, собравшейся на площади. Рядом со зданием мэрии помещался центральный офис «Юганск Нефтегаз», региональной нефтяной компании, которая в настоящее время принадлежала энергетическому промышленному комплексу «Юкос». Всего за четыре дня до этого Петухов положил конец голодной забастовке против политики «Юкоса».

Толпа вскоре выросла до 5000 человек. Наконец незадолго до полудня прибыл первый заместитель мэра Виктор Ткачев и объявил, что Петухов умер. У народа на площади было только одно объяснение смерти мэра: они обвиняли в его убийстве «Юкос».

«Юкос», созданный в 1993 году российским правительством, представлял собой вертикально интегрированную компанию. В нее входили две нефтебуровые компании — «Юганск Нефтегаз» и «Самара Нефтегаз», три нефтеперерабатывающих завода и 12 компаний по продаже нефтепродуктов.

8 декабря 1995 года на аукционе, проводимом в рамках программы «Ссуда за акции», контрольный пакет акций «Юкоса» приобрел Михаил Ходорковский, 36-летний председатель банка «Менатеп» и один из самых богатых людей в мире, личное состояние которого оценивалось в 2,4 миллиарда долларов. «Менатеп» организовал аукцион и был представлен на нем двумя допущенными покупателями. Пакет предложений от третьей фирмы, действующей от лица консорциума Альфа-банка, Инкомбанка и «Российского кредита», был отклонен «за отсутствием правильно заполненных банковских документов».

При отсутствии конкуренции Ходорковский приобрел контрольный пакет акций «Юкоса» — второй по величине нефтяной компании России, в ведении которой находилось примерно 2% разведанных мировых запасов нефти, — за 159 млн долл., на 9 млн долл. выше стартовой цены⁵.

В 1995 году Петухов возглавил компанию «Дебит», учрежденную отделом буровых скважин и капитального ремонта «Юганск Нефтегаза». Эта компания стала кредитором «Юкоса», который задолжал огромную сумму «Дебиту» за законченную работу. «Дебит» подал иск против «Юкоса», который в ответ на это обвинил Петухова в финансовых махинациях, в том числе в краже половины прибыли «Дебита». У Петухова появились проблемы с налоговой полицией. Чтобы избавиться от этих проблем и заставить «Юкос» заплатить ему, Петухов решил баллотироваться на пост мэра Нефтеюганска.

Петухов начал проведение открытой кампании против «Юкоса». Находясь на посту мэра, Петухов разрешил «Юкосу» заплатить местные

налоги по неликвидным долговым обязательствам, многие из которых были выпущены сомнительными компаниями, и обвинил «Юкос» в эксплуатации региона. Кроме того, рабочие-нефтяники испытывали враждебность к Ходорковскому, открыто выражая сомнение в том, что столь молодой человек мог накопить столь огромное состояние честным путем.

Во время избирательной кампании группа сотрудников Петухова направила ему письмо, обвиняя его в финансовых махинациях, но было ясно, что за этим письмом стоит «Юкос», и из-за резко отрицательного отношения в городе к промышленному конгломерату это лишь способствовало популярности Петухова. Неожиданно как для Петухова, так и для «Юкоса» первый был избран мэром.

Результаты выборов усилили противоречия между «Юкосом» и рабочими Нефтеюганска. Новый мэр потребовал, чтобы «Юкос» заплатил налоги реальными деньгами, а не векселями или собственностью. Но «Юкос» предложил выплатить налоги простыми векселями и передал городу аэропорт, требующий огромных эксплуатационных расходов, сельскохозяйственные установки и асфальтовый завод.

В 1998 году цены на нефть упали с 20 до 9 долларов за баррель, и «Юкос», который должен был выплачивать денежные суммы и иностранные кредиты, заплатил местные налоги только за первую половину 1998 года; эта сумма составляла лишь 63% от заплаченной им суммы за аналогичный период в 1997 году. В результате город лишился средств для выплаты зарплат милиционерам, учителям и врачам⁶.

В то же самое время начались задержки выплаты зарплаты рабочим-нефтяникам, которым теперь приходилось ждать своей зарплаты по два месяца.

Нефтеюганск всегда отличался полной занятостью и хорошим ассортиментом товаров в магазинах. Теперь впервые на улицах появились нищие. Жители Нефтеюганска были настоящими заложниками, поскольку предприятия нефтяной промышленности были единственным местом для работы.

В апреле 1998 года «Юкос» объявил об уменьшении зарплаты на 60–70% и о программе реструктуризации⁷. Из 38 000 рабочих, работавших в системе «Юганск Нефтегаз», 26 000 работали в 51 организации, обслуживавшей нефтяные скважины. Теперь эти организации были объявлены независимыми и должны были осуществлять денежные операции с «Юганск Нефтегазом», который пользовался преимуществом своей монополии на установку цен.

Рабочие-нефтяники, которые всегда свободно обращались с деньгами, теперь были лишены средств, и резкое изменение их положения привело к взрыву ненависти.

Юлия Коршакевич, помощница Петухова, приехавшая в город в 1967 году, объясняла причины этой ненависти: «Город представлял собой остров, окруженный болотами на сотни километров. Зимой здесь мороз и темнота. Летом трудно было дышать из-за болотного газа, но отсюда тянулась тропинка к первой буровой установке. Мы построили первую скважину, первое жилое здание, и все в сложнейших условиях. А теперь, когда все сделано, Ходорковский покупает все это за бесценок и выгоняет людей на улицу. Люди имеют право хорошо жить. Они потеряли здоровье в этом загазованном болоте».

Петухов начал настраивать население против «Юкоса». По его предложению Ширяев, рабочий дочернего предприятия «Юганск-Фракмастер», организовал независимый профсоюз, и 27 мая, в день встречи акционеров «Юганск Нефтегаза», профсоюз устроил массовую демонстрацию перед центральным офисом «Юганск Нефтегаза».

Толпа была в отчаянии. Тысячи людей не получили зарплату или оплаченного отпуска и не могли вывезти детей на лето из города. Они также испытывали скрытый страх. Некоторые из рабочих-нефтяников не участвовали в демонстрации, боясь, что их сфотографируют, а потом уволят. Демонстранты несли плакаты со словами: «„Юкос“ — кровосос!», «„Юкос“, убирайся со святой Руси!», «Голодный учитель — это позор для страны!»

Обращаясь с речью к толпе, Петухов назвал «Юкос» преступной организацией, которая жиреет за счет продаж нефти, производимой жителями Нефтеюганска.

2 июня в другой демонстрации более 25 000 человек, четверть населения города, заполнили центральную площадь и потребовали немедленной выплаты задолженностей по зарплатам. Главным оратором был Петухов. «Никто не должен помыкать нами, — говорил он, — ни „Юкос“, ни Центр».

После речи Петухова демонстранты окружили здание «Юганск Нефтегаза», захватили Сергея Муравленко, занимавшего высокий пост в «Юкосе», и затащили его в здание. Демонстрации продолжалась до тех пор, пока «Юкос» не согласился частично ликвидировать свою задолженность городу. С точки зрения толпы, Петухов принудил к уступке «чудовище „Юкоса“».

Вскоре в Нефтеюганск прибыл заместитель председателя «Роспром-юкоса» Владимир Дубов и встретился с местными налоговыми властями. Они объявили, что долг «Юкоса» и «Юганск Нефтегаза» городу составляет около 80 млн рублей, а долг города «Юкосу» — почти 228 миллионов рублей. Петухов устроил голодную забастовку, которая закончилась через 8 дней созданием комиссии для проверки результатов ревизии. В глазах рабочих-нефтяников это была вторая победа Петухова над «Юкосом».

Но через три дня, на пустыре по пути на работу, Петухов был убит. Когда известие об убийстве распространилась по городу, на площади собралась толпа в 30 000 человек. У входа в здание мэрии висели плакаты: «„Юкос–Менатеп“ — убийцы!», «Эта кровь на ваших руках!» Ораторы из толпы выкрикивали: «Мы знаем, кто убил нашего мэра. Это было сделано по приказу Ходорковского». Толпа требовала, чтобы депутаты городской думы, образовавшие оппозицию Петухову, подали в отставку. Начали распространять петицию с требованием «положить конец мародерству в России». Авторы петиции выступали за отставку Ельцина, Государственной думы и лишение «Юкоса» лицензии на право распоряжаться минеральными ресурсами Западной Сибири.

Когда стемнело, площадь осветилась тысячами свечей, и из динамиков послышалась похоронная музыка. В то же время демонстранты остановили движение на мосту через Обь, подожгли входные двери в квартиры трех депутатов, которые конфликтовали с Петуховым и подозревались в сотрудничестве с «Юкосом». Сразу же после этого девять из двенадцати депутатов городской думы бежали.

Милиция не разделяла убеждения толпы, что в убийстве Петухова виновен «Юкос». Они больше верили в возможность того, что Петухов был убит за свои действия по закрытию городского рынка, которым заправляли чеченские бандиты. Но в Нефтеюганске была настолько велика ненависть к «Юкосу», что другие объяснения убийства Петухова не принимались во внимание.

30 июня на похороны Петухова собралось 70 000 человек. В фойе местного Дома культуры, где было выставлено для прощания тело Петухова, многие плакали, не скрывая своих слез. Из дома культуры, прежде чем отправиться на кладбище, похоронный кортеж подъехал к зданию мэрии и церкви святого Пантелеймона. Весь путь был усыпан цветами.

Люди всех возрастов и национальностей оплакивали убитого мэра, и общие переживания объединили их. Однако вскоре после этого «Юкос» ускорил обещанную реструктуризацию. Рабочие-нефтяни-

ки продолжали обвинять «Юкос» в убийстве Петухова, но по мере того, как над нефтяными месторождениями нависла угроза безработицы, их желание бороться с промышленным конгломератом улетучилось. Также усиливались нехорошие предчувствия по поводу того, что станет с регионом, когда каспийская нефть пойдет по нефтепроводу. Во многом, оплакивая Петухова, Нефтеюганск, похоже, оплакивал себя.

— Знаете, когда я хоронил отца и мать, я не плакал, — вспоминал Виктор Пушкаренко, депутат городской думы. — Но тут, когда Петухова опускали в землю, я не мог удержаться от слез.

7. Деятельность правоохранительных органов

Моя милиция меня бережет.

Владимир Маяковский

Легкий ветер кружил в воздухе целлофановые обертки и пакеты перед станцией метро «Кузнецкий мост». Перед стеклянными дверьми у входа в метро какой-то мужчина не переставая бил ногами по лицу лежавшего на земле человека. Жертва избиения с залитым кровью лицом стонала и вздрагивала каждый раз, когда ей наносили удар.

Вместе с Йонасом Бернштейном, аналитическим обозревателем Фонда Джеймстауна «Монитор», мы вошли в метро и обратились в комнату милиции, где милиционер, сидя за столом, просматривал какие-то бумаги.

— Там человека бьют у входа, — сказал я. — Ему нужна помощь.

Милиционер и виду не показал, что слышит мои слова.

— Его бьют по лицу! — продолжал я.

Милиционер продолжал перелистывать бумаги.

Согласно закону, милиция обязана регистрировать все заявления о случаях преступлений, даже в словесной форме. Милиционеры, несущие службу на станциях метро, не имеют права покидать свои посты, поскольку метро считается зоной повышенной опасности, но при любом нападении они обязаны сообщить о нем в ближайшее отделение милиции, которое должно немедленно отреагировать. Однако этот милиционер не предпринимал никаких действий.

Я снова попытался привлечь его внимание, но вмешался Йонас:

— Вы сделали все, что могли, а теперь лучше уходите отсюда, иначе эти бандиты возьмутся за вас.

После этого мы ушли, оставив милиционеру решать судьбу избиваемого у входа в метро человека.

Инцидент на станции метро «Кузнецкий мост» был не единственным для нас случаем бездействия милиции. Милиция часто не обращает

7. деятельность правоохранительных органов

внимания на людей, находящихся в опасности, и многие граждане за-
платили за ее равнодушие своей жизнью.

Существует несколько причин, почему милиция часто не предприни-
мает серьезных усилий по защите простых людей. Во-первых, в функ-
ции российской милиции теперь, как и раньше, входит защита полити-
ческих властей от народа. Она вовсе не намерена охранять отдельных
людей. В этом отношении положение мало чем отличается от того, что
было в XIX столетии, когда маркиз де Кустин отмечал, что полиция в
России хватается невинных, но и пальцем не пошевелит, чтобы поспе-
шить на помощь.

Как и в прошлом, поведение российской милиции расценивается по
системе, в которой во внимание принимается лишь малое число пре-
ступлений и большое количество «раскрытых преступлений». В соот-
ветствии с этой системой милиция старается не принимать жалобы от
граждан, пострадавших от труднораскрываемых преступлений. При
ограблении квартиры милиция старается убедить жертву не заявлять
о случившемся, «мы все равно не найдем воров». Милиция также из-
бегает заниматься поисками пропавших людей или опознанием тру-
пов жертв преступлений, потому что в обоих случаях, возможно, вы-
растет число нераскрытых преступлений.

Наиболее важная причина, по которой милиция в посткоммунистиче-
ской России не желает защищать простых людей, видимо, заключается
в том, что она считает это непродуктивным использованием своего вре-
мени. После распада Советского Союза многие из лучших работников
правоохранительных органов ушли из разведывательных служб, Мини-
стерства внутренних дел и Генеральной прокуратуры и стали работать
в частных сыскных агентствах, получая во много раз большую зарпла-
ту. А многие из тех, кто покинул свои должности, не смогли подыскать
себе другую работу. Они видели, как правительственные чиновники по-
всеместно используют свои посты для получения нелегальных доходов
и, следуя их примеру, начали пользоваться любой представившейся
возможностью, чтобы требовать взятки¹.

Таким образом, милиция стала похожа на еще одну преступную груп-
пировку, и стремление делать деньги не оставляло ей ни времени, ни
сил, чтобы охранять законы².

Наиболее распространенные формы коррупции милиции хорошо из-
вестны.

Многие милиционеры вымогают деньги у уличных торговцев. Тысячи
людей продают сигареты, газеты, цветы и мелкие дешевые товары на

улицях Москвы и других городов России, и все они должны откупаться от милиции.

Обычные приемы милиционера выглядят так: он спрашивает у продавца, есть ли у него лицензия на право торговли. Если продавец показывает ему лицензию, милиционер заявляет ему, что он продает вещи в недозволенном месте, даже если рядом торгуют десятки других людей.

Формально незаконная торговля наказывается конфискацией предмета продажи и штрафом, но милиция обычно готова пойти на уступки. «В два часа менты забрали у нас товар — мы продавали кожаные куртки, — рассказывал уличный торговец. — Мы подошли к милицмейской машине. Милиционеры сообщили, что наказание нам вынесет суд. Мы просидели в камере четыре часа, а потом начали торговаться с ними. Сторговались на 500 рублях»³.

Другой вид коррупции — вымогание взяток у водителей машин. В Москве каждый работник ГАИ обязан оштрафовать девять водителей и трех пешеходов в день⁴. Выполнив норму, он взимает штрафы, не делясь с государством. Милиционер останавливает машину, лучше всего дорогую иномарку, и объясняет водителю, что тот нарушил правила дорожного движения. Водитель, может быть, и не нарушал никаких правил. Но поскольку у него мало шансов доказать свою невиновность работнику ГАИ и требуемая им сумма всегда меньше штрафа, который полагается за его предполагаемое нарушение, инцидент почти всегда заканчивается уплатой взятки.

Во время одной плановой проверки, проведенной Министерством внутренних дел для исследования коррупции среди сотрудников ГАИ, грузовик с партией ликера проехал из Владикавказа в Ростов-на-Дону, миновав по пути 24 поста ГАИ. Двадцать два поста согласились на взятку в обмен на отказ от осмотра груза⁵.

В июне 1995 года чеченскими террористам под конвоем закрытых машин удалось проехать 22 поста ГАИ безо всякой проверки, подкупив работников ГАИ, и совершить вооруженное нападение на южный российский город Буденновск⁶.

Коррупция органов правопорядка, задевающая интересы обычных граждан, состоит в вытряхивании их карманов во время регулярных проверок документов.

Согласно закону, милиция может проверить документы у человека, если есть основание подозревать его в совершении преступления или в подготовке к нему. Существует список причин, по которым человека

7. деятельность правоохранительных органов

могут остановить, например, если он одет не по сезону, если у него поранены руки или кровь на одежде. Однако на практике милиция останавливает того, кого хочет. Достаточно посмотреть милиционеру в глаза и ускорить или, напротив, замедлить шаг. Особенно часто милиция останавливает «лиц кавказской национальности», а также ново-прибывших в столицу. Вот почему опасно спрашивать у милиционера дорогу.

После того, как человека остановили, если у него нет с собой паспорта или он приезжий и у него нет регистрации, его могут задержать.

Милиция также задерживает людей в пьяном виде или при мочеиспускании на улице.

Всех задержанных в подобных случаях отводят в камеры предварительного заключения в местных отделениях милиции, которые называют «обезьянниками» и из которых легче выбраться, заплатив взятку⁷.

Однажды вечером, когда гражданин В. гулял по центру Москвы, к нему подошла приятная молодая женщина и спросила, не знает ли он, где находится магазин иностранной литературы. В. знал такой магазин, но не знал точного адреса. Он завязал разговор с этой женщиной, который продолжался достаточно долго. Наконец женщина ушла, и В. направился в метро.

В этот момент его остановили два милиционера и потребовали предъявить документы. В. показал им удостоверение члена Союза журналистов, но один из них потребовал паспорт. В., зная о своих правах, настаивал на том, что предъявит паспорт только в отделении милиции. Его отвели на пост милиции рядом со станцией метро. Там он показал свой паспорт, и милиционер списал с него данные на лист бумаги.

— О чем вы говорили с этой девушкой? — спросил милиционер.

— Это мое дело.

— Итак, вы не собираетесь признаваться?

— Мне не в чем признаваться.

Милиционер красноречиво потер пальцы.

— Вы хотели изнасиловать ее, не так ли?

— Послушайте, я показал вам свой паспорт. Что вам еще нужно?

— Мы хотим разузнать об этой женщине. У нее красивое тело. Почему бы вам не поделиться с нами номером ее телефона?

В. молчал.

— Хорошо, — сказал милиционер. — Я задержу вас по подозрению в совершении преступления.

— Какого преступления?

— У нас тут несколько убийств, связанных с наркотиками, а также несколько преступлений на сексуальной почве. Посмотрим, что больше подойдет, и тогда вас отсюда отправят под конвоем в тюрьму.

В. пытался понять происходящее. Ему казалось, что все это какой-то страшный сон.

Милиционер отвел В. из поста милиции в метро в местное отделение милиции к дежурному милиционеру, у которого было усталое, но дружелюбное выражение лица. Он спросил у В., не находился ли он в пьяном виде и не мочился ли на стену в метро. На оба вопроса В. ответил отрицательно.

После этого В. посадили в «обезьянник», набитый задержанными на улице. Многие из его товарищей по заключению были задержаны, потому что у них не было с собой паспорта или они мочились в общественных местах. В каждом случае милиционеры спрашивали, какая сумма денег у нарушителя при себе и затем накладывали штраф сообразно этой сумме. Никаких расписок не выдавали, да никто их и не просил.

Милиционер, производивший задержание, повел В. в комнату на третьем этаже, где устроил допрос. Во время допроса милиционеры вели откровенные разговоры по телефону за соседним столом о взятках с родственниками задержанных людей.

Допрос продолжался долго. Милиционер, арестовавший В., в открытую не просил взятку, но когда вопросы у него иссякли и он стал внимательно следить за каждым движением В., тому стало ясно, к чему он клонит.

Наконец, милиционер заявил, что В. обвиняется в совершении преступления.

— Вы похожи на насильника, которого мы разыскиваем, и у нас полно свидетелей.

— Вы не боитесь? — спросил В.

— Чего?

— Вы заходите слишком далеко. Насколько мне известно, обвинение должен выносить прокурор.

— Это ерунда, — заявил милиционер. — Законы устарели, и прокурор никому не нужен.

У В. взяли отпечатки пальцев и посадили в камеру, сказав, что он проведет там ночь.

На следующий день в 11 утра явился производивший задержание милиционер и снова пытался запугать В., что ему предъявят обвинение, пытаясь выманить у него взятку. Однако В. продолжал упорствовать. В конце концов ему вернули паспорт и отпустили.

Сначала В. почувствовал облегчение, оказавшись на свободе, но через некоторое время поклялся наказать милиционеров, унизивших его. Однако друзья и родственники отговаривали его, считая, что он только себе сделает хуже. В итоге В. последовал их совету.⁸

Екатерина Карачева, корреспондент «Криминальной хроники», также побывала в камере предварительного заключения.

Карачева искала улицу Карбышева и подошла к милиционеру спросить дорогу. Вместо того чтобы помочь ей, он потребовал ее документы. Она показала ему свое удостоверение, где было написано, что она является корреспондентом «Криминальной хроники».

— И много времени потратили вы на изготовление этой штуки? — спросил он и, не дождавшись ответа, потребовал у нее паспорт.

Карачева ответила, что у нее нет с собой паспорта.

— Так я и думал, — сказал он. — Садитесь в машину. Мы едем в отделение милиции.

— Можно мне взглянуть на ваши документы?

— Нет, нельзя.

— Почему?

— Вам нужно было спросить об этом, когда я попросил у вас ваши документы.

— Но я хочу знать, кто меня задерживает.

— Вы узнаете в отделении милиции, и вообще, закройте рот.

Карачеву отвезли в отделение милиции района Хорошево-Мневники и посадили в камеру предварительного заключения вместе с семьей другими задержанными. Ее не подвергли обыску, поэтому милиционеры не нашли тетрадь и ручку, которые у нее были с собой, и после ухода милиции она начала делать заметки. Один из заключенных спросил, что она делает.

— Собираю материал для статьи, — ответила она.

— Если хотите, — сказал он, — я расскажу вам, как наша доблестная милиция останавливает людей и сажает их в «обезьянник».

— А почему только вы? — спросили остальные.

Один из задержанных рассказал Кате, что работает розничным торговцем. Часто, когда он усаживается отдохнуть на скамейке, к нему подходят милиционеры и просят документы. Следующий их вопрос: «А что в сумке?» Затем они проверяют сумку с его товарами. «Вы торгуете в недозволенном месте».

После этого у торговца есть два варианта. Он может либо заплатить «штраф», сумма которого определяется на месте, либо утверждать, что он не нарушает закон, и отказаться платить. В послед-

нем случае его задержат, отведут в отделение и посадят в «обезьянник», где милиционеры забудут о нем до конца дня. Проще заплатить «штраф».

Другой задержанный рассказал, как он с двумя друзьями пил пиво у метро, но внезапно их арестовали милиционеры, отвели в отделение милиции и посадили в камеру предварительного заключения вместе с алкоголиками. Милиционеры подождали четыре часа, а затем освободили их в два часа ночи, взяв у каждого деньги. Выйдя из отделения милиции, они вновь пошли в метро, где их встретил другой патруль и вновь задержал. Их отвели в то же самое отделение милиции и снова посадили в «обезьянник». Тут их узнал милиционер, который работал в прошлую смену. «Что вы здесь делаете?» — спросил он. Они объяснили ему то, что с ними произошло, и он освободил их, не взяв штрафа, со словами: «Убирайтесь отсюда! Чтобы я больше вас не видел!»

Было около четырех утра, поэтому им ничего не оставалось, как ждать открытия метро. Они пошли в круглосуточный магазин, купили пива и стали болтать с продавщицами. Охрана тут же вызвала милицию, и их снова арестовали и отвели в отделение милиции. На этот раз их не посадили в камеру предварительного заключения. Мужчины попросили милиционеров дать им дисконтную карту «как постоянным посетителям». Дежурный пообещал им, что если он еще раз увидит их, то преподаст им урок хорошего поведения дубинкой, и отпустил их.

Вскоре один из милиционеров отвел Карачеву к начальнику отделения, который прочитал ей лекцию о необходимости носить с собой паспорт, а затем извинился перед ней. Она провела в «обезьяннике» всего сорок минут, но потом рассказывала друзьям, что этого было достаточно, чтобы получить представление о действиях милиции⁹. Она подписала бумагу, что не имеет претензий и была освобождена.

Атмосфера насилия, создаваемая бездеятельностью милиции, пропитывает все российской общество, подрывая самую основу законов. В России принято считать, что законов просто не существует, и если речь идет о преступлениях или запугивании, люди рассчитывают только на себя.

В уязвимости простых граждан можно убедиться на многих конкретных примерах.

В холодный зимний день в конце 1998 года Светлана Лебедева вернулась домой в свою московскую квартиру после длительного пребывания-

ния в больнице и увидела, что вокруг снуют рабочие и мебели нет. Ее драгоценности, обувь и одежда тоже исчезли.

Когда Светлана спросила своего мужа Бориса, что случилось, он ответил, что перевез некоторые вещи из квартиры, пока там шел ремонт. Однако вскоре он подал на развод, и Светлана, инвалид, лишенный трудоспособности, обнаружила, что с ее счета в банке, к которому Борис имел доступ, были сняты все деньги.

Соседи сообщили Светлане, что у Бориса есть любовница и что мебель, одежду и драгоценности она, вероятно, сможет найти в квартире той женщины. Они даже подсказали ей адрес. В своем иске на развод Борис поднял вопрос о разделе имущества, которое в дальнейшем может быть приобретено. Это означало, что решение вопроса будет отложено на неопределенный срок. Пенсия Светланы составляла 500 рублей, и она оставалась без средств к существованию.

Светлана не знала, куда обратиться. Подруга посоветовала ей пойти в юридическую консультацию Московской Хельсинкской группы, и она обратилась туда. Сотрудница этого центра Анна Гусарева, студентка юридического института, помогла Светлане написать ходатайство с просьбой о назначении алиментов и о немедленном разделе имущества. Вместе с Анной она пошла в 75-е отделение милиции на Кутузовском проспекте и подала заявление о краже. В нем указывался адрес любовницы Бориса и говорилось, что именно там милиция сможет найти пропавшие вещи.

Дежурный прочитал его, повертел в руках и, наконец, сказал: «Я не имею права принять это заявление. Вам нужно отнести его в Управление внутренних дел. Это всего лишь в 15–20 минутах ходьбы отсюда.

Когда Светлана и Анна выразили свое удивление, он сказал:

— Конечно, я мог бы принять ваше заявление, но понимаете, если я возьму его, я должен буду послать его по почте. Дойдет оно через неделю, а потом пролежит там еще две недели, пока не попадет в руки следователя. Вы понимаете, сколько времени вы потеряете? Если вы сделаете это сами, вы сэкономите три недели.

Анна чувствовала, что что-то здесь не так, но, поблагодарив дежурного, отправилась со Светланой по указанному адресу.

Там дежурный прочитал заявление. По его лицу было видно, что он борется с собой. Наконец он сказал:

— Вы написали заявление не на то имя.

— Я могу изменить имя, — сказала Анна.

— Нет, нет, дело не в этом. Это официальный документ. Вы полностью перепишите его и принесите завтра.

У Анны не было желания приходить на следующий день, потому что это была суббота, но она переписала заявление и пришла со своим мужем, но уже без Светланы, так как та была больна. На этот раз дежурный взял заявление и исчез на 45 минут. Вернувшись, он сказал: — Вы не имеете права подавать такое заявление. Где жертва грабежа? Именно она должна подавать такое заявление. Анна ответила, что Светлана больна и она подает заявление по ее просьбе.

— Я вчера провела у вас целый час, и дежурный пообещал принять заявление, — сказала она.

Дежурный попросил ее подождать минуту и пошел наверх. По его поведению было ясно, что он не хочет разбираться с данной ситуацией. Пока она ждала, милиционеры кричали на задержанных, многие из которых были настоящими бродягами и стояли за металлическим ограждением. Наконец милиционер вернулся вместе со следователем.

— Вы понимаете, сегодня суббота, — сказал он. — Здесь сейчас никого нет. Приходите в понедельник.

— Если вы не хотите принять мое заявление, прошу вас объяснить в письменной форме, что вы его не принимаете, и изложить причины.

— Я не могу дать вам такое объяснение.

— Тогда примите мое заявление.

Следователь пришел в бешенство.

— В чем дело? — заорал он. — Разве вы не видите, что мы очень заняты?

— Вы ведете себя слишком агрессивно, — заметила Анна.

— А как я должен себя с вами вести?

— Вы должны вести себя прилично. Вы не имеете права кричать на законопослушных граждан.

— Хорошо, — наконец ответил следователь. — Мы отведем вас к начальнику.

Анна поднялась наверх, в кабинет к начальнику милиции. Он спросил Анну, когда произошло ограбление. Анна ответила, что это написано в первой строке заявления. Он спросил у нее, где сама жертва ограбления, и Анна повторила, что Светлана больна.

— Потерпевшая должна прийти сама и принести свой паспорт.

— Светлана Лебедева доверила мне вести это дело, и я изложила события так, как она их мне описала.

— Вам нужно подписать это заявление в том, что ваши показания правдивы, — сказал начальник отделения.

— Хорошо, — ответила Анна. — Я подпишу заявление о том, что мои показания правдивы.

Теперь у начальника милиции не было пути к отступлению.

— Ваша доверенность напечатана на компьютере, — после некоторого колебания заявил он, — а ваше поведение вызывает сомнения, что вы действительно имеете отношение к этому делу. Тем не менее мы рассмотрим ваше заявление.

Через четыре часа Анна почувствовала, что наконец дело сдвинулось с мертвой точки. Тогда она обратила внимание начальника на адрес, где, по мнению Светланы, находились украденные вещи.

Начальник отделения милиции сказал, что милиционеры пойдут вместе с Анной к Светлане чтобы поговорить с ней. И группа в составе Анны, ее мужа, двух милиционеров и следователя пошла к Светлане домой. Светлана подтвердила факты, изложенные в заявлении, и сказала, что попросила Анну помочь ей.

— Теперь вы понимаете, что я являюсь представителем этой женщины? — сказала Анна. — Теперь вы возьмете заявление?

— Нет, — ответил следователь. — Вы описываете случившееся очень кратко. Вам нужно все переписать более подробно. Опишите инцидент во всех подробностях и принесите заявление в понедельник.

У Анны больше не было сил спорить. Кроме того, она боялась, что ее муж выйдет из себя, и поэтому они ушли.

В понедельник Анна отнесла написанное Светланой заявление, в котором очень подробно описала случившееся, в районное отделение МВД, и его, наконец, приняли. Через неделю Анна позвонила в отделение милиции и спросила, кто ведет это дело. Ее посылали от одного чиновника к другому. В течение недели Анна звонила больше двадцати раз по поводу этого дела, но так и не получила вразумительного ответа. Затем она дважды писала заявления в районное отделение МВД, и снова безрезультатно.

Наконец Анна написала заявление в Управление МВД Москвы и прокурору Дорогомиловского района. Она не получила ответа из московского управления, но им со Светланой пришел ответ от прокурора. Он пригласил их к себе и сообщил, что изучил материалы этого дела и что приказал органам милиции заняться расследованием кражи имущества Светланы и доложить о результатах к 28 июня.

Теперь Анна решила найти милиционера, который получил приказ от прокурора. После многочисленных телефонных звонков она нашла на его след и пошла в отделение милиции, где он работал. Но когда

она спросила его, что он предпринимает по поводу дела Светланы, он посмотрел на нее бессмысленным взглядом.

— Прокурор потребовал дать ответ к 28 июня, — сказала Анна.

— К 28 июня? — повторил он. — К чему такая спешка?

Наступило и прошло 28 июня. Уезжая из Москвы на лето, Анна тешила себя призрачной надеждой и намеревалась осенью возобновить поиски правосудия.

Щелково, Московская область

25 января 1998 года в 17.00 Татьяна Тетерина, 25-летняя мать-одиночка, вышла из квартиры своей тети Анны Царяповой, пообещав вернуться через час. Час прошел, но она не вернулась. По прошествии нескольких часов о ней по-прежнему не было ни слуху ни духу.

Примерно в 23.30 какой-то мужчина, гуляя с собакой, обнаружил Танино тело под деревом. Ее голова распухла, очевидно, в результате удара тупым предметом. Прохожий вызвал милицию, и тело Тани отвезли в ближайший морг. У Тани не было документов, и милиция не смогла опознать ее.

Однако на следующее утро Анна позвонила в милицию и рассказала, что ее племянница исчезла. Факт обнаружения тела молодой женщины прошлой ночью фигурировал в утреннем отчете о происшествиях. Тем не менее, когда Анна попросила помочь найти племянницу, дежурный милиционер ответил: «Если через три дня она не появится, придите и напишите заявление».

Анну охватила паника, но она приготовилась ждать три дня, после чего написать официальное заявление. Ей не приходило в голову потребовать, чтобы милиция начала поиски немедленно. Вместо этого она начала искать Таню сама.

Танины родители, Михаил и Галина Романовы, почти все время были дома, потому что Галина нянчила Танину 4-летнюю дочку Дашу, а Михаилу только недавно сделали операцию по поводу рака. Анна начала звонить Таниным знакомым.

Вскоре Анна дозвонилась до Таниной знакомой, которая видела ее прошлым вечером. Она рассказала, что они с Таней болтали около часа на Парковой улице, в 10 минутах ходьбы от ее дома. Около семи Таня сказала, что пойдет к тете. Именно тогда та женщина видела Таню в последний раз.

Анна звонила Таниным друзьям и заходила к тем, у кого не было телефонов, но никто из них не имел представления о том, что с ней могло случиться.

Дома Галина упала на колени перед иконой и молилась: «Боже, — причитала она, — все в Твоих руках!» Даша, поняв из разговоров взрослых, что ее мать исчезла, сначала ничего не говорила, а потом вдруг расплакалась и сказала: «Я больше никогда не увижу свою красивую маму».

Анна ходила взад-вперед от своей квартиры к квартире Таниных родителей, которые жили в соседнем дворе, и пыталась представить себе, что могло случиться с ее племянницей. У Тани была депрессия после развода, иногда вела себя странно и однажды потеряла сознание на вечеринке. Для Анны было непостижимо, что она могла исчезнуть больше чем на 24 часа, если только не несчастный случай.

На следующий день Галина повела Дашу на прогулку. Несколько раз они видели женщин, которые издали напоминали им Таню. Даша подбегала к женщинам и каждый раз возвращалась со словами: «Это не мама».

Утром 29 января Анна пошла в отделение милиции и написала заявление об исчезновении племянницы. К удивлению Анны, дежурный спросил у нее, во что Таня была одета, а затем ушел, чтобы проверить некоторые записи. Вернувшись, он сказал: «Поедьте в морг». Анну отвезли в морг в соседний город Фрязино, где ей показали тело, найденное в Щелково. Это была Таня.

«Галя! — кричала она истерическим голосом по телефону через несколько минут. — Нашу Таню убили». В течение трех дней, пока семья Тани находилась в отчаянии, ее тело лежало в морге всего в нескольких километрах от дома.

Похороны Тани состоялись через неделю после убийства. Никто не удивился, что милиция проигнорировала первоначальное заявление Анны, хотя в этом районе было найдено тело женщины, ставшей жертвой убийства. «Мы привыкли к тому, что если находят тело человека без документов, милиция даже не пытается искать его родственников, — сказала Настя Перфильева, подруга Тани. — Когда человек исчезает, приходится искать его в морге, потому что никто больше не разыскивает жертв преступления»¹⁰.

Их также не удивило то, что милиция не имела намерения проводить расследование этого преступления.

После опознания тела Тани милиционеры допросили Анну, Таниных родителей и ее друзей. Но допросы велись формально, и никого не допрашивали дважды. Родственник Анны, работавший в Министерстве внутренних дел в Москве, несколько раз звонил в Щелковскую милицию и каждый раз говорил с каким-нибудь чиновником, который

рассказывал ему о той работе, которая проводилась в связи с этим случаем. Но у него создалось впечатление, что если бы не его звонки, милиция не предпринимала бы никаких усилий в расследовании этого убийства.

Это преступление трудно было раскрыть. Не было явных мотивов преступления и явных улик. Милиционер сказал Анне, что, возможно, Таня убил наркоман, к которому она обратилась за сигаретой. Наполовину выкуренная сигарета была обнаружена около ее тела.

Во время поминок на 40-й день после Таниной смерти Анна поняла, что убийца Тани, возможно, так никогда и не будет найден. Только одно ее успокаивало — что его в конце концов найдут в связи с совершением другого преступления.

Одинцовский район, Московская область

В половине девятого вечера 13 января 2000 года Татьяна Зелинская шла с железнодорожной станции, расположенной у деревни Юдино, перешла пешеходный мост и направилась к своему дому, расположенному неподалеку.

Был тихий вечер, и окружающий лес стоял, укутанный снегом. Таня свернула на Красную улицу, хорошо освещенную и оживленную, по обеим сторонам которой стояли деревянные дома. Другие люди, также сошедшие с поезда, шли неподалеку от нее, и она уже вдали видела свой дом. Внезапно она почувствовала острую боль в спине. Татьяна обернулась и увидела мужчину лет двадцати в куртке большого размера, который держал что-то на уровне своего живота. Он выстрелил еще два раза и попал ей в живот. Из ран хлынула кровь. Она сделала шаг и упала.

В 1994 года Таня вышла замуж за Владислава Беззубова, а в сентябре 1997 года развелась с ним. В это время Беззубов, по уши в долгах в результате серии неудачных коммерческих авантюр, потребовал, чтобы Таня отписала ему часть их общего имущества. Беззубов продолжал жить в квартире вместе с Таней и ее сестрой Ниной и дочерями обеих женщин и стал угрожать им. Однажды, когда Тани не было дома, Нина и Беззубов поспорили, и Беззубов жестоко избил Нину. После избиения сестры Таня пошла в Юдинское отделение милиции и написала заявление. Беззубова арестовали, продержали три дня и отпустили.

В ноябре 1998 года Беззубов съехал с квартиры, но изводил сестер телефонными звонками, иногда просто дышал в трубку, а иногда угрожал Татьяне. «За двести или триста долларов я могу организовать

твое убийство. Никто не хватится тебя, и всем будет все равно». Но, несмотря на оказываемое давление, Таня отказывалась отписать ему часть имущества. Вместо этого она старалась ускорить слушание дела в суде, которое, по настоянию Беззубова, постоянно откладывали.

В июле 1999 года в 8 часов утра Нина вышла из дома в Юдино, чтобы успеть на поезд и встретиться с Таней в Москве. Когда она подошла к станции, на нее напали двое мужчин в кожаных куртках. Один из них избил ее металлической трубой, в результате чего она потеряла сознание. Ее нашли лежащую на рельсах, перенесли на платформу, а затем отвезли в Одинцовскую больницу. Через несколько дней Беззубов позвонил Тане и сказал: «Ты получила первое предупреждение. Если не отреагируешь, последует продолжение».

Таня снова пошла в отделение милиции в Юдино и заявила, что ее бывший муж позвонил ей и признался в нападении на Нину. Милиция, однако, отказалась предпринять действия против Беззубова, заявив, что эта ссора — дело семейное и его нужно решать в семейном кругу, без вмешательства властей.

29 октября Нина, перенесшая перелом черепа, челюсти, а также сотрясение мозга, решила вернуться на работу, но по дороге на нее снова напали, на этот раз молодой человек в лыжной маске. Он избил ее железным прутком и сбросил на железнодорожные пути, по которым через несколько минут должен был пройти поезд. Мужчина, выгуливавший собаку, увидел залитую кровью Нину, лежащую на рельсах, и оттащил ее в безопасное место. Вскоре после этого нападения Беззубов снова позвонил Тане и сказал: «Видишь, что случилось с твоей сестрой? Следующий раз будет еще хуже — мы убьем ее».

Теперь Таня пришла в ярость. Она снова пошла в Юдинское отделение милиции и написала заявление, в котором рассказала о звонке Беззубова и его признании в нападении на Нину. Милиция приняла заявление, но бездействовала. Тогда она сама пошла в отделение милиции и спросила, почему Беззубова не арестовывают. Ей ответили, что они не начинали расследование, потому что имели «лишь ее словесные показания».

Теперь Таня намеревалась защищать себя по-другому. Одна из подруг рассказала ей об организации по борьбе за права человека, которая давала юридические советы и оказывала материальную помощь семьям бывших заключенных, и Таня обратилась туда за помощью.

Председатель этой организации Владимир Сингаевский выслушал Танину историю, и по его просьбе Сергей Шашурин, депутат Государст-

венной думы, написал письмо в Юдинское отделение милиции и спросил, почему не заведено уголовное дело в связи с нападением на Нину. Начальник Юдинской милиции Александр Черных написал в ответ, что милиция не будет открывать уголовного дела, поскольку Беззубов, о котором идет речь в Танином заявлении, отсутствовал в городе в момент совершения нападения. Но ведь в своих заявлениях в милицию ни Таня, ни Нина не утверждали, что Беззубов сам совершал нападение на Нину. Они лишь писали, что он организовывал эти нападения и угрожал после этого женщинам.

Таня продолжала обычную жизнь, но жила в вечном страхе. Беззубов же усилил свои оскорбления и угрозы по телефону, звонил ей в любое время суток, насмехаясь над ней и неоднократно угрожая расправиться с Ниной, которая до сих пор находилась в больнице.

Наконец Сингаевский направил двух членов своей организации предупредить Беззубова, что они занимаются расследованием этого дела, и приказать ему перестать изводить Таню. 13 января в Таню стреляли, когда она возвращалась домой. Вокруг Тани собралась толпа. Вызвали «скорую помощь», и ее отвезли в единцовскую больницу. Доктора заявили, что ее жизнь вне опасности, а следователь из Юдинского отделения милиции взял у нее заявление, пока она лежала на больничной койке. Несмотря на стрельбу и непрекращающиеся угрозы Беззубова, милиция по-прежнему отказывалась заводить на него уголовное дело.

Теперь Таня решила сконцентрировать все свои усилия на получении официального решения на раздел имущества, надеясь, что после решения этой проблемы больше не будет причин терроризировать ее. Слушание дела было назначено на 3 февраля 2000 года.

Во время слушания Таня в присутствии одного из членов организации Сингаевского сказала судье, что ее жизнь находится в опасности и решение о разделе имущества должно быть принято немедленно. Однако судья отложил слушание дела до апреля, принимая во внимание, что Беззубов сообщил суду о своей болезни.

В апреле 4 комнаты, которые находились в совместном владении Тани и Беззубова, были поделены между ними. Но женщину продолжали изводить по телефону. Анонимные «доброжелатели» советовали Тане «поберечь свое здоровье». Беззубов также звонил, но, услышав его голос, она вешала трубку.

В июне подожгли машину, принадлежавшую одному из друзей Тани, который согласился пожить вместе с ней и Ниной, чтобы защитить их. Перепуганная Таня опять пошла в милицию. Дежурный офицер отвел ее к

7. деятельность правоохранительных органов

Черных, который сказал ей, что милиция уже сыта по горло этим «домашним скандалом». Когда Таня заявила ему, что в нее уже стреляли и теперь она боится, что ее убьют, Черных предложил: «Почему бы вам не использовать против него те же методы, которые он использует против вас?»

Таня вернулась домой и поняла, что в том кошмаре, в котором она жила, совет Черных, возможно, был правильным. Ей оставалось либо нанять бандитов, которые уничтожили бы Беззубова, либо продать имущество и переехать туда, где Беззубов не сможет ее найти. Танины родители жили на Украине и могли подыскать Тане и ее сестре жилье. Однажды октябрьским утром Таня позвонила мне и попросила моего совета. Беззубов вместе с незнакомым мужчиной преследовали ее и угрожали после слушания дела в суде, который отклонил апелляцию Беззубова по поводу решения о разделе имущества. Я сказал Тане, что, принимая во внимание ее беззащитность, самое лучшее для нее и для Нины — как можно скорее уехать на Украину.

8. Организованная преступность

С волками жить — по-волчьи выть

Самара, 10 февраля 1999 года

Вскоре после 17.00 в центральном офисе самарского управления милиции несколько работников на третьем этаже почувствовали запах дыма. Сначала они подумали, что он доносится из мусорных контейнеров во дворе. Но когда запах усилился, они вышли из своих кабинетов в коридор. К тому времени пылала стена, коридор был заполнен дымом и огонь распространился по всему зданию.

Когда приехали первые пожарные, третий и четвертый этажи и главная лестница, единственная возможная дорога к спасению, были охвачены пожаром; все заполнилось острым, резким запахом.

Толпа на улице в ужасе смотрела, как тяжелый черный дым валил из окон здания. Люди столпились у окон, крича и моля о помощи. Чтобы не сгореть заживо, они висели на карнизах, иногда по три человека сразу, а когда силы кончались, старались прыгнуть в сугроб, но всякий раз разбивались на мостовой.

Пожарные пытались эвакуировать двух женщин с выступа на четвертом этаже, но их лестница доходила только до третьего этажа. Пожарный, сумевший подняться выше, оказался всего в полуметре от окна. Когда он протянул руку, одна из женщин потеряла сознание от дыма, упала на землю и разбилась. Вторая прыгнула, и ее поймали.

Вскоре красное пламя поднялось метров на пять над крышей здания. Боеприпасы и мониторы взрывались. Огонь расплавил оружие, металлические сейфы, трескались окна соседних жилых зданий, и тысячи бумаг вихрем кружились в раскаленном воздухе и поднимались в вечернее небо.

Пожарные несколько часов пытались справиться с бушевавшим пламенем. В пять часов утра здание рухнуло. После ликвидации последних очагов пожара спасатели начали разыскивать в дымящихся обломках останки людей. По первоначальным данным насчитывалось 57 погибших и 20 пропавших без вести, которые тоже считались погибшими. Пожар уничтожил все документы Самарского управления Министерства внутренних дел, в том числе все, что касалось расследования деятельности преступных группировок города Тольятти.

В Тольятти находится Волжский автомобильный завод (Автоваз), и этот город стал столицей преступного мира самарского региона. На заводе, основанном в 1960-е годы, работает 110 000 человек, и с его сборочного конвейера, протянувшегося на километры, каждые 22 секунды сходит новая машина.

Даже в советское время Тольятти притягивал к себе преступные элементы. Но с наступлением приватизации бандиты стали объединяться и создавать большие криминальные группировки.

Приватизация «Автоваза» была связана с большим количеством сложных финансовых махинаций, в которых не смогли разобраться несколько сменивших друг друга правительственных комиссий. В результате большая часть акций завода была приобретена его директорами. Вскоре для перепродажи машин было создано 380 компаний, которые покупали машины по низким ценам и продавали их с огромной выгодой для себя. Основатели этих компаний также были из числа руководителей завода. Вскоре в Тольятти стало известно, что руководство завода поделилось на «генералов» и «полковников» (как принято было называть начальство), и горожане с едва сдерживаемым возмущением смотрели, как руководство завода строит себе огромные дачи на берегах Жигулевского моря. Вскоре, однако, бандитские группировки в районе достаточно окрепли, чтобы заставить продажное руководство завода «поделиться» приобретенным богатством. Наибольшей властью пользовалась группировка Владимира Вдовина («Самец»), специалиста по боевым искусствам, который начал свою преступную деятельность с кражи запасных деталей. Одним из помощников Вдовина, а также его водителем и лучшим другом был Дмитрий Рузляев («Большой Дима»). Однако Вдовин и Рузляев рассорились, после чего Рузляев сформировал собственную банду. С Вдовиным была связана татарская группировка под предводительством Шамиля Данулова («Шумок»); отношения с Рузляевым поддерживали две чеченские банды под руководством Шамада Бисултанова и Сулеймана Ахмадова.

В 1992 году бандиты стали поддавливать автомобильных коммерсантов за воротами завода и требовать у них выплаты около 10% от стоимости каждой машины. Дань платили без колебаний, потому что отказавшийся рисковал своей жизнью. В результате бандиты вскоре стали зарабатывать такие суммы денег, которые были невообразимы в советское время. Тольятти стал одним из самых бандитских городов России, и преступники в нем проявляли наибольшую жестокость. В 1994 году, когда враждующие банды боролись за сферы влияния, в Тольятти был убит 41 человек. Местные газеты рассказывали об убийствах так, как будто описывали спортивные события: заголовки вроде «Еще двое убитых!!!» стали обычными. Кладбище заполнялось дорогими черными надгробными памятниками, мраморными столами и стульями. По одну сторону дорожки лежали бандиты Вдовинской группировки, по другую были могилы членов Рузляевской группы.

В середине 1990-х годов банды достигли согласия о разделе продукции Автоваза. Продукция завода, выпущенная в смену А, была поделена между бандами Рузляева, Бисултанова, Ахмадова, Игоря Ильченко и Мирона Мокрова, некоторые контролировали частную службу безопасности, где работали бывшие сотрудники милиции, а также фонд поддержки правоохранительных органов «Континенталь». Включение двух последних организаций наводило на мысль, что милиция была заодно с бандитами. Машины, выпускаемые в смену Б, поделили между собой банды Вдовина, Данилова, братьев Купеевых и Крестовская группировка.

Мир, однако, продолжался недолго. Автоваз заключил контракты с дилерами на поставку 5000 автомобилей в день, хотя он мог выпускать только 2500. Разгорелись конфликты по поводу того, чьи заказы выполнять в первую очередь. Чтобы утвердить свои права, Рузляев нанял киллеров, чтобы отстреливать членов группировки Вдовина. Вдовин не остался в долгу. Пытаясь остановить кровопролитие, начальник следственного отдела управления областной прокуратуры в Самаре Радик Якутян начал расследование, но был убит.

Тем временем банды пытались найти способ проникнуть на территорию завода площадью 607,5 га, чтобы воровать запасные детали и машины прямо с конвейера. Такая возможность появилась в 1995 году, когда банды получили доступ к компьютерам Автоваза, с помощью которых обрели новое средство давления на руководство завода.

Вскоре руководители завода сами позволили представителям преступных группировок войти на его территорию. Они опасались, что иначе бандиты выведут из строя главный компьютер и конвейер. «Бизнесме-

нам», поддерживающим связь с преступными элементами, выдали пропуска на завод сроком на 1 год, и они с помощью начальников среднего звена, получавших «регулярную зарплату», организовали кражу запчастей и машин, нередко пряча их прямо на территории завода. Руководители, которые пеклись об интересах завода, подвергались огромному риску. Юрий Болотов, заведующий автомагазином, был убит за то, что пытался остановить воровство деталей.

В октябре 1997 года на заводе работало уже 230 человек, связанных с преступными организациями. В тот год снова вспыхнули войны между бандами, и за 12 месяцев в Тольятти было убито около 200 человек, а потери от кражи автомобилей и запчастей исчислялись миллиардами рублей. Завод, который должен был быть высоко рентабельным благодаря малым затратам на рабочую силу и сырье, терял сотни миллионов долларов в год. Из-за потерь накапливались колоссальные налоговые задолженности.

Московские правоохранительные органы предложили применить суровые меры к преступникам, но руководители Автоваза предупредили, что почти все конвейеры с автомобилями находятся в руках бандитов и отказ отгружать машины может остановить работу всего завода.

Тем не менее 1 октября 1997 года Министерство внутренних дел провело операцию «Циклон» против организованной преступности Автоваза. Три тысячи оперативников МВД, прокуратуры и налоговой полиции одновременно блокировали выходы с завода и завладели компьютерными данными. На первом этапе все члены преступных банд были уволены с завода, и было изъято более 60 специальных пропусков, дающих право на вывоз машин с завода без проверки. Позже стало известно, что эти машины часто использовались для вывоза украденных деталей и запчастей. В укрытиях на территории завода милиция обнаружила 500 запертых машин без ключей и документов на них. Информация об этих машинах была стерта из памяти компьютеров.

В результате рейда выяснилось, что преступники, связанные с Автовазом, замешаны в совершении 65 убийств членов руководства компании, дилеров Автоваза и конкурентов, и что по меньшей мере 57 фирм по продаже продукции завода были созданы либо самими директорами Автоваза, либо принадлежали их близким родственникам.

На основании полученной информации было открыто около ста уголовных дел. Но все эти документы сгорели во время пожара, происшедшего в центральном здании МВД в Саратове.

Родственники Татьяны Полушкиной, 49-летнего полковника милиции, смогли опознать ее тело только по расплавленному кольцу на пальце

и небольшому кулону с ониксом. Обгоревшие останки Вадима Гордева, 38-летнего следователя РУБОПа, были опознаны по сломанному пальцу на ноге. Ирина Колесникова опознала фрагмент обуглившегося тела своей 39-летней подруги Галины Сменякиной, следователя по уголовным делам, по шрамам после недавней операции.

13 февраля состоялась церемония похорон, двадцать закрытых гробов, украшенных красными и черными лентами, стояли на поле городского стадиона. На похоронах присутствовало 70 000 человек. Медсестры в белых халатах были наготове для оказания помощи убитым горем родственникам, собравшимся вокруг гробов. Иногда они делали им успокоительные уколы.

18 февраля следователи объявили, что причиной пожара была зажженная сигарета, брошенная в корзину с бумагами. В Самаре это объяснение приняли с недоверием. Многочисленные свидетели видели, как пламя вспыхнуло одновременно в трех различных местах. Все три источника пожара находились на третьем этаже, причем по разные стороны толстой кирпичной стены, делившей здание до самой крыши пополам. В то же время необычайная скорость, с которой пожар распространился в здании (предыдущий пожар в 1980 году был успешно потушен), говорила о том, что он был тщательно спланирован. Также казалось подозрительным, что во время пожара не сработала пожарная сигнализация и что сохранившаяся часть пленки, заснятой камерой наблюдения во дворе здания, показывала лишь разгар пожара, а та часть пленки, где должно мог быть зафиксирован момент возгорания, была безнадежно испорчена.

Пожар положил конец серьезным обвинениям против организованной преступности в Тольятти. Преступники возобновили контроль над заводом, и обвинения против заправил Автоваза больше не выдвигались. Таков был результат операции «Циклон», крупнейшей операции против организованной преступности ельцинской эпохи.

Ситуация на Автовазе характерна для российской действительности, где царит жестокая власть организованной преступности. Российских преступников нельзя рассматривать как побочное явление, связанное с такими областями нелегальной экономики, как наркотики, проституция, незаконный ввоз оружия. Они контролируют обширные сферы легальной экономики, и ни беспомощный народ, ни правоохранные органы не в состоянии справиться с ними.

В 1997 году в России под контролем 9 000 преступных группировок, насчитывающих до 600 000 членов, находилось около 40% российской

экономики¹. По данным Центрального разведывательного управления США, более половины крупнейших российских банков либо непосредственно связаны с организованными преступниками, либо занимаются другой незаконной деятельностью². Преступники господствовали на рынке нефтепродуктов, алюминия, недвижимого имущества, в ресторанах, отелях и алкогольной промышленности, контролировали оптовую торговлю и сельскохозяйственные рынки. Во многих частях страны в их власти находились местные правительственные органы, и благодаря этому они получали поддержку для своего бизнеса и непосредственный доступ к правительственным финансовым ресурсам.

Бандитский дух заразил даже такую сферу, как культура. Язык уголовников, «феня» — жаргон, на котором говорят в исправительно-трудовых лагерях, — теперь в ходу у правительственных чиновников, эстрадных артистов и репортеров³. Их песни поют на собраниях, они стали героями романов, фильмов и телевизионных сериалов.

Организованные преступники создали мир ущербной свободы, в котором над миллионами россиян нависла угроза насилия, пришедшая на смену отсутствию свободы при коммунизме⁴. Господство бандитов стало возможным в результате коррупции милиции, связей преступников с политическими лидерами и полного безразличия к человеческой жизни. Все это превратило бандитов в бездушные машины насилия, идеально приспособленные к условиям общества, живущего без законов.

Первой задачей бандитов было подкупить милицию. Российские бандиты, богатея за счет вымогательств, жертвовали часть своих доходов в «общак», или криминальному казначею, а другую часть использовали на подкупы милиции, в особенности начальников отделений милиции, в районах которых они проводили свои преступные операции⁵.

Обычно такое задабривание милиции проводилось через фирму, которую сотрудник милиции зарегистрировал на имя одного из своих родственников или друзей. Эта фирма получала деньги за какие-то вымышленные услуги, которые она якобы оказывала предприятию, находившемуся под контролем преступной банды. В свою очередь сотрудники милиции закрывали глаза на деятельность преступников, в частности на вымогание денег у бизнесменов.

В тех случаях, когда работников милиции нельзя было подкупить, преступники искали пути для шантажа. Солнцевская преступная группировка в Москве прославилась тем, что собирала компрометирующие материалы на работников милиции и членов их семей. Нередки были случаи, когда преступники компрометировали жен работников мили-

ции, чтобы потом, с помощью шантажа, оказывать давление на мужа. Другой, более распространенный способ — это вовлечение работников милиции в компрометирующие ситуации. Например, их вовлекали в азартные игры с большими ставками, они влезали в долги и потом не могли расплатиться.

Таким образом им удавалось нейтрализовать большую часть работников милиции. Так, если бизнесмен жаловался милиции на то, что бандиты вымогают у него деньги, в ответ на это часто открывалось следственное дело на самого бизнесмена. При этом неизбежно выяснялось, что он занимается бизнесом, не ведя отчетов, и истца арестовывали за уклонение от налогов.

Иногда милиция прибегает к силовому воздействию на бандитов. Работник милиции часто прогуливается по рядам палаток на городском рынке и здоровается с продавцами до тех пор, пока не увидит незнакомого продавца. При этом обычно происходит следующая сцена:

— На кого вы работаете?

— На Васю.

— На какого еще Васю?!

После этого милиционер ударом ботинка сшибает лоток, и товар продавца разлетается во все стороны. Этим он дает понять, что бандиты, контролирующие рынок, не получили никакой дани от Васи или получили недостаточно.

Помимо подкупа милиции российские бандиты установили связи в политическом мире на высоком уровне. Это им удалось благодаря тому, что в начале реформ к бандитам относились как к законной группе людей, объединенных общими экономическими интересами, и вскоре в политических кругах поняли, что дружба с бандитами имеет потенциальную выгоду.

Одним из бандитов, установивших тесные связи с политическими руководителями, был Отари Квантришвили, который после совершенного им убийства в апреле 1994 года сделал одновременно карьеру преступного босса и гражданского руководителя.

Квантришвили был талантливым борцом и кандидатом сборной команду по борьбе от Советского Союза на Олимпийские игры. Но в 1966 году он был осужден за изнасилование. В 1980-е годы он работал тренером по борьбе в спортивном комплексе «Динамо», где тренировал боксеров, борцов и штангистов, которые впоследствии стали вожаками самой влиятельной московской преступной организации. Он также установил контакт с несколькими «ворами в законе», в том числе с Вячеславом Иванковым («Япончиком»)⁶. Когда Иванкова аре-

ставали и осудили на 14 лет тюремного заключения за бандитизм, Квантришвили стал опекуном его детей.

Работая на стадионе «Динамо», Квантришвили организовал собственную банду и зарабатывал деньги, спекулируя валютой, играя в азартные игры и вымогая деньги у проституток в главных московских отелях. Скопив первоначальный капитал, Квантришвили переключился на предпринимательство и основал холдинговую компанию — ассоциацию «21-й век», которая намеревалась заняться экспортом нефти, древесины и цветных металлов. Но для этого Квантришвили нуждался в политических контактах, которые он нашел с помощью своего близкого друга, певца Иосифа Кобзона, поддерживавшего связь с политическими лидерами и преступным миром. Кобзон стал в этой ассоциации «вице-президентом по вопросам гуманитарной помощи», и через него Квантришвили установил связи с людьми из ельцинского окружения, с мэром Москвы Юрием Лужковым и высокопоставленными должностными лицами в Министерстве внутренних дел и ФСБ.

Благодаря многочисленным взяткам Квантришвили вскоре разбогател на весьма выгодных экспортных контрактах. Для поддержания своей респектабельности он организовал Фонд социальной защиты спортсменов им. Льва Яшина, который финансировал спортивные мероприятия, оказывал помощь и давал возможность работать тренерами обнищавшим спортсменам⁷. «Спорт — это единственное средство спасения нации, — говорил он. — Поэтому я открываю спортивные школы — чтобы отвратить молодежь от наркотиков и гомосексуализма»⁸.

Благодаря Фонду Яшина Квантришвили стал московской знаменитостью. Он неоднократно выступал по телевидению, обсуждая положение спортсменов, и стал частым гостем на конкурсах красоты, спортивных соревнованиях и званых вечерах с участием знаменитостей.

По мере роста благосостояния Квантришвили расширялся круг его знакомств. При содействии Лужкова он начал ввоз не подлежащей обложению налогом водки, отчего его доходы неимоверно возросли. У него также были свои доли прибыли в агентствах по продаже автомобилей, в компаниях, занимающихся продажей нефти и в нефтеочистительных заводах. В то же время он решал споры между преступниками и вступался за заключенных перед высокопоставленными работниками правоохранительных органов, и за ним закрепилась репутация человека, который никогда не откажет в помощи.

Вскоре Квантришвили стал неофициальным эмиссаром преступного мира в обществе. Он помогал преступникам воздействовать на высо-

копоставленных лиц в их интересах, а представители власти и бизнесмены обращались к нему, прося защитить от бандитского мира.

Летом 1993 года связи Квантришвили дали наиболее впечатляющий результат. Ельцин подписал документ, дающий Квантришвили право на организацию спортивного центра. Затраты на его строительство должны были окупаться за счет продаж за границу алюминия, нефти и цемента из государственных фондов, и на протяжении всего 1995 года он освобождался от уплаты налогов и таможенных пошлин.

Но соглашение насчет спортивного центра оказалось опасным для Квантришвили. Центр являлся монополией, которая, осуществляя сделки между иностранными фирмами и российскими поставщиками, получала огромные прибыли. Криминальных конкурентов Квантришвили возмущало, что им приходится осуществлять свой бизнес через посредство этого центра, и в результате они терпят финансовые потери.

В конце 1993 года Квантришвили решил заняться политикой. С этой целью он создал собственную политическую партию — «Спортсмены России». Но 5 апреля 1994 года, когда он, окруженный телохранителями, выходил из бани в Столярном переулке, Квантришвили был убит тремя снайперскими выстрелами.

На похоронах, которые состоялись на Ваганьковском кладбище, его память почтили собравшиеся почти в равном количестве представители московской политической и культурной элиты и криминального мира. Среди хорошо известных общественных деятелей были Лужков, Гусинский, Кобзон, Шамиль Тарпищев, тренер Ельцина по теннису, и популярный певец Александр Розенбаум. Когда Квантришвили опустили в землю рядом с могилой почитаемого российского барда Владимира Высоцкого, Розенбаум сказал: «Страна потеряла — я не боюсь этого слова — лидера».

Другим примером тесных связей бандитов с политическими деятелями являются взаимоотношения между членами солнцевской преступной группировки и Москвой.

Известно, что солнцевская группировка собирает дань с 30% коммерческих структур Москвы и поддерживает тесные связи с правительством Москвы, в особенности с «Системой», финансовой холдинговой группой, которой заправляют люди, близкие к Лужкову⁹.

Солнцевская банда была организована двумя бывшими официантами — Сергеем Михайловым («Михась») и Виктором Авериным («Авера-старший»), которые решили создать преступную группировку нового типа по образцу американской мафии. Принципами банды были соблюдение дис-

циплины и полная субординация, а также готовность выполнить любой приказ главарей банды. Наказания варьировались от изгнания из банды до убийства, и новый подход банды в сочетании с деловой хваткой и пренебрежением традициями воровского мира дали свои результаты. Через короткое время банда стала контролировать юго-западный район столицы, вымогая деньги у водителей такси, владельцев киосков и работников мелких предприятий; в их руках находились азартные игры, проституция и торговля украденными автомобилями.

К 1995 году, по мнению специалистов, под контролем солнцевской группировки находились сотни фирм и банков не только в Москве, Самаре, Тюмени, но и за границей.

«Система» была организована Владимиром Евтушенковым, другом семьи Лужкова, который объединил Московский комитет по науке и технологии (МКНТ), бывшее городское учреждение, несколько высоко rentабельных московских торгово-финансовых компаний, Банк реконструкции и развития Москвы (БРРМ), ведавший финансами столицы, и «Регион» — фирму, занимавшуюся операциями с ценными бумагами, которой руководил бывший председатель КГБ СССР Владимир Крючков. На их основе Евтушенков создал новый конгломерат, который начал проворачивать огромные объемы дел в столице.

Хотя городским предприятиям, несмотря на преимущества, получаемые от муниципалитета, обычно приходилось сталкиваться с серьезными коммерческими проблемами, подразделения, входившие в состав «Системы», практически не сталкивались с конкурентами.

На сегодняшний день «Система» представляет собой финансово-промышленный конгломерат с оборотом 2 млрд рублей, владеющий более чем 150 компаниями, в которых работает 55 000 человек. Страховая компания «Системы», «Лидер», страхует московское метро. Под контролем «Системы» работает крупнейшая компания «Кедр-М», торгующая бензином в Москве. Информационные компании «Системы» делают магнитные карты для Московского метро; ее строительная хватка распространяется на городскую программу закладных и финансируемую городом программу обновления больших жилых зданий.

Евтушенков является одним из 24 членов Московского муниципального комитета и официально считается советником Лужкова по экономическим вопросам. В ноябре 1998 года он был главным организатором политического движения «Отечество», созданного с целью поддержки кандидатуры Лужкова на пост Президента России.

Связи солнцевской преступной группировки с «Системой» возникли еще в начале 1990-х годов. Теперешний президент «Системы» Евге-

ний Новицкий начинал свою деловую карьеру в качестве председателя комитета компании IVK, которая позже частично перешла во владение холдинга SV, принадлежащего солнцевской группировке.

31 мая 1995 года Новицкого задержали и взяли у него отпечатки пальцев, так как во время налета милиции его обнаружили среди гостей на дне рождения Аверина в ресторане «Прага». В секретном сообщении с упоминанием источников Министерства внутренних дел и ФСБ, копия которого была передана «Ле Монд», подтверждалось, что Новицкий с тех пор, как стал президентом «Системы», не принял ни одного решения, не посоветовавшись с солнцевской группировкой¹⁰. Связи Солнцева с высокопоставленными деятелями нашли отражение в кажущейся неуязвимости банды в Москве. В конце 1993 года с целью их ареста была организована большая охота на лиц, подозреваемых в убийстве Валерия Власова, директора казино «Валерия», который платил дань солнцевской группировке. Михайлова тоже арестовали, но выпустили в тот же вечер.

Михася уже подвергали обыскам по подозрению в некоторых преступлениях, после чего он покидал Россию и на время обосновывался в Израиле. В его отсутствие делались некоторые усилия сломить сопротивление солнцевской группировки. Наиболее результативной стала операция «Закат», проведенная в августе 1995 года Московским РУБОПом (Российское управление борьбы с организованной преступностью) при содействии подразделения милиции по борьбе с экономическими преступлениями¹¹. В операции приняли участие около 500 сотрудников милиции, и с 6.00 до 23.00 они задерживали преступников по всей Москве. В ходе этой операции милиция проверила более трех десятков адресов, силой открывая двери или просто выламывая их.

Во время операции удалось задержать лишь 23 из 2000 членов солнцевской группировки, и лишь один из них, Алексей Кашаев («Циклоп»), был значительной фигурой. Но Кашаев поссорился с Михайловым и прятался в Калужской области. Было ясно, что руководителей группировки предупредили о готовящейся операции, и поэтому арестовали лишь тех преступников, которых не смогли либо не хотели предупреждать.

У солнцевской группировки не было недостатка в союзниках среди высокопоставленных представителей правоохранительных органов. Однажды вечером один из известных московских журналистов по имени Игорь праздновал получение премии за статью, разоблачавшую группу работников главного правового управления МВД. Незадолго до полуночи, когда компания отмечала событие уже в течение пяти часов, начальник следственного отдела сказал:

— Я знаю одно место, пойдёте со мной.

Игорь, виновник торжества и один из нижестоящих работников сели в машину и стали кружить по Москве.

— Куда мы едем? — спросил Игорь.

— Это секрет. Скоро узнаете, — ответил начальник.

Они выехали из Москвы, въехали в темный лес и подъехали к расчищенному участку леса, где стоял двухэтажный дом, окруженный высокой оградой. Они подошли к подъезду.

— Ребята, — сказал шеф, — мы в штаб-квартире солнцевской преступной группировки.

Игорь мгновенно протрезвел и с недоверием переглянулся с другим следователем.

Дверь открылась, и шефа приветствовал и заключил в объятия человек лет тридцати. Все четверо мужчин поднялись на второй этаж, где стояли два стола — бильярдный и длинный обеденный — с водкой, пивом, черной икрой, колбасой и салатами. Сидящие за столом мужчины пригласили вновь прибывших присоединиться и стали произносить тосты за знакомство и дружбу.

Спустя некоторое время, когда гости достаточно выпили, Игоря вместе со следователем проводил в сауну совершенно лысый человек лет 60 с толстой шеей, в фиолетовом халате. В сауне Игорь и следователь были одни, и Игорь спросил:

— Как вы можете это объяснить?

Следователь покачал головой.

После сауны они оба искупались и вернулись в банкетный зал, где их шеф, похоже, находился в кругу старых друзей. Наконец, сыграв партию в бильярд, они уехали. На следующее утро Игорь встретил следователя.

— Я в шоке, — сказал он.

— Я тоже, — ответил тот.

Солнцевская группировка имела своих профессиональных убийц и подозревалась в участии в каждом печально известном заказном убийстве в Москве, но ее членов никогда не арестовывали. В тот вечер Игорь убедился, что одна из причин этого кроется в близких отношениях членов группировки с высшими милицмейскими чинами.

Эффективность этих связей солнцевской группировки на высшем уровне проявлялась и в ее защите от проведения расследования иностранными органами. Хорошо известный случай произошел с Михайловым.

В 1995 году под давлением израильской разведки Михайлов покинул Израиль и переехал в Швейцарию, где жил нелегально в основном в

городе Борексе. При перелете в Женеву из Антверпена во время семейного шоп-тура его арестовала швейцарская полиция, обвинив в нарушении паспортного режима.

После того, как Михайлов был лишен свободы, стали предприниматься попытки удержать его в заключении. Федеральное бюро расследований США направило досье на Михайлова в Женеву, в котором содержалась информация о его связях с Иванковым; швейцарские следственные органы начали расследование его деятельности в связи с международной проституцией, торговлей наркотиками и отмыванием денег. На основании свидетельских показаний Женевский суд вынес Михайлову обвинение и отправил его в тюрьму Шан-Доллон; в январе 1997 года ему был продлен срок. (Случилось так, что из-за ареста Михайлова пришлось отложить контракт на сумму 350 млн долл., который «Система» готовилась подписать с ним на реконструкцию подземных систем водоснабжения и коммуникаций города Москвы.)

Наконец, по обвинению в связи с преступной организацией швейцарский суд определил ему срок наказания за преступления восемь лет. Для осуждения Михайлова швейцарским властям потребовалось сотрудничество с Россией. Однако материалы, полученные от российской стороны, были в пользу обвиняемого.

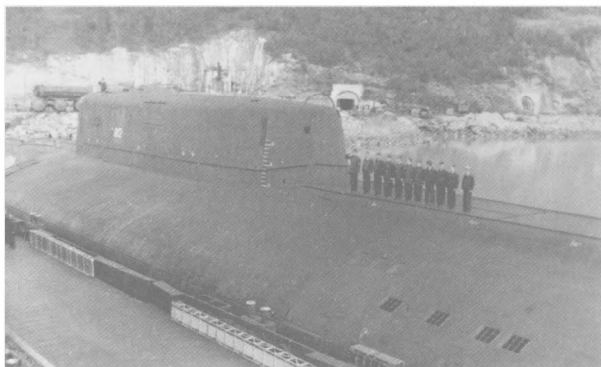
В заявлении за подписью прокурора Солнцевского района говорилось, что Михайлов никогда не был осужден. В заявлении от лица генерального прокурора отмечалось, что Михайлов не находится под следствием, и информация о нем отсутствует в файлах МВД, ФСБ, налоговой полиции и генерального прокурора. Эти сообщения прямо противоречили данным, предоставленным МВД и РУБОПом, согласно которым Михайлов был обвинен в мошенничестве и находился под следствием в 1989 и 1993 годах. Когда швейцарская сторона поинтересовалась у генерального прокурора Юрия Скуратова о причинах таких расхождений, он пообещал выяснить это, но никакой информации о дополнительном расследовании, равно как и другой помощи, швейцарская сторона не дождалась.

Швейцарские следственные органы столкнулись с аналогичной проблемой, когда пытались разузнать о жалобах со стороны жертв преступлений. Оказалось, что за десять лет была подана всего одна жалоба на солнцевскую группировку, выдвинутая Кооперативным фондом в 1988 году. Позже руководство этого фонда взяло назад свое заявление, и глава кооператива Вадим Розенбаум эмигрировал в Голландию. В 1997 году он был там убит, когда швейцарские следственные органы начали собирать материалы по делу Михайлова.

Российский морской офицер опускает на воду венок во время траурной церемонии 4 августа 2000 г., чтобы почтить память экипажа атомной подводной лодки «Курск», которая утонула после взрыва во время тренировочных учений; все, кто был на борту, погибли.

Фото газеты «Известия».

Подводная лодка «Курск» в порту.
Фото газеты «Мурманский вестник».

Мэр Москвы Юрий Лужков
отвечает на вопросы журнали-
стов на месте взрыва жилого
дома на улице Гурьянова
9 сентября 1999 года.
Фото Владимира Новикова.

Последствия взрыва жилого дома на улице Гурьянова.

Руины здания Самарского управления МВД после пожара 10 февраля 1999 года. Согласно официальной версии причиной пожара считается несчастный случай, но многие полагают, что это был поджог.

Милиция расследует убийство молодой женщины, которая, по-видимому, стала жертвой наемного убийцы.

Акционеры «МММ» ожидают возле центрального офиса инвестиционной компании в Москве 24 июля 1994 года в надежде получить обратно хотя бы часть вложенных денег после падения акций.

Фото Александра Иванишина.

Бывший президент Борис Ельцин и Владимир Путин выходят
из Кремлевского Дворца после инаугурации Путина.

Фото Дмитрия Астахова.

Многоквартирный жилой дом в Волгодонске, взорванный в сентябре 1999 года.
Правительство считает, что это дело рук чеченских террористов.

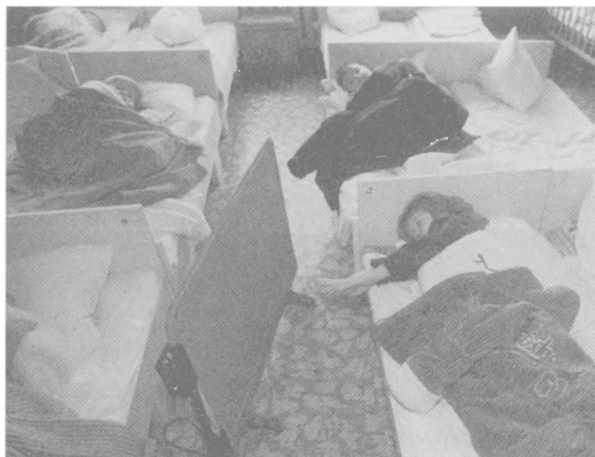

Родственники и друзья оплакивают жертв взрыва
жилого здания в Волгодонске.

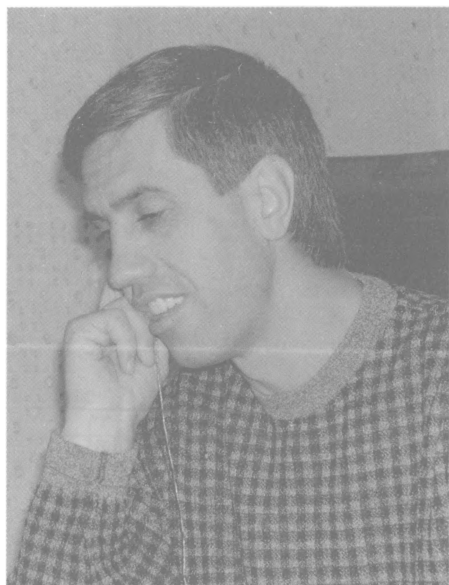
Андрей Клементьев освобожден из тюрьмы 21 апреля 1997 года после 18 месяцев заключения. Его ждет очередное слушание дела по обвинению в краже 2,4 млн долл. валютного кредита. В то же время Климентьев с успехом баллотировался на пост мэра Нижнего Новгорода, но, вопреки результатам выборов, в мае его опять отправили в тюрьму.

Фото Николая Мошкова, ИТАР-ТАСС.

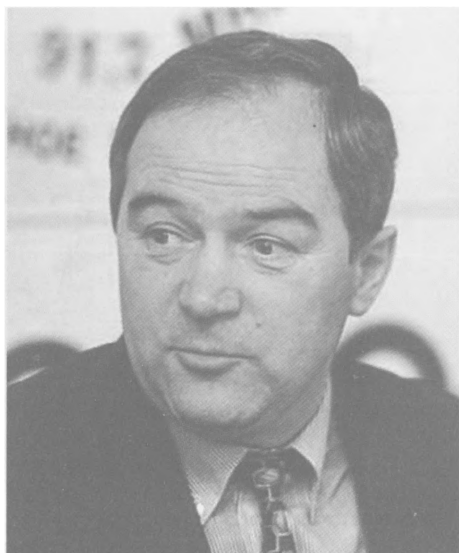

Дети в детском саду Владивостока тянутся к обогревателю, чтобы согреться.

Фото Владимира Саяпина, ИТАР-ТАСС.

Анатолий Быков, председатель
совета директоров Краснояр-
ского алюминиевого завода.

Евгений Наздратенко
в должности губернатора.
Фото ИТАР-ТАСС.

Виктор Черепков, мэр Владивостока, боровшийся с губернатором края Наздратенко, на митинге среди своих сторонников.

Фото Владимира Саяпина, ИТАР-ТАСС.

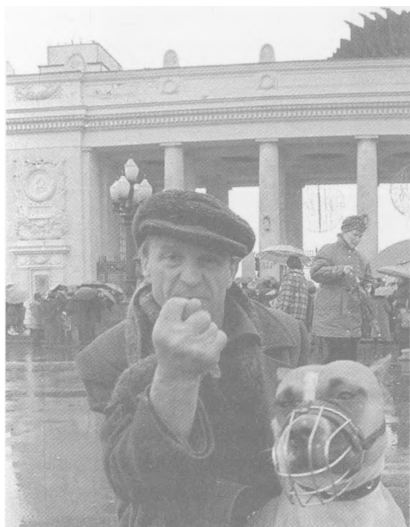

Светлана Котова, бывшая «Мисс Россия», была убита вместе со своим гражданским мужем Александром Солоником, известным российским профессиональным киллером, членами конкурирующей преступной группировки.

Представители преступной организации празднуют в ресторане Екатеринбурга создание областной общественной организации «Социально-политический союз „Уралмаш“».

Фото газеты «Аргументы и факты».

Вкладчик «Чара-банка» выражает свои чувства после краха банка.

Фото Михаила Климентьева.

Во время судебного процесса бывший руководитель РУБОПа Николай Упоров, которому было предоставлено политическое убежище в Швейцарии, заявил, что когда швейцарские прокуроры попросили у него, как главного специалиста по солнцевской группировке, информацию о ней, руководство потребовало, чтобы он написал, что преступная банда является всего лишь журналистской «уткой».

Бывший работник фирмы «Алмаз» в показаниях, данных во время суда в Женеве, утверждал, что Михайлов вместе со своими помощниками ограбил их на 2 млн долл., но совладелец фирмы, проживавший в России, направил в суд заявление, в котором написал, что никогда не слышал ни о какой солнцевской преступной группировке.

В конце концов 90 свидетелей из шести стран дали показания Женевскому суду по поводу участия Михайлова в убийствах, торговле наркотиками, отмывании денег и сутенерство. Несмотря на это, в декабре 1998 года Михайлов был освобожден. Решение мотивировалось тем, что сложно доказать его непосредственную ответственность за эти преступления и отсутствием сотрудничества со стороны российских правоохранительных органов. Михайлова освободили в Швейцарии, чтобы он продолжил свою преступную деятельность в России.

В делах преступников подкуп милиции и связи с высокопоставленными политиками дополняются услугами наемных убийц, обычно из числа ветеранов милиции, ФСБ и особых подразделений, которые готовы убивать людей по заказу. Каждый день с методичным хладнокровием наемные киллеры выполняют свою работу.

Москва, Шарикоподшипниковская улица, 36, 1 ноября 1995 года

Сергей Пляцковский, директор оптовой фирмы по продаже продовольственных товаров «Диана», находился в своем кабинете вместе с женой, когда вдруг в 22.00 выключили свет. Думая, что произошло короткое замыкание, Сергей вышел в коридор проверить предохранитель. В этот момент кто-то, стоящий на лестничной площадке, направил свет ему в глаза и ослепил его.

Пляцковский зажмурился, а незнакомец начал стрелять. Пытаясь спастись, раненый Сергей побежал обратно в кабинет, но его напуганная жена инстинктивно захлопнула дверь. По мнению милиции, это и спасло ей жизнь.

Истекая кровью, Пляцковский метнулся по коридору в другое крыло здания, но убийца догнал его, несколько раз выстрелил и скрылся,

сделав контрольный выстрел в голову. На месте убийства оперативники нашли семь гильз и пять пуль¹².

Москва, Кутузовский проспект, 10, 27 апреля 1998 года

В 22.00 два бизнесмена вошли в лифт и нажали на кнопку десятого этажа. В сущности, 29-летний коммерческий директор фирмы «Рapid-1» Доценко и 34-летний генеральный директор компании «Промфин» Бушев не были знакомы. Они просто арендовали помещения в одном и том же здании.

Когда лифт доехал до десятого этажа, они вышли вместе. В этот момент киллер, поджидавший на лестничной площадке, стал многократно стрелять в обоих. Бизнесмены, шатаясь, добрались до коридора и упали. Преступник скрылся. Вызвали «скорую помощь», но Доценко был уже мертв. Бушева отвезли в больницу в крайне тяжелом состоянии. Позже следователи высказывали предположение, что убийца стрелял в обоих, потому что не был уверен, в кого именно нужно стрелять, и боялся ошибиться¹³.

Москва, Кустанайская улица, 18 декабря 2000 года

В полдень молодой человек в рабочей одежде с небольшим чемоданом в руках поднялся на седьмой этаж жилого здания он отключил телефон и электричество в квартире, принадлежавшей Александру Стребыкину и двум его деловым помощникам.

Когда владелец квартиры вышел, чтобы проверить предохранитель, убийца вынул из чемодана два пистолета, заставил жертву вернуться в квартиру и выстрелил в него. Второй обитатель квартиры выскочил из нее и побежал к дальней лестнице, но убийца нашел его там и выстрелил ему в голову. На лестнице убийца оставил гранаты, которыми, очевидно, планировал воспользоваться в случае неудачи.

Стребыкин занимался недвижимостью и имел частную фирму и, как свидетельствовали его знакомые, знал, что с ним может что-то случиться. Накануне своей смерти он сказал одному из соседей: «Если меня решат убить, то я уже ничего не смогу сделать»¹⁴.

Санкт-Петербург, Невский проспект, 8 августа 1997 года

В 9 часов утра машина, в которой ехал Михаил Маневич, председатель городского комитета по имуществу, выехала с улицы Рубинштей-

на на Невский проспект. В этот момент раздалась выстрелы с верхнего этажа дома № 76 по улице Рубинштейна.

Снайпер не мог видеть Маневича. Выстрелы предназначались тому, кто сидел справа от водителя. Машина ехала на высокой скорости, и стрельба велась с расстояния 100 метров, но пять из восьми пуль попали в цель. Через час Маневич скончался в Маринской больнице.

В день убийства Маневич собирался в Москву, где должен был встретиться с Анатолием Чубайсом, который, по некоторым сообщениям, хотел назначить его заместителем председателя Государственного комитета по имуществу (ГКИ). По данным, полученным следователями, за маршрутом Маневича с помощью раций следила группа из 4–5 человек. Было известно, что при повороте на Невский проспект машина Маневича должна затормозить. Профессионализм, с которым было совершено убийство, подсказывал следователям, что оно было организовано профессионалами самого высокого уровня¹⁵.

Российские преступные группировки развращают милицию, вступают в союз с политиками, внушают страх и наказывают за неподчинение, прибегая к помощи наемных убийц. Власть, которой они теперь обладают, позволяет им подавлять обыкновенных граждан, вызывая в них чувство незащитности, и результатом становится столь широко распространенная унижительная покорность, что это кажется вполне нормальным явлением.

Природа подобной уступчивости продемонстрирована на опыте отдельных людей — в их борьбе за собственное выживание.

Однажды тихим воскресным утром в начале зимы Ефим Кузнецов (псевдоним) вошел в приемную своего кабинета на Ленинградском проспекте и поздоровался с ожидавшими его четверьмя преступниками, связанными с «вором в законе» Валерием Длугачем («Глобус»). Бандиты обвинили Кузнецова в предательстве, чтобы захватить его долю в совместном бизнесе.

— Нам обоим известно реальное положение вещей, — сказал Ефим Мише Мяснику, лидеру группировки. — Я ни в чем не виноват. Вы просто хотите избавиться от меня.

— Ты прав, — заметил Мясник. — Ты нам больше не нужен.

После минутного колебания Ефим спросил:

— Вас удовлетворит, если я уйду из дела?

— Да, — ответил Мясник. — Просто уйди.

В 1987 году Ефим организовал кооператив по перепланировке квартир. Вначале его фирма процветала, но после начала реформ он разо-

рился из-за гиперинфляции и открыл новое дело, нелегально меняя рубли на твердую валюту.

После того, как Прибалтийские республики ввели национальные валюты, Россия подписала с ними соглашения о ликвидации у них запасов российской валюты. Но этого не произошло, и разрабатывались различные схемы возвращения рублей в Россию.

В это время у Ефима были контакты с Прибалтикой, обеспечивающей его рублими, и он установил связи с официальными работниками в Росторге, государственной торговой организации, имевшей большое количество долларов. Работники Росторга организовали частную фирму, «крышей» которой были и «Глобус», и казанская преступная группировка. Ефим вместе со своими помощниками начали нелегально ввозить в страну рубли, легализуя их на собственном счету, а затем продавая по гораздо более низкому курсу своим партнерам, которые использовали их, равно как и доллары, для покупки недвижимости в России.

Дело продвигалось успешно, и тогда Ефим и Армен Арутюнян (псевдоним), глава фирмы, созданной сотрудниками Росторга, предложили основать новую совместную компанию для разработки будущих проектов.

Кроме махинаций с валютой, Ефим, как и многие российские бизнесмены, искал пути получения доступа к нефти. Существовала огромная разница между российскими и мировыми ценами на нефть, и он, используя свои многочисленные связи, пытался найти чиновников, которым можно было бы дать взятку, чтобы ему помогли купить нефть на внутреннем рынке, а затем перепродать ее за границу. Наконец, в мае 1992 года он познакомился с человеком из Новосибирска, который имел связи с несколькими нефтеперегонными заводами и согласился, в обмен на щедрую долю прибыли, организовать продажу нефти компании Ефима для последующей перепродажи на Украину, которая в то время находилась в тисках сурового экономического кризиса.

Ефиму удалось найти нужного человека, но это было лишь началом дела. Самым сложным было собрать документацию, которая бы помогла скрыть факт исчезновения 10 миллионов тонн нефти. Это означало, что деловой партнер Ефима должен был давать взятки начальству нефтеперегонных заводов и Транснефти, организации, которая занималась нефтепроводами. Деньги на эти взятки предоставляли партнеры Ефима по Росторгу.

На предварительном этапе сделки Ефим и работники Росторга встречались каждый день либо в кабинете Ефима, либо в Росторге на Твер-

ской улице. На этих встречах всегда присутствовали три-четыре бандита из «крыши» Арутюняна, в том числе Мясник. Настроенный довольно дружелюбно, он, Ефим и Арутюнян часто ходили вместе обедать или в баню в отеле «Севастополь».

Но после того, как было подписано соглашение между Украиной и совместным предприятием и внесены первые платежи за нефть, бандиты стали вести себя грубо и властно. Однажды помощник Ефима позвонил ему домой и сказал: «Происходит неладное. Они что-то замышляют против вас». Кузнецов пошел к себе на работу и встретил там Мясника, который сказал ему: «Ефим, ты продал нас Михайлову». У Ефима никогда не было контактов с солнцевской группировкой, и он понял, что это предлог, для того чтобы захватить его долю в бизнесе.

Ефим позвонил Арутюняну и обратил его внимание на то, что он инициатор всего проекта. Арутюнян отнесся к этому сочувственно, но сказал, что ничем не может ему помочь. Его «крыша» настаивает, чтобы Ефима убрали. Арутюнян добавил, что однажды Мясник убил кого-то в его присутствии, и намекнул, что Мясник также готов прийти на работу к Ефиму и убить там всех.

В отчаянии Кузнецов позвонил Владиславу Винеру («Бабон»), другому криминальному боссу в Москве, и организовал встречу с ним в ресторане «Пекин». Пока автомобиль с вооруженными бандитами стоял у входа на улице, Ефим объяснял Бабону свою проблему и просил у него помощи. Бабона привлекала денежная сумма, о которой шла речь, но он не обладал такой властью, как Глобус. Бабон сказал Ефиму, что может предоставить ему лишь кратковременную защиту, но по большому счету он мало что может сделать, поскольку имеющейся суммы денег достаточно для того, чтобы убить Ефима, но недостаточно для того, чтобы вести с бандитами войну по этому поводу.

Ефим понял, что помощи ему ждать неоткуда. У него открылась язва, и несколько дней он с сильными болями провел в постели. Как только ему стало лучше, он поехал в свой офис и сказал Мяснику, что добровольно выйдет из этой сделки, которая принесла ему богатство.

С потерей доли в нефтяном бизнесе Ефим потерял веру в российский бизнес. Он закрыл свою фирму и начал заниматься частным извозом. В это время у входа в дискотеку «Улисс» убили Глобуса вместе с его шофером, а в Тушине убили Бабона. Ефим решил изучать восточную медицину и начал новую карьеру в качестве целителя.

Уже несколько минут Юрий Курков (псевдоним) ждал в приемной пустого офиса своего друга Владимира Субботина (псевдоним), кото-

рый договорился с ним о встрече. Вошли четверо мужчин. Они прошли мимо Юрия в кабинет Субботина и приказали Куркову следовать за ними.

После того, как Юрий вошел, они закрыли за ним дверь, и самый старший, лет сорока пяти, в костюме и при галстукe, сказал Юрию:

— Принеси нам деньги.

— У меня нет денег. Я потерял их во «Властелине».

— Умнее ничего не мог придумать? Через неделю принеси деньги или готовь для себя петлю.

— Я не собираюсь готовить для себя петлю.

— Мы тебе поможем.

У Юрия Куркова было несколько уличных киосков в Москве, и в 1994 году его друг Владимир Ильич, работавший в банке, рассказал ему о «Властелине», который платил по вкладам 100% в месяц. Курков понял, что здесь какой-то обман. 100% в месяц можно было получить только от торговли наркотиками, оружием или от проституции. Но Владимир Ильич утверждал, что их вклад будет защищен. У него был друг, Владимир Балаганский, который был знаком с А. В., заместителем директора правительственного учреждения. В обмен на 10% комиссионных Балаганскому А. В. гарантирует, что он и Владимир Ильич будут получать свои 100% в месяц независимо от того, что произойдет с другими вкладчиками.

Эта идея понравилась Юрию. Каждый день кто-то богатеет, а кто-то разоряется, и он не хотел упустить возможность обеспечить свое будущее, а также будущее своих детей и внуков.

Владимир Ильич отвез Куркова к Балаганскому, который жил за городом, в 10 километрах от Москвы. Балаганский познакомил их с А. В. Они вместе пошли в баню, и там, сидя в парилке, согласились сделать вклад. «Ребята, будьте спокойны, — пообещал А. В. — Вы получите свои деньги».

Юрий и Владимир Ильич собрали 1,46 млрд рублей (649 000 долл.) и вложили 90% во «Властелину», а 10% отдали Балаганскому, чтобы он гарантировал их вклад. Доля Куркова составляла 179 000 долл.: 22 000 долл. из его сбережений и 157 000 долл. он одолжил у Субботина¹⁶. Остальные внес Владимир Ильич: 330 000 долл. от представителей Узбекского посольства в Москве и 70 000 долл. незарегистрированными наличными из банка, где он работал директором отдела твердых валют.

Они вложили деньги 12 сентября 1994 года. Первая выплата должна была состояться 16 октября, через 35 дней. 15 октября Курков вместе

с Владимиром Ильичом поехали в Подольск, где у «Властелины» был центральный офис. Им выдали жетоны, которые они должны были использовать на следующий день, получив доход по вкладам. Но 16 октября им сказали, что выплаты временно задерживаются. Каждый день на протяжении последующих четырех дней они ездили в Подольск, где им говорили то же самое. Наконец, 20 октября им сообщили, что директор «Властелины» Валентина Соловьева исчезла, и без ее подписи никому нельзя ничего заплатить.

Видя явный крах «Властелины», Юрий и Владимир Ильич поехали к Балаганскому. Он пообещал вернуть им деньги, сказав, что это нельзя сделать сразу. Курков поверил его обещанию, и до того дня, когда Балаганский исчез, он регулярно ездил к нему домой, больше чем за 30 километров, и напоминал о его гарантии.

Тем временем Куркову позвонили представители можайской криминальной группировки, «крыши» Субботина, напоминая ему, чтобы он вернул долг. Узбеки начали требовать свои деньги назад у Владимира Ильича.

Курков и Владимир Ильич решили, что им надо увидеться с А. В. Владимир Ильич встретился с ним на его работе. Поведение А. В. было дружелюбным и обнадеживающим. Он пообещал Владимиру Ильичу, что он и Курков непременно получают свои деньги. Через несколько недель Владимир Ильич снова поехал к нему. Но на этот раз А. В. сказал: «Вы давали деньги не мне, вы давали их Балаганскому. Все вопросы направляйте к нему». Когда Курков в конце концов приехал к А. В., ему сообщили, что он больше не работает в данной организации.

Теперь Юрий серьезно забеспокоился. Каждую неделю ему звонили можайские бандиты, и он понимал, что их терпение не может длиться вечно.

Чтобы спасти свою жизнь, Юрий начал одалживать деньги у всех, кого знал — у родственников, друзей и знакомых, включая продавщиц в его собственных киосках, — и все это приносил Субботину. Через шесть месяцев после краха «Властелины» он вернул 64 000 долл., вместо 157 000 одолженных. Но этого было недостаточно для можайской банды. Субботин позвонил Юрию и попросил его прийти к нему на работу. Именно там он встретился с бандитами, которые приказали ему заплатить долг или готовить для себя петлю.

Курков тяжело запил и начал молиться дома и в церкви. Он подумывал о самоубийстве, но говорил себе: «Бог дал мне жизнь, и я не вправе ее отнимать». Наконец, он рассказал все своей «крыше» — таганской криминальной группировке. К его удивлению, они стали успокаивать Куркова:

— Они разыгрывают спектакль; убить человека труднее, чем ты думаешь, и все знают, кому ты должен деньги. Никто тебя не убьет, но тебе придется дать им что-то, что охладит их пыл. Есть у тебя что-нибудь?

Юрий сказал, что у него есть строящаяся дача.

— О'кей, — сказали бандиты, — можешь отдать ее.

Через неделю Курков снова отправился к Субботину на встречу с можайскими бандитами, взяв с собой бандитов из таганской группировки.

— Его заманили в эту ловушку, — сказал один из бандитов Таганки. — Это не его вина.

Юрий предложил им свою дачу, и они взяли ее в качестве очередной частичной выплаты. Однако на этом проблемы Куркова не закончились. Бизнесмены, одолжившие Юрию деньги для возвращения Субботину, имели свои «крыши», и те бандиты, принадлежавшие главным образом к солнцевской и балашихинской группировкам, начали звонить Юрию домой, напоминая об этих долгах и требуя возврата денег.

Юрий продолжал видаться с Балаганским, часто брал с собой Владимира Ильича, а также его жену, которая считала себя парапсихологом и была в состоянии защитить их. Через несколько месяцев Балаганский перестал даже давать обещания. Вместо этого он взывал к их сочувствию: «Я попал в ловушку так же, как и вы». Во время одного из таких визитов, отчаявшись Юрий вышел из себя и закричал: «Давай, мерзавец, гони деньги!»

Наконец, Балаганский предложил вложить деньги в проект продажи газа в Украину, сказав, что использует свою долю прибыли для выплаты долга. Единственное, что от них требовалось, так это кредитный лимит. Владимиру Ильичу пришлось оставить свой собственный банк, которому он был должен 70 000 долларов, одолжив их, чтобы вложить во «Властелину». Но у него все еще сохранялись связи с руководством других банков, у которых была собственная «черная касса», и он взял кредит на сумму 500 млн рублей с 180% в год в обмен на выплату 5% от стоимости займа за его контракты в этом банке. В феврале 1995 года Юрий и Владимир Ильич получили первую часть кредитного займа и поехали сообщить об этом Балаганскому, но узнали, что он исчез.

Курков продал четыре из своих семи киосков и начал по ночам водить такси, работая по 12 часов в день семь дней в неделю. Он зарабатывал 2500 долларов в месяц, из которых 500 долларов уходили на жизнь, а оставшиеся 2000 долларов шли на ежемесячную оплату долга.

На некоторое время внимание можайской банды переключилось на Субботина, который опоздал с уплатой отчасти из-за Юрия. Шесть

членов банды избили Субботина на его даче и оставили лежать в луже крови, угрожая облить бензином и поджечь. Но другие бандиты продолжали звонить Юрию, требуя денег.

В течение двух лет Юрий почти каждую неделю встречался с бандитами из солнцевской, мытищинской, балашихинской и Можайской группировок, никогда не зная, вернется ли он домой живым. Уезжая на очередную встречу с бандитами, которая происходила либо в офисе одного из его кредиторов, либо в уличном кафе, он просил жену в определенное время посылать ему сообщения на пейджер. Если он не позвонит ей в ответ, это будет означать, что бандиты его похитили, и ей надо будет звонить в таганскую группировку с просьбой о помощи.

Встречи всегда носили жесткий характер. Бандиты угрожали переломать Юрию ноги или разбить голову и говорили, что без денег он труп. Но Юрий старался оставаться спокойным. Если у него не оказывалось требуемой суммы, он всегда старался хоть что-то заплатить и просил отсрочки. (У Юрия не было уверенности, что его тактика сработает. Одного из его друзей, Сергея Головина, забили насмерть за долг в 15 000 долларов; бизнесмен Михаил Хмелевский, обладатель черного пояса в карате, был избит и застрелен в своем гараже за долг в 45 000 долларов, а Андрей Бондаренко, бывший сотрудник Куркова, был выброшен из окна четвертого этажа.)

В тех случаях, когда Юрий ощущал смертельную опасность, он просил пойти вместе с ним членов таганской банды. Они объясняли, что Юрия обманули и что он намеревается возвратить долги. Но Юрий не мог быть уверен, что бандиты с Таганки смогут вечно защищать его. Он знал, что бандиты, как правило, «умывали руки» и бросали бизнесмена, в особенности если он погряз в долгах и не мог их выплатить.

Однажды трое бандитов из солнцевской группировки пришли к Юрию домой. Он одолжил 15 000 долларов у одного из друзей, а они заявили, что он задолжал 25 000 долларов. Юрий сказал, что должен 15 000, а не 25 000 долларов, плюс 2000 долларов процентов. Он предложил заплатить им проценты, а потом, когда у него появятся деньги, — то и основную сумму. На это один из бандитов ответил:

— У нас был бизнесмен, который тоже не платил. Мы повесили его вниз головой на два часа, после чего он нашел деньги.

— Можете отвезти меня в крематорий, — сказал Юрий. — У меня нет денег.

В конце концов бандиты согласились взять у Юрия только проценты.

Юрий мечтал открыть ресторан, но боялся тратить деньги, потому что знал, что если будет отдавать бандитам все заработанные им деньги, это сохранит ему жизнь.

Не успокаивала Юрия и судьба его друзей. Субботин потерял все и теперь, не имея работы, жил на зарплату жены. Он также опасался, что его убьют, как только глава можайской банды выйдет из тюрьмы. Владимир Ильич создал небольшую консалтинговую фирму, которая давала ему 120–200 долларов в месяц. После того, как узбекские бандиты пригрозили уничтожить его семью, он с инфарктом попал в больницу, из которой вынужден был скрыться.

Однако 17 августа 1998 года положение изменилось. После обвала рубля прошла волна заказных убийств бизнесменов, которые не выплачивали свои долги. Однако в общей суматохе некоторые небольшие старые долги канули в Лету.

К удивлению Юрия, многие бандиты, которым он все еще был должен, перестали звонить ему. Однажды позвонили представители солнцевской банды, и он сказал им, что ему нечего им предложить. Больше они не звонили.

Шли месяцы, и Юрий спокойно начал откладывать деньги на новое предприятие. Более четырех лет назад он потерял деньги во «Властелине» и теперь надеялся, что его долгое рабство наконец-то в прошлом.

Москва, улица Покровка, август 1996 года

— Дуг, — сказал голос, — садитесь в машину.

Было 7.45. Дуг Стил, владелец бара «Голодная утка», собирался идти домой после долгой и напряженной ночной работы. Обернувшись, он увидел припаркованный черный лимузин с тремя пассажирами, в которых он узнал Али, чеченского бандита и своего бывшего делового партнера.

Дуг позвал Ганнибала, кубинского бармена из «Голодной утки», который находился на улице примерно в 30 метрах. Дуг попросил его быть переводчиком.

— Давайте прокатимся, — сказал Али. — Нам надо кое-что обсудить. — Если вам надо что-то обсудить, поговорите с моей охраной, — сказал Дуг.

Когда Дуг направился во внутренний двор, Али, второй чеченец и водитель выскочили из машины и схватили его сзади. Ганнибал бросился на помощь и ударил водителя, а один из их приятелей, выходивший в это время из бара, побежал звать охранника. Чеченцы пытались затол-

кать Дуга на заднее сиденье машины, но он упирался, вцепившись в за дверь. Он был слишком крупным мужчиной, чтобы его легко можно было одолеть. Собралась толпа, и охрана с оружием в руках спешила на выручку. Чеченцы, увидев, что они в меньшинстве, выпустили Дуга, впрыгнули в машину и укатили.

Часом позже Дуг встретился в «Утке» с начальником охраны бара, бывшим генералом КГБ.

— Откровенно говоря, мы не ожидали, что до этого дойдет — сказал начальник. — Они знают, что бар преуспевает, и, по их мнению, он принадлежит им. Они могли бы потребовать за вас выкуп или убить вас. Они бы и глазом не моргнули.

Канадец Стил из Галифакса впервые приехал в Москву в сентябре 1992 года со своим канадским другом по приглашению от его российского знакомого. Когда он бродил по московским улицам, его поразило, что Россия вступала на путь демократических преобразований без баров, ресторанов и иностранцев, и ему тут же пришла в голову идея открыть бар. Во второй вечер своего пребывания в Москве в одном из немногих иностранных московских баров Дуг познакомился с бельгийским бизнесменом и рассказал ему о своем плане. Тот согласился, что это неплохая идея, но Дугу может понадобиться «крыша». Бельгиец объяснил ему: «крыша, — это такая организация, которая обеспечивает защиту. Это может быть либо официальная организация, либо мафиозная структура». Его «крышей» была мафиозная структура, солнцевская группировка, и он рекомендовал их, потому что, по его мнению, в случае возникновения проблем с мафией необходимо иметь мафиозную группу, чтобы она вела переговоры с другой мафиозной группой. «Сначала обеспечьте себе „крышу“, а потом открывайте бар, — посоветовал он. — Они помогут вам найти подходящее место, и вы сможете обсудить с ними условия. Если вы будете искать место сами, вам придется соглашаться на их условия».

Дуг снова приехал в Москву в ноябре и начал переговоры по поводу возможной «крыши». Российский адвокат познакомил его с канадским адвокатом; у его переводчика Саши был приятель Вася, брат которого был лидером в кунцевской преступной группировке. Вася согласился устроить встречу Дуга со своей бандой.

Дуг не имел опыта общения с криминальным миром в Канаде, где он работал в продовольственной компании, но он отгонял прочь опасения быть вовлеченным в российский преступный мир.

Встреча с представителями кунцевской банды состоялась в начале декабря. В 6 часов вечера Дуга и Сашу у входа на станцию метро «Ок-

тябрьская» поджидали 16 мужчин, сидевших в четырех автомобилях. Их посадили в машину и повезли в ресторан в Кунцевском районе. Длинный стол был уставлен яствами и напитками. Рядом со Стилом сидел высокий бандит с длинным шарфом на шее. Это был брат Васи. Следующие несколько часов Дуг обсуждал с бандитами условия вымогательства у него денег, как будто это было в порядке вещей.

Тот, кто казался вожаком банды, спросил у Дуга, какой род бизнеса он собирается организовать. Дуг объяснил, что хочет открыть бар.

— Почему вы хотите открыть бар?

— По мере развития страны бары будут преуспевать, — ответил Дуг. Бандиты сделали вид, что понимают, о чем идет речь.

— Мы поможем тебе найти подходящее место и защитим тебя и твои деловые интересы. У твоих партнеров будет своя собственная охрана. Это обойдется в 5000 долларов в месяц, — сказал шеф.

Дуг ответил, что подумает над их предложением и позвонит, как только будет готов открыть бар.

Вскоре после встречи с кунцевской группировкой Дуг познакомился с одним русским в баре «Шамрок» (трилистник), который предложил ему организовать встречу со своей бандой. Дуг согласился, и девять бандитов встретили его на Комсомольском проспекте, вместе с тем русским, который переводил. Все разместились в трех «Вольво» и поехали в ресторан.

— Если кто-то станет у вас на пути, мы убьем его, — сказали бандиты Дугласу. Стил ответил:

— Я не хочу никого убивать, я просто хочу открыть бар.

В их поведении было нечто такое, что привело его к мысли, что они, не колеблясь, убьют и его самого.

Вскоре Дуг снова встретился с Сашей, который упомянул о том, что у другого его приятеля, бывшего водителя, теперь есть собственная криминальная организация. Дуг согласился встретиться с ним. Бандиты в двух «Вольво» в кепках, с сотовыми телефонами, посадили его в одну из машин перед рестораном «Тренмос» и повезли в ресторан неподалеку от Московского зоопарка.

Дуг поделился своими планами насчет бара; бандиты внимательно слушали. Во время разговора они достали пистолеты и выложили их на стол. Через неделю после первой встречи Саша сообщил Дугу, что члены этой группировки приняли участие в перестрелке в центре Москвы, после чего Дуг разорвал с ними все связи.

Дуг вернулся в Канаду и в течении полутора лет совершал регулярные поездки между Москвой и Галифаксом, собирая информацию для инвесторов и пытаясь найти место для своего бара. Однако подобрать под-

ходящее место оказалось гораздо сложнее, чем он предполагал. Всякий раз, когда он находил интересовавшую его собственность, оказывалось невозможным установить, кому она на самом деле принадлежит. Так, в качестве собственника одного пустого здания было зарегистрировано девять различных, не связанных друг с другом людей. И спустя семь лет, в конце 2000 года, оно все еще оставалось пустым.

Однажды вечером в сентябре 1993 года, когда Дуг сидел в московском баре «Рози-о-Грейди», один из приятелей познакомил его с двумя восточного типа женщинами, которые говорили по-русски. Женщины объяснили ему, что они из Калмыкии, и пригласили его на празднование дня рождения, где он познакомился с гейшей по имени Тинг Ли, буддийской монахиней, которая была духовной представительницей Далай Ламы в странах СНГ и Монголии. На этом дне рождения он также познакомился с Дмитрием Кичиковым и Юрием, двумя калмыцкими бизнесменами, и Дмитрий предложил помочь Дугу открыть бар.

На следующий день Дуг сел в машину Кичикова у дома № 54 по улице Большая полянка, который принадлежала двум братьям-чеченцам — Ахмеду и Шарипу. В этом здании у чеченцев был ресторан, и они предложили его в качестве места для бара. Дуг позвонил в Канаду своим партнерам Джону и Джиму Уиланам, и они согласились. По условиям договора, Дуг и Уиланы вносят 160 000 долларов и платят аренду, Кичиков тоже вносит 160 000 долларов, а чеченцы займутся строительством ресторана.

Ахмед и Шарип уже имели в качестве «крыши» чеченскую банду и угрожали Дугу присоединиться к ним, так как бессмысленно платить вдвойне. Однако Дуг заявил, что ему нужны свои люди, которые смогут защитить интересы его и его партнеров. Он позвонил Васе и попросил сообщить кунцевской банде, что он наконец-то готов открыть бар.

Следующим шагом была встреча «крыши» Ахмеда и Шарипа с кунцевской бандой, которая состоялась в закрытом зале ресторана «Москвичи». На ней присутствовало восемь чеченцев и шесть членов кунцевской банды, и продолжалась она 45 минут. Наконец бандиты встали из-за стола и объявили, что они нашли «общий язык». Однако в последний момент Кичиков, который собирался привезти свою часть денег, исчез. Но чеченцы, тем не менее, согласились работать с Дугом, вложили собственные деньги, и сделка состоялась.

После подписания контракта обе стороны действовали быстро. Дуг привез из Канады архитектора, который создал проект бара, — и он открылся в январе 1994 года. Дуг стал его управляющим. Потребность

в развлечениях в Москве намного опережала предложение, и на второй месяц работы новый бар под названием «Мусхед» («Лосиная голова») давал ежемесячную прибыль в 20 000 долларов благодаря огромным наценкам и большому количеству посетителей.

Однако с момента открытия «Мусхеда» у Дуга возникли проблемы с Ахмедом и Шарипом. До чеченцев не доходили такие понятия, как нераспределенная прибыль и откладывание денег на уплату налогов.

Через два месяца после открытия «Мусхеда» снова появился Кичиков и стал приглашать Дуга посмотреть место, которое он нашел для нового бара. Дуг согласился, и Кичиков привел его к зданию неподалеку от станции метро «Кузнецкий мост». Дугу очень понравилось расположение, и Кичиков предложил ему 15% от прибыли в новом баре без обязательных вложений. Дуг готов был стать управляющим нового предприятия, а из Канады прилетел Джим Уилан, чтобы руководить работой «Мусхеда».

Прибытие Уилана ознаменовало начало серьезных конфликтов с Ахмедом и Шарипом. Уилан был заинтересован в быстром получении прибыли, и его не интересовали местные «за» и «против» и чеченский способ делать деньги.

Неприятности начались с одного незначительного конфликта. Чеченцы часто обедали в «Мусхеде» вместе со своими друзьями и платили за это полцены. Но однажды Ахмед привел свою мать и большую группу родственников. Джим сказал ему через переводчика, что он может есть за полцены, а его мать и другие должны оплатить всё полностью. Ахмед пришел в бешенство, и спор вскоре перерос в угрозы. Уилан вызвал на помощь кунцевскую банду и объяснил им ситуацию следующим образом: «Если бы это была моя е... мать, я бы заставил ее тоже платить». Тогда один из членов банды позвонил Дугу и сказал ему, что если кто-то не уважает мать, значит, этот человек не заслуживает их общего уважения.

Во время другого инцидента Джим отказался выдать Ахмеду часть арендной платы за три дня вперед. Возник спор и по поводу расходов. Хотя Дуг и его партнеры платили за аренду, предполагалось, что Ахмед и Шарип оплачивают коммунальные услуги. Но чеченцы потребовали, чтобы Дуг и его партнеры платили за электричество, доказывая, что электричество не входит в коммунальные услуги.

Обстановка накалилась до такой степени, что поползли слухи о том, что Ахмед и Шарип договорились со своей чеченской «крышей» убить Уилана. Наконец, встретились обе стороны с их уважаемыми «крышами», и чеченцы предложили откупиться от канадцев. В октябре

1995 года прибыли от бара достигли 40 000 долларов в месяц. Чеченцы соглашались выплачивать канадцам 20 000 долларов в месяц в течение года, а затем заплатить им 360 000 долларов, Саша уговаривал Дуга не соглашаться, предупреждая, что они никогда не получат свои деньги. Но, Дуг и Джим, тем не менее, решили продать свою долю. Джим позвонил в Канаду своему брату Джону, тот выслал ему доверенность, и они подписали права на передачу бара.

В последующие три месяца чеченцы платили Джиму по 20 000 долларов в месяц. Но в начале четвертого месяца они сообщили Джиму, что вынуждены прекратить выплаты, потому что дела бара идут не так успешно, как раньше, и у них есть и другие долги, в том числе и за электричество. Такое объяснение привело Уилана в бешенство, и была устроена встреча в офисе Ахмеда рядом с «Мусхедом». Уилан возмутился, когда Ахмед и Шарип потребовали переводчика. Дуг, опасаясь насилия, быстро ушел. Через два часа ему позвонили из кунцевской банды, предложив встретиться в спортивном клубе рядом с парком Победы.

Дуг, плативший банде 5000 долларов в месяц наличными с целью защиты, нуждался в ее помощи, чтобы заставить чеченцев уважать условия контракта. Приехав в спортивный комплекс, он увидел там почти всех бандитов, которых знал. К Дугу подошел старший по возрасту, штангист, чья фотография висела на стене спортивного зала.

— Все хорошо отзываются о вас, — сказал он. — Вас вызвали сюда из-за вашего партнера. Чеченцы решили его убить, и нам придется заплатить им отступные. Честно говоря, он осел. Любой человек, не уважающий мать, не стоит нашего уважения. Нам придется отказаться от участия в проекте «Мусхед».

Дуг понял, что его предприятие потерпело крах. Кунцевская банда либо боялась чеченской «крыши» Ахмеда и Шарипа, либо заключила с ними сделку. В обоих случаях никто теперь не примет вызов чеченцев. — Но Ахмед должен заплатить нам за бар, — сказал Дуг.

— Простите, — заметил кунцевский бандит, — но 5000 долларов в месяц не стоят того, чтобы за эту сумму убивать человека».

Дуг ушел, понимая, что он и его партнеры вложили 160 000 долларов в этот бар, сделали его прибыльным, а теперь отдали чеченцам. Встреча со своей «крышей» означала конец их участия в «Мусхеде».

8 декабря 1995 года новый бар Стила «Голодная утка» распахнул свои двери. Помещение для бара было арендовано у Центрального дома работников искусств (ЦДРИ), директор которого подписал соглашение на аренду с Дмитрием, дав взятку в 20 000 долларов. «Крышей» для бара стала чеченская банда.

Главным нововведением «Утки» было то, что в баре разрешалось танцевать, и поэтому он имел огромный успех. Но однажды в полночь в бар ворвалась группа национальной калмыцкой милиции с автоматическим оружием, которая разыскивала Кичикова. Группа чеченцев вступила в переговоры, после которых милиция мирно ушла.

Этот инцидент не решил проблем с Кичиковым, который, как узнал Дуг, был связан с Кирсаном Илюмжиновым, президентом Калмыкии. Когда бар начал собирать толпы посетителей, в здании отключили электричество, потому что Кичиков не заплатил за аренду; он не платил персоналу бара, и, кроме того, Дуг узнал от переводчика, что Кичиков каждый день приезжает и забирает деньги из кассы.

Затем Дуг обнаружил, что этот бар даже не принадлежал Кичикову. Он продал долевое участие в баре, составлявшее 160% от его стоимости при открытии, двум группам: калмыкам и чеченской «крыше», и каждая считала себя стопроцентным владельцем бара. Тем временем Федеральная налоговая полиция также начала поиски Кичикова. В канун нового года Кичиков на короткое время зашел в «Утку», а потом исчез.

После его исчезновения Дуга посетил в «Утке» чеченец по имени Али из Грозного, который также входил в состав банды, служившей «крышей» бару. Банда требовала, чтобы Дмитрий открыл на их деньги бар и этот бар принадлежал ей. Бандиты пообещали Дугу 15% прибыли и зарплату, если он будет продолжать работать. Дуг согласился, и Али попросил позвонить им, если возникнут какие-то проблемы.

Однако вскоре директор ЦДРИ Станислав Панич сообщил Дугу, что Кичиков задолжал за аренду 110 000 долларов, и сказал, что если Дуг заплатит этот долг, он подпишет новое арендное соглашение, на этот раз уже с Дугом. Он также познакомил Дуга с сотрудниками своей службы безопасности, которые были связаны с ФСБ. Глава фирмы, бывший генерал КГБ, сказал, что Али вместе со своими помощниками — второразрядные чеченские бандиты, и, принимая во внимание войну в Чечне, им не удастся следить за своей недвижимостью в Москве. Панич предложил создать видимость того, что это его фирма как будто приобрела бар, хотя на самом деле «Утка» принадлежала Дугу. Если кто-нибудь спросит, то Дуг сможет сказать, что бар принадлежит службе безопасности, а он его управляющий.

Дуг согласился с этим планом. Бар закрылся на два дня, а потом снова открылся под «новым руководством».

Чеченские банды терроризировали всю Москву, и выход бара из-под власти чеченской банды был рискованным делом, но вначале чеченцы и

калмыки слабо реагировали на это. Большие группы чеченских бандитов приходили в «Утку» вид они имели устрашающий, а несколько пьяных калмыков приходили и танцевали на подмостках бара.

Но в один прекрасный день Дуга посетил чеченский торговец, бегло говоривший по-английски. «Я представитель настоящих владельцев этого бара, — заявил он. — У нас нет к вам никаких претензий, но этот бар принадлежит нам. А теперь я хочу спросить вас: вы заодно с нами, с ними или сами по себе?»

Дуг повторил, что этот бар находится во владении службы безопасности, а он только его управляющий.

Вначале казалось, что чеченцы приняли объяснения Дуга. В апреле 1996 года Али ворвался в кабинет Панича, схватил его за воротник и попытался перерезать горло. Панича спасли двое охранников, которые влетели в его кабинет и выгнали Али. Однако Дуг чувствовал себя достаточно свободно и вел себя так, как будто ему нечего было бояться. Но такая жизнь закончилась, когда в августе 1996 года чеченцы попытались похитить его на улице прямо перед зданием «Утки».

После попытки похищения Дуга стали охранять 24 часа в сутки. Когда он ехал на машине, в ней находились три охранника, а когда он гулял, те же три телохранителя шли возле него. Вооруженный охранник сидел перед его квартирой всю ночь напролет. Тем не менее это было время наибольшего творческого подъема Дуга. Он устроил «дамский вечер», на котором женщин в первую половину вечера угощали бесплатными напитками и демонстрировали мужской стриптиз, а затем в бар допускались мужчины, которые платили за все гораздо дороже. Эти хитроумные трюки прославили бар. Дуг открыл в Москве еще один бар для эмигрантов «Честерфилд», который позже был переименован в «Бор Хаус» («Дом хряка»), и два ресторана — «Тибет Гималаи» и «Панчо Вилла».

Дугу постоянно угрожали. Его предупреждали, что это последний день его жизни и «Утка» будет взорвана. Но телохранители эффективно предотвращали всевозможные инциденты. Единственными силами, с которыми он не мог справиться, были правительственные органы, которые постоянно вымогали у него взятки в обмен на то, что бар не закроют. После рейда РУБОПа в мае 1998 года бар был временно закрыт, и Дуг прекратил сотрудничество со службой безопасности, которая оказалась совершенно беспомощной перед вымогательством официальных органов, и нанял в качестве «крыши» РУБОП. Через три дня «Утка» снова открылась.

РУБОП оказалась более компетентной, чем связанная с ФСБ служба безопасности, когда понадобилось откупиться от правительственных чиновников и предупредить «наезд». РУБОП также обеспечивал Дугу физическую защиту. Постепенно он начал передвигаться по городу с меньшим числом телохранителей, хотя никогда никуда не ходил один. Однако в августе 1998 года в «Панчо Вилле» к Дугу подошел Роман, глава чеченской группировки, которая заявляла свои права на «Утку». Роман требовал встречи с ним в «Мусхеде», и угрожал убийством. Защитники Дуга из РУБОПа перехватили Романа в «Мусхеде», и через две недели Стил узнал, что Роман умер от инфаркта. Он спросил доверенное лицо из РУБОПа, почему ему никто не сообщил о смерти Романа.

— Он больше не побеспокоит вас, — сказал агент. — Жив он или нет, вас это не касается.

Тем не менее обстановка была не совсем благоприятной для «Утки». Она стала самым известным московским иностранным баром отчасти благодаря тому, что в дамские вечера многие русские дамы танцевали в бикини или топлесс, а иногда и совершенно обнаженными. Стил не просил снимать одежду ни мужчин, ни женщин, но никогда и не мешал им.

Сообщения о том, что в «Утке» танцуют в обнаженном виде, вскоре стали обсуждаться в Государственной думе, где деятельность бара восприняли как угрозу основам российской морали. В марте 1999 года Совет ЦДРИ в ответ на сообщения об обнаженных танцах в «Утке», а также политическое давление со стороны российских депутатов, отказал Дугу в продлении аренды, — и бар был закрыт.

Деятельность Дуга теперь сосредоточилась на его ресторанах. Он продолжал получать угрозы, но, несмотря на опасность, у него не было и мысли о том, чтобы вернуться в Канаду. Он понимал, что после того, что он пережил в Москве, он никогда не сможет вернуться к обычной жизни в Галифаксе. Вместо нее в своем центральном офисе в «Бор Хаусе», с его стеной телохранителей и скрытыми видеокameraми он предвкушал новые приключения в стране, которую до сих пор считает лучшим местом на земле для добывания денег.

9. Ульяновск

Учитель, перед именем твоим
Позволь смиренно преклонить колени!
Николай Некрасов

3 декабря 1998 года

Из степи дул ледяной ветер, когда первые провожающие выстроились у входа в дом, где еще недавно жил в квартире на четвертом этаже Юрий Моторин со своей семьей. Вскоре вся лестница заполнилась людьми. В квартире Моторина зеркала и телевизор были завешены льняной тканью, а перед иконой в серебряной раме горела свеча. На небольшом столе стояли хлеб, стопка с водкой и блюдец с солью. Их поставили там для души Моторина, которая, согласно православной вере, остается с родственниками покойного в течение сорока дней перед тем, как подняться на небеса. Открытый гроб установили посреди комнаты, и священник вел заупокойную службу, размахивая кадилом, распространявшим запах ладана. Теща Моторина склонилась над его телом и причитала: «Зачем ты оставил нас, ведь все мы так тебя любили? Видишь ли ты, сколько людей пришло проводить тебя в последний путь?»

Вдова Моторина, его сын и дочь, сидя на скамейках перед гробом, видели, как пришедшие проститься входили в квартиру и непрерывным потоком шли мимо гроба, отдавая долг уважения учителю, который умер в возрасте 42 лет в результате голодной забастовки, протестуя против невыплаты заработной платы. Из окон квартиры вдали виднелись футбольные поля, а за ними открытая ровная местность. А за тысячи километров от этой равнины тянулись горы Афганистана, где воевал Моторин и был награжден орденом Красной Звезды за проявленную доблесть.

В полдень, после того, как мимо гроба прошли сотни людей, в комнату вошли шесть десантников в военной форме с черными повязками

на руках, подняли гроб, снесли его вниз по лестнице и вынесли из дома. На улице собралось почти 1500 человек, которые, несмотря на сильный холод, сняли шапки и стояли молча. Жители верхних этажей и соседних домов наблюдали со своих балконов, так как, по народной примете, нельзя смотреть на мертвого человека из окна.

Многим казалось, что они присутствуют на похоронах всего российского образования.

Голодная забастовка учителей в Ульяновске, стоившая жизни Моторину, имела свои корни в гигантомании советского военно-промышленного комплекса и неспособности реструктурировать экономику после развала Советского Союза.

Ульяновск, город, в котором родился Ленин, расположен на высоком западном берегу Волги, в среднем ее течении. А на другом берегу реки к востоку до самого горизонта раньше тянулись пшеничные поля и заливные луга.

Но в 1970-е годы Советский Союз начал готовиться к широкомасштабной военной экспансии. Была поставлена задача увеличить вместимость авиатранспорта, входящего в состав вооруженных сил. Советские руководители одобрили план выпуска грузового самолета Ан-124, также известного как «Руслан», который стал самым большим самолетом в мире. Для его производства советская администрация начала строительство завода «Авиастар» и жилого района для его рабочих. Новый город-спутник был построен на противоположном берегу Волги и стал называться Заволжским районом.

В начале 1980-х годов в период наибольшего размаха деятельности завода «Авиастар» на нем работало 23 000 рабочих, и он выпускал до семи самолетов Ан-124 в год. Этот комплекс также начал изготавливать пассажирские самолеты Ту-204, напоминавшие Боинг-747. Но в 1991 году, с развалом Советского Союза, становилось труднее производить Ан-124, потому что завод, выпускающий для него двигатели, находился на Украине, ставшей независимым государством. В то же время спрос на сбав вида самолетов резко упал.

В 1995 году завод был приватизирован; начались задержки с выплатой зарплат. В сентябре 1996 года «Авиастар» начал массовое увольнение рабочих, и те, кто мог найти другой способ заработать на жизнь, так и делали. К началу 1998 года на «Авиастаре» осталось всего 11 000 рабочих, и из них по-настоящему работали лишь 4000 человек¹.

Когда производство на «Авиастаре» фактически остановилось, семьи многих рабочих завода жили за счет заработка своих жен, работавших в сфере образования.

Новый район притянул тысячи молодых семей из соседних деревень, потому что на заводе была высокая зарплата, и у рабочих, казалось, было надежное и спокойное будущее. Эти семьи также поселились здесь, потому что в те времена, когда в стране ощущалась серьезная нехватка жилья, рабочим «Авиастара» давали квартиры в Новом городе с учетом количества детей в каждой семье. Таким образом, в семьях росло число детей, ведь благодаря этому можно было улучшить жилищные условия. Растущее число «квартирных детей» повысило спрос на учителей, который частично пополнялся за счет жен заводских рабочих. Вскоре в Новом городе открылось 49 детских садов со 150–200 детей в каждом.

Теперь, в начале 1996 года, начались задержки в выплате зарплаты и учителям. Многие семьи остались без источников дохода. Семьи начали делиться продуктами и закладывать свои ценные вещи. В марте 1997 года учителя десяти школ Нового города устроили забастовку. Она была прекращена, когда местное начальство пообещало платить зарплату вовремя, но соглашение было тут же нарушено.

К маю 1998 года городские учителя уже четыре месяца не получали зарплату. Небольшая группа учителей устроила кратковременную голодную забастовку, и в результате задолженность в выплате зарплаты сократилась до двух месяцев. В июне, когда учителя не получили летние отпускные, сорок учителей разбили палатки перед зданием областной администрации и организовали четырехдневную голодную забастовку. Они получили свои летние отпускные в сентябре. В октябре им заплатили за май, но не за сентябрь и октябрь. В конце октября руководители Заволжского стачечного комитета, основу которого составляли стачечные комитеты, выбранные в школах в прошлом году, стали угрожать устроить новую забастовку. В ответ на это городские власти заявили, что они не могут платить зарплату, потому что у них нет средств. Сколько у них денег было на самом деле, точно не известно. Бюджетные данные Ульяновской области оставались недоступными не только для обычных людей, но и для журналистов и депутатов областного парламента. Один из пунктов бюджета назывался «непредвиденные расходы», и никто не знал, что туда входило. Другой пункт назывался «поддержка средств массовой информации», и здесь также была полная неясность.

Одной из крупнейших компаний области была фирма «Продовольствие», которой принадлежали магазины, автозаправочные станции и коллективные хозяйства и которая продавала продукты областным школам, больницам и детским домам. Главным акционером этой компании было областное правительство. Директор фирмы Олег Горячев

был сыном губернатора Юрия Горячева. Компания оказалась очень прибыльным предприятием, но в областном бюджете не было и намека на прибыль.

Компания постоянно тратила бюджетные деньги не по назначению. В ходе обсуждения выполнения бюджета области на первую половину 1998 года было установлено, что по некоторым статьям бюджета вложение средств отсутствовало, в то время как по другим статьям финансирование превышало норму на 60%².

Все это было известно отчаявшимся учителям, которые в 10 из 17 школ Заволжского района решили объявить забастовку.

В школах, которые объявили забастовку, учителя встречались с родителями, объясняя им, что не смогут выполнять свои обязанности по отношению к детям в период забастовки, и просили родителей держать детей дома. Единственной проблемой на тот момент был вопрос, следует ли наряду с отказом от работы объявить также голодную забастовку. Учителя боялись голодной забастовки. Годы лишений для многих из них обернулись сердечными заболеваниями, гастритами, диабетом и гипертонией. Но учителя видели, что их отказ от работы может не дать серьезных результатов. Они также знали, что в связи с забастовкой 15 000 детей окажется на улице и не хотели, чтобы такая ситуация продолжалась бесконечно.

17 ноября 465 учителей договорились на следующий день начать бессрочную голодовку.

Вечером 17 ноября Моторин был дома со своей семьей, готовясь участвовать в этой акции. Про себя он считал, что голодная забастовка была бессмысленной, но, как бывший военный и член стачечного комитета, он не мог оставаться в стороне, в то время как его коллеги-женщины собирались рисковать своими жизнями.

Утром 18 ноября бастующие учителя собрались в десяти участвующих в забастовке школах. Они принесли с собой раскладушки, матрацы, простыни, а также бутылки минеральной воды и витамины.

Моторин отправился в школу № 20, где он преподавал ОБЖ (основы безопасности жизнедеятельности) и был избран членом стачечного комитета. В здании было холодно, так как школа № 20, как и любая другая школа, пыталась сэкономить деньги на топливе. Тепло одетые учителя устраивались в самых теплых классах на третьем этаже. Моторин и другие учителя-мужчины собирались спать в одном классе, а женщины — в двух других.

Опираясь на свой военный опыт, Моторин предупредил учителей, чего можно ожидать. Он сказал, что на третий день голодания организм в

поисках пищи начинает отравлять себя, и самый лучший способ выжить — это спокойно лежать, не двигаясь.

Моторин, однако, не последовал собственному совету. Штаб забастовки находился в школе № 72, в другом конце Нового города, и Моторин отправлялся туда вместе с Галиной Мухиной, еще одним членом стачечного комитета, не реже одного раза в день. Это означало подъем на три лестничных пролета в обоих концах. Поход занимал полчаса в один конец, и Моторин продолжал курить.

Зрелище почти 500 учителей, устроивших голодную забастовку, и поразило, и испугало городские власти. Представители районного управления образования ходили из одной школы в другую, пытаясь отговорить учителей от голодовки. Они говорили: «Женщины, пожалейте себя, у вас и так хронические заболевания. Вы заболаете. Кто позаботится о ваших детях?»

Когда учителя спрашивали, когда они получат свою зарплату, официальные представители отвечали, что им заплатят, как только появятся деньги.

Весть о голодной забастовке поразила Ульяновскую область. Местное радио и телевидение подробно освещали происходящее, журналисты брали интервью у школьников, их родителей, у бастующих учителей, и по всему городу люди доказывали, что при коммунизме жизнь была лучше. В то же время по каналу ОРТ стали рассказывать об этих событиях всей стране.

Учителя надеялись, что голодная забастовка заставит изменить отношение местных властей, но, несмотря на гласность, местные политические лидеры, включая губернатора, отказались встречаться с учителями, очевидно рассчитывая на то, что те вскоре обессилеют.

На второй и третий день голодной забастовки к учителям часто приходили ученики. Учителя шутили и пытались улыбаться, но дети, глядя на ослабленных учителей, были подавлены. Одна группа школьников написала городским властям, угрожая также устроить голодную забастовку.

В это время учителя школы № 20 измеряли друг другу давление. Первые данные показали, что давление Моторина заметно повысилось.

Когда у некоторых учителей появились опасные симптомы, они были освобождены от забастовки. В школе № 20 Нахиль Прокуров, учитель географии, отправился домой после того, как у него открылась язва. Несмотря на то, что он срочно нуждался в медицинском лечении, у него не было 800 рублей, чтобы заплатить за лекарства, поэтому он не поехал в больницу. В школе № 63 у Людмилы Абрамченко, одного из

лидеров забастовки, резко повысилось давление. Она не могла разговаривать и страдала от сильнейших головных болей. «Скорая помощь» отвезла ее домой, где она постепенно начала принимать пищу. В субботу 21 ноября учителя написали жалобу в Красный Крест и в Комитет ООН по защите прав человека; родители, у которых были дома компьютеры, отослали ее. После этого в школы стали поступать звонки из этих организаций, которые поддерживали боевой дух голодающих учителей.

Учителя неоднократно звонили в офисы мэра и губернатора из центра забастовки в школе № 72. Оба чиновника отказались встречаться с ними. На пресс-конференции в здании областной администрации Юрий Горячев сказал: «Если я заплачу учителям, вся область устроит голодную забастовку». Представители министерства образования общались учителям, что денег нет.

Бастующие учителя также встречались в школах с директорами, которые убеждали их вернуться на работу, говоря, что властям нужно решить ситуацию в отношении всех школ, а не только тех, которые устроили голодную забастовку.

Учителя вежливо слушали, но осознавали, что ни директора, ни представители министерства образования не могут ничего решить. Все зависело от губернатора.

Чувство безысходности поселилось в Новом городе. Район с большим количеством безработных и рабочих, не получивших свою зарплату, ночью казался почти безлюдным, и только свет, горевший допоздна в 10 бастующих школах, был единственным признаком жизни среди 9-этажных бетонных жилых зданий, молчаливо возвышавшихся на краю суровой степи.

23 ноября бастующие учителя и почти 300 родителей собрались в школе № 20. Хотя учителя были почти окончательно ослаблены и истощены, они старались выглядеть нормально.

Все были на стороне учителей. Родители договорились устроить демонстрацию перед зданием мэрии в понедельник, 30 ноября, если к тому времени требования учителей не будут удовлетворены; но председатель родительского комитета также заметил, что родители хотели бы знать, когда их детей снова начнут учить.

К седьмому дню почти все голодающие учителя лежали на своих раскладушках, так как были слишком слабы, чтобы стоять. Школьники продолжали приходить к учителям, и те просили их не беспокоиться. Но когда несколько учителей попытались встать, то потеряли сознание. Моторин был одним из немногих, кто мог двигаться, и его невозмущи-

мость успокаивала других. Но он продолжал курить, и временами у него болела грудь. Когда другие учителя спрашивали, что с ним, он отвечал: «Так иногда бывает».

Геннадий Веретенников, главный врач области, в интервью по радио предупреждал, что жизнь учителей в опасности, и, хотя для здорового человека десятидневное голодание обычно не является смертельным, вся Россия уже много лет вынуждена находиться в состоянии голодной забастовки.

Проходили дни, но власти не шли навстречу учителям. Последние говорили друг другу, что властям наплевать, что они рискуют своими жизнями. На восьмой день выведенные из себя отношением властей многие учителя пришли в состояние сильного нервного напряжения, и в школе № 72, служившей штабом забастовки, часто споры перемежались с истериками.

Вечером восьмого дня учителя-мужчины из школы № 20 собрались и пошли группой в одну из комнат, которую занимали учителя-женщины, и намекнули им, что пора прекращать забастовку. «Думаю, нам следует спросить себя, есть ли смысл продолжать, — сказал Моторин. — Я мужчина и могу продержаться еще две недели, но вы, женщины, подумайте о себе. Сколько еще вы сможете выдержать?»

В атмосфере напряженности многие женщины мгновенно отреагировали на предложение Моторина, заявив, что будут продолжать забастовку по крайней мере до пятницы, 27 ноября. Только Мухина, хорошо знавшая Моторина, почувствовала, что действительная причина его предложения — это критическое состояние его здоровья, но он боялся в этом признаться.

«Мы ничего не достигли, — сказал Моторин. — Может, имеет смысл прекратить голодную забастовку, но продолжать общую забастовку?» Учителя-женщины ответили, что никого не заставляют голодать против воли. Если у мужчин кончилось терпение, они могут прекратить голодовку. «Вы плохо о нас думаете», — ответил на это Моторин. С этими словами мужчины повернулись и ушли.

В четверг 26 ноября, на девятый день забастовки, в школе № 72 состоялось заключительное совещание. Наступали выходные, и учителя понимали, что в ближайшие два дня власти не будут решать никаких серьезных вопросов. Это означало, что бастующие должны либо немедленно прекратить голодовку, либо продолжать ее до 30 ноября. Однако на 13-й день появилась опасность, что некоторые умрут от истощения и хронических заболеваний. На этот счет была устроена дискуссия. Одни утверждали, что пора признать поражение, потому что

они слишком ослабели, чтобы продолжать забастовку, а многие рассчитывали на то, что голодовка поможет им накормить своих детей. В конце концов, несмотря на опасность, стачечный комитет проголосовал за продолжение забастовки.

Но вечером 26 ноября глава районного отдела образования Александр Буркин пришел в штаб забастовки и сообщил учителям, что на следующий день они смогут получить часть зарплаты за сентябрь, а также за ноябрь, при условии если приступят к работе не позднее 1 декабря. Остальные деньги за сентябрь будут заплачены через неделю.

В пятницу в школе № 72 состоялось собрание, в котором приняли участие члены стачечного комитета и представители местных властей, включая Буркина и главу Заволжского района. Обещания зарплаты произвели впечатление на бастующих учителей, однако оставался вопрос: заплатят ли учителям также за те дни, когда они бастовали? Они отказались от первого предложения властей заплатить учителям по 50% от их заработка за этот период. Когда власти наконец согласились заплатить учителям полностью за дни, когда они не работали, учителя приняли решение прекратить забастовку.

Многие из учителей были настолько слабы, что едва могли говорить, но они чувствовали облегчение, что их испытание наконец подошло к концу. Однако соглашение в действительности мало что им дало. После 10-дневной голодной забастовки им пообещали выплатить задолжали, но не было никакой гарантии, что им будут платить в будущем. Тем не менее учителя, получив часть зарплаты, разошлись по домам. Из 465 учителей, начавших забастовку, примерно 300 додержались до конца.

Моторин вернулся домой к своей семье в субботу и уже в понедельник нормально питался. Он также много курил. Чтобы бастующие смогли прийти в себя и набраться сил им предоставили выходной день, понедельник. Во вторник был сильный мороз. Моторин отправился на работу, но вернулся, жалуясь на плохое самочувствие. Он прилег, и некоторое время спустя его жена услышала стон. Когда она вошла в комнату, он был мертв.

Гроб с телом Моторина поставили на возвышение перед домом, и присутствующие несколько минут хранили молчание. Девять коллег Моторина из школы № 20 плакали, стоя у гроба. Затем гроб подняли и понесли через Новый город. Процессию возглавляли члены семьи Моторина. За ними шли его коллеги, ученики и друзья, которые несли

венки с лентами, на которых было написано: «От коллег», «От родственников» и «Любимому учителю от учеников». Несмотря на сильный ветер, толпа еще несколько раз останавливалась и устраивала мину-ту молчания. Затем гроб поставили на катафалк.

Узнав о смерти Моторина, учителя со всей России посылали деньги, чтобы помочь его жене и детям оплатить похороны. Некоторые из этих денег были использованы на то, чтобы заказать автобусы и отвезти около 400 провожающих на Архангельское кладбище в четырех километрах от города. Когда кортеж уезжал на кладбище, военный оркестр играл «Траурный марш» Шопена. По пути из Нового города автобусы проехали мимо завода «Авиастар» и соседнего машинного завода, который так и не был достроен.

На кладбище провожающие пошли на Аллею славы с могилами тех, кто погиб во время недавних российских войн. Десантники отнесли гроб на участок за молодыми, где было не так ветрено. Вдалеке белые стволы берез и белые, черные, серые и голубые могильные камни выделялись на фоне светлого неба.

Гроб с телом Моторина поставили рядом с вырытой могилой, и один за другим выступали его коллеги, рассказывая о том, каким он был хорошим, добрым и умным, и обещали, что он останется в их сердцах и сердцах детей, которых он учил. «Мы помним, с какой смелостью ты прошел через Афганистан и выносил сложности нашей жизни», — сказал один из афганских ветеранов.

После окончания речей почетный караул дал залп над могилой, чтобы почтить память бывшего армейского капитана. Десантники заколотили гроб, и каждый из провожающих бросил на него горсть земли.

В течение нескольких дней после похорон Моторина учителя Ульяновска испытывали чувство безысходности. Занятия возобновились, но зарплату за вторую половину сентября, которую пообещали заплатить в качестве условия окончания забастовки, так и не выплатили. Подавленные своим поражением, учителя снова стали одалживать деньги.

Учителям казалось, что они на пределе. В том, как закончилась забастовка, была какая-то горькая символика. Почти 500 учителей потратили много сил на эту голодную забастовку, все они рисковали своей жизнью, но единственной зарплатой, которую заплатили в полном объеме, была зарплата Моторина, выплаченная посмертно.

10. Владивосток

**Здесь, уже на краю земли, наш
последний шанс построить свою
жизнь — дальше идти некуда.**
Джоан Дидион. Играй, как написано

Январь 2001 года

Ледяной ветер дул с Японского моря, и, когда температура упала до -20°C , снег стал заносить крыши жилых зданий. Люди и машины скользили по льду, покрывшему владивостокские тротуары и улицы. В доме № 13 по улице Часовитина пенсионерка Фаина Кобзарь сидела на кровати, а ее муж-инвалид Иван Иванович, лежа под одеялом, дрожал от холода. Стоявший в нескольких метрах от кровати электрообогреватель с красновато-оранжевой решеткой давал мало тепла. «Когда есть электричество, обогреватель всегда включен, — объяснила Фаина. — Благодаря ему температура в комнате бывает 8 или 9 градусов».

Днем раньше на три часа было отключено электричество, и здание, как и тысячи других во Владивостоке, заледенело. Фаина сказала, что обложила пластиковыми бутылками с горячей водой парализованного после инсульта Ивана Ивановича и накрыла его одеялами.

Сегодня дела обстояли лучше, но Иван Иванович лежал в постели в меховой шапке, свитере и ботинках, и Фаина приложила бутылку с горячей водой к его неподвижным ногам.

Иван Иванович попытался добавить что-то. Но ему сложно было описать, каково жить в холоде. Едва начав говорить, он заплакал.

Двенадцатизэтажное здание на улице Часовитина, в котором жили Кобзари, было построено в 1988 году судостроительным заводом «Дальзавод», на котором они проработали 50 лет: она учетчицей на лесопилке, а он в ремонтном цеху, где занимался восстановлением подводных лодок. После развала Советского Союза обслуживание дома, в котором они жили, прекратилось. Трубы заржавели и засори-

лись песком. В 1994 году здание было передано городу, но это ничего не изменило, обслуживание его не улучшилось, и в 1996 году отопительная система полностью вышла из строя: жителям дома, включая ветеранов Курской и Сталинградской битвы, пришлось согреться с помощью электрических обогревателей и электроплитами.

Городские власти начали ремонтировать отопительную систему в декабре 2000 года. Через несколько недель температура упала до -40° , и работа прекратилась. Город пообещал возобновить ремонт в «ближайшем будущем».

«Я не думаю, что мы доживем до весны, — сказала Фаина. — Раньше электрообогреватель немного согревал нашу комнату, но в этом году иногда на целый день отключают электричество, поэтому мы просто обречены»¹.

Ситуация, аналогичная положению семьи Кобзар, была характерна для многих жителей Владивостока и Приморского края зимой 2000–2001 гг. С годами инфраструктура области ухудшилась, и дело дошло до того, что во многих районах не было центрального отопления. В январе 2001 года отключение электричества в Приморье стало массовым явлением, и иногда его не было по 21 часу в сутки. Такое отключение, в свою очередь, препятствовало отоплению зданий, в которых все еще функционировала система центрального отопления. Без электричества нагревательные станции не обеспечивали подачу горячей воды, а из-за страшного холода трубы замерзали и лопались.

Поскольку многие районы Приморья оказались без электричества и отопления, школы и медицинские учреждения закрылись. Мэр Владивостока Юрий Копылов признал, что «энергетическая система Приморья развалилась». Его признание явилось одним из немногих правдивых оценок ситуации, сделанных приморскими властями, и стало логическим завершением массового грабежа одного из богатейших районов России.

Ограбление города совершалось криминальной олигархией под началом губернатора Евгения Наздратенко, который, находясь в 10 000 километров от Москвы, установил свою собственную систему тоталитарного правления.

В августе 1992 года, когда предприятия начали свободно устанавливать экономические связи по своему усмотрению, 213 директоров самых больших предприятий Приморья, в большинстве своем заводов оборонной промышленности, организовали Приморскую корпорацию

производителей товаров (ПКПТ), мнимой целью которой была помощь делу перехода к рыночной экономике.

Директора продавали продукцию своих заводов ПКПТ по минимальным ценам, а ПКПТ затем перепродавала их по рыночным ценам, распределяя прибыль поровну между директорами, которые использовали полученные средства для приватизации заводов. Основатели ПКПТ также стремились установить контроль над вывозимой из края продукцией, лицензиями и бюджетом. Однако это привело к конфликтам с тогдашним губернатором Приморья Владимиром Кузнецовым, который стремился к поощрению вложений извне, а не к сохранению существующей промышленной базы ради обогащения группы супермонополистов.

ПКПТ, однако, установила связи с высокопоставленными чиновниками в Москве. В мае 1993 года она организовала смещение Кузнецова и назначение Наздратенко, депутата Верховного Совета и члена совета директоров ПКПТ, в качестве нового губернатора. Своими заместителями он выбрал двух других членов совета директоров ПКПТ Игоря Лебединца и Анатолия Павлова.

Директора заводов, входящих в состав ПКПТ, считали Наздратенко человеком, который будет выполнять их распоряжения. Но, заняв пост, он расширил личные полномочия, устранив многих бывших покровителей, и установил контакты с организованной преступностью края.

Когда появилась возможность путешествовать, жители Приморья старались попасть в Японию, чтобы купить подержанные машины. Владивосток вскоре стал центром торговли японскими машинами, и преступники начали встречать паромы из Японии, заставляя каждого покупателя платить «налог» за приобретенную машину.

В конце 1980-х годов Сергей Бауло (Баул), авторитет Дальнегорска (где Наздратенко, перед тем как быть избранным в Верховный Совет, был президентом горнодобывающей компании «Восток») перебрался во Владивосток и занялся рэкетом. Когда Наздратенко стал губернатором, Бауло снял офис в здании театра им. Горького, расположенного напротив здания краевой администрации, и вскоре занялся рэкетом в городе. В последующие несколько месяцев в ходе кровавого раздела сфер влияния были убиты девять высокопоставленных чиновников. К тому времени когда битва была закончена Бауло стал неофициальным «вице-губернатором» преступного мира Приморья.

Наздратенко стал требовать, чтобы директора завода занимались бизнесом с фирмами, созданными криминальными структурами, и

выплаты этих фирм поступали в администрацию края. Администрация основала густую сеть посреднических фирм, которые делали закупки, используя бюджетные средства. Эти фирмы поднимали цены в крае на все, начиная с бензина и угля и кончая сахаром, хлебом и электричеством. При этом «прибыль» получали чиновники края. В обмен на взятки они почти даром сдавали в аренду преступным и полупреступным группировкам недвижимость, расположенную в стратегически важных пунктах. За взятки власти края выдавали преступным группировкам лицензии на эксплуатацию природных ресурсов Приморья. Наиболее прибыльными были квоты на рыбу; получившим их предоставлялось бесконтрольное разрешение на ловлю рыбы, и они многократно окупали «стоимость» лицензии, продавая улов иностранным судам в открытом море. Затем прибыль поступала на счета в иностранных банках.

К началу 1994 года администрация края подчинила себе экономику Приморья, а с началом приватизации во Владивостоке она получила возможность умножать свое богатство неограниченно. В июне 1993 года депутат парламента края Виктор Черепков был выбран мэром Владивостока, победив 18 других кандидатов и набрав 67% голосов. В прошлом морской капитан, Черепков прославился тем, что за три месяца до выборов рассказал о жестоком обращении с матросами на морской базе, расположенной на острове Русский близ Владивостока, где четыре матроса умерли от голода и почти тысяча была госпитализирована из-за плохого питания².

Избрание Черепкова пришлось на благоприятное время. В октябре 1993 года Ельцин распустил парламент страны, и администрация края собиралась приватизировать здания, заводы, рыбные и морозильные суда и портовые станции без законодательного надзора³.

Многие из этих учреждений, однако, находились во Владивостоке, что означало, что процесс приватизации не может продолжаться без согласия мэра. Черепков дал понять, что готов бороться с коррупцией, и отказался принимать любые подношения. Более того, он предъявлял федеральным органам власти факты о злоупотреблениях администрации края, после чего в Приморье приехали первые следственные комиссии.

Реакция администрации края не заставила себя долго ждать. Это привело к одному из самых странных событий в истории Приморья, но с далеко идущими последствиями.

Как только Черепков занял свой пост, он стал принимать у себя граждан, выслушивая их просьбы. За две недели 1115 человек записа-

лись к нему на прием, и он принимал людей с 10 часов утра до 3.30 следующего дня. 6 февраля 1994 года к Черепкову пришел человек по фамилии Волков, который представился как ветеран войны в Афганистане и попросил помещение для организации ветеранов в Приморье. Черепков попросил свой персонал уделить внимание этой просьбе, и четыре дня спустя Волков вошел в офис Черепкова, чтобы поблагодарить его за помощь. Затем он снял с себя берет и бросил его на стол Черепкова. Позже он утверждал, что в берете лежали деньги.

11 февраля 200 милиционеров окружили мэрию для обыска кабинета Черепкова. Во время обыска они обнаружили листок бумаги, в который, по словам Волкова (который оказался Валерием Бугровым, старшим лейтенантом милиции), были завернуты деньги, которые он дал мэру. В то же время обыск проводился в доме Черепкова, где в рваном кармане старого пальто милиция обнаружила в конверте миллион рублей, а также швейцарские часы «Омега» на книжной полке.

В 5 часов утра Черепков был смещен с поста мэра и отвезен к городскому прокурору Вячеславу Ярошенко, который должен был выдать ордер на его арест. Однако Ярошенко отказался, и, возможно, этим спас жизнь Черепкову; Черепкова предупредили, что готовится его убийство в тюремной камере, которое выглядело бы как самоубийство⁴.

Смещение Черепкова с поста мэра сопровождалось «чисткой» в городской администрации; за одну ночь были уволены 126 человек. Милиция выбивала двери, спускала служащих с лестницы и забирала ключи и компьютерные диски. Многие чиновники были смещены на следующее утро по указам Константина Толстошеина, чиновника, известного своими связями с организованной преступностью края, которого Наздратенко назначил вместо Черепкова.

Но принудительное смещение избранного мэра вызвало протесты во Владивостоке, и в итоге дело Черепкова было передано из рук местного прокурора в ведение Генерального прокурора в Москве, и последний начал расследование. В результате подозрения с Черепкова были сняты, и было возбуждено уголовное дело против следователя Владимира Дудина и трех милиционеров, сфабриковавших обвинение⁵.

Но сведения, добытые Генеральным прокурором, имели мало значения для Наздратенко. Он обратился к президенту с требованием уволить Черепкова, несмотря на имеющееся опровержение, и 23 декабря 1994 года Ельцин подписал указ об увольнении Черепкова в связи с «длительным невыполнением своих обязанностей». Указ был подго-

товлен с помощью покровителей Наздратенко в Москве, в число которых входил Александр Коржаков.

Черепков уехал в Москву, где следующие полтора года боролся за свое восстановление в должности. Тем временем Наздратенко превратил Приморье в мини-государство с тоталитарным режимом.

С уходом Черепкова Наздратенко решил подчинить себе прессу. В июле 1994 года в телестудию Приморского коммерческого телевидения (ПКТВ), которая находилась в оппозиции Наздратенко, ворвались бандиты. Они уничтожили оборудование и убили механика. Они же стреляли в окна квартиры Михаила Вознесенского, спецкора ОРТ; а Алексея Садикова, молодого радиорепортера, который в своем репортаже высмеивал Толстошеина, похитили из Владивостока, избивали и мучили в течение 24 часов⁶.

Пелена страха, знакомого жителям Приморья с давних времен, нависло над краем. Разговоры об администрации края велись только шепотом. Критические статьи о Наздратенко исчезли из местной прессы. Жители Владивостока, если их приглашали выступить по радио, называли только свои имена или не называли себя вообще.

Полночная тишина Владивостока теперь часто нарушалась звуками пальбы и взрывов. Газеты кишели новостями о жестоких убийствах местных «бизнесменов», а по улицам шли бесчисленные погребальные процессии с десятками дорогих машин, движущихся под аккомпанемент милицейских сирен.

Атмосфера страха парализовала милицию. Представители федерального правительства во Владивостоке боялись покровителей Наздратенко в Москве, а местные следователи опасались, что Наздратенко жестоко отомстит им.

В то же время разграбление Приморья приобретало огромные масштабы. Ниже приведены примеры коррупции, которые были документально подтверждены федеральными следователями.

■ 5 ноября 1994 года фирма «Транзит», основанная в Москве родственником Михаила Савченко, заместителя главы администрации края, заключила контракт с китайской фирмой на покупку 250 000 тонн угля по цене 12 долларов за тонну. Два дня спустя был подписан второй контракт между фирмой и администрацией края на покупку тех же 250 000 тонн, но по цене 16,49 долларов за тонну. Разница, равная 4,49 доллара за тонну, принесла прибыль «Транзиту», равную 1 122 500 долларов.

Оплату было сложно оправдать на основании реальных действий «Транзита». Китайцы доставили уголь к русско-китайской грани-

це, а «Транзит» организовал только его перевозку в российский пограничный город Полтавку. Оплата за китайский уголь также производилась заранее, так что «Транзит» успел собрать проценты на эти деньги, кроме того, «Транзит» был освобожден от таможенных пошлин на основании того, что поставка угля производилась как часть помощи затопленным районам Приморья в сентябре.

■ В апреле 1994 года администрация края одобрила беспроцентный заем 1,4 млн долл. фирмы «Интерфлот», которая была основана Александром Захаренко (Захар), бизнесменом, имеющим тесные связи с Наздратенко и организованной преступностью. Мнимой целью займа была покупка крабов и икры, «чтобы накормить бедных». Икра и крабы, однако, так и не были получены, а деньги не были возвращены. Когда чиновников края спросили, что случилось с продуктами, им ответили, что продукты пропали в связи с землетрясением в Кобе (Япония).

Тем не менее Захаренко арестовали. После двух месяцев, проведенных в тюрьме, его освободил суд Ленинского района по ходатайству Наздратенко. Несколько дней спустя он был убит бомбой, взорвавшейся у входа в его дом⁷.

■ В ноябре 1994 года администрация края стала закупать продукцию нефтеперерабатывающего завода Комсомольска-на-Амуре, где цена была на 30% выше, чем та, которая была назначена бывшим поставщиком в Восточной Сибири. Закупки были сделаны фирмой «Представитель» от лица Михаила Чечельницкого, возглавлявшего департамент топливных ресурсов края — и частичного владельца фирмы. Первые выплаты края «Представителю» составляли 2,8 млрд рублей (849 000 долл.). Однако ревизия банковского счета фирмы показала, что она потратила всего лишь 1,2 млрд рублей на покупку нефтепродуктов. Что произошло с остальными 1,6 млрд рублей, так никогда и не было выяснено.

Обнаружение дефицита, казалось, предвещало расследование всей системы закупок нефти и нефтепродуктов в Приморье. Чечельницкий стал бы главной фигурой в таком расследовании. 28 декабря 1995 года его пригласили на чашку чая в офис Наздратенко. Несколько часов спустя он неожиданно скончался в возрасте 38 лет. Согласно данным вскрытия, он умер от сердечного приступа, но многие считали, что его отравили. Год спустя в Москве возобновился интерес к злоупотреблениям

властью Наздратенко, были произведены эксгумация тела Челеньницкого и новое захоронение, появились слухи о том, что тело кремировали во избежание новых экспертиз после эксгумации⁸.

К концу 1994 года истощение бюджета края породило жестокий финансовый кризис. Учителя, врачи и другие государственные служащие сидели по несколько месяцев без зарплаты, необходимое обслуживание отсутствовало, и больницы, школы и детские дома больше не получали продовольствия.

Влияние коррупции также распространилось на угледобывающие районы. Поскольку администрация края забрала деньги федерального правительства, которые предназначались «Дальэнерго», государственной компании-производителю электроэнергии, и использовала их, вместо того чтобы залатать бреши в бюджете края, вызванные коррупцией, «Дальэнерго» прекратил выплату зарплаты шахтерам. Шахтеры устраивали забастовки в конце 1994 года и объявляли голодовки в 1995 году. В итоге они перестали поставлять уголь на электростанции. В результате в Приморье отключали электричество, отопление и воду.

В начале 1996 года бывали дни, когда электричество во Владивостоке отключали на 23 часа в сутки.

В такие дни люди возвращались домой и обнаруживали, что нет ни тепла, ни света⁹. Первым делом они зажигали свечи или керосиновые лампы. Затем подогревали в темноте еду на газовых плитах. Пищу, как правило, готовили предыдущим вечером. В какой-то момент в здании загорался свет, и раздавались крики: «Включили!» Люди бросались включать все, что только можно: плиты, чайники, холодильники, обогреватели, стиральные машины и телевизоры, — чтобы принять душ, приготовить еду, постирать одежду.

Хаос повседневной жизни коснулся всех. Люди боялись заходить в лифт в страхе застрять на несколько часов в коробке, подвешенной на высоте девяти этажей. Сложно было помыться, постирать и погладить белье, сделать самые простые дела и создать нормальные условия жизни для себя и своей семьи.

Те, кто мог себе это позволить, покупали генераторы, которые обычно хранили на балконах, но завистливые соседи часто жаловались на шум. Ходили слухи, что в зданиях, которыми владели «новые русские», электричество никогда не отключали. Больше всего жителей города приводила в ярость световая реклама отелей, ресторанов и казино, которые работали круглосуточно. Цены поднялись в семь раз,

но большинство людей не понимало причин этого. Несложно было догадаться, что произойдет, когда в один прекрасный день люди потеряют терпение и не будут довольствоваться «выпуском паров» и проклятиями в адрес властей.

В июне 1996 года политическая ситуация неожиданно изменилась: Ельцин уволил Коржакова, Михаила Барсукова (главу ФСБ) и Олега Сосковца (заместителя премьер-министра) и назначил Анатолия Чубайса главой Администрации Президента. Эта перемена имела важное значение для Приморья, поскольку Коржаков был главным покровителем Наздратенко в Москве, а Чубайс — его давним врагом. Чубайс вскоре предпринял некоторые меры, ограничивающие всевластие Наздратенко. 5 августа кремлевский представитель объявил журналистам, что 60 млн рублей, предназначенные на зарплату шахтерам в Приморье, были переведены и положены на банковский счет под проценты в банках, чьи владельцы были друзьями Наздратенко¹⁰.

14 августа Черепков, который в течение многих месяцев вновь и вновь пытался оспорить президентский указ о его смещении с поста мэра, неожиданно был восстановлен. Московский суд постановил, что Ельцин, увольняя Черепкова, нарушил восемь статей конституции, три федеральных закона и пять собственных указов. Через некоторое время Черепков вернулся во Владивосток, несмотря на предупреждения, что его убьют сразу же, как только он сойдет с самолета.

Возвращение Черепкова во Владивосток позволило продолжить борьбу с Наздратенко. Находясь под круглосуточной охраной, Черепков попытался прекратить злоупотребления городскими фондами, и вначале ему это удавалось. Он ослабил энергетический кризис во Владивостоке, добившись закупки угля непосредственно на шахтах и доставки его на электростанции в обмен на электричество, минуя «Дальэнерго». В результате город пережил зиму с наименьшими потерями.

Но первоначальные успехи оказались временными. Такие попытки работать непосредственно с электростанциями были прекращены, когда «Дальэнерго» под давлением администрации края запретил электростанциям принимать уголь из города. Наздратенко также перестал поддерживать Владивосток, выплачивая лишь самые необходимые платежи из бюджета края. В 1997 году деньги, выделенные городу администрацией края, составили лишь 14% бюджета края, несмотря на то что население Владивостока составляло более 30% его населения.

В результате жители города переживали такие экономические трудности, каких не было здесь даже в суровые дни Великой отечественной войны.

Партизанск, 27 января 1998 года

Лучи солнца пробивались сквозь утренний туман, нависший над равниной, когда жители города собрались на полуразрушенной железнодорожной станции, чтобы остановить движение поездов на Транссибирской магистрали.

Большинство демонстрантов были шахтерами, но к ним присоединились врачи, учителя и даже милиционеры. К 11 часам утра было уже 1000 протестующих. В полдень они перешли на пути единственной железной дороги, соединяющей Европейскую часть России с Дальним Востоком. Демонстранты толпились на путях еще два часа, несмотря на сильный снег, покрывающий линии электропередач и пути.

В конце концов Виктор Новиков, лидер профсоюза соседней Нагорной шахты, заговорил в переносной громкоговоритель. «Шахтеры не против реформ, — сказал он, — но мы хотим знать, куда эти реформы приведут. Куда исчезла наша зарплата? И в чем заключается вклад бюрократов, чей уровень жизни в десять раз выше, чем у шахтеров?» Шахтеры уже много месяцев не получали зарплату. Многие из них настолько похудели, что знакомые из других городов с трудом узнавали их. Журналисты, беседуя с шахтерами, отмечали, что в их дыхании появился непривычный запах ацетона — признак хронического недоедания и опасного нарушения обмена веществ.

Вслед за Новиковым к микрофону подошла Елена Малыхина, домохозяйка: «Я не знаю, чем кормить своих детей. В школе детей больше не кормят завтраком. Многие дети теряют сознание от голода, и у них идет носом кровь от недоедания и от холода. Что же у нас за правительство, которое не может накормить свой народ?»

Люди продолжали выступать еще полчаса, а быстро падающий снег залеплял брови, меховые шапки и плечи поношенных зимних пальто. Один из говоривших угрожал устроить кровавый бунт.

Шахтеры устроили демонстрацию, когда по расписанию не было поездов, и многие в толпе утверждали, что их действия не имеют смысла. «Нет никакого толка в этой демонстрации, — сказала одна из женщин. — Если бы тут стоял поезд, мы могли бы воздействовать на железную дорогу. Быть может, в этом поезде ехало бы какое-нибудь важное лицо из Москвы, тогда бы наше требование дошло до цели».

Но у большинства собравшихся недоставало воли, чтобы сорвать движение поездов. Поскольку никакой поезд в ближайшее время не ожидался, а погода становилась все хуже и хуже, митинг закончился, и измученные шахтеры разошлись по домам.

Утром 27 марта 1998 года мужчины пошли ловить рыбу на льду амурской бухты около деревни Санаторная. Вскоре на льду собралось 200 рыбаков, но после полудня лед затрещал. Об этом срочно дали знать береговой охране, которая послала спасательный вертолет.

Прибыв на место, спасатели велели рыбакам немедленно уйти со льда. Некоторые подчинились, но несколько рыбаков отказались уйти и стали ругать спасателей за то, что те распугали рыбу. Пока они спорили, лед треснул, и два рыбака провалились под лед.

Лед повсюду начал трещать, и оставшиеся рыбаки вскочили и поспешили уйти, за исключением старика, продолжавшего ловить рыбу. Вертолет маневрировал на расстоянии 45 метров от того места, где он сидел, и спасатель приказывал ему в рупор уйти со льда, но тот сидел, не двигаясь. Наконец старик встал и ушел на берег. Позже спасатель спросил его, почему он отказывался уйти.

— Мне нечего есть, — объяснил он. — Моя пенсия равна 304 рублям. Здесь можно ловить рыбу.

— А что, если бы вы утонули?

— Лучше умереть, чем жить так, как я живу сейчас, — сказал он.

Однажды вечером в марте 1998 года Василию Наплекину, дежурному милиционеру во Фрунзенском районе Владивостока, позвонили и сообщили о том, что пожилой алкоголик скончался у себя дома.

Наплекин отправился в квартиру со своим коллегой, зарегистрировал факт смерти, а затем ушел, полагая, что специальная частная фирма, занимающаяся перевозкой умерших людей в городе, заберет труп. Однако на следующий день позвонил сосед. Тело все еще находилось дома; специальная служба прекратила работу, так как ей не платили.

Наплекин вернулся в квартиру и попытался решить, что предпринять. Никто из милиционеров не имел оборудованного транспорта, чтобы перевозить трупы. В конце концов он спустился вниз и остановил на дороге грузовик. Водитель согласился помочь. Наплекин, водитель и его коллега положили тело на носилки, снесли вниз и положили в грузовик. Затем водитель грузовика отвез его в морг.

— По закону о милиции, — сказал Анатолий Петруша, заместитель начальника МВД, — все наши обязанности определены. Перевозка трупов не входит в наши обязанности. Но когда мы выезжаем по вызову и видим мертвеца, люди думают, что мы должны убрать его. Приходится нам это делать, потому что больше никому.

9 апреля 1998 года

Туман поднимался над бухтой Золотой Рог, обнажая голубые очертания далеких холмов, а в это время активисты начали устанавливать щиты на центральной площади Владивостока, готовясь к демонстрации против «угрозы голода» в Приморье.

Листовки, извещающие о событии, которое было организовано Приморской Федерацией профсоюзов, гласили: «Если вы против постоянного унижения вашего человеческого достоинства и нарушения ваших конституционных прав на труд, зарплату и социальное обеспечение, если вам надоело жить в голоде, холоде, темноте и бедности, **ВЫ ДОЛЖНЫ ПРИНЯТЬ УЧАСТИЕ** в демонстрации против посягательств на права рабочих».

На углу площади демонстранты установили стенд, на котором сравнивались результаты ельцинских реформ с гитлеровским планом порабощения России: «Разрушение Советского Союза как государства — достигнуто в 1991 году; разрушение Советов — достигнуто в 1993 году; разрушение российской промышленности, науки и культуры — достигнуто в 1991–1994 гг.; уменьшение численности населения России — в процессе; превращение России в колонию и сырьевой придаток Запада — в процессе; установление режима голода, насилия и террора — достигнуто в 1991–1998 гг.».

К 11 часам утра на площадь прибыли 3000 человек из всех районов Приморья. (Многие застряли в отдаленных городах, потому что у них не было денег, чтобы доехать до Владивостока на автобусе.) Здесь присутствовало большое количество членов Коммунистической партии и ЛДПР. Некоторые несли плакаты, гласящие: «Только рабы работают бесплатно!»

Первым оратором был Николай Костюков, заместитель председателя федерации профсоюзов:

— Мы собрались сегодня здесь, чтобы потребовать света в наших квартирах, воды в кранах и денег в наших карманах. Это вопрос физического выживания.

Раздались жидкие аплодисменты.

Председатель профсоюза совхоза из Уссурийска Иван Павленко сказал:

— Мы сейчас наблюдаем геноцид русского народа.

Председатель стачечного комитета Владивостокского жилищного треста Юрий Марон заявил: «Капиталисты тоже приложили руку к разрушению России. Они перенесли нашу тяжелую промышленность за границу и не оставили нам ничего, только рабство.

Учительница Хасмиского района, Надежда Пушкарь, сказала:

— Наши деньги — в иностранных банках. Реформы привели к обнищанию людей, и мы видим цену этого — изнасилования, вырождение и убийства. Последним выступающим был Виктор Потапенко, член радикальной группы коммунистов «Рабочая Россия». Он сказал: «Рабочие потеряли права и теперь живут на положении заключенных в фашистских концлагерях».

Когда он закончил, из громкоговорителя раздалась военная музыка, и демонстранты неспешно разошлись, возвращаясь к нищей жизни в районе, у который имел все основания быть богатым.

13 мая 1998 года на первой странице газеты «Владивосток» была опубликована статья под названием «Электрошок: Приморье становится местом смерти». В статье сообщалось следующее:

Детский дом. В городском детском доме 6-го, 7-го и 8-го мая в 8 утра отключали электричество. Его включали днем на два часа и затем отключали снова до поздней ночи. Когда электричество включали, персонал мыл и кормил девяносто детей в возрасте от одного месяца до четырех лет, большинство из которых — инвалиды. Все попытки главврача дозвониться до ответственных лиц в мэрии и «Дальэнерго» были безуспешными.

Психиатрическая больница. В городской психиатрической больнице отключение электричества вызвало серьезные проблемы у персонала. У пациентов наблюдалась повышенная возбудимость в связи с задержкой приемов пищи, и медсестрам и санитарам было трудно объяснить им причину отсутствия света в больнице.

Венерологическая диспансер. ...в результате отсутствия электричества в холодильной камере диспансер испортилось более 20 порций непроверенной крови, которую вылили в городскую канализацию. По мнению врачей, имеется риск того, что возбудители венерических заболеваний могут попасть... в воды Амурской бухты.

Уссурийск. «Самыми темными» днями с начала мая стали для жителей 6 и 7 мая. В эти дни холодильники в квартирах работали всего 40 минут в день.

Диспетчер Владивостокской центральной станции «скорой помощи» на Океанском проспекте встала с места и подала знак доктору Любовой Новиковой. «Снова звонили от Борисенко, — сказала она, — хотят знать, когда придет бригада „скорой помощи“».

8 часов назад на станцию «Скорой помощи» позвонили и сообщили о том, что у 39-летнего рыбака произошел инсульт и он парализован. Его жена и мать просили диспетчера немедленно выслать «скорую помощь». Теперь почти час ночи, а машина все еще не приехала, хотя семья звонила много раз.

Всего одиннадцать или двенадцать машин «скорой помощи» из шестидесяти, необходимых для такого города, как Владивосток, были в рабочем состоянии. Наконец, в час тридцать, через громкоговоритель объявили: «Бригада 20–22, на выезд». Машина прибыла. Меньше чем через пять минут Новикова, санитарка и медсестра сели в микроавтобус и поехали к Борисенко.

Бригада прибыла на место назначения в два часа. Пациент жил на девятом этаже, но электричество отключили уже после 11 вечера, чтобы сэкономить электроэнергию, поэтому Новикова, медсестра и санитарка поднимались по лестнице пешком. Добравшись до квартиры пациента, они постучали, и их встретила пожилая женщина со словами: «Спасибо тебе, Господи, ты не оставил нас».

Пациент лежал на кушетке. Он сказал, что вечером его рука перестала двигаться, а потом отнялась вся сторона тела. В этот момент его жена решила вызвать «скорую помощь».

Новикова и санитарка подняли больного с кушетки и положили на одеяло, расстеленное на полу. На одеяле они вынесли его из квартиры в коридор, потом спустили по лестнице и, выйдя на улицу, положили в машину «скорой помощи» и повезли в больницу. Промедление могло стоить рыбаку жизни. Но у этой истории был более счастливый конец, чем обычно: вскоре Новикова узнала, что пациент поправился. С сокращением бюджета городская служба «Скорой помощи» организовала свою работу по режиму военного времени, выезжая по вызову только в критических случаях¹¹.

Ощущалась острая нехватка лекарств. Врачи, работающие на машинах «скорой помощи», выезжали по вызовам, не имея с собой почти никаких препаратов. Одна машина выехала с базы с двумя ампулами болеутоляющего средства, ампулой физиологического раствора и менее чем с 30 граммами спирта. Не было сердечных препаратов и препаратов, облегчающих дыхание, также не было ничего для снижения давления. Болеутоляющее берегли для самых серьезных случаев и из

осторожности не давали даже при сильных болях, например при камнях в почках. Водители «скорой помощи», приезжая по срочным вызовам, часто просили родственников больного купить необходимые лекарства в ближайшей аптеке, хотя лекарства были тем не по карману. У бригады кардиологического отделения был один дефибриллятор, но его батарейки сели, и их необходимо было заменить. Но напряжения в сети хватало только на один разряд, а пациенту с остановкой сердца требуется три или четыре¹².

Врачи также сталкивались с постоянным ростом числа тяжелых заболеваний. «Ситуация приводит к сильному стрессу и ранней смертности, — вспоминала однажды вечером, сидя в приемной, Тамара Ситкина, кардиолог на «скорой помощи». — Социально-психологический климат в стране изменился, и люди не могут привыкнуть к новому образу жизни. Количество самоубийств среди пожилых людей возросло. Раньше самоубийства были очень редким явлением. Владивосток был очень патристичным городом, и людям, которые сражались на войне и защищали социализм, трудно принять мысль о том, что сейчас они должны строить капитализм. Они помнят энтузиазм, партию, комсомол, послевоенную перестройку... и теперь, когда им говорят, что все это не нужно, оказывается, что они прожили свою жизнь впустую, и они не пытаются выжить. Не случайно в старину говорили, что все болезни от нервов».

Врачи жили в страхе, что любая ошибка может привести к смерти. Однажды ночью в дежурство Людмилы Якутовой кардиологическая бригада использовала дефибриллятор для лечения 80-летней женщины. Следующий вызов поступил из семьи 59-летнего мужчины, который только что перенес второй инфаркт. Когда бригада приехала в его квартиру, аппарат не смог выдать разряд. Отчаянно пытаясь спасти жизнь пациенту, врачи положили его на носилки, на ходу делая массаж грудной клетки. В машине «скорой помощи» они продолжали массаж, Якутова связалась с больницей, и врачи уже ждали их, когда приехали «скорая». Его отнесли в палату, продолжая на ходу делать массаж сердца, но во время подготовки к электрической стимуляции сердца он умер. Якутову неотступно преследовала мысль, что если бы дефибриллятор в машине «скорой помощи» работал, жизнь этого мужчины можно было бы спасти.

Из-за таких случаев врачи опасались быть откровенными с родственниками пациентов. Во многих случаях, когда пациент умирал после того, как его привозили в больницу, лечение, назначенное ему до поступления в больницу, не обсуждалось.

В открытом письме Наздратенко Светлана Орлова, депутат Государственной думы от Приморья, заявила, что в 1997 году доходы края, состоящие из дохода от налогов и финансовой поддержки со стороны федерального правительства, составили 7,2 трлн рублей, но 3 трлн рублей, которые должны были пойти на зарплату и социальные нужды, в том числе на детские субсидии, не были выплачены вовремя или полностью, хотя по закону эти платежи должны выплачиваться без задержек при поступлении необходимых средств.

Во многих регионах России доля недетализируемых по пунктам расходов в бюджете составляла 3%. В некоторых районах она достигала 10%. В Приморье в 1994 году «другие расходы» составляли 40% бюджета, а к 1997 году эта цифра достигла 58%.

Несмотря на такие случаи, Наздратенко не только не предъявляли обвинений, но даже выдвинули его кандидатуру на пост заместителя премьер-министра¹³.

В этих обстоятельствах Черепков был фактически бессилён. Тем не менее он представлял собой угрозу, которую Наздратенко не мог игнорировать. Наздратенко контролировал средства административной власти в Приморье, но рано или поздно ему пришлось бы повторно баллотироваться. Если каким-то образом на выборах победит Черепков, у Наздратенко замаячит перспектива угодить в тюрьму, а то и хуже.

Существовала реальная возможность того, что на выборах на пост губернатора победит Черепков. Надвигались новые выборы мэра Владивостока, и если Черепкова вновь изберут мэром, в 1999 году он будет в более выгодном положении и сможет бросить вызов Наздратенко. Поэтому, с точки зрения Наздратенко, Черепкова необходимо было обезвредить.

После нескольких отсрочек день выборов мэра назначили на 17 сентября 1998 года. В августе сотрудник ФСБ сообщил Сергею Маркелову, начальнику избирательного штаба Черепкова, что готовится попытка исключить Черепкова из числа кандидатов с помощью законных средств, но если это не получится, планируется его убийство. Зная все это, Черепков зарегистрировался кандидатом, а потом исчез, переехав в заброшенный дом на птицеферме в Надеждинске, деревне примерно в 50 километрах от Владивостока.

Исчезновение Черепкова из города означало, что он не мог принимать личного участия в избирательной кампании, но верил, что если останется жив, то победит на выборах с огромным преимуществом. Однако это не входило в планы Наздратенко. Вечером накануне голо-

сования предвыборная комиссия края, которая находилась под контролем Наздратенко, исключила Черепкова из числа кандидатов на основании того, что он установил плакаты с надписью «От города и мэра» на различных городских объектах, и таким образом обвинили его в предвыборной агитации.

На следующее утро избирателям выдали бюллетени, на которых имя Черепкова было вычеркнуто. В результате поднялся бунт. Многие люди просто отказывались голосовать. Другие разрывали свои бюллетени бросали их в лицо наблюдателям. Несколько чиновников подверглись нападению, и чтобы их защитить, пришлось вызвать милицию. Вскоре по всему Владивостоку на зданиях было написано «Голосуйте против всех». Подсчет голосов показал, что из 370 000 избирателей, пришедших на избирательные участки, большинство либо отказались голосовать, либо сдали испорченные бюллетени. Из 142 000 избирателей, опустивших действительные бюллетени, большинство, 76 000, проголосовало против всех кандидатов, что сделало выборы недействительными.

Поскольку результаты выборов были признаны недействительными, Черепков сохранил за собой пост мэра, но в начале декабря союзники Наздратенко в Администрации Президента подготовили указ за подписью Ельцина о смещении Черепкова на основании того, что срок, на который его избирали, закончился. В действительности в Конституции оговорено, что мэр должен оставаться на своем посту до выборов преемника. Но Ельцин подписал этот указ, и Наздратенко назначил исполняющим обязанности мэра Юрия Копылова, которого Черепков ранее уволил с поста заместителя мэра. Кандидатура Копылова получила один процент голосов на выборах 27-го сентября.

Смещение Черепкова с поста мэра ознаменовало начало нового противоборства. 11 декабря Черепков, узнав о том, что он уволен по приказу Ельцина, объявил, что не собирается покидать свой кабинет. Толпы его сторонников собрались в мэрии, заполнив все девять этажей здания и площадь вокруг него.

14 декабря администрация края приказала милиции, вооруженной автоматами, окружить мэрию, заблокировав входы. Электричество и телефоны были отключены, власти края запретили последние независимые газеты — «Приморье» и «Арсеньевские Вести», и отключили радиостанцию «Форпост Россия».

Внутри здания мэрии Черепков при свете свечи, пользуясь двумя телефонными линиями, которые все еще работали, и сотовым телефо-

ном, организовывал снабжение осажденного города топливом, электричеством, транспортом, водой и теплом.

Вечером 14 декабря по площади поползли слухи, что милиция готова штурмовать здание. Но в 9 часов вечера три депутата Государственной думы — Тельман Гдлян, сторонник Черепкова; Светлана Горячева, коммунистка, и Олег Финко от ЛДПР, подъехали к зданию мэрии и вышли к людям, немного разрядив атмосферу.

Депутаты вели переговоры с властями края до тех пор, пока 17 декабря те не объявили перемирие и не отозвали милицию. После этого Наздратенко подписал соглашение, в котором обещал не применять силу для смещения Черепкова во время новых выборов, и многие защитники мэрии покинули здание, оставив дежурить лишь небольшую группу пенсионеров. 23 декабря Черепков уехал в Москву, чтобы добиться аннулирования президентского указа.

Но вечером 27 декабря, пока городские власти работали в своих учреждениях, милиция ворвалась в здание мэрии, выламывая двери в кабинеты, забирая все деньги, документы и оборудование и выгоняя заместителей Черепкова. После этого в мэрию доставили Копылова и назначили его мэром, ликвидировав таким образом последнюю политическую оппозицию в Приморье.

У Наздратенко теперь оставалась только одна проблема. Новые выборы мэра были назначены на 17 января, и было ясно, что если они пройдут, Черепков победит на них. Но 11 января суд Ленинского района, который подчинялся администрации края, отменил выборы на основании того, что Владивостоку сначала надо выбрать городскую думу¹⁴.

В интервью ИТАР-ТАСС Копылов выразил удовлетворение результатами выборов. Проведение выборов представило бы серьезную опасность, сказал он. «Что, если выберут еще одного сумасшедшего? И он скажет: „У меня есть четыре года, и я могу делать все, что хочу“».

11. Красноярск

**Когда караван поворачивает назад,
последний верблюд становится
первым.**

22 апреля 2000 года

Многочисленные репортеры и операторы толкались в зале прибытия аэропорта Шереметьево-2 в ожидании Анатолия Быкова, бывшего председателя совета директоров Красноярского алюминиевого завода (КраАЗ), который возвращался в Россию из Венгрии, где его обвинили в причастности к совершению убийства.

Внезапно из служебного входа появились трое омоновцев в черных масках, толкая перед собой человека с мешком на голове. «Быков!» — закричали репортеры. «Расступись!» — приказал один из омоновцев.

Солдаты и задержанный торопливо миновали кордон ожидающих журналистов и с грохотом врезались в толстую стеклянную дверь, которая не открылась автоматически, возможно, из-за неисправности контролирующего фотоэлемента. Солдаты раздвинули двери, вышли на тротуар, сели в ожидавшую машину и под завывание сирен понеслись по направлению к Москве.

Вскоре корреспондент газеты «Коммерсантъ» Дмитрий Павлов взял интервью у генерала Александра Лебеда, губернатора Красноярского края. — Александр Иванович, разрешите поздравить вас с победой.

— Я буду расценивать это как победу, когда суд расставит все точки над «i», и станет ясно, что представляет собой господин Быков.

— Быков до сих пор пользуется влиянием в Красноярском регионе?

— Он правил краем в течение семи лет, и теперь требуется время, чтобы эта система распалась.

— Вам знакома личность Татаренкова? Насколько это важная фигура в деле Быкова?

— Это одна из наиболее важных фигур в деле против него. Быков использовал Татаренкова, чтобы убрать своих врагов. Татаренков скоро будет возвращен в Россию.

— Правда ли, что Быков «заказал» вас?

— Я слышал об этом, но меня это не касается.

— Можно ли сказать, что империя Быкова была построена на крови?

— Пусть это признает суд. Быков нужен мне живым. Его должны охранять, даже потакать ему. Давайте не будем делать из него мертвого героя, патриота, у которого были далеко идущие планы, которые он не смог осуществить.

— Вы можете гарантировать, что Быкова не убьют в тюрьме?

— Зачем я буду давать такие гарантии? Я сделаю все возможное, чтобы предотвратить это.

С арестом Анатолия Быкова его карьера, достигнув пика благосостояния и власти, вернулась в исходную точку — он снова был беден и его опять обвинили в уголовщине. Пользуясь преступными методами, он захватил в свои руки большую часть российской алюминиевой промышленности, но в 1999 году началась расплата за его преступления после того, как он потерял то, что гарантировало его неуязвимость — молчаливую поддержку политических властей.

Карьера Быкова разворачивалась в Красноярске, промышленном центре на реке Енисей в Сибири, в городе с высокими трубами, из которых валит ржавый дым, приземистыми бревенчатыми избами и растянувшимися на километры кварталы с типовой застройкой.

Алюминиевые заводы в Красноярске, Братске, Саянске, Новокузнецке в советское время поставляли все необходимое советским вооруженным силам. Однако в 1992 году, с развалом экономики бывшего Советского Союза, русские алюминиевые заводы вышли из строя и были заброшены. Традиционными поставщиками алюминиевой руды были Казахстан и Украина, теперь независимые страны, и заводы по производству алюминия были не в состоянии импортировать сырье по мировым рыночным ценам и платить таможенные пошлины.

В этой ситуации Дэвид Рубен, председатель Trans-World Metals Ltd., Лондонской компании по торговле металлами, которая покупала алюминий у Советского Союза с конца 1970-х, выдвинул идею «взимания пошлин». Рубен понял, что если он будет снабжать российские заводы алюминием, то сможет получить готовый металл по низким ценам и продавать его по рыночным ценам, платя заводам лишь за обработку сырья.

Для того чтобы предпринимать в России какие-либо шаги, Реубену нужен был местный партнер. Он нанял братьев Черных (Льва и Михаила), торговцев металлами, которые были связаны с Олегом Сосковцом, председателем комитета по металлургии. Братья Черные также были друзьями Шамиля Тарпищева, тренера Ельцина по теннису, имели связи с Антоном Малевским (Антон), главарем измайловской криминальной группировки. Позже круг их контактов расширился, и в него вошли Александр Коржаков, телохранитель Ельцина и глава президентской службы безопасности¹.

В 1992 году Рубен устроил братьев Черных в фирму «Trans-CIS Commodities», расположенную в Монте-Карло, которую объединили с несколькими другими компаниями братьев Черных, чтобы образовать Trans-World Group (TWG). В августе и сентябре 1992 года при поддержке Сосковца, братья Черные заключили многообещающие контракты с десятью самыми большими алюминиевыми заводами страны, включая Красноярский. Черные обеспечили заводам большой денежный оборот и импортировали сырье, и в ответ на это правительство освобождало их от таможенных пошлин и налога на добавленную стоимость. Цена алюминия на Лондонском рынке равнялась примерно 1500 долларов, (в три раза больше его стоимости при изготовлении), поэтому планируемая прибыль была огромной. Но чтобы получить алюминий, братья Черные должны были раздобыть десятки миллионов долларов, чтобы покрыть первые затраты. Они получили их, переводя деньги из Центрального банка РФ.

В начале 1990-х годов российские коммерческие банки не осуществляли переводы. Это делалось только в Центральном банке РФ. Банк плательщика переводил деньги в отделение Центрального банка РФ в своем городе, и отделение давало распоряжение филиалу в городе получателя перевести деньги на счет плательщика. Однако мошенники узнавали цифры и шифры банковских документов и передавали их по телеграфу в отделения банков, давая распоряжение перевести нужную им сумму денег. Отделение банка в городе получателя должно было подтвердить своим коллегам в городе плательщика, что обещанная сумма получена, но в случае с поддельными распоряжениями ответы приходили от самих мошенников. В результате отделения банков прекратили использовать телеграф для переводов, когда не было внесено равноценного залога. Затем переводы быстро обналачивали или проводили через несколько коммерческих банков, делая таким образом законными.

Согласно данным доклада следственного комитета Министерства внутренних дел, с 1992 по 1994 год братья Черные, пользуясь такими

методами, украли семь миллиардов рублей, получая деньги со счетов в коммерческих банках. Таким образом, они заложили основу для взятия под контроль российского алюминия².

Используя прибыль с пошлин, TWG приобрела достаточно акций российских алюминиевых заводов, чтобы обеспечить себе контроль над ними. Несмотря на то, что доля акций TWG равнялась 20%, КрАЗу понадобилось много времени, чтобы доказать свои права. Местные бандиты, подкупавшие служащих на складах и в цехах, похищали алюминий, предназначенный для TWG, и продавали его конкурентам. Именно поэтому братья Черные заключили союз с Быковым.

Быков, работавший в колледже в Назарове, близ Красноярска, учителем физкультуры, отличался силой воли, решительностью и энергией. В конце 1980-х он сформировал банду из некурящих и непьющих спортсменов, чтобы вымогать деньги у владельцев первых частных предприятий. В то же время в Красноярске Быков сотрудничал с боссами преступных банд, Владимиром Липяговым (Ляпа) и Юрием Толмачевым (Толмач), а также познакомился с Владимиром Татаренковым (Татарин), ветераном преступного мира, под контролем которого находился Саянский алюминиевый завод в Саяногорске.

Вскоре группировка Быкова стала собирать дань с большого количества предприятий в Назарове и Красноярске. Однако поворотный момент в карьере Быкова наступил в декабре 1992 года, когда он успешно защитил коммерческого директора КрАЗа Юрия Колпакова во время потасовки в одном из красноярских ресторанов. После окончания драки Быков заверил Колпакова, что он с тем же успехом обеспечит ему безопасность на территории завода, с каким защищал Колпакова лично. Колпаков познакомил Быкова с Черным, который заключил с Быковым соглашение на защиту интересов TWG и охраны завода.

Выбор Быкова для охраны КрАЗа стал началом настоящей войны. Значительная часть Красноярска находилась под контролем Толмача, Ляпы, Чистяка и Синего, каждый из которых был замешан в краже алюминия с завода. Никто из них не желал делиться прибылью, полученной от алюминиевого бизнеса, с Быковым. В то же время Быков открыто встал в оппозицию местному криминальному миру. В своих речах он высказывал свою ненависть к «голубым», украшенным татуировками ворами в законе; отказывался признавать законы воровского мира, не желая оплачивать «разрыв» с Толмачом и Ляпой и выход из-под их влияния и жертвовать деньги в воровской общак.

По мере нарастания напряженности между Быковым и местными ворами Красноярска Быков вступал в союзы. Первый из них был заклю-

чен с Татаренковым, организовавшим бригаду профессиональных киллеров в Саяногорске. Киллеры Татаренкова стали оказывать давление на Быкова³. Второй союз был с Борисом Петруниным, главой МВД края, который стремился «бороться с преступлениями руками самих преступников». Цель Петрунина заключалась в том, чтобы выбрать из числа преступников одного лидера и использовать его для уничтожения других. Петрунин ценил Быкова отчасти из-за отсутствия в его группировке профессиональных воров, и в результате милиция начала помогать Быкову, предоставляя ему информацию от своей сети агентов о противостоящих ему преступных группировках.

Через восемь месяцев после начала сотрудничества с Черным Быков начал кампанию за контроль над КрАЗом. Первым нужно было устранить Чистяка, который был убит 10 августа 1993 года. За ним 22 сентября последовал Синий. Быков и братья Черные столкнулись с сопротивлением со стороны генерального директора КрАЗа Ивана Турушева, который препятствовал посягательству TWG на его права. 20 октября двое мужчин в масках неожиданно напали на Турушева у подъезда его дома и избили его железными прутьями, в результате чего он получил переломы ног и черепа. Поправившись, он подал в отставку, и при поддержке TWG генеральным директором был выбран Колпаков.

Подозревая, что Быков приложил руку к убийствам Чистяка и Синего, Ляпа «заказал» и его. Однако наемные киллеры сообщили об этом Быкову, который предложил им в два раза больше за убийство Ляпы. 23 ноября 1993 годы киллеры организовали встречу с Ляпой в центре Красноярска, и когда тот выходил из своей машины, открыли по нему огонь из автоматов. Как рассказывал один из очевидцев, «пули вылетали „как воробыи на мусорную кучу“»⁴. Ляпа скончался от выстрела в голову. Его телохранитель был ранен. Позже было установлено, что накануне вечером киллеры приходили в гости к Ляпе домой.

Все эти убийства сильно обеспокоили Толмача, последнего из прежних криминальных главарей Красноярска. Он всюду выезжал с десятком телохранителей, а подъехав к своему девятиэтажному дому, не выходил из машины до тех пор, пока телохранители не проверят всю лестницу. 12 мая 1994 года Толмач приехал домой и вышел из машины после того, как его охранники проверили лестницу. В этот момент открылось вентиляционное окно, ведущее в подвал, из него высунулся ствол автомата, и раздалась стрельба. Толмач был убит 20 пулями. Когда его охранники вбежали в подвал, они обнаружили лишь брошенное оружие.

Расправившись с Ляпой, Чистяком, Синим и Толмачом, Быков уничтожил всю старую криминальную структуру КрАЗа и приступил к строи-

тельству профессиональной службы безопасности. Одновременно он начал новую кампанию убийств, которые помогали ему захватить власть над всем регионом.

Первыми жертвами стали бизнесмены, которые платили недавно уничтоженным криминальным лидерам — Ляпе, Чистяку, Синему и Толмачу, а Быкову платить не хотели. В конце июля и в начале августа 1994 года в течение десяти дней были убиты пять известных красноярских бизнесменов. Одной из жертв явился Виктор Цимик, в прошлом второй секретарь коммунистической партии края, ставший одним из главных предпринимателей в городе. Он был убит пятью выстрелами у подъезда своего дома.

Вслед за этим последовали еще десятки убийств. Среди жертв были правительственные чиновники, например Юрий Калетников, который заведовал алюминиевой отраслью в комитете по металлургии; бизнесмены Сергей Скоробогатов и Олег Губин; лидер преступного мира Мустафа Мустафин, прибывший из Москвы с целью заставить Быкова поделиться деньгами со всероссийским общаком. Не пощадили и Константина Войтенко, и Александра Наумова, строивших планы убийства Быкова, а также четырех бизнесменов из Тюмени, которых Быков по ошибке принял за наемных убийц.

Волна убийств вызвала панику в Красноярске. Киллеры не только уничтожали своих жертв при всем честном народе; они также расстреливали каждого, кто становился на их пути. Создавалось впечатление, что правоохранительные органы полностью деморализованы. После 8 часов вечера в магазинах, на улицах и автобусных остановках Красноярска не было ни души.

Его армия поделила город на зоны и вскоре начала собирать дань буквально со всех предприятий Красноярска. Быков, в свою очередь, оправдывал вымогательство и рэкетирство в своих интервью представителям прессы. Величайшая российская проблема, по его мнению, заключалась в том, что «изучая арифметику в школе, наши граждане так и не научились делить. Таков приказ свыше, идущий от Бога, надо учиться делиться и не стараться быть умнее других».

К концу 1994 года Быков передал КраАЗ под полное управление TWG, и огромный завод стал составной частью империи, производившей 40% российского алюминия и осуществлявшей продажи на сумму от 5 до 7 млрд долл. в год. Однако Быков не собирался оставаться в подчинении у Черных. Обычно TWG в управлении своими заводами опиралась на главаря преступной группировки⁵, но фирма привыкла диктовать свои условия. В этом отношении TWG недооце-

нила Быкова. Получив от него все, что ей было нужно, компания начала его обманывать. В результате началась «большая алюминиевая война».

Установив свои порядки на КрАЗе, Быков вместе со своим помощником Геннадием Дружининым организовал приобретение акций рабочих завода от имени TWG. Платежи за этот вид услуг поступали Быкову и Дружинину на офшорный счет, находящийся под контролем Черных. Однако, после того, как были сделаны платежи и квитанцию показали Быкову, Лев Черной снял большую сумму денег со счета, ссылаясь на ошибку в квитанции.

Быков в ответ приказал Колпакову убрать 85% акций TWG из реестра записи акций завода⁶. У TWG осталось 3% акций КрАЗа, чего было недостаточно для руководства заводом.

В ответ на ликвидацию своих акций TWG отправила в Красноярск самолет и два джипа с вооруженной командой, чтобы захватить КрАЗ силой. В административном здании их встретили сотни людей Быкова, вооруженных автоматами, и подразделение ОМОНа. В ходе напряженного противостояния стало ясно, что вновь прибывшие не собираются стоять насмерть за TWG, в то время как охрана Быкова была готова открыть огонь. Защитники интересов TWG в конце концов снова сели в свои джипы, несколько раз объехали вокруг главного здания завода и уехали в Москву. TWG, которая всего несколько недель назад была всемогущей в КрАЗе, теперь оказалась за воротами завода.

После отступления TWG Быков получил 10% из 17% акций завода, полученных от TWG, и вошел в совет директоров КрАЗа. Находясь на таком посту, он установил на заводе личную диктатуру, запугивая и избивая непокорных менеджеров.

Быков также начал участвовать в благотворительных акциях. Он учредил благотворительный фонд «Вера и надежда» и через него жертвовал деньги детским домам, школам и больницам, основал сеть общественных организаций для привлечения молодежи к спорту. Он также помогал ветеранам войны и инвалидам и жертвовал деньги на строительство православной церкви, синагоги и мечети.

Внешне на КрАЗе все было спокойно. TWG больше не посылала специальных самолетов в Красноярск. Но стали появлялись убийцы, которых, правда, находили и убивали люди Быкова. Их тела оставляли на скамейках в городских парках. Когда милиция заходила в гостиничные номера, где жили убийцы, она обнаруживала винтовки с опти-

ческим прицелом и другие приспособления. В это время Быков вынужден был прятаться и никогда не сидел напротив окна или открытой двери.

Война между Быковым, КраЗом, TWG и братьями Черными продолжалась в Москве, где Черные пользовались поддержкой Сосковца, Тарпищева и главы службы безопасности президента Коржакова, контролировавшего ФСБ. Черные были не способны справиться с Быковым в Красноярске, но КраЗ нуждался в финансовых контактах, и тех, кто пытался работать с «бунтующим» заводом, убивали.

Первой жертвой стал Владимир Яфьясов, вице-президент Югорского банка. Его убили в собственной машине вечером во дворе в центре Москвы 10 апреля 1995 года. Милиция установила, что за несколько дней до убийства Яфьясова за ним всюду следовала красная машина «БМВ», которая была зарегистрирована на имя сотрудника компании «Trans-CIS Commodities». В этот период Яфьясов встретился с президентом Югорского банка Олегом Кантором. Во время их встречи Яфьясов сказал своему водителю Вадиму Тишаеву, что его хотят убить, и что следующая суббота будет последним днем его жизни. Случилось так, что он ошибся всего на один день.

20 июля 1995 года, через три с небольшим месяца после смерти Яфьясова, Кантор был найден убитым в прихожей своей дачи. На его теле были обнаружены десятки ранений, и в груди был оставлен нож. Его шея была перерезана от уха до уха. Телохранитель Кантора, чемпион по боксу в тяжелом весе, был найден примерно в 60 метрах от него. На его теле было обнаружено несколько ножевых и два пулевых ранения.

Дачный комплекс, где убили Кантора, был окружен оградой и охранялся круглосуточно специальным подразделением милиции, в обязанности которого входила охрана правительственных зданий. Вход в комплекс осуществлялся только через контрольно-пропускной пункт, где регистрировались все посетители и их машины. Создавалось впечатление, что убийцам Кантора помог войти на территорию комплекса кто-то очень влиятельный.

Югорский банк, занимавший одно из важнейших мест в банковской системе России, недавно лишился счетов главных своих клиентов по нефтяному бизнесу, и Кантор надеялся компенсировать это, занявшись алюминиевым бизнесом, в частности, благодаря вкладам КраЗа и Ачинского глиноземного комбината (АГК). Это, по-видимому, и привело к его смерти. Последние несколько недель Кантор казался обеспокоенным и подавленным. Накануне смерти он неожиданно

спросил свою двадцатидвухлетнюю сотрудницу Ирину П.: «Ира, вы будете приносить цветы на мою могилу?»»

8 сентября 1995 года у обочины Волоколамского шоссе в 100 километрах от Москвы в груде мусора было обнаружено тело Феликса Львова с пятью пулевыми отверстиями. Львов был коммерческим директором американской компании AIOC и пытался получить контроль над 20% акций в АГК для своей фирмы, которая получила власть от TWG как фирмы, торгующей металлом вместо КраЗа. Таким образом предполагалось укрепить положение AIOC на российском рынке. Стремясь приобрести 20% акций АГК, Львов, в свою очередь, рассчитывал на энергию и политические связи Яфьясова.

Последующее расследование показало, что Львов в сопровождении охраны своей компании приехал в аэропорт Шереметьево, чтобы лететь из Москвы в Алма-Ату рейсом в 23.30. Охранники ушли, а он начал проходить паспортный контроль. За 15 минут до вылета самолета, к нему подошли двое мужчин, представившись сотрудниками ФСБ предъявили свои удостоверения и попросили Львова следовать за ними. Последний раз его видели покидающим с ними аэропорт.

Все попытки душить КраЗ были тщетны. Завод устанавливал связи для продажи своей продукции через офшорные фирмы, и на Быкова неоднократно совершались покушения.

После того как Ельцин во время выборов 1996 года сместил Сосковца и Коржакова, TWG потеряла свою былую мощь и распалась на несколько компаний, включая «Сибирский алюминий» под руководством бывшего управляющего TWG Олега Дерипаски, который приобрел контроль над Саянским алюминиевым заводом.

Борьба Быкова с TWG сделала его героем Красноярска. Убийства, потрясшие Красноярск, были на время забыты, и образ Быкова в роли безжалостного убийцы был заменен образом молодого сибирского школьного учителя, который защищал главный завод региона от бандитов, продажных московских чиновников и гигантского конгломерата, управляемого жителями Великобритании и Израиля⁷.

Однако Быков был обеспокоен финансовым кризисом на КраЗе, который способствовал возвращению на КраЗ Льва Черного, но при условии признания авторитета Быкова.

Крах КраЗа стал результатом некомпетентности Колпакова. Когда цена на алюминий достигла 2100 долл. за тонну, заводу удалось путем переplat посредникам сократить долги кредиторам до 8 трлн рублей. В конце 1996 года Колпаков заключил контракт с помощью офшорной

компании на поставку алюминия стоимостью 20 млн долл. одной американской фирме. Поставка алюминия была осуществлена, но оплату так и не произвели. Чтобы разрешить сложившуюся ситуацию, Колпаков договорился с Василием Анисимовым, вице-президентом банка «Российский кредит», что тот заплатит 20 млн. долл. за 48% акций КрАЗа, включая и акции, принадлежавшие Быкову и Дружинину⁸.

Известие о том, что Колпаков продал акции Быкова и Дружинина без их разрешения, взбудоражило рабочих алюминиевой промышленности. Многие ожидали в любой момент стрельбы, но Анисимов вылетел в Красноярск и вернул Быкову и Дружинину их 10% акций завода и предложил Быкову начать переговоры с Львом Черным.

Конфликт между Быковым и братьями Черными стал причиной десятков убийств, но убийства совершались из-за денег, при достаточном количестве их можно было избежать напряженности. Черный заявил, что он не собирался обманывать Быкова, и свалил вину за «непонимание» на друзей измайловской преступной группировки. КрАЗ находился в тяжелом финансовом положении, а Черный был в состоянии платить большие суммы, чем любой его конкурент. В результате стороны договорились о том, что TWG снова получит 17% акций КрАЗа, которые были у нее отняты в 1994 году, и разделят экспортируемый заводом алюминий на три части: одну Черному, вторую — Анисимову, а третью — Быкову и его помощникам. Быков согласился защищать интересы Черного и Анисимова в Красноярске, а Черный и Анисимов предоставили «крышу» Быкову в Москве.

Быков стал председателем совета директоров КрАЗа и в этой должности использовал методы насилия, чтобы удовлетворить свои амбиции и присоединить к КрАЗу другие важные составляющие Красноярского энергометаллургического комплекса.

Во-первых, КрАЗ приобрел 17% Красноярской гидроэлектростанции, второй по величине в России, всего за 3 млн долл. Вскоре после этого был осуществлен дополнительный выпуск акций, и электростанция под контролем Быкова стала первым частным производителем электричества в России. Когда Чубайс, будучи главой объединенных энергетических систем, пытался возобновить государственный контроль над этой гидроэлектростанцией, ему начали угрожать физической расправой⁹.

Быков также предпринимал шаги по захвату ФПК ТаНАКо, ведущей компании, созданной по инициативе администрации края, которая объединила государственные акции в наиболее крупных предприятиях края, включая не только Красноярскую гидроэлектростанцию, но и

компанию по производству электроэнергии «Красноярскэнерго», сталелитейный завод, Бородинский угольный разрез, АГК и Красноярскую железную дорогу. В августе 1997 года губернатор края Валерий Зубов уехал в отпуск, а Быков созвал внеочередное собрание акционеров, на котором было проведено голосование по выводу государственного представителя из совета директоров. Повестка дня собрания была принята благодаря интригам людей Быкова, которые говорили акционерам, как нужно голосовать. После голосования холдинговая компания перешла в руки Быкова.

Быков теперь был управляющим региональной экономической империи. Единственное, чего ему не хватало, так это политической власти, и в декабре 1997 года он баллотировался в законодательное собрание Красноярского края, представляясь борцом с организованной преступностью.

Выдвижение кандидатуры Быкова стало тестом нравственности жителей Красноярска. Было известно, что Быков замешан в заказных убийствах, и он даже сам признавал, что, говоря его словами, пользовался некоторыми «незаконными возможностями». Но Быков заявил, что он нарушал закон для того, чтобы установить порядок и избавить регион от воров, которые притворялись, что признают закон. Многие жители Красноярска приняли это объяснение за чистую монету.

В то же время хорошее впечатление производила благотворительная деятельность Быкова.

Декабрь 1997 года

На крышу здания, в котором находился зал собраний красноярского Дома учителя, непрерывно падал снег, а в это время на сцену поднялась седовласая учительница и начала свою речь.

— Товарищи! Я хочу рассказать вам историю, которой не могу не поделиться. Я была в кабинете у Анатолия Петровича!

Вы знаете, как он заговорил со мной? Он стал рассказывать мне о своей семье. Если вы не слышали, как Анатолий Петрович говорит о своей матери, то вы ничего не слышали. Товарищи, я хочу задать вам вопрос: многие ли из нас начинают деловой разговор с рассказа о своей матери? Но именно так поступает Анатолий Петрович! Простите, я не могу больше говорить...

Учительница разрыдалась и вернулась на свое место.

За сценой на почетном месте, сложив руки и застенчиво улыбаясь, сидел Быков. Собрание состоялось по случаю объявления о решении

Быкова финансировать мемориальную книгу в память погибших учителей Красноярского края. Вторая учительница, сидевшая рядом с ним, встала и поднялась на сцену.

— Кто дает жизнь ребенку? — спросила она.

— Его мама, — ответили сидящие в зале учителя.

— А потом?

— Его учитель!

— Правильно, учитель учит его делать добрые дела. А кто в нашем крае совершает добрые дела?

— Анатолий Петрович! — послышался хор голосов из зала.

На трибуну поднялась третья учительница.

— Я могу говорить об Анатолии Петровиче только стихами, — сказала она и прочитала несколько стихотворений о доброте. Закончив, она произнесла: — Мне кажется, что Бог спустился с небес в лице Анатолия Петровича Быкова.

В детском доме в Назарове Быков перерезал ленту, выпустил шары, затем открыл коробку и стал вручать детям подарки. На стене висел плакат с его фотографией и словами «Дети и их родители вместе с А.П. Быковым».

После вручения подарков дети, одетые в русские национальные костюмы, встали в ряд, каждый из них держал подарок, а директор детского дома произнесла короткую речь:

— Я так благодарна за это проявление доброты и тепла по отношению к нашим детям! Я знаю, что у Быкова большие планы, и необходимо, чтобы он осуществил их, поэтому я тоже хочу вручить ему подарок. После этого она подарила Быкову шмат сала и банку с малиновым вареньем. Дети хором повторяли:

— Дядя Толя для нас как родной отец. Все мы, без сомнения, принадлежим Анатолию Петровичу Быкову.

В результате Быков получил более 80% голосов и стал председателем промышленного комитета законодательного собрания, что дало ему политическую власть и способствовало еще большему укреплению его экономической власти.

В начале 1998 года Быков стал во главе параллельной структуры власти в Красноярском крае, которая была сильнее, законного правительства. Ему подчинялись не только главные предприятия региона, но и вся организованная преступность. Начальник МВД края Петрунин был его другом, равно как и начальник законодательного собрания Александр Ус.

Однако его падение было не за горами. После принудительного контроля над ТаНАКО Зубов забеспокоился по поводу возросшей власти Быкова и потребовал произвести налоговую проверку КраЗа. Проверка ничего не дала, но после этого Зубов пригласил комиссию из Министерства внутренних дел под руководством генерала Владимира Колесникова произвести расследование коррупции на КраЗе. Это тоже не дало результатов, отчасти потому, что Быков задарил членов комиссии дорогими подношениями. Опыт расследования, однако, убедил Быкова в том, что ему придется разделаться с Зубовым. Но затем он допустил ошибку, которая оказалась губительной для него: он решил оказать поддержку генералу Александру Лебедю во время избирательной кампании на пост губернатора.

Во многих отношениях союз Быкова и Лебеда был логичен. Лебедь баллотировался на пост губернатора, но на самом деле его цель заключалась в том, чтобы стать президентом. Быков хотел лишь укрепить свою экономическую империю в Сибири. В то же время под его контролем была экономическая власть в Красноярском крае, и Лебедь понимал, что ему будет трудно победить без поддержки Быкова. Проблема заключалась в несходстве их личностей. Быкову не нравилось, когда им пренебрегали, а Лебедь, привыкший командовать армиями, не любил идти на уступки никому, кроме себя самого.

Тем не менее вначале их сотрудничество казалось успешным. Быков и Лебедь договорились, что Быков поддержит Лебеда, а Лебедь в свою очередь позволит Быкову основать холдинговую компанию для единого интегрированного энергометаллургического комплекса, включая КраЗ, Красноярскую гидроэлектростанцию, АГК и открытые угольные шахты. Быкова и Лебеда все время видели вместе, и Быков давал большие суммы на избирательную кампанию Лебеда.

Однако после выборов Лебеда их партнерство распалось. Лебедь отказался дать разрешение на создание энергометаллургической холдинговой компании, о чем прежде договаривался с Быковым, объясняя это тем, что компания, по мнению Быкова, будет приносить прибыль 85 млн долл. в год его директорам, но лишь 500 000 долл. в месяц налогов краю. После нарушения Лебедем их соглашения Быков публично обвинил Лебеда в некомпетентном управлении краем, и растущее напряжение между ними перешло в открытую войну.

Лебедь попросил Колесникова возобновить расследование по делу Быкова. Вскоре после этого Колесников вернулся в Красноярск и на этот раз открыл 64 уголовных дела, связанных с Быковым, и в двух из них он прямо обвинялся в преступлениях во время приватизации КраЗа.

Ситуация становилась настолько серьезной, что в разгаре расследования Быков уехал из России под предлогом медицинского лечения и обосновался на вилле в Черногории на Адриатическом море.

Пока Быкова не было в стране, произошло событие, которое позволило Колесникову значительно расширить свое расследование. Этим событием стал арест Татаренкова греческой полицией в августе 1999 года.

Татаренков находился в бегах с 1994 года после того, как один из членов его банды был арестован и стал обвинять его в организации серии заказных убийств, в том числе по заказу Быкова. В октябре 1996 года он прибыл в Грецию, жил там под вымышленным именем и держал отель, принадлежавший Быкову. Татаренков всегда был предан Быкову, но примерно за год до его ареста появились признаки того, что эти чувства не были взаимными. Быков предпринимал шаги, чтобы вывести отель в Греции из-под контроля Татаренкова, затем назначил ему встречу в Германии. В последнюю минуту Татаренков решил не ехать. Позже он узнал, что в Германии его ожидали профессиональные киллеры. Потрясенный предательством Быкова, Татаренков начал записывать видеоматериалы, в которых он сознавался в убийствах, совершенные им ради Быкова.

На одной из видеопленок Татаренков непосредственно обращался к Быкову: «Уважаемый Анатолий Петрович! Я подготовил много видеокассет, на которых рассказываю о том... сколько крови было пролито ради того, чтобы вы стали тем, кем являетесь сейчас. Не снятся ли вам те люди, убитые пусть не вашими руками, но по вашим приказам? Может, вы забыли их, тогда я вам напомним их имена: Чистяк, Ляпа, Толмач, Терех, Лобан, Шорин, Сергей Скоробогатов, Олег Тубин. К убийцам в России никогда не испытывают жалости, а у вас длинный список жертв, достаточный для пожизненного заключения. Все эти данные подтверждены фактами и хранятся у надежных людей». Татаренков обвинял Быкова в 13 заказных убийствах.

После ареста Татаренкова эти видеопленки были переданы милиции, и против Быкова были выдвинуты новые обвинения в отмывании денег и причастности к совершению убийств.

Пока Быков находился под следствием и за пределами страны, атмосфера угрозы, всегда окружавшая его, начала ослабевать, и его враги, объединившись, напали на его экономическую империю. Среди его врагов были Чубайс, которого возмущали методы, используемые Быковым в приобретении контроля над Красноярской ГЭС; Альфа-группа, захватившая контроль над АГК с помощью ОМОНа, действо-

вавшего по приказам Лебеда и Дерипаски, который не забыл, как партнер Быкова Татаренков регулярно звонил ему на мобильный телефон, угрожая убить.

Объединение врагов стало угрозой доходам Быкова. Доставка алюминия на КрАЗ из АГК и с Николаевского алюминиевого завода на Украине, который находился под контролем фирмы, принадлежавшей Дерипаске, и с «Сибирского алюминия» была сокращена, а затем прекратилась. Объединенная энергетическая система возбудила два уголовных дела против КрАЗа на сумму 3,3 млрд и 500 млн рублей. Одновременно милиция получила приказы арестовывать людей Быкова за любое нарушение, включая переход улицы на красный свет. На городских рынках люди, называвшие себя бойцами из Приднестровья, начали ходить от палатки к палатке, советуя продавцам вложить деньги, которые раньше они давали сторонникам Быкова, в Молодежное движение Лебеда¹⁰.

29 октября 1999 года Быков был арестован на венгерско-югославской границе, выдан российским властям и заключен в тюрьму в Москве. По настоянию Лебеда его перевели в Красноярск.

Лебедь хотел, чтобы дело Быкова расследовали в Красноярске, так как надеялся показать местным жителям, что Быков преступник, а не Робин Гуд. Однако законодательное собрание оказало Быкову почти единодушную поддержку, и известные жители города встали на его защиту. В коллективном письме на имя прокурора края издатели, учителя и депутаты Думы говорили об опасности «охоты на ведьм» и возврата к сталинской эпохе террора. Они гарантировали «безупречное поведение» Быкова, в случае если его отпустят на поруки.

Быков вновь развел бурную деятельность. Он слал письма из тюрьмы, в которых проявлял заботу о нравственности народа. В одном из писем он писал: «Я верю в триумф разума. Наше спасение зависит только от одного: от духовного и нравственного возрождения личности».

В конце августа 2000 года Быков был освобожден на поруки. Поползли слухи о том, что он планирует баллотироваться на пост губернатора. Быков был слишком опасен, чтобы его оставлять на свободе.

Пока Быков сидел в венгерской тюрьме, ожидая экстрадиции, положение на КрАЗе, осаждаемом объединенными силами Лебеда, Дерипаски, группы Альфа и Чубайса, значительно ухудшилось, и Черный с Анисимовым продали свои акции КрАЗа нефтяной компании «Сибнефть», находившейся в руках крупного олигарха Романа Абрамовича. Эти акции, акции АГК и Братского алюминиевого завода были впоследствии объединены с акциями «Сибирского алюминия», принадлежавшими Дерипаске, с образованием крупнейшего объединения в

истории постсоветского бизнеса — «Российский алюминий». На долю новой компании вскоре приходилось 10% от мирового производства алюминия.

Однако Быков продолжал удерживать контроль над своей долей в КРАЗе, и если бы его избрали губернатором, «Российский алюминий» получил бы в его лице сверхсильного противника.

Из-за союза Лебеда с экономическими конкурентами Быкова личный конфликт между Быковым и Лебедем перерос в конфликт с Абрамовичем и Дерипаской, двумя олигархами, пользовавшимися особыми преимуществами в условиях нового режима Путина. Именно это «соотношение сил» и определило судьбу Быкова.

Прошло немногим более месяца после того как Быкова выпустили на поруки, когда во время обыска на даче Быкова нашли наручные часы одного из его помощников, Вилора Струганова (Паши Цветомузыки), и Быкова обвинили в убийстве Струганова. Однако через несколько дней было установлено, что на самом деле Струганов не был убит. Его «смерть» была инсценирована: покрытое простыней тело вынесли из дома на Кутузовском проспекте¹¹. Тем не менее, несмотря на протесты его адвокатов, Быкова не освободили. Прокурор доказал, что, хотя убийство было инсценировано, Быков на самом деле готовил покушение на Струганова.

Данный инцидент с участием Струганова позволил властям доставить Быкова в Москву. «Невозможно было разбираться со всеми материалами, собранными на Быкова, — писал „Коммерсантъ“, опираясь на материалы прокуратуры, — в городе, который находился под его контролем»¹².

Через шесть недель после «убийства» Быкова повели на допрос, где его ждали следователи из прокуратуры. Зная, что Струганов не был убит, Быков предполагал, что его освободят. Но ему предъявили обвинение в организации убийства.

Теперь Быков понял, что через восемь лет после начала его восхождения от уличного рэкетира до хозяина одной шестой части России появились серьезные силы, направленные против него. Именно это, а не собранные улики, угрожало прервать его жизненный путь, и в присутствии своего адвоката и обвинителей он потерял самообладание.

— Ладно, — сказал он, — сажайте меня в тюрьму. Но больше вы от меня ничего не услышите.

Глаза Быкова наполнились слезами, он резко отвернулся к стене, собрав все силы, чтобы не зарыдать.

12. Цена человеческой жизни

...Туда, откуда других людей уже не видно. Так — муравьи какие-то внизу копошатся. А кто же будет себя ругать, если случайно раздавит муравья?

«Новая газета», 16 августа 1999 года

Районная больница в городе Пограничный на Дальнем Востоке, Россия, 12 февраля 1997 года, 18.00

В операционной, освещаемой бестеновой лампой, 31-летняя жена майора Российской армии Галина Сувернева родила девочку с помощью кесарева сечения. Врач Валентина Лысенко передала новорожденную педиатру, чувствуя облегчение, что операция прошла удачно.

С тех пор как на Дальнем Востоке начали отключать электричество, Лысенко старалась не делать операции в ночное время. Но в этом случае ночная операция была неминуема. Беременность у Суверневой протекала с осложнениями, и как только у нее начались схватки, нужно было немедленно делать кесарево сечение.

Лысенко стала накладывать швы, но в этот момент у Суверневой началось сильное маточное кровотечение. Лысенко пыталась остановить кровотечение, но оно только усиливалось, и врач понимала, что если она не будет действовать быстро, Сувернева истечет кровью. Лысенко решила удалить матку, но как только она начала операцию, в Пограничном отключили электричество, и операционная погрузилась в полную темноту.

Город Пограничный, лежащий у российско-китайской границы, представляет собой скопище обветшалых деревянных домов вокруг центральной площади, на которой возвышается памятник Ленину, и несколько кварталов светлых трехэтажных жилых зданий на изрытых канавами улицах.

Начиная с конца 1994 года в результате энергетического кризиса на Дальнем Востоке в Пограничном стали регулярно отключать электричество на 4–6 часов в то время, когда жители обычно вставали и собирались на работу, и вечером, когда те возвращались с работы. Как правило, свет отключали только в одной части города. Но иногда его не было во всем городе, и даже для больницы не делалось исключение.

Долгое время отсутствие электричества мало влияло на работу больницы, поскольку это происходило в дневные часы или когда не было операций. Однако летом 1996 года вышел из строя запасной генератор, в результате сильно возрос риск отключения электричества. Главврач Вадим Кизей поднимал на собраниях руководства района вопрос о приобретении нового генератора, но городские власти отвечали, что у них для этого нет средств. Вскоре Кизей уехал из Пограничного на курсы повышения квалификации в Санкт-Петербург.

14 декабря больничным медперсоналом получено первое напоминание о растущем риске. Свет в больнице отключили всего на 20 минут, но в это время одной женщине делали кесарево сечение. Кровяное давление у роженицы упало до нуля, но ее удалось спасти, благодаря тому что врачи поставили зажимы на главные кровеносные сосуды. Несколько дней спустя в больнице снова отключили свет во время операции. На этот раз врачи зашивали больному кишечник в темноте, полагаясь лишь на собственную интуицию.

Но, несмотря на эти случаи и вызванную ими панику, никто не предпринимал усилий, чтобы заменить генератор или подготовиться к непредвиденным случаям в будущем. Врачи старались оперировать только в дневные часы, а с наступлением зимы дни стали короче, и возможность смерти больного на операционном столе из-за отключения электричества рассматривался скорее как риск стихийного бедствия, чем как событие, которое возможно предотвратить, и в больнице царил атмосфера полного безразличия.

В кромешной темноте Лысенко зажала Галине Суверневой артерию, чтобы уменьшить кровотечение. Это немного помогло, но вскоре Лысенко столкнулась с другой проблемой: закончилось действие лекарств, регулирующих дыхание больной. Ей нужно было сделать внутривенное вливание, но без света найти вену оказалось невозможно.

Медсестра Светлана Воднева выбежала из операционной и стала просить коллег поискать фонарик. Затем подбежала к телефону и по-

звонила Сергею Черкасову, исполняющему обязанности главврача. Его номер был занят. Светлана набрала номер главы районной администрации, Анатолия Роженко, но там никто не ответил. Она позвонила Роженко домой, но жена сказала, что он уехал.

Медсестры рылись во всех ящиках и кабинетах в надежде найти фонарик. В течение шести месяцев, пока больница работала без запасного генератора, никто не удосужился купить фонарики. Одна из медсестер наконец нашла фонарик в кабинете снабжения, но он был сломан. Наконец нашлись и другие фонарики, но они также не работали.

Лысенко изо всех сил сжимала артерию больной, моля Бога, чтобы заработал больничный генератор. Но время шло, Сувернева продолжала терять кровь, а свет не загорался. Одна из медсестер прибежала в операционную с керосиновой лампой, но анестезиолог Аркадий Марилов приказал унести ее, так как в операционной было полно балонов с кислородом, и в трех метрах от стола один из них дал течь. Имелась опасность, что может взлететь на воздух вся больница.

Воднева позвонила дежурному «Коммунэнерго», компании по электроснабжению Пограничного. «Включите свет, у нас женщина умирает!» Дежурный ответил, что электричество отключила Уссурийская компания «Дальэнерго».

Воднева спросила, как позвонить в Уссурийск. «Не знаю», — ответил дежурный.

Никто в больнице не позаботился о том, чтобы составить список телефонов необходимых аварийных спецслужб.

Одна из медсестер дала Водневой домашний номер телефона сотрудницы, муж которой работал в «Коммунэнерго». Когда Воднева дозвонилась до него, он сообщил, что, возможно, электричество отключила генераторная станция в Липовцах, и дал ей нужный номер телефона. Воднева позвонила в Липовцы: «Вам звонят из центральной районной больницы в Пограничном. У нас больная умирает, нам нужен свет». Прошло уже 40 минут с тех пор, как отключили электричество. Человек на другом конце линии сказал: «О'кей», и через мгновение в больнице включили свет.

За шесть минут Лысенко удалила Галине Суверневой матку, и кровотечение прекратилось. Больную перевезли в отделение интенсивной терапии и сделали внутривенные вливания. Ее муж Николай бегал по Владивостоку в поисках лекарств, потому что в больнице не было самого необходимого, в том числе физиологического раствора. Однако усилия оказались напрасными. Через неделю после того как Суверне-

ву привезли в больницу, где она родила второго ребенка, она, не приходя в сознание, умерла.

После смерти Суверневой газета «Известия» занялась расследованием данного случая. Но журналисту, который пытался дозвониться до «Дальэнерго» во Владивосток, говорили, что номер не подключен, очевидно, из опасения звонков от разгневанных жителей города. Удалось дозвониться до Владимира Алексеева, сотрудника Уссурийской «Дальэнерго», который работал в ту ночь, когда умирала Сувернева. Он сказал, что в 18.05 получил приказ из Владивостока отключить электричество для потребителей, в том числе для Пограничного, в целях экономии. К 18.50 было сэкономлено 35 мегаватт. Именно в этот период Сувернева лишилась последнего шанса выжить на операционном столе в Пограничном.

Вскоре после смерти Суверневой в Пограничном произошли некоторые изменения. Нашлись деньги на ремонт больничного генератора. По просьбе Николая Сувернева было заведено уголовное дело на персонал больницы, а затем закрыто за недостаточностью улик. Больница отвела от себя обвинение в смерти Суверневой, однако Лысенко преследовали муки совести, и у нее произошел микроинсульт¹.

В Пограничном долгое время обсуждали смерть Суверневой. Одни обвиняли районные власти, другие — врачей и администрацию больницы. Но все были едины в том, что в смерти молодой матери виновны те, кто не позаботился о том, чтобы избежать опасных ситуаций. «Так всегда в России, — говорила Раиса Глапшун, заведующая социальными вопросами в районной администрации. — Человек умер, а виновного не сыщешь».

Судьба Галины Суверневой не была исключением из правил. Напротив, этот случай как в зеркале отразил реальное положение дел в современной России: обесценивание человеческой жизни.

Неуважение к человеческой жизни издавна характерно для России. Подобно другим негативным сторонам российской жизни — коррупции, преступности и нравственной неразборчивости (а также, косвенно, такие положительные черты, как сострадание и более глубокой, по сравнению с Западом, мудростью), оно коренится в том факте, что и российское общество, и его институты не основаны на ощущении чувства трансцендентной морали, определяемой Карлом Юнгом как «взаимоотношения между человеком и властью потусторонних сил, создающих противовес „миру“ и его „логике“».

Отсутствие чувства трансцендентной морали, в свою очередь, отчасти вытекает из разрушительного действия двух идей — так называемой идеи особого русского пути и экономического детерминизма, взгляда, который разделяется и многими на Западе.

Идея особого русского пути является основой национальной идеологии, в соответствии с которой Россия издавна оправдывала отсутствие у нее свободы по сравнению с Западом. Сторонники этой идеи отвергали точку зрения, что Россия отличается от стран Запада только своей отсталостью, и утверждали, что русская культура — это культура особого типа, в ее основе лежит православие, а стержень ее — самосовершенствование души. Ее духовная культура превосходит культуру материалистического Запада, и осознание этого факта определяет миссию российского государства — нести свет остальному миру.

Хотя идея особого русского пути первоначально возникла для защиты царизма, постепенно она стала характерной для всего российского образа мыслей. Славянофилы видели миссию государства в идее религии, западники — в социализме, но, согласно Бердяеву, и те и другие считали, что роль России состоит в спасении человечества на основе тоталитарной идеологии, в которой сочеталась «философия с жизнью» и «теория с практикой».

Идея российского превосходства передала государству роль спасителя, которая, согласно западной традиции, принадлежит Богу. Отсюда следовало, что ценностей выше, чем государство, т. е. таких ценностей, которым оно должно подчиняться, просто не существует. Отсутствие трансцендентной точки отсчета отражалось в высокомерии государственных чиновников и отсутствии сочувствия к судьбе отдельного человека.

Наряду с идеей особого русского пути, отсутствие в российском обществе идеи трансцендентности объясняется влиянием экономического детерминизма. В течение семи десятилетий в Советском Союзе насаждалось понятие, что моральные факторы в обществе не имеют независимого существования, а являются функцией лежащих в их основе экономических отношений, и этот урок был хорошо усвоен целыми поколениями россиян, в том числе будущими «молодыми реформаторами».

В результате после распада Советского Союза «реформаторы» действовали не в соответствии с моральными соображениями, а делая главный упор на механизмы перехода к капитализму. Они полагали, что, как только будет создан класс частных собственников, он станет использовать ресурсы рационально, т. е. в интересах общества. Од-

нако то, что они полагали универсальным законом развития экономики, на деле оказалось лишь вполне естественным поведением в конкретной экономической обстановке, в конкретных правовых и нравственных условиях. Они как будто забыли, что в России эти условия были далеки от совершенства и первейшей задачей страны является их изменение.

Отсутствие трансцендентности оставило свой след в российской истории. В течение более чем 70-летнего правления коммунистов в России к живым людям относились как к какому-то сырью в свете «более высокой» социальной цели. Сотни тысяч рабочих умерли, не выдержав рабского труда на строительстве Беломорского канала, и миллионы пожертвовали своей жизнью для победы во Второй мировой войне². Жизнь отдельных людей не имела значения, смысл имела только система.

В период реформ витала надежда, что при существующих обстоятельствах российское общество воспримет определяющую роль трансцендентных ценностей, согласно которым признавалась неприкосновенность человеческой личности, и эти ценности станут руководящими принципами жизни государства, основанного на соблюдении законов.

К сожалению, этого не произошло. «Реформаторы» и не думали ни о каких трансцендентных ценностях. Их цель заключалась в создании системы, в данном случае рыночной экономики. Но практика, вытекающая из социально-экономической системы, отражает требования этой системы, которая заинтересована прежде всего в собственном функционировании. Абсолютный приоритет, который новое правительство отдавало перестройке экономических структур, определял выбор политики, имевший серьезные последствия для населения.

Во-первых, для облегчения реформ правительство сняло все ограничения на продажу спиртного. В результате вся Россия оказалась наводнена дешевой водкой, и хотя покупательная способность россиян сократилась в среднем наполовину, их заработок по сравнению со стоимостью водки возрос в три раза. Период неограниченной продажи спиртного совпал с быстрой приватизацией государственной собственности. Неограниченное производство дешевой водки облегчило проведение приватизации, даже несмотря на цену в тысячи человеческих жизней³.

Другим примером пренебрежительного отношения нового правительства к человеческой жизни явилась неспособность финансировать систему здравоохранения. Впервые россияне обнаружили, что им при-

ходится платить за многие медицинские услуги, начиная от необходимых лекарств до операций по спасению жизни, и из-за отсутствия средств многие перестали заботиться о собственном здоровье. Отсутствие необходимого финансирования даже таких больниц, на которые рассчитывали как на «последнее средство» для спасения, как, например, Институт хирургии имени Вишневского в Москве, который работал вполсилы, несмотря на рост уровня смертности, имело место в то время, когда хорошо осведомленные люди с большими связями почти задаром приобретали гигантские советские предприятия⁴.

Но наиболее важным признаком приоритета политических реформ перед необходимостью защиты жизни людей явилась терпимость по отношению к коррупции и организованной преступности. Отсутствие социальных гарантий в процессе приватизации в России привело к увеличению числа конфликтных ситуаций и сделало невозможным введение элементов морали в посткоммунистическом обществе. Для многих людей, выросших на коммунистической идеологии, возникший духовный вакуум был непереносим. В результате резко возросло количество убийств, самоубийств, инфарктов и инсультов.

Проведение реформ методом «шоковой терапии» привело к небывалому росту случаев преждевременной смерти. В 1992–1995 годы смертность превысила рождаемость на 2 миллиона; Россия еще не переживала подобной демографической катастрофы в мирное время, за исключением голода 1932–1933 годов и сталинского террора 1937–1938 годов⁵.

При коммунизме жизнь отдельного человека значила очень мало, но эта тенденция продолжилась и в период реформ — разница заключалась в том, что в основе системы, для которой должен был теперь приносить себя в жертву человек, лежала не государственная, а частная собственность.

Результатом стала быстрая изнашиваемость человека в посткоммунистической России, и это нашло отражение в судьбах конкретных людей.

Минское шоссе, 12 декабря 1997 года

Погода была холодной и ясной. Иван Лапшин и его семья ехали домой из Москвы в Одинцово; машину вел будущий зять Ивана, Вячеслав. На заднем сиденье находились жена и дочь Ивана, его внучка и пятилетний внук Денис.

Когда машина Лапшиных находилась в 16 километрах от Москвы, на встречную полосу выскочил джип «Чероки», стремясь обогнать грузо-

вик. Но впереди грузовика ехал еще один. Джип не мог вернуться в свой ряд. Чтобы избежать столкновения с приближающейся машиной, он резко повернул налево и врезался в машину Ивана, столкнув ее с шоссе, и она врезалась в столб. Иван потерял сознание. Придя в себя, он услышал крик своей жены: «Дениска умер!».

Через несколько минут кто-то вытащил Ивана из машины. Перед ним в окружении мужчин в темной форме стоял водитель джипа. В двух метрах стоял Владимир Путин, заместитель руководителя Администрации Президента. Джип был его служебной машиной. Иван не знал его имени, но вспомнил, что видел его по телевизору.

Ивана уложили в машину «скорой помощи» и отвезли в ближайшую больницу. Хирург, производивший осмотр, сообщил Ивану, что джип пересекал встречную полосу в 80 метрах от машины Лапшина и оттуда врезался в нее, и в этот же момент столкнулся с другой машиной, которую вел солдат по фамилии Алексеев. Алексеева привезли в больницу, но у него не было тяжелых повреждений. Иван провел ночь в больнице. Пока Ивана везли в больницу в машине «скорой помощи», на место происшествия прибыл автомобиль, из которого вышли мужчины в темной форме, подняли тело Дениса с обочины дороги, остановили такси и отвезли ребенка в 71-ю больницу Москвы. Пассажиры, сидевшие в машине Алексеева и присутствовавшие при этой сцене, позже рассказали Ивану, что те же мужчины отбросили обломки, оставшиеся после первого столкновения, на другую сторону дороги, чтобы создалось впечатление, что это машина Алексеева пересекала встречную полосу, а не автомобиль Путина.

В последующие месяцы Иван напрасно пытался возбудить уголовное дело против водителя Путина, Бориса Зыкова. У Зыкова не взяли пробу на наличие алкоголя в крови во время инцидента, но зато делались неоднократные попытки сфабриковать дело против Алексеева, чью машину осматривали три раза.

После неоднократных протестов Ивана, наконец, принял заместитель министра внутренних дел И.Н. Ольховников, который показал ему протокол происшествия, согласно которому машина Алексеева наехала на машину Ивана с расстояния 8, а не 80 метров. Таким образом, создавалось впечатление, что джип отскочил от одной машины, чтобы врезаться в другую. Иван заявил, что протокол фальшивый и что на самом деле Зыков, врезавшись в первую машину, не остановился, а, напротив, увеличил скорость, что и стало причиной столкновения и гибели его внука.

Иван подал апелляцию областному прокурору, чтобы возбудить уголовное дело против милиции, которая не удосужилась убрать тело его внука с места происшествия, но разрешила убрать джип (он был тут же починен и продан), и вынудила его покинуть место происшествия, якобы для медицинской помощи, в которой он не нуждался. После длительных отсрочек органы МВД сообщили Ивану, что Зыков будет привлечен к суду за смерть его внука.

Иван с тревогой ждал начала судебного процесса. Неоднократные заявления милиции, что это слишком «сложный» случай, вызвали у него опасения, что никто не ответит за смерть Дениса. В конце концов его опасения подтвердились. В июле 1999 года, незадолго до того, как Путин был назван исполняющим обязанности премьер-министра, Зыков получил амнистию без суда⁶.

Денис Лапшин — не единственная жертва нарушения правил дорожного движения российскими высокопоставленными лицами, их родственниками и водителями⁷. Вечером 27 февраля 1999 года Алексей Сосковец, сын Олега Сосковца, сбил насмерть трех пешеходов на обочине Рублево-Успенского шоссе. Одна из жертв зацепилась за бампер, проехала 60 метров и упала в канаву. Никаких попыток оказать помощь не предпринималось. Водитель просто уехал. В Курске сын губернатора Руцкого на джипе насмерть сбил пешехода, но уголовное дело на молодого Руцкого было закрыто после того, как один из сотрудников ФАПСИ заявил, что он был за рулем. Вечером 2 февраля 1999 года машина Виктора Геращенко, председателя Центрального банка, сбила насмерть 18-летнего Романа Юдакова, когда он переходил Ярославское шоссе. Очевидцы этой сцены сказали, что водитель Геращенко даже не сбавил скорость⁸.

Москва, улица Дубки, 22 февраля 1998 года, 17.00

В окно милицейской машины Галина Мкртумян увидела две машины «скорой помощи» у гастронома, где она обычно делала покупки. Около 20 человек глядели на огромную лужу, с поверхности которой поднималось густое облако серого пара.

Галина вышла из машины и поспешила к первой машине «скорой помощи». В ней ее мужу Владимиру делали инъекцию.

— Что случилось? — спросила она.

— Я потом тебе расскажу. Позаботься о нашем сыне, — ответил он.

Галина закрыла дверь и направилась ко второй машине «скорой помощи», но дорогу ей загородил один из врачей. В эту минуту дверь

машины открылась, и Галина мельком увидела своего десятилетнего сына Артема. К своему ужасу она поняла, что он лишился кожи.

Ранним утром того дня жители домов по обеим сторонам улицы Дубки заметили, что рядом с гастрономом от земли идет пар. Они начали звонить в домоуправление, что, наверно, подземные водопроводные трубы с горячей водой дали течь.

В 13.00 директор гастронома Оксана Терехина также заметила поднимающийся с земли пар рядом с магазином. Когда она позвонила в домоуправление, ей ответили, что их рабочий день уже закончился. Тогда Терехина позвонила в районный отдел коммунальных услуг. «Из трубы льет горячая вода, и в земле образовалась большая яма. Туда могут провалиться люди», — сказала она. Диспетчер позвонила в районный центр Мостеплосети, которая занимается водопроводными трубами в Москве. В 15.45 прибыл инспектор из Мостеплосети, увидел поток, льющийся из земли, и составил отчет о случившемся своему начальству. В это время вся земля буквально вздулась пузырями и периодически выбрасывала облако пара.

Вскоре после 16.00 Мкртумян вместе с сыном вышел из квартиры купить хлеба в гастрономе. День был ясный и солнечный. Снег таял, и тротуары были чистыми. Когда они подходили к магазину, Артем отпустил руку отца и побежал к покрытой травой площадке у входа в магазин. В этот момент земля провалилась, и отец Артема беспомощно наблюдал, как его сын исчезает в яме с кипящей водой.

Владимир прыгнул в яму, чтобы спасти сына, но облако пара ослепило его. Из трубы лился кипяток, и, погрузившись до пояса, Владимир не видел краев непрерывно расширяющейся ямы. Ему понадобилось 15 минут, чтобы вытащить Артема из ямы и вернуться самому. После этого Владимир осторожно положил сына на землю и бросился в дом вызывать «скорую». Его решительные действия создавали впечатление, что полученные им повреждения не опасны.

Люди из соседних домов, наблюдавшие эту сцену, стали звать на помощь, и через несколько минут после первых звонков приехали сотрудники «службы спасения». Спасатели проделали разрезы на брюках Артема и сняли их. Его кожа «снялась» вместе с брюками. Мальчик начал кричать в агонии и звать свою мать. Продавщица из гастронома, наблюдавшая эту сцену, чуть не потеряла сознание. Толпа увеличивалась, и все в волнении ожидали приезда «скорой помощи», которая, несмотря на десятки истерических звонков диспетчеру, появилась только через полчаса.

Когда Галина увидела сына в машине «скорой помощи», она поняла, что он и ее муж, которые час назад вышли из дому купить хлеб, теперь находятся в смертельной опасности. Машины «скорой помощи» уехали, и Галина, не веря своим ушам, слушала свидетельства очевидцев. Милиционер направил ее в 3-ю больницу.

Когда толпа разошлась, Галина собрала промокшую одежду мужа и сына. Одежда была тяжелой, и Галина с трудом прошла 400 м до своей квартиры. Когда она залила водой рубашку Артема, вода стала красной от крови. Разложив другие предметы одежды на полу, она увидела, что они заполнены человеческой кожей.

Галина позвонила в 3-ю больницу и узнала от дежурного врача, что Владимира отвезли в ожоговый центр института Склифосовского, а Артема — в 9-ю детскую больницу. Галина позвонила в 9-ю больницу и спросила, не нужно ли им что-то привезти. Они сказали, что ничего не нужно. Но когда она позвонила в институт Склифосовского, медсестра продиктовала ей длинный список необходимых вещей, в том числе водку и шампунь для ухода за обожженной кожей и эластичный бинт. Галина пошла на рынок, купила все необходимое и отвезла в институт. Ей сказали, что ее муж находится в отделении интенсивной терапии, и посоветовали прийти на следующий день.

Галина пошла домой, но заснуть не могла. Ужас охватил ее, и она плакала не переставая.

На следующий день она отпросилась с работы и поехала в 9-ю больницу, где без сознания лежал Артем. Он получил ожоги 4-й степени всего тела. Лечащий врач отказался пустить ее к Артему: «Это неподходящее зрелище для матери. Мы видим такое каждый день, а для вас это будет сложно».

Затем Галина поехала в институт Склифосовского. Врачи сообщили ей, что у Владимира ожоги 4-й степени до пояса и ужасные боли, но больше всего он беспокоится о сыне. Ему сказали, что состояние Артема удовлетворительное. Галине не разрешили увидеться и с Владимиром, но они передали друг другу записки. Он спросил ее об Артеме, и Галина, не желая усугублять его положение, также написала, что состояние Артема удовлетворительное.

После больницы Галина пошла на место происшествия, где рабочие откачивали воду из ямы. Она увидела, что трубы на дне ямы не имеют бетонной защитной обшивки, которая не позволила бы воде проникнуть в землю в случае протечки труб. Будучи архитектором и инженером-конструктором, она понимала, что это является нарушением правил техники безопасности.

Во вторник 24 февраля в московских газетах появились статьи об этом происшествии. Почти сразу же после этого в больницу для Артема было доставлено новейшее медицинское оборудование, и врачи начали покрывать его тело эластичными импортными увлажняющими повязками.

Однако Галина не принимала всерьез такое проявление заботы. После выхода первых статей она встретила с Анастасией Большаковой, корреспондентом «Комсомольской правды», и та рассказала ей, что в Москве участились случаи гибели людей из-за падения в яму с кипящей водой. 10 месяцев назад женщина гуляла со своим трехлетним сыном в районе улицы маршала Василевского, и мальчик провалился в такую яму. Мать прыгнула за ним, чтобы спасти его, но оба скончались от ожогов. Большакова рассказала, что во время расследования данного случая она узнала от докторов 9-й больницы, что за последние несколько лет по крайней мере четверо детей в год умирают после падения в яму с кипящей водой в результате протечки труб. По поводу жертв среди взрослых Большакова мало что знала, так как у нее не было информации из других больниц.

В среду, пока Галина находилась в 9-й больнице, ей позвонили от заместителя мэра Москвы и сообщили, что с ней хочет поговорить Борис Никольский. За ней прислали машину и повезли в мэрию, где ее встретили Никольский и Баликов, генеральный директор Мостеплосети, и заместитель Никольского, Владимир Мазюк.

Баликов заявил, что инцидент, при котором пострадали ее муж и сын, просто чудовищный несчастный случай, но в целом его организация отличается высококачественной работой. Галина ответила, что она инженер-строитель и видела, что у труб на улице Дубки отсутствует бетонная обшивка.

— Это означает, что работа выполнена с огромными нарушениями.

— Как мы можем помочь вам? — спросил Никольский. — У вас огромные расходы. Сколько денег вам нужно?

Галина не знала, что ответить.

— Мой сын, очевидно, при смерти. Но все еще есть шанс спасти моего мужа. Сделайте все возможное, чтобы помочь ему.

— Мы поможем вам. Если вам что-нибудь понадобится, звоните моему заместителю.

Галина каждый день ходила в 9-ю больницу и институт Склифосовского. В институте врачи говорили ей, что из-за возраста и тяжести ожогов у Владимира почти нет шансов выжить. В детской боль-

нице в состоянии Артема наблюдались лишь слабые улучшения. Врачи поддерживали его жизненные функции на стабильном уровне, и через несколько дней он начал приходить в сознание. Увидев это, врачи дали ему лекарство, чтобы он снова погрузился в коматозное состояние, боясь, что если он поймет, что с ним произошло, шок убьет его.

В течение последующих нескольких дней в состоянии Артема не было перемен, и Галина с грустью изумлялась выносливости его молодого организма. Но утром 5 марта, через 11 дней после несчастного случая, когда Галина приехала в больницу, ее встретил лечащий врач и сообщил, что Артем скончался.

Галина понимала, что с самого начала не было ни единого шанса на спасение Артема. Ничего не говоря мужу, она решила устроить похороны на следующий день. Однако организация похорон вызвала проблемы. Похороны стоили больших денег, а она теперь не работала. Галина позвонила в офис Никольскому и напомнила об обещании помочь. Его секретарь сказал ей:

— Перезвоните позже. Сейчас мы готовимся к празднику. (8 марта, Международный женский день.)

— У вас праздник, а у меня похороны, — сказала Галина и поехала на кладбище, чтобы найти участок для могилы своего сына.

В больнице, а затем в морге Галину попросили не открывать гроб сына. На гроб поставили фотографию Артема. Было сравнительно мало провожающих — только Галина, несколько родственников и учительница Артема. Когда гроб опускали, Галина вспомнила, что ее сын всегда боялся боли и держался за руку отца.

После похорон Галина вернулась домой и позвонила в институт Склифосовского. Ей сообщили, что Владимир без сознания. В течение двух недель он находился в коме; потом его сердце остановилось. Врачи реанимировали его, и Галину пригласили в отделение интенсивной терапии, чтобы она в последний раз взглянула на своего мужа. Его лицо было опухшим, и он казался уже неживым. Она уехала домой и вскоре позвонила в больницу. Врач Владимира сообщил ей, что он умер.

21 марта Владимира кремировали. Галина наняла адвоката, чтобы возбудить дело против города Москвы. В то же время она узнала о судьбе Марины Яровой, 43-летней матери двоих детей, которая сварила заживо, провалившись в яму с кипятком около своего дома, гуляя с собаками 11 марта, через 17 дней после случая с мужем и сыном Галины. Галина потеряла всякую надежду на будущее своей

страны. Ей казалось, даже самая ужасная трагедия не способна поколебать безразличное отношение и равнодушие властей к человеческой жизни. Позже ей сказал один из журналистов, что ее сын умер смертью, на которую не обрекали ни одного даже самого матерого рецидивиста в самой варварской и нецивилизованной стране мира. Из-за преступной халатности городских властей ее жизнь была теперь разбита: «Я чувствую ужасную пустоту и стою на краю пропасти»⁹.

Военный госпиталь в Ростове, 3 февраля 1995 года
Тела лежали в три ряда по краям рефрижераторного вагона, и Анна Пясецкая ходила от носилок к носилкам, светила фонариком на каждый труп и видела, что многие солдаты, убитые в Чечне, были беззусыми мальчишками.

Сначала Анна осматривала волосы каждого мертвого солдата, затем его лицо и одежду. Если тело было без головы, она осматривала руки и ноги. Анна осмотрела 12 рефрижераторных вагонов в поисках тела своего сына Николая. Затем она отправилась в палаточный городок на территории больницы, куда также свозили трупы молодых солдат, когда военный округ Северного Кавказа пытался справиться с неиссякающим потоком смерти. Однако тела Николая не было ни в вагонах, ни в палатках. Анне пришлось продолжать свои поиски.

Мучения Анны начались в канун нового, 1995 года. Она сидела дома с друзьями, когда поздравления по телевизору были прерваны первыми сообщениями об убийствах российских солдат в Грозном. Всего за несколько дней до этого сын Анны, 19-летний солдат Рязанского парашютно-десантного полка, был послан в Чечню¹⁰.

2 и 3 января пресса сообщила подробности о том, что произошло в Грозном. По сообщениям НТВ, были разбиты 81-й Самарский полк и 131-я Майкопская бригада — первые два подразделения, вошедшие в город. О Рязанском парашютно-десантном полку не упоминали, и Анна тешила себя надеждой, что с Николаем все в порядке.

Но 5 января Анне позвонили из штаба полка и сообщили, что ее единственный сын убит в Грозном.

В течение пяти дней Анна не могла ни есть, ни пить. Мысль о том, что Колю и других ребят убили в новогоднюю ночь, была непереносима для нее, и она оплакивала их всех¹¹. 11 января Анна заставила себя позвонить в штаб десантных войск Тульской дивизии, в которую вхо-

дил Рязанский полк, и спросила, где находится тело ее сына. Дежурный офицер сказал ей, что Коля погиб, когда граната взорвала его танк, но его тело не найдено.

Анну охватило глубокое отчаяние. Сообщалось, что тысячи убитых лежат на улицах Грозного и их, как ее сына, пожирают собаки. Она беспрестанно звонила в полк и в дивизию, но ей лишь отвечали, что она получит тело своего сына, и просили подождать. Начали приходить сообщения, что местные жители хоронят тела российских солдат, чтобы собаки не пожирали их¹².

15 января Анна решила больше не ждать, пока армия выдаст ей тело ее сына. Услышав по радио, что члены Комитета солдатских матерей собираются в Грозный, она поехала в центральное здание этого Комитета, встретила там с членами съемочной группы Би-би-си, которая отправлялась в Чечню, и рассказала им о своей горе. Ей предложили поехать с ними, и она приняла это предложение, решив самостоятельно искать тело своего сына.

26 января Анна прибыла в Назрань, столицу Ингушетии, и ей пришлось провести большую часть из последующих семи месяцев в военной зоне.

Анна никогда раньше не была на Кавказе, и в хаосе войны она не знала, где начинать свои поиски, но по прибытии в Назрань ей стало известно о поразительном совпадении, которое могло помочь ей. Съёмочная группа Би-би-си ранее взяла интервью у чеченской женщины по имени Зарема, которая помогала перевозить людей, раненых в Грозном, в Старые Атаги. Она показала операторам воинские удостоверения личности четырех убитых русских солдат. Корреспондент Би-би-си Эндрю Хардинг записал их фамилии, и среди них, к счастью, оказалась фамилия «Пясецкий». Анна посмотрела отснятые видеоматериалы и поехала вместе с командой Би-би-си в Грозный, намереваясь найти Зарему.

В Грозном Анне сообщили, что Зарема часто помогает в больнице, расположенной в цокольном этаже городского центра. Местные жители подыскивали Анне квартиру, и каждый день она под сильным обстрелом ходила в больницу. Вечером 31 января, когда съёмочная группа уже была готова уехать из Грозного, появилась Зарема. У нее был военный билет Коли, и она отдала его Анне, но не могла сказать, откуда он у нее и где был убит Коля. Она упомянула о трех возможных местах: пресс-центре, бывшем штабе передаточного пункта и военном аэропорте в Ханкале.

Анна покинула Грозный вместе со съемочной группой Би-би-си и вернулась в Назрань, куда теперь приехали сотни российских матерей, ищущих своих сыновей. Узнав, что неопознанные тела находятся в Ростове, в ночь с 1 на 2 февраля она вылетела на военном самолете из Назрани в Ростов.

В Ростове Анна пошла в военный госпиталь, где просмотрела регистрационные журналы с фамилиями и наименованиями воинских частей 1800 солдат, чьи тела были опознаны. Фамилии Коли среди них не было. Однако здесь было лишь 40% из общего количества солдат, убитых в Чечне. Поэтому Анна собралась с силами и отправилась искать сына среди неопознанных тел, которые находились в 12 рефрижераторных вагонах.

Просмотрев все тела в палатках и вагонах и записав их номера, она улетела из Ростова во Владикавказ. Оттуда она поездом доехала до Прохладного и автобусом добралась в Моздок.

К тому времени Моздок также был наводнен родителями, разыскивавшими своих сыновей. Ежедневно они собирались возле кинотеатра «Мир», где с родителями солдат из каждого подразделения беседовали офицеры. Анна нашла офицера, который был связан с десанниками, и получила разрешение осмотреть тела убитых в четырех рефрижераторных вагонах в Моздоке. Там было 47 тел, но Колиного среди них не оказалось. Пока Анна находилась на пути в Моздок, несколько вагонов было отправлено в Ростов, но вместо того чтобы ехать обратно в Ростов, Анна решила ехать из Моздока в Грозный. Однако она немного не рассчитала.

В Моздоке Анна села на электричку, направлявшуюся в Червленую, а потом продолжала путь в Толстой-Юрт пешком. Там продолжалась война, поэтому она пошла в Грозный пешком. Вскоре ее подобрал проезжавший на грузовике русский, отвезли в город и дали ей ключи от квартиры уехавших родственников.

Вернувшись в Грозный, Анна проходила по 20 километров в день, посещая те места, о которых упоминала Зарема. Она уходила из дома в 8 часов утра и возвращалась не позднее 16 часов, чтобы не попасть под беспорядочную стрельбу, которая начиналась после наступления темноты.

Сначала Анна проводила много времени вокруг аэропорта Ханкала, беседуя с людьми, которые хоронили солдат, и показывала им фотографию своего сына. Но из их рассказов о происходивших здесь боях она поняла, что ищет не там, где надо. Затем она отправилась в район

проспекта Кирова, но там тоже потерпела неудачу. Наконец 19 февраля, через неделю после прибытия в Грозный, она отправилась в пресс-центр на улице Маяковского.

Было сыро и уныло, и вид разрушений напоминал об ужасе той новогодней ночи. Здесь всюду валялись солдатские ботинки, обрывки военной формы, фрагменты гусениц танков и виднелись воронки от разрывов бомб и снарядов. Вдоль улиц валялись сломанные деревья, мертвые собаки, кругом были развалины домов. Нетронутым оказался лишь памятник «Дружбы народов», на котором были изображены обнявшиеся русский, чеченец и ингуш. Чеченцы называли этот памятник «Три дурака».

Анна заходила с фотографией сына в дома, где все еще жили люди, и расспрашивала жителей, не хоронили ли они кого-нибудь, кто был похож на Колю. Но жители отвечали, что здесь невозможно было кого-либо хоронить из-за стрельбы, что здесь воевал Рязанский десантный полк и почти 600 русских солдат были убиты.

Наконец Анна познакомилась с ингушской женщиной, которая рассказала ей, что солдат со светлыми волосами, похожий на Колю, был похоронен на территории 9-й городской больницы. Она отвела Анну в чеченскую семью, которая хоронила его, но ей сказали, что солдат, которого они хоронили, был татарин из Казани. Эта чеченская семья взяла его, тяжелораненого, к себе, но два часа спустя он умер. Перед смертью он сообщил им свою фамилию. Позже Анна связалась с его родителями и рассказала им, как их сын провел свои последние часы.

В конце февраля Анна вернулась в Моздок, а 3 марта вылетела в Ростов, где снова прошла по рефрижераторным вагонам, но тело Коли так и не нашла.

6 марта Анна вернулась в Москву. Она была измучена, подавлена и не знала, как ей продолжать свои поиски. Но стремление найти тело своего сына и предать земле не давало ей покоя. Если сохранился военный билет его сына, ей было трудно поверить, что его тело просто исчезло.

В последующие две недели Анна упрашивала военного прокурора начать поиски тела Коли и часто посещала Комитет солдатских матерей. 25 марта комитет организовал «Материнский марш мира» из Назрани в Грозный. Не в состоянии оставаться в Москве, Анна решила участвовать в этом марше. Она доехала на поезде до Нальчика, а затем на автобусе до Назрани, где встретилась с участниками мар-

ша. 25 марта его участники прошли из Назрани по российской территории. Но когда они переходили в Чечню, российские внутренние войска заставили их сесть в автобусы и отвезли обратно в Моздок. Затем Анна вернулась в Назрань, где провела семь дней. Там она познакомилась со Светланой Беликовой и Татьяной Ивановой, чьи сыновья служили в 81-м Самарском полку, и эти три женщины вместе поехали на автобусе в Грозный, где местные жители помогли им поселиться в свободных квартирах.

Но, вернувшись в Грозный, Анна не знала точно, что делать. Она уже посетила места боев, в которых участвовал полк ее сына, но не нашла никого, кто его видел. Она знала, что неопознанные тела хоронят по всему городу, и Колино тело может быть где угодно. Она стала ходить на грозненское кладбище, которое превратилось в морг под открытым небом; там были собраны тела со всего города и лежали рядами для возможного опознания. Но, несмотря на часы поисков, Анна не нашла ничего, что бы напоминало тело ее сына.

Наконец, Анна решила искать своего сына, как если бы он был жив и попал в плен. Вместе со Светланой и Таней она покинула Грозный и доехала на автобусе и на машине до Ведено, горного аула, в надежде встретиться с главарями чеченских бандформирований. Приехав туда, она узнала, что в Ведено находится штаб чеченского командира, Аслана Масхадова.

Апрель и май Анна провела в Ведено. Местные чеченцы помогли ей, Светлане, Тане и Ольге Осипенко, чей сын Павел также служил в 81-м Самарском полку, найти жилье. Анна разговаривала с русскими солдатами, которых взяли в плен в этой деревне, и с чеченскими офицерами, воевавшими в Грозном около здания пресс-центра, где, по-видимому, был убит Коля. Но никто не мог ей ничего сообщить о сыне. В мае наступающие войска начали бомбить Ведено. Во время одной атаки бомба взорвалась в 30 метрах от дома, где жила Анна, выбив все окна. Когда женщины подбежали к двери, раздался второй взрыв. После того как рассеялось густое облако пыли, Анна увидела, что снесло весь второй этаж. Женщины выбежали на улицу, а затем вернулись в здание и спрятались в подвале. Поскольку в результате взрывов все вокруг было разрушено, они боялись, что окажутся заживо погребенными. Атака деревни продолжалась полчаса. После окончания обстрела женщины вышли из подвала и увидели огромную воронку в 4,5 метрах от того места, где они прятались.

Светлана была ранена осколком выбитого стекла, и Анна с Таней уговорили ее и Ольгу уехать в Шали, находившийся на меньшей высоте.

А Анна с Таней попросили, чтобы их отвезли в Шатой, где размещалась большая группа российских пленных. Такую поездку нельзя было организовать немедленно, и в ожидании нее обе женщины спали на открытом воздухе. Каждую ночь они изучали небо, стараясь различить российский самолет. Если звезда начинала падать, это означало, что самолет снижается, чтобы сбросить бомбу.

Наконец Анна и Таня вместе с группой чеченских боевиков выехали в Шатой. Они шли по горной дороге, связывающей Ведено и Шатой, по ночам, не зажигая свет, потому что дорогу непрерывно бомбили.

В Шатое чеченские боевики стали расспрашивать о сыновьях Анны и Тани, но ни одного из них не было среди пленных. 10 июня российские силы подошли к Шатой. Анна с Таней покинули деревню вместе с подразделением чеченских боевиков и стали подниматься еще выше в горы, к селению Борзой. 15 июня они ушли из Борзой в Итум Кале.

Путешествие в Итум Кале, которое находилось еще выше в горах, почти на границе с Грузией, на Кавказском хребте, было самой опасной частью путешествия. Несмотря на июнь, на земле лежал снег. По ночам луна казалась огромным шаром над зубцами гор. Им пришлось пройти по участку, который простреливался русскими. У русских были приборы ночного видения, поэтому такая поездка была опасной в любое время суток. Пересекали зону в сумерки, когда бдительность военных была не столь высока, ехали по проселочным дорогам в небольшом джипе с выключенными фарами, минуя зияющие горные пропасти.

Когда Анна и Таня прибыли в Итум Кале, группа чеченских боевиков под командованием Шамиля Басаева захватила город Буденновск на юге России, взяв в заложники более 1000 человек в городской больнице. 17 июня российские войска особого назначения предприняли две безуспешные попытки взять штурмом здание больницы. Под сильным давлением общественности ради спасения заложников премьер-министр Виктор Черномырдин подписал соглашение о прекращении огня, безопасном проходе чеченских боевиков и начале мирных переговоров. Таким образом, боевые действия прекратились на несколько месяцев.

В начале августа Анна и Таня в сопровождении чеченских солдат, переодетых в гражданскую одежду, покинули горы и отправились в Грозный. К тому времени, когда они приехали, полным ходом шли мирные переговоры, и Анна и Таня присоединились к другим российским и чеченским матерям у здания на улице Маяковского, где прохо-

дили переговоры. Там мать другого солдата рассказала Анне, что ее дочь Евгения попала в автокатастрофу недалеко от Москвы.

25 августа Анна уехала в Москву. К ее приезду дочь уже прооперировали и поместили в отделение интенсивной терапии. Вечером 5 сентября, когда Евгению готовили к новой операции, которая была назначена на следующий день, Анне позвонила Таня Иванова. Она нашла тело Коли в Ростове.

После отъезда Анны в Москву Таня вернулась в Ростов в надежде найти тело своего сына. К тому времени была сделана видеозапись всех тел, и матерям больше не приходилось ходить по рефрижераторным вагонам. Таня начала смотреть видео и на № 157 попросила оператора остановить пленку. Она четко узнала лицо Коли. Эксперты достали дело под № 157 и сообщили Тане, что заснятое тело принадлежало Евгению Гилеву, и он похоронен в деревне Степное Озеро в Алтайском крае, в 320 километров от Барнаула.

Анна показывала Тане фотографии своего сына, и Таня была абсолютно уверена, что под № 157 лежал Коля. Она сразу же позвонила Анне. Колин отец поехал в Ростов и, посмотрев видеопленку, подтвердил, что это его сын. Он привез копию видеопленки в Москву, и Анна тоже признала своего сына.

Тело Коли опознал как Гилева солдат, служивший вместе с Евгением, хотя Пясецкий и Гилев не были похожи, у них был разный цвет волос, и на них была форма разных частей. После того как этот солдат опознал труп, не составляло труда принять это за истину. На самом деле малейшее усилие помогло бы выявить ошибку. Снятая с формы Коли и помещенная в дело под № 157 эмблема принадлежала Рязанскому десантному полку. А Гилев служил в моторизованном полку Юргенской дивизии, так что под № 157 находиться не мог.

Пока тело Коли готовили к отправке семье Гилева, тело Гилева находилось в одном из рефрижераторных вагонов и было зарегистрировано под № 162. Евгений, чувствуя, что умирает, написал записку со своей фамилией и адресом, положил ее в пустую коробку из-под патронов, а ее в карман рубашки. Но в течение нескольких месяцев никто не догадался проверить карманы его рубашки, и его тело лежало «неопознанным».

Трупы российских солдат возвращались их семьям в цинковых гробах. Родным убитых солдат было приказано не открывать гробы. Когда Колино тело прибыло в деревню Степное Озеро, родители Евгения, нарушив приказ, приоткрыли крышку, но после 3200-километрового путешествия из Ростова тело стало неузнаваемым.

Позже мать Евгения говорила Анне: «Когда я хоронила парня, я опасалась, что это не мой сын».

Как потом узнала Анна, тело Коли лежало в одном из двух рефрижераторных вагонов, которые прибыли в Ростов, когда она находилась на пути в Моздок после первой поездки в Ростов. Небольшая ошибка могла привести к тому, что она бы никогда не нашла тело своего сына, потому что в середине февраля сотни тел были отправлены из Ростова, чтобы предать их земле на основании небрежного, либо неполного опознания. Но после интенсивных шестинедельных боевых действий российские военные власти начали снимать на видеопленку неопознанных погибших солдат, брали образцы их одежды, делали записи о состоянии зубов, наличии родинок и других отличительных примет. Колино тело было заснято на пленку 21 февраля.

2 марта его отправили в Барнаул для захоронения, за день до того, как Анна вернулась в Ростов, чтобы продолжить поиски. Когда она во время своего второго посещения описала сотруднику видеотеки Колины родинки и небольшую татуировку, он сказал, что в компьютерной базе нет никого с такими характерными приметами.

Родители Гилева дали разрешение на эксгумацию Колиного тела, и Рязанский полк согласился перевезти тело в Москву. Однако, в течение еще шести недель тело Коли оставалось в Барнауле, потому что у полка были проблемы с горючим. Наконец 15 октября тело Коли было доставлено в военный госпиталь им. Бурденко в Москве.

Пока Анна ждала перевозки тела сына в Москву, Таня Иванова наконец нашла тело своего сына Андрея, которое также находилось в Ростове. Оно лежало среди обуглившихся останков, и ей удалось опознать его лишь с помощью экспертов по форме черепа и грудной клетки и по группе крови.

После похорон Коли Анна помогала другим матерям разыскивать пропавших сыновей. Во время первой чеченской войны в Чечне было убито около 4400 российских солдат, 1400 из которых еще в конце 1997 года считались без вести пропавшими. 400 неопознанных тел находились в Ростове.

В первые недели войны поползли слухи о том, что тела погибших солдат часто отправляли в чужие семьи. Это вселило страх в родителей, которые теперь не были уверены, что хоронят именно своего сына.

Учитывая эти обстоятельства, необходимо было с большей ответственностью отнестись к неопознанным телам в Ростове. Их нужно бы-

ло опознать не только ради семей солдат, чьи останки здесь хранились, но и чтобы заверить других родителей, что они на самом деле хоронят собственного сына, и чтобы исключить этих солдат из списка без вести пропавших.

Однако во многих случаях для точного проведения опознания неопознанных тел солдат в Ростове, в личных делах многих из которых не были указаны группа крови или данные рентгена грудной клетки, требовались методы и приборы, имеющиеся лишь в самых современных лабораториях геной инженерии. Российское правительство, потратившее 40 млрд долл. на войну в Чечне, заявило, что у него нет денег на создание такой лаборатории в Ростове, а у матерей пропавших без вести солдат, многие из которых не получали зарплату, как правило, не было денег на оплату генетического тестирования останков тела частным путем в лабораториях Министерства здравоохранения в Челябинске, Тюмени и Москве, данные которых к тому же часто бывали ненадежными.

Таким образом, безответственное отношение властей к опознанию тел погибших в Чечне вызвало возмущение по всей стране, и многие матери, чьи сыновья были убиты в Чечне, лишённые уверенности, что в могилах их сыновей действительно находятся их останки, чувствовали, что у них украли их сыновей еще раз.

Москва, июль 1998 года

В безоблачный день, когда Москва изнемогала от 35-градусной жары, Галина Андреева вышла из своей квартиры в Юго-Западном округе, чтобы выполнить самое тяжелое поручение в своей жизни.

Галина только что поговорила по телефону с лаборанткой Морозовской детской больницы, которая сообщила ей о кремации тела ее внука. Но ни она, ни ее дочь не видели тела ребенка и не знали причины его смерти.

Галина доехала на метро до Добрынинской площади и пошла по направлению к больнице; пересекла внутренний двор и вошла в патолого-анатомическое отделение на первом этаже. Ее встретили лаборантка и два врача-патологоанатома, одна из которых производила вскрытие. Патологоанатом открыла журнал записей и начала читать. Галина узнала, что это был мальчик весом 2,5 килограмма.

— Но от чего умер наш ребенок? — спросила Галина.

К удивлению Галины, врач развела руками и сказала:

— Я не знаю.

— Не знаете? Как вы можете не знать после произведенного вскрытия?

Галина повернулась к лаборантке, сидевшей за соседним столом:

— Где его кремировали?

— Я точно не знаю, — ответила лаборантка.

— Я работаю в студенческом общежитии, — сказала Галина, выведенная из себя. — Когда мы отправляем белье в прачечную, мы записываем каждый предмет и дату его отправки. Как могло произойти, что вы отправили тело ребенка в крематорий без согласия его родителей и даже не отметили, когда отправили его?

Через несколько минут Галина вышла из больницы. С каждым шагом ей казалось, что тайна, окружающая судьбу ее внука, покрывалась все большим мраком.

Было 13 июня. Дочь Галины, Светлана Бизимана, находилась на 9-м месяце беременности. В Москве стояла жара, и Светлана пила много жидкости, из-за чего у нее опухали ноги. Примерно в полночь она вышла погулять и почувствовала, как шевелится ребенок. В 7 часов утра у нее отошли воды, и она вместе с матерью поехала на такси в родильный дом № 10.

В больнице Светлану осмотрели в приемном отделении и отвели в палату на втором этаже. Почти сразу же у нее начались сильные схватки, и в 8.45 она родила ребенка. Медсестра взяла ребенка на руки, и Светлана увидела, что голова и руки у него были синие. Медсестра перерезала ребенку пуповину и отнесла в отделение для новорожденных. Через несколько секунд раздался крик: «Дайте кислород!», и врачи и медсестры помчались в детскую. Появилась врач приемного отделения Юдеева и поспешила вслед за ними. Вскоре она вышла и стала кричать на Светлану: «Вы убийца! Вы убили своего ребенка».

Из детского отделения вышла врач-педиатр и сказала акушерке в присутствии Светланы, что ребенок был мертв уже в течение трех дней.

Галина ждала внизу. Неожиданно ее позвали в приемное отделение. Акушерка Надежда Кушер сказала ей: «У Светы были опухшие ноги, и ребенок умер». Несколько часов спустя Галина разговаривала с Юдеевой и попросила выдать ей тело ребенка. Но Юдеева ответила, что в таких случаях детей не хоронят. Тело уже перевезли в Морозовскую детскую больницу для вскрытия.

Когда Галина попросила свидетельство о смерти, ей было сказано, что свидетельства о смерти выдаются лишь на тех детей, которых хоронят.

Светлана ощущала абсолютную беспомощность. Ее ребенка отняли у нее прежде, чем она успела хотя бы увидеть его.

На второй день пребывания Светланы в больнице ее перевели в палату на первом этаже. В конце дня какая-то женщина разрыдалась, повторяя сквозь слезы, что родила мертвого ребенка. Светлана спросила, откуда та об этом узнала. Та ответила, что врачи послушали сердце ребенка перед родами и сказали ей, что ребенок мертв. После этого они вызвали схватки и после родов показали ей тело ребенка. История этой женщины убедила Светлану, что история с ее ребенком, якобы умершим за три дня до родов, была обманом. Врачи слушали сердце ребенка после того, как она поступила в приемное отделение, и когда ее муж Жан, московский студент из Руанды, звонил и спрашивал о ее состоянии, персонал роддома отвечал ему, что все протекает нормально и она скоро родит.

В течение последующих дней Жан неоднократно повторял просьбу семьи выдать им тело ребенка, но заведующая отделением А. Д. Зеленцова лишь отвечала, что их просьба «будет рассмотрена». Из этого ответа следовало, что больничное начальство по какой-то причине не хочет выдать им тело ребенка. В этот период Светлана, не в силах контролировать свои эмоции, почти не разговаривала с врачами.

На пятый день пребывания в больнице Светлану готовили к выписке, и Галина снова спросила у Зеленцовой насчет тела ребенка. На этот раз ей сказали: «Вы же сами отказались. Поезжайте в Морозовскую больницу. Тело вашего ребенка там».

Галина понимала, что по какой-то причине сотрудники родильного дома обманывают ее и вместо того чтобы поехать в Морозовскую больницу, она отправилась к прокурору Зюзинского района, к которому относился 10-й роддом, и попросила помощи в поисках своего внука.

Галина написала заявление о том, что сотрудники роддома отказались показать семье тело ребенка и выдать им свидетельство о его смерти. Все это, писала она, вызывает сомнения относительно того, что тело, находящееся в морге Морозовской детской больницы, действительно принадлежит их ребенку.

В это время по Москва ходили слухи о похищениях детей из родильных домов, и в прессе сообщалось о документально подтвержденных случаях краж новорожденных прямо из роддомов в других российских городах и на Украине. Галина и ее дочь были простыми рабочими, а Жан был африканцем, поэтому Галина понимала, что никто не будет беспокоиться о судьбе их ребенка.

В течение месяца Галина неоднократно звонила в прокуратуру, и ее неизменно просили подождать. Наконец, прокурор Соколова, занимавшаяся

яся расследованием этого дела, заявила, что тела ребенка нет ни в роддоме, ни на районном кладбище, ни в Морозовской детской больнице. С одной стороны, Галина почувствовала, что происходит нечто ужасное, но с другой стороны, у нее появилась слабая надежда. Возможно, думала Галина, раз тела ребенка не могут найти, он жив.

Галина позвонила в похоронное бюро Зюзинского района. Смерть каждого человека в районе была зарегистрирована в их компьютере. В случае мертворожденных детей сотрудники записывали фамилии их родителей. В похоронном бюро сообщили, что о ребенке Светланы никакие данные не поступали. Наконец, она позвонила в Морозовскую детскую больницу, хотя прокурор говорил ей, что ребенка там нет. В больнице ей сказали, что тело ребенка было кремировано.

Через три дня после посещения Морозовской больницы Галина позвонила в Николо-Архангельский крематорий, где кремируют детей, и узнала, что тело ребенка Светланы было кремировано за несколько минут до ее звонка.

Отчаявшись напасть на след потерянного внука, Галина поехала в крематорий и попросила отдать ей пепел ребенка. Оказалось, что пепел бросили в общую могилу. Затем она говорила с директором, который сказал: «Какая общая могила? Нет у нас никакой общей могилы, никаких останков детей, только пар».

Теперь Галине казалось, что единственным способом узнать о судьбе ребенка Светланы было открытие уголовного дела против сотрудников роддома. Галина надеялась на своевременные действия прокурора. Однако через несколько дней после посещения крематория она получила ответ на свою жалобу от районного прокурора, в котором говорилось, что персонал 10-го роддома не нарушал закон, если не считать того, что в роддомах России принято показывать родителям мертворожденных детей весом более килограмма, и то, что, согласно российским законам о захоронениях и организации похорон, телом мертвого ребенка распоряжаются его родители.

Через несколько месяцев Галина пошла к частному детективу. Детектив сказал, что если ребенка украли, здесь замешана сильная группировка организованных преступников, и если он возьмется за это дело, ему придется рисковать своей жизнью. Тем не менее он готов взяться за это дело если ему будут платить 600 долларов в день. Но такую сумму Галина и Светлана не могли себе позволить.

Галина подала апелляцию окружному прокурору по поводу действий районного прокурора. Она утверждала, что районный прокурор не предпринял действий по поводу ее жалобы, что роддом отказался вы-

дать тело ребенка и не выдал свидетельства о смерти, и она опасается, что был кремирован другой мертворожденный ребенок, в то время как ребенка ее дочери продали.

Приняв у Галины заявление, прокурор пообещал ей, что будет проведено расследование. Когда Светлана позже обратилась к окружному прокурору для подачи заявления, следователь спросил у нее: «Между прочим, вы не состоите на учете у психиатра?» Светлана остолбенела, услышав предположение о том, что она сошла с ума, но взяла себя в руки. «Не важно как, но я выясню, что случилось с моим ребенком», — сказала она.

Через несколько месяцев после того, как Светлана отнесла заявление окружному прокурору, Галина отправилась в роддом забрать медицинскую карту своей дочери. Ее приняла Зеленцова, которая отнеслась к ее попыткам узнать о судьбе ребенка как к проявлению истерии.

— Вы уже успокоились? — спросила она.

— Нет, — ответила Галина, стараясь не обращать внимания на оскорбительный тон вопроса. — Я не могу успокоиться. Это будет с нами до конца нашей жизни.

13. Криминализация сознания

**У русского человека недостаточно
сильно сознание того, что честность
обязательна для каждого человека,
что она связана с честью человека,
что она формирует личность.**

Николай Бердяев Судьба России

Сергей Михайлов встал из-за стола навстречу своему гостю Лорану Николе, московскому корреспонденту женевской газеты «Ле тан».

— Я готовлюсь к важной встрече, — сказал он, — но для такой газеты, как ваша, я всегда найду время для интервью.

Николе с удивлением воспринял слова Михайлова. То ли Михайлов не читал того, что писала «Ле тан» о нем, пока он сидел два года в женевской тюрьме Шан-Доллон, то ли он к нему снисходителен¹. За этой сценой наблюдала компания мужчин в строгих костюмах, готовясь занять свои места за столом переговоров в кабинете Михайлова, раздвинутым для банкета. Тут же стояли красивые молодые женщины, по-видимому, готовые развлекать гостей после окончания встречи.

Михайлов повел Николе в комнату рядом со своим кабинетом в сопровождении двух адвокатов и пресс-атташе. Вскоре к ним присоединился журналист «Новой газеты» Олег Лурье.

— Чем вы занимались после возвращения из Швейцарии? — спросил Николе.

— Делами, — ответил Михайлов.

— Нельзя ли немного поточнее?

— Можно назвать это так: покупкой и продажей товаров!

Пресс-атташе прервал интервью, чтобы напомнить, что Михайлов также занимается благотворительной деятельностью. Он имел в виду организацию «Участие», созданную Михайловым в 1993 году, которая оказывала помощь нуждающимся семьям, жертвам войны в Чечне и сиротам, а также давала средства на восстановление церквей. «Участие» выделило деньги на сооружение колокольни с 9 колоколами для церкви в деревне Федосино. На главном колоколе была

надпись, говорившая о том, что он отлит на средства фонда «Участие» и солнцевской группировки. Среди других благотворительных жестов были подарки отделу предварительного заключения «Матросская Тишина» (продукты, электротовары и 500 пар джинсов) и 176-му районному отделению милиции (мебель для детской комнаты). Россияне также с удивлением узнали, что «Участие» спонсировало создание документального фильма о подразделении МВД в Чечне. Глядя на своих адвокатов, Михайлов объяснил последнее сообщение так:

— Я понимаю, насколько важно, чтобы российская общественность знала правду о том, что происходит в «горячих точках» страны.

— Как вы думаете, почему швейцарские власти прилагают такие огромные усилия, чтобы собрать улики против вас? — спросил Николе.

— Швейцарские законодательные органы с недоверием относятся к гражданам России, — ответил Михайлов. — Но такое поведение вредит не столько россиянам, сколько самой Швейцарии... Большие денежные суммы, поступающие из стран Восточной Европы, снимаются со швейцарских счетов, потому что нельзя быть уверенным, что посторонние лица не суют свой нос в твои дела.

После того как беседа закончилась, Михайлов и Николе спустились этажом ниже, и Михайлов показал ему офис фонда «Участие». На полках стояли многочисленные фотографии, на которых Михайлов был снят с улыбающимися сиротами и во время вручения ордена Сергея Радонежского, самой почетной награды русской православной церкви, патриархом Алексием.

— Швейцарцы, подобно американцам, — сказал Лурье, — убеждены, что во всех их экономических трудностях виновата Россия и российская мафия, и стремятся не допустить, чтобы Россия стала участницей мирового бизнеса.

Михайлов, один из самых известных «авторитетов» России, в то же время пользуется значительным авторитетом в обществе. Ему не только удавалось избегать судебных исков и пользоваться льготами; многие считали его уважаемым человеком².

Терпимость к преступникам и даже восхищение ими появилось в России постсоветскую эпоху. Однако корни этого явления уходят в далекое прошлое. Понятие о законах, применимых равным образом ко всем и основанных на трансцендентных принципах морали, имели малое влияние в дореволюционной России, где законы составлялись для защиты прав собственности землевладельцев. Именно поэтому среди

русских крестьян распространилось убеждение, что закон отличается от идеи справедливости, которую, с их точки зрения, можно определить на основании экономического статуса сторон.

После свержения царизма классовый подход крестьянства к законам был принят как официальная идеология, и в годы революционного переворота экономическое положение арестованного человека было гораздо важнее для определения его судьбы, чем факт нарушения им закона. Позже сталинский режим провел четкое разграничение между заключенными, которые, хотя и были обычными преступниками, считались «социально близкими», и теми, кто был «социально чужд», к ним по большей части относились политзаключенные, арестованные за принадлежность к определенному классу. По отношению к обычным преступникам проявляли мягкость и снисходительность и их использовали в трудовых лагерях для устрашения политзаключенных.

Результатом подобной эволюции стало то, что в России понятие закона как универсального стандарта имело меньшую силу перед лицом стремления общества к «справедливости». Поэтому общество оказало незначительное сопротивление, когда после падения Советского Союза его захлестнула волна преступности.

На этом фоне три фактора позволили бандитам добиться видимости соблюдения законов и даже какой-то степени респектабельности. Во-первых, банды изображали из себя Робин Гудов, которые заставляли продажных бизнесменов «делиться» своим богатством, как бы перераспределяя его³.

Второй фактор заключался в общей уверенности в том, что бандиты, используя силу для приобретения богатства, были ничем не хуже других людей. Россиян воспитывали на идее, что капитализм — джунгли, где выживают наиболее безжалостные, и они видели, как присваиваются огромные предприятия и целые состояния с помощью политических связей. Казалось, что нет никакого смысла обвинять бандитов в том, что они совершают.

И, наконец, россияне примирялись с бандитскими законами, потому что с крахом коммунистической идеологии, которая давала людям какой-то смысл существования, население осталось без нравственных ориентиров.

Нравственный вакуум зачастую порождал чудовищные последствия. За 1992–1997 годы только в одной Москве 20 000 человек продали свои квартиры и затем бесследно исчезли. В целом по стране количество пропавших подобным образом людей за указанный период

было во много раз больше. Предполагалось, что подавляющее большинство этих людей убили из-за их квартир.

После начала приватизации жилья в России оно приобрело ценность, и в городах по всей стране создавались «квартирные» банды. Они давали взятки работникам домоуправлений, чтобы те передали им сведения об алкоголиках или одиноких стариках, проживающих без близких родственников. Затем под различными предложениями входили в контакт с такими людьми, заставляли их передавать им свои квартиры, после чего убивали. После этого акт «продажи» квартиры регистрировался частными нотариусами и работниками паспортного стола местного отделения милиции.

Успех «квартирных» банд объясняется не только звериной жестокостью, свою роль сыграла безучасность простых граждан. Работники домоуправления, сотрудники милиции, нотариусы знали или по крайней мере предполагали, что ничего хорошего не случится с теми, чьи сделки по продаже квартиры они регистрировали, но они поступали так, потому что судьба этих людей их не касалась.

Точно такое же нравственное безразличие демонстрировали высокопоставленные чиновники. В 1992 году помещение Кремлевского Дворца Съездов было арендовано для необычного спектакля. Представители японской секты Аум Синрикё, одержимые идеей конца света, одетые в блестящие трико, танцевали под музыку, написанную главой секты Сёко Асахара специально по случаю начала турне по спасению русских силами Аума. Именно во время этого турне члены культа познакомились с Олегом Лобовым, секретарем Совета Безопасности и близким помощником Ельцина, что ознаменовало эпоху тесного сотрудничества между российскими властями и сектой.

При поддержке Лобова члены этой секты, называющие себя «японскими бизнесменами», учились на военных базах Таманской и Кантемировской дивизий в окрестностях Москвы обращению с пулеметами, винтовками и танками; изучали современные виды оружия, в том числе реактивные истребители МиГ-29, ракетные установки «Протон» и ядерные боеголовки, а также посещали лекции в Лаборатории термодинамики Академии наук, где слушали курс о распространении газов.

В 1995 году члены секты устроили газовую атаку с использованием нервно-паралитического газа зарин в Токийском метро, в результате которого 12 человек погибло и более 5 тысяч пострадало. На судебном разбирательстве по делу лидера секты начальник разведки Аум Синрикё подтвердил, что проект газовой установки для зарина был

предоставлен Аум Синрекё Лобовым в 1993 году в обмен на 100 000 долларов наличными. (После этого Ельцин назначил Лобова своим представителем в Чечне.)

Данная ситуация требовала умения проводить четкие нравственные различия, но в обществе, которое лишилось одного мировоззрения, не получив взамен другого, многие россияне не способны были проводить такие различия.

Последствия потери мировоззрения проявлялись во многих областях.

Клиника по предупреждению самоубийств, Измайловский район, Москва

— За последние несколько лет все изменилось — название страны, государственный герб, национальный гимн и цены, — сказала Стелла Шармина, психиатр клиники. — Люди почти всю жизнь жили при стабильных ценах. Теперь они ходят из магазина в магазин и не могут привыкнуть к тому, что везде разные цены. Они боятся, что пока они будут искать где дешевле, в том магазине, с которого они начали поиски, товар распродадут.

В начале 1990-х многие дети отказывались ходить в школу. Они думали, что получение образования — это дорогое и не престижное занятие. Родители оказывали на них давление, и это часто заканчивалось попытками самоубийства.

Однажды к нам пришла женщина, которую беспокоил ее 16-летний сын, который занялся торговлей. Он вместе с друзьями приобретал товары и ехал на электричке в отдаленные районы, где продавал их. Мать чувствовала полную беспомощность. Он лучше приспособился к новым условиям, чем она. В результате они поменялись ролями — он стал главой семьи. Женщина говорила: «Я не знаю, что делать. Я не хочу больше жить».

Однажды пришла пожилая женщина, которой было за 60, работавшая костюмером в театре. С началом перестройки она вышла на пенсию, и происходящие перемены держали ее в состоянии постоянного страха. Она стала бояться выходить на улицу, смотреть телевизор и читать газеты. Оставаясь в квартире одна, она начинала кричать. «Что мне делать?», — спрашивала женщина. Мы заходили к ней, приносили ей продукты. Как только ей стали оказывать помощь, ее состояние улучшилось.

Другая женщина, которой посоветовала обратиться в клинику одна моя подруга, сказала: «Я не хочу жить. Религия не позволяет мне покончить с собой, и это единственное, что меня останавливает».

Она жила одна, и, по мере того как вокруг все менялось, женщина стала бояться, что если с ней что-нибудь случится, об этом никто не узнает.

Люди в России были поставлены в условия, когда им приходилось беспокоиться о проблемах своих семей и о ситуации в целом, в особенности о борьбе за мир, а не о преступности, несчастных случаях, катастрофах или борьбе за выживание. Когда у них появлялись подобные проблемы, они часто реагировали на это страхом и истерией».

Срочная спасательная служба Москвы, «02»

Срочная спасательная служба была организована в соответствии с теми же принципами, что и аналогичные службы на Западе, например, «911» в США. Вызов записывается на пленку, и информация передается в местное отделение милиции, которое должно в течение нескольких минут направить сотрудников к месту происшествия.

На самом же деле помощь может прийти с большим опозданием. Галина Дюжева, старшина смены на службе «02», рассказывала, что их служба не имеет прямой линии связи с 13 отделениями милиции, а связь с 22 другими очень плохая. Это часто приводит к серьезным недоразумениям.

Однажды вечером «02» получила сообщение о том, что найдено мертвое тело. Дежурный оператор позвонил в соответствующее отделение милиции, но по ошибке попал в квартиру. Ему ответил мужчина, и оператор сказала:

— Найден труп по такому-то адресу.

Затем оператор спросила:

— Вы все записали?

Мужчина ответил:

— Да, я записал.

Но через несколько минут он перезвонил и спросил:

— А что мне нужно делать с этим трупом?

У Дюжевой есть специальный пульт управления, который позволяет ей прослушивать звонки, получаемые другими сотрудниками, и при необходимости оказывать им помощь.

Ограбление квартиры.

— Когда вас обокрали?

— Утром.

— А почему вы звоните только вечером?

— Потому что здесь всегда такой беспорядок, что я сразу не заметила пропажу.

Групповое изнасилование.

— Когда это произошло?

— Вчера.

— Почему же вы звоните сегодня?

— Я приходила в себя.

Случаются звонки о подозрительных пакетах (которые обычно оказываются заполненными различным мусором) и пьяных, лежащих на улице. Иногда об одном и том же пьяном звонят разные люди.

Случается, что в один прекрасный день в Москве жители всего города выходят из своих квартир и обнаруживают, что у них пропали машины. В течение дня бывает относительно спокойно. Вечером может позвонить рабочий, узнав, что его квартиру ограбили. Муж избивает свою жену, а какой-то мужчина бросился на соседа с топором. Ночью бывают многочисленные звонки от пьяниц и душевнобольных.

— Успокойтесь, мужчина.

— Я не мужчина, я ветеран войны.

— Скажите мне, он ваш муж?

— В какой-то степени.

— Как был одет грабитель?

— Модно.

— Как ему удалось убежать?

— На лифте.

— Что случилось?

— Здесь лежит труп и поет песни⁴.

Салон черной магии, Москва, Новослободская улица

На четвертом этаже полуразрушенного жилого здания открываются тяжелые двойные двери, и женщина в черном одеянии ведет посетителя по темному коридору мимо распытия, висящего на стене, и огромной руки, держащей полупрозрачный фиолетовый шар. Именно здесь две колдуньи, Рузанна и Наталья, принимают своих клиентов.

— Колдун, — говорит Рузанна, — это врач, который имеет дело с духовной энергией. В этом отношении религия тесно связана с магией.

Наталья добавляет, что многие из их клиентов — бизнесмены, испытывающие финансовые трудности, и люди, несчастные в любви.

Финансовый кризис нарушает целостность биополя бизнесмена, и Рузанна с Натальей пытаются восстановить его совершением древних ритуалов и исполнением ритмичных магических песнопений. Однажды к ним пришел президент фирмы, находящейся на грани краха,

вместе со своим коммерческим директором. Они хотели убедиться, что судебное дело будет решено в их пользу. Рузанна попросила документы фирмы и официальную печать. Она произнесла заклинание над печатью и совершила ритуал очищения документов. Затем произнесла заговор об успешном исходе дела. После этого Рузанна совершила особый ритуал с печатью, документами и дала фирме индивидуальный амулет.

У людей, которые ищут помощи в любви, обычно наблюдается та или иная степень сексуальных нарушений. Финансовая нестабильность приводит к тому, что женщины становятся фригидными, а мужчины теряют способность к совершению полового акта. Чтобы помочь этим людям, Рузанна и Наташа совершают обряд гармонизации их семейной жизни и прописывают сексуальным партнерам слагаемые «сладкой постели», включающие лепестки роз и специальные сексуальные духи для женщин.

В некоторых ситуациях клиенты просят колдуний изменить поведение партнера, обычно путем приворота. Для этого они, используя фотографию, создают восковую фигурку человека, чьи чувства нужно изменить, затем протыкают иглой половые органы фигурки, после чего удаляют иглу. Просьбы совершить ритуал исходят от женщин, страдающих от безответной любви, или от жен, мужа которых ушли к другим женщинам. Клиентам, обращающимся с такими приспособлениями, колдунии стараются объяснить, что приворот является серьезным шагом, который может повлиять на всю будущую жизнь человека. Но тем не менее колдунии иногда соглашаются вмешаться в судьбу. Например, иногда они видят, глядя на фотографию человека, что приворот уже совершен другим колдуном. Женщина обычно просит колдунью убрать тот приворот и сделать для нее новый. В таких случаях, рассказывает Рузанна, колдунья убирает первый приворот, но не обязательно заменяет его новым, а производит лишь ритуал гармонизации семейных отношений, чтобы человек мог сам решить, с кем он хочет жить.

Кроме бизнесменов и лиц с проблемами в личной жизни, к колдуньям часто приходят бандиты, которые боятся погибнуть в перестрелке или хотят использовать магию в рэке. Иногда бандиты пишут колдуньям из тюрьмы, прося помощи в устройстве финансовых дел.

Однажды к Рузанне и Наталье пришел профессиональный киллер и заявил им, что хочет изменить свою судьбу, так как боится, что его ждет ужасный конец. Он убил многих людей и видит своих жертв во сне. Колдунии дали ему возможность выговориться, но ответили, что не имеют права изменить его судьбу. «Слишком много смертей на его

совести, слишком много детей он оставил без отцов. Если бы мы изменили его судьбу, нас бы за это наказали», — сказала Наталья. На Рузанну и Наталью большой спрос в Москве, они получают по 3–4 письма в день из провинции. Их успех вызывает зависть. «В Москве много колдунов, — говорит Рузанна. — Но разве может быть соперничество в помощи людям?»⁵

18 марта 1998 года корреспондент «Комсомольской правды» опубликовал в газете объявление, состоящее из двух слов: «Киллер. Недорого», а затем номер телефона. Этот репортер собирался опубликовать отклики на свое объявление 1 апреля как первоапрельскую шутку. Но число людей, воспринявших данное объявление всерьез, оказалось намного больше, чем ожидалось.

Первый звонок раздался в 9 часов утра. Мужчина говорил вполголоса: — Я звоню по объявлению. Что это, какая-то шутка?

— Время шуток прошло, — безапелляционным тоном ответил репортер.

— Какие заказы вы принимаете?

— Любые.

— О'кей, я обязательно перезвоню вам.

Через полчаса раздался еще один звонок.

— Я хотела бы узнать насчет киллера, кто это такой? — спросила звонившая.

— Это человек, который уничтожает неудобных людей.

— А сколько вы берете за свои услуги?

— Две тысячи долларов.

— Независимо от того, кого нужно убить?

— Мы не принимаем заказы на убийство политических деятелей и должностных лиц.

— Почему?

— Мы не хотим с ними связываться. У них есть телохранители и многое другое, и это может стоить нам уйму денег.

— Но если люди готовы платить за это, почему бы и нет?

— Скажите честно, кто вам докучает?

— Кто мне докучает? Я не знаю. Две тысячи за убийство в принципе вполне разумная цена. А вы не выдаете человека, который сделал вам заказ?

— Ни в коем случае.

— Так значит, все шито-крыто.

— Естественно.

— А какие методы вы используете?

— Традиционные.

— А сколько времени вам может потребоваться на выполнение заказа?

— Все зависит от желания клиента. Например, в течение недели. Все зависит от характера заказа: кого надо убить и каким образом.

— Что у вас, мелкое предприятие?

— Как вы догадались?

— А как называется ваша фирма? «Убей своего врага?»

— Что-то в этом духе.

— Спасибо. Я вам перезвоню.

С этой минуты звонили каждые полчаса. Некоторые утверждали, что звонят из «спортивного интереса». А другие угрожали «бизнесменам».

— Вы не боитесь за вашу жизнь? — спросил один из них.

— Нет, не боюсь, — ответил репортер.

— Ну-ну, — промычали в трубку.

Но большинство звонивших на самом деле хотели организовать убийство. Многие потенциальные клиенты звонили издалека, что, по мнению репортера, было связано с большим тиражом «Комсомольской правды». И чаще всего поводом для предполагаемого убийства служили семейные отношения. Одна женщина просила убить любовницу своего мужа. Другая хотела убить соседку, которая постоянно заливала ее квартиру. Третьего интересовало, как заказать убийство человека, не вернувшего долг.

Никто не заказывал убийство крупных политических деятелей, но один из звонивших захотел убить местного государственного чиновника, жившего примерно в 500 километрах от Москвы. Репортер отказался от такой работы под предлогом, что туда слишком далеко ехать⁶.

Однажды октябрьским днем 1997 года известного российского актера Александра Милокостого остановили на улице и доставили в главное управление по борьбе с организованной преступностью, где ему сообщили, что на него готовится покушение.

Через десять лет после женитьбы Милокостый влюбился в молодую женщину, и его жена Наташа потребовала, чтобы он оставил ей их большую трехкомнатную квартиру. Когда он отказался, она решила его убить.

Для организации убийства Милокостая, работавшая врачом-гинекологом, обратилась к одной из своих знакомых, Нине Антипкиной, заплатив

ей 5000 долларов, а Антипкина дала задание бродяге Владимиру Гаврилову, который согласился выполнить эту работу за 300 долларов.

Случилось так, что желание Антипкиной заработать как можно больше на убийстве Милокостого не помогло осуществить цель его жены. Гаврилов начал тайно следить за Милокостым. Но чем дольше он следил за ним, тем меньше ему хотелось его убивать. Наконец он понял, что не может пойти на убийство, и обратился в милицию.

Вскоре после этого Милокостую и Антипкину арестовали и посадили в тюрьму. Однако пациенты Милокостой, в том числе многие судьи и прокуроры, выступили в ее защиту. Прокурор, ведущий ее дело, находился под сильным давлением, и ему пришлось проявить к ней снисхождение, в результате чего через три дня ее выпустили из тюрьмы.

Тем не менее ей не удалось избежать суда. Слушание дела Милокостой, Антипкиной и Гаврилова состоялось 15 июня 1998 года. Наташа отрицала свою вину, а Антипкина признала свою и обвинила Наташу. Гаврилов был пьян и заснул прямо на суде. Но, поднявшись для дачи показаний, он описал готовившийся заговор с такой ясностью и красноречием, что трудно было поверить, что он выпил. Закончил свою речь он словами: «И меня посадите вместе с ними». Однако судья никого не приговорил к тюремному заключению. Обвиняемые получили по восемь лет условно и сразу после суда оказались на свободе.

В стране, где царил духовный хаос, преступники стали в глазах многих людей олицетворением капитализма, они не только с поразительным успехом делали деньги, но и насаждали свои правила, подрывая и так уже достаточно шаткую мораль россиян. Обязанные своим появлением атмосфере крушения нравственных и идеологических принципов и в то же время способствуя ее сохранению, преступники воспринимались многими как предшественники и лидеры нового правящего класса.

Холодным и дождливым ноябрьским вечером Андрей, водитель московского такси, встретился возле большого автосервисного центра на Кутузовском проспекте с четырьмя бандитами, которые согласились быть его «крышей». Вечер был холодный, и огни машин растворялись в тумане. Пятеро мужчин вошли в сервисный центр и направились к неисправному «Мерседесу», припаркованному на стоянке. Рядом с машиной стояли пятеро членов дагестанской преступной группировки. С расстояния примерно 15 метров за происходящим наблюдал ко-реец, представитель дагестанцев.

Один из русских бандитов попросил Андрея отойти на некоторое расстояние:

— Не вмешивайся. Когда мы позовем тебя, тогда и подойдешь, А до тех пор молчи.

Затем представители обеих группировок начали переговоры.

Наконец, русские бандиты подозвали Андрея, и под наблюдением дагестанцев двухметровый глава российской группировки вручил ему листок бумаги.

— Завтра, — сказал он, — отвезешь машину на эту сервисную станцию и скажешь директору, что ты от меня. Через две недели машина будет как новая. На лечение их клиента им нужно 5000. Тебе придется дать им 2000, потому что он действительно находился в больнице. Но тебе не надо платить за весь «Мерседес», только за то, что было сломано.

Затем он спросил Андрея:

— Ты понял?

Андрей кивнул. После этого бандит повернулся к дагестанцам и спросил:

— Вы согласны?

Те также кивнули.

— После того, как машина будет готова, — сказал он Андрею, — позвонишь корейцу и скажешь, где ему забрать машину.

Однажды вечером за две недели до этого Андрей ехал по Ленинградскому проспекту по направлению к аэропорту Шереметьево. Внезапно примерно на расстоянии 1,5 километров он увидел впереди пьяного, который, шатаясь, повернул налево в узкий переулок. «БМВ» резко затормозил, чтобы не задавить его. В результате ехавший за ним «Мерседес» врезался в заднюю часть «БМВ». Водитель «БМВ» и водитель «Мерседеса» со своим пассажиром-корейцем вышли из машин и стали осматривать повреждения. Тем временем Андрей пытался обогнать микроавтобус. Вдруг тот же пьяный вынырнул перед ним на дорогу. Свернув, чтобы не сбить его, Андрей врезался сзади в стоящий «Мерседес», придавив ноги корейцу и его водителю.

Подъехавшая милиция вынесла из машины Андрея, ударившегося грудью об руль, и отвезла его в Боткинскую больницу, где врачи сделали ему рентгеновские снимки и установили, что переломов нет. Андрея выпустили из больницы, и друзья отвезли его обратно к месту происшествия, где четыре гаишника стояли вокруг его машины, отодвинув ее на правую обочину.

Андрей спросил, что случилось. Один из гаишников ответил, что кореец лишился обеих ног. Услышав это, Андрей отошел к обочине дороги, и

его вырвало. Он понимал, что если бы кореец на самом деле потерял ноги, милиция нашла бы виновного, независимо от обстоятельств. Вскоре один из милиционеров пошел звонить, чтобы узнать о состоянии корейца, и вернулся с мрачным видом.

— Дело плохо, — сказал он. — Кореец без сознания в отделении интенсивной терапии. Его не могут позвать к телефону, и нам не удастся поговорить с ним.

— Тем не менее, — сказал второй милиционер, — мы составим протокол происшествия в вашу пользу. — И добавил: — Вам следовало бы отблагодарить нас.

Друзья Андрея спросили у гаишников, сколько им нужно. Те сказали, что 800 долларов будет достаточно. Андрей был слишком ошеломлен — он не мог выложить такую сумму, но его друзья собрали деньги, и 800 долларов были заплачены.

Позже Андрей узнал, что кореец отделался лишь парой синяков. Также ему стало известно, что пока гаишники охраняли его машину, из нее украли магнитофон, электрический насос и противолокационное устройство. Через несколько дней после инцидента Андрея вызвали в районное отделение ГАИ. Приехав на полчаса раньше назначенного времени, он заметил стоящий на улице серый «Мерседес» последней модели с затемненными стеклами. Рядом с машиной стояло несколько кавказцев.

В 15.00 Андрей вошел в кабинет и представился. Русский и кореец, участвовавшие в инциденте, разговаривали с инспектором ГАИ, которая попросила Андрея подождать за дверью. Когда он вышел на улицу, двое кавказцев схватили его и повели к своей машине.

Оказавшись в машине, явный лидер группы заговорил:

— Меня зовут Гарик. Люди, на которых ты наехал, мои люди. Из-за того, что один из них попал по твоей вине в больницу, я потерял контракт на 5 миллионов долларов.

— Что вы от меня хотите?

— Во-первых, мне не нужно вмешательство милиции и суда. Тебе придется заплатить за ремонт машины корейца, за его пребывание в больнице и за его лечение.

— Если они сочтут меня виновным, я это сделаю, — ответил Андрей.

— Ты виновен.

Пока они разговаривали, из здания вышли кореец и русский. Гарик показал на них.

— Видишь этих людей? Все вопросы теперь решай с ними. Если они будут недовольны, они позвонят мне, и тогда я тобой займусь.

Кавказцы отпустили Андрея, и он пошел к инспектору. Кабинет был довольно небольшой, но долгое время инспектор не обращала на него внимания. Наконец она отложила бумаги и посмотрела на него с полным безразличием.

— Я рассмотрела ваш случай, и ясно, что вы виновны, — сказала она.

— Но там был пьяный...

— Он всего лишь пешеход.

— «Мерседес» не включил аварийную сигнализацию.

— И что из этого?

Андрей понял, что взятка инспектору перекрыла его взятку милиции. Он вышел из кабинета и увидел на улице Олега, который ехал тогда вместе с корейцем. Они договорились встретиться на следующий день на стоянке центрального ГАИ, куда был доставлен «Мерседес». Андрей понимал, что его некому защитить, но он разговаривал спокойно и старался поддерживать видимость делового общения.

На следующий день Андрей встретился с Олегом на стоянке, и они потащили на буксире неисправный «Мерседес» в автосервис. Работник сервиса сказал, что ремонт обойдется в 4000 долларов плюс стоимость запчастей. Олег сообщил об этом корейскому боссу, другому корейцу по имени Бак Санг У (псевдоним). Оба корейца работали в московском отделении корейской электронной фирмы. Бака, однако, не устроила названная сумма ремонта. Андрей поехал в его офис для переговоров.

На ломаном русском языке Бак сказал:

— Я не хочу обращаться на сервисную станцию. Отдайте мне эти деньги. Я обо всем позабочусь.

— Сколько вы хотите?

— Дайте мне 8000 долларов, 4000 долларов слишком мало. Они схалтурят.

— По-моему, 4000 долларов — вполне разумная цена, — сказал Андрей.

— В действительности, 8000 долларов. — это очень мало, — заявил Бак. — Когда произошла эта авария, наш сотрудник потерял сознание, и во время его пребывания в больнице у него украли 3000 долларов, и 1500 долларов украли у водителя. На самом деле вы должны заплатить 12 000 долларов. Но это еще не окончательная сумма. Я посоветуюсь и тогда назову вам окончательную цифру.

Андрей понял, что этот совет будет исходить от бандитов.

— У меня нет таких денег, — сказал он. — Самое большое, что я могу сделать, — это продать свою машину и отдать вам выручку. Но это будет не больше 6000 долларов.

— А что у вас есть, кроме машины? Дача? Квартира? Мои друзья заберут все, что у вас есть. Когда я узнал об аварии, я надеялся, что вы богаты. Я бы забрал у вас все до копейки. Но я вижу, что вы простой рабочий, и поскольку я хорошо отношусь к русским, я хочу пойти вам навстречу. Вы должны мне всего 12 000 долларов, но это пока неточно.

— Неважно, как вы относитесь к русским, но у меня нет таких денег.

— Если вы хотите жить спокойно, то вам придется продать свою квартиру и то, что у вас есть.

Через 2 дня Бак позвонил и сказал, что Андрей должен ему 18 000 долларов, потому что жертва аварии потратила еще 5000 долларов на лечение. Вскоре Андрей встретился Баком на бензозаправочной станции. Андрей повторил ему, что у него нет таких денег. Бак ответил, что ему придется заплатить, независимо от того, есть у него деньги или нет. «Мы знаем ваш адрес, школу и детский сад, куда ходят ваши дети», — сказал Бак. Андрей понял, что Бак знает о нем все. Андрей вернулся домой и рассказал о случившемся жене. Когда он закончил рассказ, она расплакалась. Газеты кишели историями о людях, убитых бандитами, и она боялась за Андрея. Тот вспомнил, что несколько лет назад один из его приятелей, водитель, познакомил Андрея с группой бандитов в Шереметьевском аэропорту и сказал Андрею, что они могут разрешить любую проблему. По их виду было ясно, что за проблемы имел в виду его друг.

Андрей отправил жену и детей к родственникам в деревню и организовал встречу с бандитами. Они пришли к нему в гараж, расположенный в центре города. К его удивлению, они с сочувствием выслушали его историю, но когда он сказал им, что Бак любит русских, то рассвирепели.

— Если он так любит русских, я ограблю его, а потом покажу ему любовь, — сказал один из громил.

— Он попросил 5000 долларов за лечение? — спросил другой бандит. — Да.

— За такие деньги я его без ног оставлю.

Бандиты задали Андрею несколько вопросов относительно его семьи и долгов, и Андрей рассказал, что на его иждивении находятся жена, двое маленьких детей и пожилая мать.

— Он один содержит целую семью, а эти скоты требуют 5000 долларов.

Но, поразмыслив над ситуацией, один из бандитов добавил:

— Конечно, мы поступаем так же. Но мы берем деньги у бизнесменов, а не у простых рабочих. Этот кореец вместе с кавказцами стараются

установить свои собственные правила, а с рабочего что возьмешь? Люди сейчас ничего не зарабатывают.

Бандиты расспросили Андрея о встрече с инспектором ГАИ. Тот рассказал, что инспектор признала его виновным. Они ответили, что в таком случае Андрею придется что-то заплатить, но только за ремонт машины, ни копейкой больше.

— Позвони корейцу, пусть он придет сюда со своими парнями. Привези жену и детей обратно домой. Тебе больше не о чем беспокоиться. Расслабься.

С момента аварии Андрей жил в страхе. Теперь впервые он почувствовал облегчение. Он позвонил Баку и заявил, что хочет с ним встретиться. Сообщив, что собрал немного денег, он сказал, что будет разговаривать в присутствии дагестанцев. Бак согласился встретиться с ним на бензозаправочной станции через час. После этого Андрей позвонил своим бандитам, которые попросили его ждать их у входа в гараж. Андрей приехал в гараж, и через пару минут в двух машинах подкатили русские бандиты.

Когда Андрей в сопровождении четырех бандитов появился на станции, охранники испарились. Андрей вместе с бандитами подошел к «Мерседесу» и увидел Бака и Олега, но дагестанцев там не было. Русские бандиты приказали Баку позвать дагестанцев. Тот начал звонить им по мобильному телефону. Наконец он дозвонился, и они пообещали, что будут на месте через полчаса.

Андрей вместе с бандитами пошел в соседний бар. В баре было очень оживленно, но когда они вошли, бар мгновенно затих, и многие посетители опустили головы. Официантка, смотревшая телевизор, тут же встала и приняла у них заказ. Прошли полчаса. Наконец появился Олег и позвал их. Они вернулись на автозаправочную станцию, где достигли соглашения с дагестанской бандой и Баком.

Когда они ушли со станции, Андрей спросил у бандитов, сколько он им должен.

— Ничего, — ответили. — Ты и так уже достаточно заплатил. Мы знаем, где ты работаешь и что делаешь, и понимаем, что ты не бизнесмен. Мы сделали это ради нашего общего друга. Это не такая уж тяжелая работа. Кроме того, тебе пригодятся деньги, чтобы купить что-нибудь детям.

В конце концов, Андрей подарил бандитам золотые цепочки стоимостью 1500 долларов, и они дружески расстались.

— Ты знаешь наш номер телефона, — сказали они. — Звони в любое время. Через 15 минут мы будем у тебя. Если у тебя появится работа

для нас, мы даже поделимся с тобой деньгами. Просто снабжай нас работой.

Нижний Новгород, март 1998 года

Бывший заключенный Андрей Климентьев смотрел на собравшуюся толпу в Доме культуры им. Орджоникидзе. На столе перед ним лежала большая кипа бумаг с вопросами публики. Люди вытягивали шею, чтобы увидеть человека, который может стать их новым мэром.

Первый вопрос: Когда построят цирк?

Климентьев: Этому не бывать. И так наша жизнь сплошной цирк, далеко ходить не нужно.

Женщина-бизнесмен: Почему место на Мещерском рынке, которое раньше стоило 3 доллара, теперь стоит 6 долларов?

Климентьев: Потому что меня посадили в тюрьму.

Пожилой мужчина: Многие говорят, что если вас выберут мэром, город станет таким же преступным, как и вы.

Климентьев: Видите, как они говорят обо мне? Это потому что они не делают ничего, а я что-то все-таки делаю.

В 1980-е годы Климентьев, чья кличка была «Прыщ», отбывал 8-летнее тюремное заключение за распространение порнографии и шулерство. В 1995 году его обвинили в краже 2,4 млн долл. кредита, предоставленного Министерством финансов под поручительство области для Навашинского судоремонтного завода, где он был главным акционером. Он подал апелляцию в Верховный суд, который, хотя и не нашел оснований для его оправдания, в 1997 году вернул дело на дополнительное рассмотрение. В результате Климентьев, проведя 18 месяцев в тюрьме, был освобожден и в ожидании нового слушания стал готовиться к тому, чтобы баллотироваться на пост мэра. Это была не первая попытка Климентьева пролезть в политику. В 1995 году, после его ареста по делу Навашинского завода, Климентьев проводил предвыборную кампанию по выборам в Государственную думу, записывая свои речи из тюремной камеры, которые затем передавались на предвыборных митингах. Он получил 10% голосов. В декабре 1996 года он баллотировался в Городскую думу, снова из тюрьмы, и, возможно, победил бы, если бы тюремная администрация не настояла на том, чтобы все заключенные голосовали в районах, где они живут, а не в том районе, где находится тюрьма. Климентьеву, у которого была сильная поддержка со стороны товарищей и заключенных, не хватило 6 голосов.

Климентьев считался самым богатым человеком в Нижнем Новгороде. Ему принадлежали наиболее дорогие продуктовые магазины города, рестораны, единственный ночной клуб «Рокко» и банки. Однако из-за запятнаной репутации его кандидатуру вначале не принимали всерьез; предварительные опросы показывали, что его поддерживают только 13% избирателей. Двумя главными соперниками Клементьева были Дмитрий Бедняков, бывший мэр Нижнего Новгорода, и Владимир Горин, исполняющий обязанности мэра.

Климентьев, однако, оказался настоящим борцом. Его речь отличалась простотой и колоритностью. Он отвечал на каждый заданный вопрос, и заметно отличался от Горина, чья речь пестрела канцелярскими штампами, и Беднякова, постоянно упоминающего «величие» города.

В то же время Климентьев, не колеблясь, давал абсурдные обещания — сократить стоимость газа и электричества на 20%, а дизельного топлива — на 10%, хотя стоимость газа и электричества определялась Москвой, а стоимость дизельного топлива — рыночными ценами; сократить на 30% стоимость продуктов питания в трех магазинах каждого района города, и эту меру, будучи мэром, он мог воплотить в жизнь, но только ценой урезания всех остальных социальных расходов; в течение 50 дней после победы на выборах он обещал поднять зарплату, а в течение 100 дней — пенсию. Если он не выполнит эти обещания, то через 150 дней уйдет в отставку. Понаблюдав за Климентьевым на нескольких митингах, Екатерина Егорова, политический консультант из Москвы, которая поддерживала Беднякова, пришла к выводу, что у Климентьева имеются серьезные шансы на победу.

Избирательная кампания началась в конце января. К середине февраля число сторонников Климентьева почти удвоилось, и его предвыборные митинги на заводах, в больницах и школах собирали огромные толпы. Такой успех вдохновил его на еще более смелые обещания. На стройплощадке городского метро Климентьев пообещал 1 миллион долларов за проект, на других митингах — разработать программу, которая позволила бы молодым людям получить жилье в кредит.

Когда на митингах заходила речь о криминальном «послужном списке» Климентьева, он делал упор на своем осуждении за распространение порнографии, игнорируя обвинения в шулерстве. На собрании в школе № 30 в центральном районе города Климентьев ответил на вопрос о своем криминальном прошлом так: «Мое несчастье заключалось в том, что отец купил мне видеомэгаффон, и я увидел эти [пор-

нографические] фильмы немного раньше вас». Когда его спросили, собирается ли он воровать, когда будет мэром, Климентьев ответил: «Я уже нахожусь под тройным контролем областного прокурора, Министерства внутренних дел и ФСБ. Кто позволит мне воровать? Об этом даже думать нечего».

По мере увеличения числа его сторонников Климентьев прилагал все большие усилия, устраивая по пять митингов в день. В начале марта он начал лидировать, что вызвало панику у городских властей. Газеты и телевидение утверждали, что если Климентьев победит на выборах, городом будет управлять пахан. Его оппоненты делали упор на то, что он вышел из тюрьмы и его деловые связи преступны.

Климентьев начал вдруг проповедовать духовность. В ходе избирательной кампании крутили видеоролик, где он стоял под падающим снегом на фоне древнего Печорского монастыря. Позади него пел хор. «Мы нуждаемся, чтобы во главе нашего города стоял сильный духом человек, – говорил Климентьев. – Больше всего нашим детям нужна внутренняя духовная основа. С того момента, когда я окажусь у власти, я буду работать во имя нашего нравственного возрождения». Показывая на обветшалые стены монастыря, он говорил: «Через 15 дней после того, как я стану мэром, я создам приличные условия жизни для монахов, и через два года будет завершена реставрация монастыря».

Климентьев отвечал на телефонные звонки и письма читателей в газетах. Широко распространилось мнение, что если Климентьев заработал столько денег, пусть даже незаконным путем, то это признак того, что он достаточно умен, чтобы сделать что-то для города.

В середине марта Егорова спросила у одной группы избирателей, не волнует ли их, что у Климентьева преступное прошлое. Они ответили, что другие кандидаты ничем не лучше, а поскольку Климентьев богат, он уже украл свою долю и больше ему не нужно красть. Некоторые добавили, что единственная разница заключается в том, что «Климентьев был осужден, а другие нет», и «он по крайней мере делает что-то, а другие крадут и не делают ничего».

Становилось ясно, что при честном подсчете бюллетеней победит Климентьев. Но жители Нижнего Новгорода полагали, что, возможно, будут предприниматься попытки фальсификации итогов выборов в пользу Горина. В день выборов на некоторых заводах у рабочих собрали паспорта, а их самих отвезли на автобусах на избирательные участки, где вернули паспорта и приказали голосовать за Горина.

Однако принуждение мало что дало. Результаты выборов показали, что 24% голосов было подано за Беднякова, 31% за Горина и 34% за

Климентьева, а оставшиеся голоса распределились между менее значительными кандидатами и теми, кто голосовал «против всех».

Выбор Климентьева в качестве мэра третьего по величине города России поверг местных лидеров в состояние шока. Городская избирательная комиссия аннулировала результаты выборов на основании «многочисленных нарушений» избирательного закона, которые при тщательном рассмотрении оказались либо незначительными – например, на нескольких избирательных участках люди, проголосовавшие досрочно, не были внесены в списки избирателей, либо они совершались не Климентьевым, а его побежденными оппонентами⁷.

Однако аннулирование выборов вызвало волну возмущения даже среди тех, кто голосовал против Климентьева. Общий настрой выражался в заголовках местных газет: «Имитация демократии закончилась», «Хроника украденной победы» и «Мы голосуем до тех пор, пока голосуем так, как надо властям»⁸.

Областной суд под давлением Администрации Президента отменил условное освобождение Климентьева, и его вновь посадили в следственную тюрьму, где находился до того, как баллотироваться на пост мэра. Вскоре против него было возбуждено уголовное дело, и 27 мая его признали виновным в краже «навашинских миллионов» и в нескольких связанных с этим преступлениях и приговорили к шести годам тюремного заключения минус уже отбывтый им срок. Он начал отбывать заключение за пределами Нижнего Новгорода.

В связи с признанием недействительными результатов выборов и его заключением Климентьев стал популярным героем. Опросы общественного мнения показали, что Климентьев является ведущим политическим деятелем Нижнего Новгорода; если бы ему позволили участвовать в новых выборах, он бы легко выиграл, набрав две трети голосов⁹.

Екатеринбург, 1 июня 1999 года

В тот день лучи яркого солнца освещали кирпичные стены машиностроительного завода «Уралмаш» и тысячи людей гуляли по ярмарке, открытой на территории завода в честь Дня защиты детей. Праздник был организован группировкой «Уралмаш», главной криминальной организацией Екатеринбурга. Родители и дети несли воздушные шары и транспаранты, смотрели кукольный спектакль, стреляли в тире; дети принимали участие в конкурсе рисунков на асфальте. На главном стадионе завода шли представления для детей, выступали

акробаты, клоуны, рок-группы. Детям бесплатно раздавали мороженое и экзотические фрукты, взрослым — пиво.

Давно известная милиции преступная группировка «Уралмаш» основала политическое движение под названием «Социально-политический союз Уралмаша»¹⁰.

Члены группировки в спортивных костюмах разговаривали по сотовым телефонам, но не смешивались с толпой. Один из журналистов, писавший о преступности в Екатеринбурге, заметил сотрудника милиции, который, как он считал, входил в состав банды, и подошел к нему.

— Кажется, наши друзья становятся респектабельными, — заметил он.

— А почему бы и нет? — ответил милиционер. — Они превратились в обычных бизнесменов. Через 10 лет они приобретут власть в области и даже в Москве. Будет лучше, если они придут к власти. Человека, у которого есть деньги и который хочет лишь удовлетворить свои амбиции, невозможно купить.

Спонсирование группировкой «Уралмаш» Дня защиты детей было попыткой заявить о себе как о гражданах, заботящихся об интересах общества. Это потребовало дополнительных усилий, потому что за десять лет банда стала известна своей жестокостью, проявляемой не только на «Уралмаше», но и по всей стране.

Группировка «Уралмаш» была организована бывшими спортсменами района Уралмаш в Екатеринбурге¹¹. Она начала свою деятельность с вымогания денег у киосков и мелких предприятий, и вскоре многие городские рынки и автозаправки находились под ее контролем.

Главным конкурентом этой группировки была «центровая» банда, основанная бывшими заправками «черного» рынка, которые также занимались вымоганием денег. Вначале город был поделен между «Уралмашем», бандой «центровых» и «синими», группой бывших заключенных под руководством пяти воров в законе. Однако такой раздел города на сферы влияния не мог длиться вечно.

В июне 1991 года лидер группировки «Уралмаш» Григорий Цыганов был убит снайпером, когда на мгновение появился в окне своей кухни. После его смерти руководство бандой «Уралмаш» перешло к брату Григория, Константину, который организовал «особое подразделение» и объявил войну банде «центровых».

«Особое подразделение» было бандой внутри банды; его возглавлял Сергей Курдюмов, трижды судимый вор в законе, работавший под общим началом Сергея Терентьева, одного из основателей банды «Уралмаша». В подразделении насчитывалось сорок человек, кото-

рые проходили обучение у инструкторов спецназа. Члены этой группы подчинялись железной дисциплине, и любой серьезный промах или утечка информации о деятельности группы наказывались смертью.

«Особое подразделение» быстро приступило к работе. 26 октября 1992 года лидер банды «центровых» Олег Вагин и три его телохранителя были убиты вооруженными бандитами в масках при выходе из подъезда дома в центре Екатеринбурга. Вагин и его телохранители были ранены выстрелами в ноги, а затем убиты. На месте убийства было найдено около 90 гильз; в теле Вагина насчитывалось 20–30 пулевых ранений. В том же доме жил Эдуард Россель, губернатор Свердловской области.

Вслед за убийством Вагина последовала серия убийств, в результате которых банда «центровых» была уничтожена. Членов банды «центровых» и ее деловых партнеров убивали снайперскими выстрелами прямо среди бела дня на улице или взрывали в машинах. Группа Курдюмова настигала своих жертв даже за границей — в Будапеште был убит Николай Широков, один из основателей банды. За два года террористические бригады «Уралмаша» уничтожили как минимум тридцать человек, имевших отношение к «центровым». В это время киллерская группа банды «центровых» под предводительством Георгия Архипова тщетно охотилась за Константином Цыгановым.

После ликвидации банды «центровых» группировка «Уралмаша» приобрела власть над городом, уничтожая другие преступные группировки или беря их под свой контроль. Вскоре подавляющее большинство предприятий Екатеринбурга выплачивало дань рэкетирам банды «Уралмаш».

Уничтожив всех реальных и потенциальных конкурентов, банда «Уралмаш» создала обширную экономическую империю. Под ее контролем находилось десять коммерческих банков; все медеплавильные заводы региона, в том числе «Уралэлектромедь», один из крупнейших комплексов по производству меди в России; все гидролизные заводы региона, ювелирные предприятия. Она также занималась экспортом и продажей за границу черных и цветных металлов, в том числе серебра и золота.

Однако наиболее рентабельным делом была продажа водки, изготовленный из технического спирта, который по закону запрещен к потреблению. Банда имела три завода, выпускающих технический спирт, наклеивала этикетки известных фирм на бутылки с фальшивой водкой. Такая поддельная водка продавалась примерно за одну треть от ее обычной стоимости. Самыми верными покупателями

такой водки были алкоголики региона, многие из которых от нее умерли.

По мере того, как банда «Уралмаш» усиливала свою власть, она подкупала должностных лиц; единственной правительственной организацией, оказывавшей ей сопротивление, оставалось Управление по борьбе с организованной преступностью области.

Константин Цыганов, арестованный РУБОПом 29 апреля 1993 года, был обвинен в попытках вымогательства. Вскоре после этого он был освобожден под залог в 150 млн рублей (120 000 долл.) судьей из Перми и сразу исчез. (Банда отреагировала на арест Цыганова, 2 мая 1993 года была брошена граната в окно РУБОПа; 10 июня граната была брошена в здание областной администрации.) Этому подразделению больше повезло в ликвидации группировки Курдюмова. 5 декабря 1995 года правоохранительные органы арестовали Курдюмова в Нижнем Тагиле. На тот момент Курдюмов подозревался в совершении по крайней мере десяти преступлений. 8 апреля 1996 года судья Нижнего Тагила освободил его под залог в 70 млн рублей (13 000 долл.) якобы по причине рака простаты. Курдюмов также сразу исчез¹².

В августе 1995 года начались поиски Терентьева, у которого была репутация «мозгового треста» курдюмовской группировки. Более года Терентьев избегал ареста, проживая в различных городах России, а также в Швеции, Греции и Болгарии. Но в ноябре 1996 года он был арестован в аэропорту Внуково в Москве (причем у него изъяли три заграничных паспорта) и отправлен обратно в Екатеринбург. За этим последовали аресты других членов «боевого подразделения». В конце концов 18 членам курдюмовской группировки были предъявлены обвинения в связи с 28 преступлениями.

Один из свидетелей по этому делу, электротехник, которого вовлекли в курдюмовскую группировку, предложив работу, а затем вынужденный делать бомбы, так описывал атмосферу, царящую в этой группировке, в интервью журналисту Екатеринбургa Сергею Плотникову:

В: Люди боялись Курдюмова?

О: Да, конечно, потому что существовала серьезная опасность, что в любой момент Курдюмов может решить, что такой-то человек не нужен группировке и пора избавиться от него.

В: Чтобы объединить людей в такую группировку, нужен какой-то стимул.

О: Вначале у людей был стимул. Бандиты исправно платили им за не очень ответственную работу, и таким образом они становились

обязанными Курдюмову. После этого выплаты сокращались, и люди работали уже не ради денег, а из-за страха.

В: Я знаю, что вы пытались покинуть группировку. Как это происходило?

О: Я предпринял две попытки. В первый раз Курдюмов сказал мне, что за каждым моим движением следят, и я должен сообщать ему обо всех своих планах. Когда я во второй раз сказал, что хочу закончить наши отношения, он указал на пол и сказал, что единственный способ, с помощью которого можно покинуть группировку, — это уйти в землю, и добавил, что если я сделаю хотя бы малейшую попытку уйти из группировки, появятся неприятности не только у меня, но и у моих родственников.

В: В это время вы уже были в курсе того, что некоторых людей убили таким образом?

О: Я слышал о многих людях, которые когда-то были членами группировки, а затем по неизвестным причинам исчезли. Часто в группе велись разговоры, что один ушел и не вернулся, другой ушел и не вернулся, и это создавало обстановку нервозности, поскольку каждый человек, сидящий на переднем сиденье машины, боялся, что в любой момент его задушит кто-нибудь, набросив на шею веревку.

В: Были ли попытки устроить бунт против Курдюмова?

О: Это было невозможно. Сегодня устроишь бунт, а завтра твое тело будет лежать в лесу. Его действия напоминали террор 1937 года. Курдюмов сам выносил приговоры, и нехватки в потенциальных убийцах у него не было.

В: Проявлял ли Курдюмов какие-то эмоции, когда решал убить кого-то?

О: Нет, он был абсолютно хладнокровен в делах такого рода.

В: Члены группировки строили планы на будущее?

О: Не было никаких планов. Каждый жил настоящим. Сегодня можно было купить машину и отремонтировать квартиру, спасибо и на этом.

В: На что члены группировки тратили свои деньги?

О: Во-первых, на квартиру, потом на ее ремонт, затем на машину, потом на новую машину. Они компенсировали страх, покупая себе все это. Все знали, что к вооруженным бандитам относятся беспощадно, и члены группировки спешили получить удовольствие от жизни, пока у них была такая возможность.

В: Курдюмов действовал по образцу секретных служб. Как вы думаете, у него были какие-то особые знания в этой области?

О: Нет. У него не было особых знаний. Обо всем можно было узнать из фильмов.

В: Был ли кто-то, кто убегал из банды и больше не возвращался?

О: Нет. Если бы они убежали, многим бы не удалось спастись. Люди не покидали группировку по разным причинам. У большинства были родственники, жены, дети. В любом случае, куда можно убежать? И от кого? В конце концов, ведь все равно захочется вернуться к своей семье, повидаться с родственниками; в этом вся человеческая природа...

В: Что хуже, Курдюмов, который сидит напротив вас, или Курдюмов, сидящий внутри вас?

О: Это интересный вопрос. В большинстве своем люди боятся не за себя, а за тех, кто им близок.

В: Но в какой-то степени?..

О: Кодекс чести? Нет, неприкосновенности родственников не существует. Для них, наоборот, чем больше можно было ранить человека, тем лучше.

В: А как насчет социальных условий? По-вашему, для большинства членов [курдюмовской группировки] страх повлиял на их взгляды?

О: Нравственные принципы, безусловно, разрушились. Это стало вопросом самосохранения: спасти себя, спасти свою семью, поддержать своих родителей, которые не получают пенсию... Конечно, подкупить человека можно различными способами.

Но аресты членов курдюмовской группировки не повлияли на судьбу банды «Уралмаш» в целом. Ее ежегодный доход в начале 1997 года превысил ежегодные доходы города Екатеринбурга с населением в 1,5 миллиона человек¹³. Единственное, чего не хватало банде, так это политической власти, и в 1997 году она занялась политикой, чтобы полностью захватить власть над регионом.

Для того чтобы войти в политику, банда «Уралмаш» обладала несколькими преимуществами. Распоряжаясь несметными богатствами и сотнями предприятий, она притягивала огромные ресурсы рабочей силы, производственного оборудования и средств обслуживания. Однако для участия в политике необходимо было нейтрализовать те негативные чувства, которые она возбуждала своей преступной деятельностью. С этой целью банда начала заниматься благотворительностью.

Вначале она сосредоточила свои усилия на районе Орджоникидзе (Уралмаш) с населением около 300 000 человек – организовала там

сеть спортивных клубов для детей и подростков; члены банды начали бесплатно работать охранниками в школах, где они следили за порядком и не разрешали курить. Они также занимались доставкой продуктовых посылок и телевизоров в дома престарелых. Результатом стала возросшая популярность банды, даже среди тех, кто не забыл о ее прежних преступлениях.

В 1997 году Александр Хабаров, возглавивший банду после исчезновения Цыганова, баллотировался в Государственную думу, но проиграл на выборах. В 1998 году он баллотировался вторично и получил больше голосов, чем другие кандидаты. Выборы были признаны недействительными лишь из-за того, что в них приняло участие менее половины избирателей, имеющих право на голосование.

Увеличение числа голосов за Хабарова было признаком успешного проведения кампании по установлению связей с общественностью, которая подготовила население к голосованию в пользу уралмашских лидеров.

Весной 1999 года 23 лидера банды объявили о создании Социально-политического союза Уралмаша. Они утверждали, что целью новой группировки было участие в выборах. Согласно организационному уставу, их доходы поступали от лекций, выставок, спортивных мероприятий и «добровольных пожертвований»¹⁴.

С образованием Социально-политического союза благотворительная деятельность банды перешла на новый этап. Первым мероприятием стало празднование Дня защиты детей. За ним последовали другие ярмарки, выставки и спортивные мероприятия. В преддверии выборов 1999 года в Государственную думу банда начала работу над другим проектом, чтобы заявить о себе как о моральной силе общества. Это была общественная кампания по борьбе с наркотиками.

Центром торговли наркотиками в Екатеринбурге была «Цыганская деревня» — район с одноэтажными деревянными домами и кирпичными особняками за железными решетками, где можно было купить наркотики в любое время дня и ночи.

22 сентября 1999 года спокойствие «Цыганской деревни» было нарушено появлением вереницы иномарок перед домом № 12 по улице Тельмана, одним из наиболее известных в городе пунктов по продаже наркотиков. Испуганные жители быстро запирали двери домов и наблюдали из-под задернутых занавесок, как десятки членов уралмашской банды выскочили из машин и начали расхаживать вокруг. Хабаров обратился к собравшейся толпе, которая быстро увеличивалась за счет растущего числа телерепортеров.

— В начале 1990-х годов, — начал он, — мы не впустили чеченцев в Екатеринбург и говорим то же самое теперь. Мы объявляем безжалостную войну представителям наркомафии и выгоняем их из города. Во время речи Хабарова из-под полуразрушенного деревянного забора выскочили темноволосые ребята и показали ему средний палец. На окраине «Цыганской деревни» наркоманы, приехавшие для покупки наркотиков, беспокойно ходили взад-вперед, ожидая, пока уберутся непрошенные гости.

Хабаров указал на дом № 12 по улице Тельмана и сказал:

— Нам придется уничтожить сеть торговли наркотиками в городе. Если мы закроем все пункты продажи, никто не сможет приносить эту отраву сюда. Это будет невыгодно.

После того, как Хабаров закончил свою речь, другой лидер уралмашской банды Сергей Воробьев пообещал, что он лично позаботится о том, чтобы прекратить в городе продажу наркотиков. Члены банды простояли еще 20 минут с угрожающим видом, затем сели в машины и уехали, обещая вернуться в недалеком будущем и уже не просто со словами.

Демонстрация силы в «Цыганской деревне» стала началом кампании по борьбе с наркотиками.

Группа под названием «Город без наркотиков» несколько лет боролась против их употребления главным образом через систему образования. Но в сентябре 1999 года бизнесмен Игорь Варов, имеющий тесные связи с бандой «Уралмаш», возглавил этот фонд и объявил его сотрудникам, что отныне они будут бороться против наркотиков вместе с социально-политическим союзом «Уралмаш». После этого многие сотрудники ушли в отставку, но их протест остался незамеченным.

Набрав новых сотрудников, группа «Город без наркотиков» сообщила номер своего пейджера и просила жителей города информировать о местах продажи наркотиков. Поступили сообщения примерно о 300 пунктах продажи, и почти все они были известны милиции. Некоторым дельцам наркобизнеса переломали ноги или подожгли их дома. Одного привязали к дереву и прикрепили к нему вывеску со словами, что он отравляет городскую молодежь. Скептики шутили: «Народ и мафия едины»¹⁵.

Однако в итоге кампания по борьбе с наркотиками оказалась не очень эффективной. Удалось привлечь внимание общественности к проблеме наркомании в городе, наркодельцы лишились стабильных поставок, цена на героин возросла вдвое. Варов говорил, что важнее всего было создание «общественной нетерпимости зла».

Кампания «Город без наркотиков» открыла также два «реабилитационных центра». Реабилитация состояла в том, что молодого наркомана хватили, привязывали ремнем к узкой кровати, стаскивали с него штаны и били кожаными ремнями по ягодицам 300 раз. Наркоман, неспособный после этого ходить, первые несколько недель был прикован к постели и отвыкал от наркотиков, сидя на хлебе и воде. 20-летний Андрей, пройдя курс такого «лечения» в центре, сказал, что его избили до такой степени, что он провел три недели в больнице и рубцы у него остались на всю жизнь. После того, как его избили до потери сознания, его повесили в наручниках на стене на три дня. «Это садисты, — сказал он. — Они любят власть, и этим все сказано. Едва ли это можно назвать лечением»¹⁶.

Многие в Екатеринбурге не принимали всерьез разглагольствования банды «Уралмаш» насчет «крестового похода» против наркотиков. Дело кончилось тем, что продажа наркотиков была вынесена за пределы Уралмашского района. Некоторые журналисты делали предположения, что банда просто хотела оказать давление на конкурентов, чтобы в будущем прибрать к рукам торговлю наркотиками в каком-то другом месте.

Однако кампания по борьбе с наркотиками имела политический успех. Общее убеждение, что невозможно противостоять банде «Уралмаш», заставляло поверить, что они стали обычными бизнесменами. Банда, в свою очередь, способствовала закреплению этого образа с помощью журналистов, которых либо запугивали, либо покупали.

В декабре 1999 года во время выборов в Думу соперником Хабарова стал глава Екатеринбургского управления Министерства внутренних дел Николай Овчинников. В этом соперничестве между сотрудником главного отделения милиции города и его главным бандитом Хабаров проиграл всего 1%. Он получал сильную поддержку от пожилых людей, убежденных в том, что правительству наплевать на них, и от молодежи, которая считала лидеров «Уралмаша» преуспевающими бизнесменами, посвятившими себя благотворительности, чья преступная деятельность — «если она вообще имела место» — была в далеком прошлом.

Заключение: есть ли у России будущее?

В 1999–2001 годах, после десятилетия неуклонного спада экономики, благодаря возросшей в три раза цене на нефть и девальвации после финансового кризиса в августе 1998 года, в России впервые появились признаки экономического роста.

Майкл Биньон, корреспондент лондонской газеты «Таймс», писал: «Многие россияне никогда не жили так хорошо... Путин пожинает плоды своей решимости изменить Россию. Снова он был выбран в России человеком года»¹.

Биограф Ельцина Леон Арон писал в «Уикли Стандарт»: «Революция, проведенная Ельциным, стала необратимой... В 1990 году на 100 семей было 18 машин; в 2001 году — 42. Дефицит продовольствия и повсеместные очереди советской эпохи забыты. Повсюду можно купить свежие и вкусные продукты. Впервые с конца 1920-х годов Россия не только кормит свой народ и развивает животноводство, но и стала экспортером зерна»².

Андерс Аслунд, экономический консультант и автор многих статей, писал в «Москоу таймс»: «В то время как другие страны оказались в кризисной ситуации, в России наблюдается резкий подъем... Пришло время признать, что Россия — страна, которая решает свои проблемы с такой эффективностью и скоростью, которым страны Запады могут только позавидовать»³.

И действительно, есть некоторые основания для таких лестных отзывов. Экономическое положение России заметно, хотя и ненамного, улучшилось. Выпуск продукции легкой промышленности, например, увеличился с 12% от уровня 1990 года до 18%, капиталовложения — с 22 до 27%, а средняя заработная плата достигла 100 долл. в месяц,

13. заключение: есть ли у России будущее?

что было значительным достижением, хотя она составляла две трети от уровня заработной платы до финансового кризиса в августе 1998 года.

Положение России, однако, нельзя охарактеризовать только этими цифрами. Несмотря на них (возможно, они бы выглядели лучше, если бы из-за войны на Ближнем Востоке не поднялись цены на нефть), перед Россией до сих пор стоят серьезные проблемы, угрожающие ее стабильности и ставящие под сомнение ее будущее.

Процесс реформ проходил без осознания роли высших ценностей, и в результате этого в России образовался нравственный вакуум. В итоге России угрожают три опасности: диктатура, экономический крах и сокращение численности населения, которые определяют условия существования страны и, несмотря на колебания, могут сохраниться в обозримом будущем.

Опасность диктатуры в России вытекает из того, что, несмотря на прошедшие выборы и широкую популярность Путина в настоящее время, демократия является фактором конъюнктуры, а не базируется на нравственных ценностях всего общества. Россия может немедленно перейти к диктатуре, если нынешняя олигархия почувствует серьезную угрозу.

Возможность появления диктатуры в будущем была продемонстрирована некоторыми поступками Путина после его вступления в должность, и все они отражают склад ума, характерный для лидера полицейского государства.

Во-первых, Путин предпринимал шаги по установлению своего культа личности. В России появилась детская азбука, иллюстрированная фотографиями Путина в детстве, а также скульптуры Путина и картины с изображением президента, смотрящего из Кремля на Москву-реку, совсем как Сталин или Ким Ир Сен. В то же время официальные лица в Администрации Президента основали молодежное движение сторонников Путина под названием «Идущие вместе», которое заявило о себе митингом в защиту Путина у Кремлевской стены. На митинге молодые люди в футболках с изображением Путина несли лозунги со словами: «Вместе с президентом!» и «Молодежь следует за президентом!».

Членам молодежной организации «Идущие вместе» предписано читать по крайней мере шесть произведений русской классики в год и посещать места боевой славы. Они занялись также «очищением русской литературы». Группа осудила современные произведения с

реалистическими описаниями жизни в нынешней России и предложила заменить их сборниками рассказов о победах Красной армии во Второй мировой войне.

В дополнение зарождающемуся культу личности, при Путине была ограничена свобода слова: были закрыты независимые каналы НТВ и ТВ-6, единственные национальные каналы, не подчинявшиеся государственному контролю. В обоих случаях государственные энергетические компании оказывали финансовое давление на руководство каналов.

В случае с НТВ поводом для таких действий, по-видимому, стал показ накануне президентских выборов «тренировочных учений» в Рязани. Предполагалось, что из-за этой передачи шансы Путина на победу уменьшились, и сразу вслед за этим последовали действия против владельца канала Владимира Гусинского. В мае 2000 года вооруженные агенты налоговой службы в масках совершили налет на центральный офис Медиа-МОСТа, холдинговой компании, которой принадлежал канал НТВ, и обвинила службу безопасности Гусинского в подслушивании. В июне Гусинский был арестован и помещен в Лефортовскую тюрьму по обвинению в хищении, совершенном после приватизации фирмы «Русское видео». После освобождения из Лефортова Гусинский передал Медиа-МОСТ Газпрому в обмен на 473 млн долл., которые был ему должен, и 300 млн долларов наличными. Было заключено соглашение о снятии с Гусинского обвинения в коррупции и возвращении свободы передвижения, которое в числе других подписал Михаил Лесин, министр печати и информации в правительстве Путина⁴.

Евгений Киселев, бывший руководитель телеканала, вместе с группой журналистов-единомышленников перешел на канал ТВ-6, 75% которого принадлежало Борису Березовскому. Этот канал продолжал сообщать важные новости, касающиеся правительства. В мае 2001 года пенсионный фонд российского нефтяного гиганта «Лукойл», «Лукойл-Гарант», владевший 15% ТВ-6, что составляло наименьшую часть канала, находившегося в собственности государства, возбудил дело о банкротстве, требуя ликвидации станции, поскольку ее долги превысили ее активы. ТВ-6 заявлял о своей рентабельности согласно западным бухгалтерским меркам. Тем временем закон, позволяющий меньшинству акционеров вести дело о банкротстве компании, истек 1 января 2002 года.

Тем не менее 11 января 2002 года Высший арбитражный суд, отклонив решение апелляционного суда, признавшего недействительным реше-

ние нижестоящего суда, приказал ликвидировать станцию. 14 января ведущего ток-шоу на ТВ-6 прервали на полуслове и вместо этого на экране появилась техническая таблица и слова «Нас победили»⁵.

После этих действий, направленных против последних двух независимых телеканалов, общероссийские телеканалы главный источник информации для большинства россиян, впервые с наступления постсоветской эпохи стали монополией правительства.

Наиболее важным свидетельством опасности диктатуры в России является тот факт, что взрывы домов в сентябре 1999 года были делом рук не чеченских террористов, а ФСБ.

Мнение, что взрывы были осуществлены государственными структурами, основывается на анализе политической ситуации и того, что известно о самих взрывах.

В сентябре 1999 года членам корумпированной олигархии, приобретшим за годы реформ власть и богатство в России, стала угрожать опасность ареста. По мнению Юрия Скуратова, бывшего генерального прокурора, каждого из них можно было обвинить в совершении преступления⁶. Однако взрывы спровоцировали начало новой войны против Чечни, а ведение войны сделало возможным избрание Путина, который сохранил олигархию ельцинской эпохи фактически нетронутой. Гусинский, поддерживавший Лужкова во время выборов 2000 года, и Березовский, переоценивший собственные силы, были выдавлены из страны, но ни один из олигархов не был призван к ответу.

Членами Ельцинской «семьи», которые продолжали править при Путине, были Волошин, глава Администрации Президента; Касьянов, премьер-министр; Григорий Кутовой, глава Федеральной энергетической компании, в руках которого, по мнению экспертов, сосредоточено 65% российской экономики и три главных современных олигарха — Роман Абрамович, Александр Мамут и Олег Дерипаска, зять Валентина Юмашева, который является зятем Ельцина и бывшим главой Администрации Президента⁷.

Эта группа, в которую одно время входил и Березовский, сильнее других ощущала непосредственную угрозу того, что после президентских выборов 2000 года власть в России может перейти не к выбранному Ельциным преемнику, а к кому-то другому. В последние годы ельцинской эпохи эти люди были в состоянии отдавать приказы ФСБ.

Взрывы в Рязани свидетельствуют о том, что в «учениях» замешана ФСБ. В случаях со взрывами в Москве, Буйнакске и Волгодонске скорость, организованность и высокий профессионализм заставляют подозревать, что в ней принимала участие разведывательная служба,

тем более, что взрывчатое вещество, использованное при взрывах и первоначально названное гексогеном, производится в России на единственном заводе, охраняемом ФСБ. Однако доказательств этого недостаточно, поскольку места происшествий были полностью уничтожены в результате взрывов, и обломки быстро убрали.

Разгадка того, действительно ли взрывы были делом рук ФСБ, кроется в Рязани. Подлинную картину того, что произошло в Москве, Буйнакске и Волгодонске, нарисовать трудно, но в Рязани один факт неоспорим: сотрудники ФСБ подложили бомбу в подвал жилого здания и были пойманы на месте преступления.

ФСБ утверждает, что рязанский инцидент был учением. Однако данные о том, что операция в Рязани была не учением, а неудавшейся провокацией, подтверждаются всеми имеющимися фактами.

Последовательность действий в Рязани — бомба, содержащая гексоген, должна была взорваться на рассвете и уничтожить жилое здание в рабочем районе, — все сходилось со взрывами в Москве, Буйнакске и Волгодонске. Взрывное устройство было настоящим. Этот факт подтверждается показаниями местной милиции, саперов и датированными фотографиями компонентов бомбы. Три мешка с гексогеном были прикреплены к детонатору и помещены рядом с основными опорными частями здания. Этот факт подтвердили эксперты, которые производят более 100 операций по разминированию в год.

В ответах на вопросы об этих кажущихся необъяснимыми противоречиях правительство продолжало утверждать, что газовый анализатор в Рязани по ошибке обнаружил присутствие гексогена, и бомба, подложенная в подвал дома № 14/16 по улице Новоселов, была учебной, а вещество в мешках, прикрепленных к детонатору, было сахарным песком.

Эти утверждения явно опровергаются вещественными доказательствами, но у правительства есть достаточные основания отвергать очевидное. Ему достаточно найти людей, которые якобы проводили тренировочные учения, сделать об этом записи, а также саму поддельную бомбу. Однако ФСБ отказалась делать это в связи с секретностью, и данные о рязанском инциденте были закрыты на 75 лет⁸.

Из логики политической обстановки и имеющихся данных можно сделать вывод, что само российское руководство несет ответственность за взрывы жилых зданий. Эти акты унесли жизни многих детей, тела которых были разорваны на части, а иногда от них вообще ничего не оставалось. Нет сомнений в том, что люди, способные на такое пре-

13. заключение: есть ли у россии будущее?

ступление, независимо от того, как они себя называют, добровольно не откажутся от власти и будут сопротивляться, если их власти возникнет угроза.

Кроме опасности возвращения к диктатуре, Россия стоит перед опасностью экономического краха.

Во-первых, Россия сильно зависит от мировых цен на нефть. Увеличение цены на нефть на 1 доллар приносит государственному бюджету, грубо говоря, доход в 1 млрд долл. и самым непосредственным образом влияет на способность правительства распределять бюджет, платить государственным служащим и выплачивать долги России иностранным государствам⁹.

В то же время Россия стоит перед лицом полного развала своей экономической инфраструктуры. Согласно проведенным оценкам, модернизация российской экономики обойдется в 2 триллиона долларов. Россия нуждается в модернизации всего, начиная с домов и телефонов и кончая дорогами, заводами, атомными электростанциями и плотинами. Больше половины оборудования российской электрической системы нуждается в замене, так же, как и примерно половина подвижного состава ее железных дорог и около 60% оборудования, используемого в нефтяной промышленности¹⁰.

Если при таких обстоятельствах в одно и то же время упадут цены на товары и начнется развал важнейших составных частей российской инфраструктуры, нет гарантий, что в России сохранится экономическая стабильность.

В докладе о социально-экономическом положении в России шведского Института оборонных исследований в Стокгольме сообщается о возможном экономическом крахе в России. И хотя последовательность событий, представленная в докладе, исходит из самых неблагоприятных условий, все же это следует иметь в виду.

По шведскому сценарию падение цен на сырье на мировом рынке способствует возникновению экономического кризиса. Экономическая ситуация постепенно ухудшается. В результате ряда катастроф, подобных Чернобыльской, правительство окажется не в состоянии сохранять основную инфраструктуру.

При существующих обстоятельствах дефицит бюджета резко возрастает, и в соответствии с этим растет инфляция; Международный валютный фонд отказывается давать новые кредиты. Иностранный и российский капитал утекают из России, которая заметно сокращает свои капиталовложения.

Постоянно сокращается импорт... и снабжение страны продовольствием оказывается под угрозой, поскольку производство в агропромышленном секторе продолжает уменьшаться.

...Новая Дума, а также консервативный и авторитарный президент пытаются спасти положение частичным возвратом к административно-командной системе. Это приводит к еще большему кризису экономики и падению курса рубля.

Резко возрастает экспорт валюты, и происходит почти полное изъятие денег из обращения, при этом 90% торгового оборота происходит в форме бартера. Повсеместно распространена бедность, и 70% людей живут на зарплату ниже прожиточного минимума.

Те, у кого есть возможность, эмигрируют на Запад. Положение России оказывает влияние на экономику развивающихся стран Азии и Южной Америки, которые поразил новый кризис. В результате зарубежные страны уже не хотят иметь дело с российскими проблемами.

Итогом катастрофического неурожая и истощения запасов стал повсеместный дефицит продовольствия, и все больше людей перебирается в центр России, а также в соседние страны. Внешний мир реагирует на это закрытием своих границ и посылкой небольшого количества гуманитарной помощи, но эти меры мало что меняют»¹¹.

Третья и в некотором смысле наиболее серьезная опасность, с которой сталкивается Россия, — это уменьшение численности ее населения.

В России один из самых низких уровней рождаемости в мире, а уровень смертности — как во время войны. По мнению Игоря Гундарова, директора Российского государственного центра профилактической медицины, если современное положение вещей будет сохраняться, население России через 80 лет уменьшится в два раза и достигнет 73 миллионов, и в таком виде, в каком российское государство находится сейчас, оно станет непригодным для жизни¹².

За годы реформ в России, не считая Чечни, не было случаев массовой резни. Тем не менее данный период не обошелся без жертв. Увеличение уровня смертности за период реформ привел к 5 миллионам преждевременных смертей — страшное свидетельство платы за «шоковую терапию».

В 1992–1994 годах уровень смертности рос почти вертикально. Смертность возросла в 1,5 раза по сравнению со второй половиной

13. заключение: есть ли у России будущее?

1980-х годов, в то же время рождаемость упала наполовину. Наибольшее увеличение смертности наблюдалось среди трудоспособного населения, в особенности среди мужчин в возрасте от 20 до 49 лет. В 1994 году уровень смертности достиг 15,7 на 1000 человек. Рождаемость была равна 700 000 по отношению к 900 000 смертей, т. е. уровень смертности составил 1% в год.

Вначале резкое увеличение уровня смертности объяснялось как результат внезапного обнищания населения. Однако рост смертности нельзя было объяснить одной лишь бедностью. Экономический уровень в 1990-е годы упал до уровня 1960-х годов, но 1960-е годы уровень смертности в СССР был самым низким среди развитых стран мира. В Москве, где уровень жизни в 1990-х годах был в 1,5 раза выше, чем в остальной части России, уровень смертности стал в 2 раза выше (10 на 1000 в Москве по сравнению с 6 на 1000 по России в целом). Уровень смертности также был выше в России, чем в бывших советских республиках, с гораздо более низким уровнем жизни, например в Грузии, Узбекистане и Туркменистане.

В заключение Гундаров отметил, что бедность, поощряемый государством алкоголизм и ухудшение системы здравоохранения лишь на 20% виновны в сокращении продолжительности жизни в России. Оставшиеся 80%, по его мнению, связаны с духовным кризисом общества из-за отсутствия новых идеалов в российском обществе после падения коммунизма. «Продолжается попытка „трансплантации душ“ и замены старой, не привыкшей к рыночной экономике души новым деловым прагматичным подходом к жизни, — писал Гундаров. — У многих отсутствуют идеалы, ради которых следует меняться. Для многих россиян, которым нужно для чего-то жить, происшедшая в обществе перемена была непереносима, и они потеряли волю к жизни, потому что она больше не имела никакого смысла»¹³.

На самом деле решающее влияние духовных факторов на уровень смертности не было чем-то новым для России.

После Второй мировой войны уровень смертности в Советском Союзе среди гражданского населения поднялся на 20–30%. И это при том, что в 1943 году, несмотря на тяготы войны, уровень смертности среди гражданского населения был вдвое ниже уровня смертности 1939 года. Причина заключалась в том, что после Сталинградской битвы появилась вера в окончательную победу.

После Второй мировой войны уровень смертности сократился вдвое, несмотря на экономический беспорядок. У людей было приподнятое

настроение благодаря надеждам на новую жизнь. Уровень смертности снова начал расти только после завершения «хрущевской оттепели», когда в советском обществе стало распространяться чувство разочарования. В 1970-е годы, когда экономическое положение было довольно благоприятным, но не было надежды на перспективные изменения, смертность стала расти.

Когда к власти пришел Горбачев и начал свою политику гласности и перестройки, уровень смертности упал на 40%. Несмотря на сложности экономического положения, сопровождающегося дефицитом продуктов и длинными очередями, наблюдался эмоциональный подъем в ответ на дарованную свободу слова и открытие границ.

Катастрофический рост смертности, начавшийся в октябре 1991 года, был настолько сильным, что сначала западные демографы даже не поверили этим цифрам, продолжался до 1994 года. В середине 1990-х годов уровень смертности упал, но лишь временно. После финансового кризиса в августе 1998 года он снова достиг уровня 1994 года, численность населения в 1999 году упала почти до 800 000 человек. В 2000 году число рождений в России упало до 750 000, а в первые шесть месяцев 2001 года — до 458 400 человек.

На Митинском кладбище в Москве участки, покрытые надгробными памятниками, тянутся до самого горизонта. Корреспондент «Москоу Ньюс» разговорился с могильщиком, который сказал ему: «Даже невооруженным глазом видно, что количество смертей не стоит на месте. Сейчас умирает гораздо больше молодых людей, моложе 50 лет»¹⁴.

Из-за высокого уровня смертности среди мужчин трудоспособного возраста в России непрерывно увеличивается доля нетрудоспособного населения — детей, инвалидов и пенсионеров. Если такое положение будет продолжаться, к 2005 году в стране придется закрывать школы, и вскоре некого будет призывать в армию.

Сокращение населения России также имеет геополитическое значение. Плотность населения в Европейской части России составляет 8,5 человека на квадратный километр, в 3 раза меньше, чем в Соединенных Штатах, в 14 раз меньше, чем в Китае, в 17 раз меньше, чем в Западной Европе и в 38 раз меньше, чем в Японии. В Сибири плотность населения составляет 2,5 человека на квадратный километр. Если население России будет продолжать уменьшаться, соседним странам будет сложно противостоять искушению захвата пустых территорий; и даже без открытого присвоения территорий Россия будет вынуждена приглашать иностранных граждан, чтобы те помогали ей в жизненно важных отраслях промышленности¹⁵.

13. заключение: есть ли у россии будущее?

Опасность новой диктатуры, краха экономики и надвигающейся демографической катастрофы заслоняет заметные изменения в экономическом положении России, которые непосредственно связаны с ценами на нефть.

Эти угрозы вызваны моральным вакуумом в российском обществе, и до тех пор, пока существует этот вакуум, будущее страны будет в опасности.

Как в России, так и в странах Запада существует тенденция говорить об успехах России только в экономических терминах. К сожалению, проблема России заключается в том, что в российском обществе отсутствует нравственная основа, и те, кто стоит у власти, часто интерпретируют свободу как возможность делать то, что они хотят, независимо от благополучия других. При таких условиях обыкновенные граждане не способны защитить свое достоинство, и униженность человека является основной причиной неблагополучия всей России.

Многие дискуссии об опыте реформ в России касались относительных достоинств «шоковой терапии» по сравнению с правительственными постановлениями. Но если 145 миллионам людей регулярно демонстрируют, что лучший способ приобретения собственности — это кража ее, такие диспуты имеют мало смысла. Любая экономическая мера, проведенная в такой обстановке, будет тут же извращена безнравственностью общества и его политической системы.

В заключение можно сказать, что человек в России может повысить свой моральный статус и помочь развитию своей страны только при поддержке общества, которое руководствуется высшими трансцендентными ценностями. Но, к сожалению, именно это отсутствовало во всем процессе реформ.

Русский философ Николай Бердяев, писал: «В душе русских людей должна появиться присущая им религиозность и врожденная нравственность, для которых высшее духовное начало создает внутри человека преображенное творческое начало».

В этом он видел надежду на будущее. «Русские люди, — писал он, — нуждаются в обогащении новыми ценностями и замене „славянской религиозной социальной психологии“ „свободной религиозной социальной психологией“. Им нужно осознать божественное начало человеческой честности и чести. При таких обстоятельствах творческие инстинкты победят хищнические»¹⁶.

Примечания

Введение

1. Цит. по: *Elliot L., Satter D. Three Days, That Shook the World // Reader's Digest. 1992. Jan.*
2. Цит. по: *Данилкин А. Мафия — наш рулевой // Труд. 1994. 10 дек.*
3. По данным одного бизнес-обзора, в Москве ежедневно дают и получают несколько тысяч взяток; см.: *Воронин Ю.А. Возникновение преступного государства: Экономические и политические аспекты организованной преступности в России // Российская организованная преступность: Новая угроза? (Специальный двойной выпуск, Международная организованная преступность / Под ред. Ф. Уильямса. 1996. Т. 2, № 2/3 (лето/осень). С. 53–62.*
4. Солоник приобрел известность в российском преступном мире благодаря умению метко стрелять обеими руками и за свой беспрецедентный побег из тюрьмы «Матросская тишина». Обычно он приезжал в Москву «по делам», и правоохранительные органы предполагали, что во время таких приездов он убил 15 человек; *Рожнов Г. Особые приметы: красивая и молодая // Криминальная хроника. 1998. Март.*
5. Предполагалось, что Солоник был убит в отместку за покушение на жизнь Асатрян, главы курганской мафии. Судьба Светланы стала полностью известна после того, как сотрудники группы по борьбе с организованной преступностью арестовали 17 лидеров и рядовых членов курганской мафии, некоторые из которых рассказали властям все, что знали о ее смерти. Согласно показаниям одного сотрудника этой группировки, Светлану задушили после убийства Солоника, чтобы избавиться от возможного свидетеля. Такие киллеры, как те, которые входили в курганскую мафию, никогда не оставляют свидетелей и поэтому убивают жен и возлюбленных своих противников, совершая акт террора, который должен произвести впечатление в российском преступном мире. См.:

Расследование: Последняя жертва Солоника // Экспресс-газета. 1997. № 20; и упомянутую выше статью Г. Рожнова «Особые приметы».

1. Курск

1. The exile. 2000. Sept. 28. В интервью, напечатанном в газете «Курская Правда» 1 февраля 2000 г., в капитан АПЛ «Курск» Геннадий Лячин так описывал возможности лодки: «Фактически наш корабль является уникальным, обладая целой серией преимуществ над подводными лодками наших противников. У них нет лодок такого класса, которые сочетали бы в себе торпеды и ракеты. Наше оружие превосходит их модели по мощности, дальности и по своим возможностям. При необходимости мы можем атаковать сразу несколько объектов из океанских глубин, например поражать цель на суше, отдельные корабли или целые флотилии. Кроме того, наш корабль обладает хорошей маневренностью и высокой подводной скоростью». Выдержки из интервью были перепечатаны в статье: После самостоятельного рейда я доложил Владимиру Путину // Комсомольская правда. 2000. 12 авг.

2. Этот отчет основывается на статье Георгия Святова «Гибель Курска» в Submarine Review от октября 2000 г., с. 47–52. См. также: К-141 на дне // The Exile. 2000. 28 сентября; Емельянов А. «Курск» не сталкивался с иностранной подлодкой // Новая газета. 2001. 15 фев.

3. Матлин В. Они уходят из жизни, даже не понимая этого // Комсомольская правда. 2000. 14 авг.

4. Ибрагимов О. Массового психоза на лодке нет // Комсомольская правда. 2000. 13 авг.

5. Подозрения возникали и в связи с некоторыми ответами высокопоставленных чинов военно-морского флота на вопросы, почему Россия не принимает иностранную помощь. Вице-адмирал Юрий Квятковский, руководитель правительственной организации «Руссвоенцентр», говорил, что система коммуникации, аппаратура и система кодирования «Курска» представляют интерес для иностранной разведки, но «самым лакомым кусочком» являются крылатые ракеты подводной лодки и их системы управления, в том числе аппаратура обработки данных для управления ракетными ударами и системами самонаведения боеголовок. Другие государственные секреты касались торпедных установок и их электронных систем. «Разглашение этих и других секретов, — сказал Квятковский, — позволит нашим соперникам разработать методы защиты от российских подводных лодок». См. Баранец В. Командование ВМФ засекретило все, кроме своей неповоротливости // Комсомольская правда. 2000. 13 авг.

Многие аспекты трагедии «Курска» напоминали трагедию советской подводной лодки «Комсомолец», которая затонула 7 апреля 1989 года и унесла с собой 42 жизни. Тогда в результате короткого замыкания на лодке возник пожар, кото-

рый быстро распространился по всей подводной лодке. «Комсомолец» всплыл на поверхность, и экипажу был дан приказ эвакуироваться. Был надут только один плот, способный удержать 25 человек. 50 членов экипажа пытались забраться на него, а попытки надуть другие спасательные плоты оказались тщетными. Подводная лодка начала тонуть. Многие члены команды цеплялись за плот, но замерзли в холодной воде. Советские власти по причинам секретности не позволили норвежской береговой охране спасти погибающих людей. В конце концов удалось спасти 29 человек, двое из которых позже умерли от шока. Из 42 погибших лишь четверо умерли при пожаре и последующих взрывах. Остальные утонули или погибли в результате переохлаждения в ожидании помощи.

6. *Beaver P.* Darkness, Dampness, and Cold // *Times*. 1999. Aug. 16.

7. Лишь нескольким журналистам разрешили присутствовать на этой встрече, пользоваться магнитофонами было запрещено. Работала лишь одна телевизионная бригада канала РТР (показанные потом кадры тщательно отбирались генеральным директором РТР). Однако Андрею Колесникову из журнала «Коммерсант-Власть» удалось записать встречу на магнитофон, и эти записи были опубликованы в номере журнала от 25 августа 2000 г. Без этой подпольной записи подробное содержание встречи никогда бы не стало достоянием общественности.

8. На самом деле связь с подводной лодкой была потеряна примерно в 13.00.

9. Этот отчет о поминальной службе основывается на статье *Скойбеда У.* Всем нам хватит воды, всем нам хватит беды // *Комсомольская правда*. 2000. 24 авг.

10. Со времени начала первой чеченской войны в 1994 г. Комитет солдатских матерей подал 350 исков против российского правительства по поводу «смертей в результате незаконных действий» от лица родителей солдат, погибших в ходе неправомочных военных действий. Суды согласились рассмотреть 19 из этих дел, и родители проиграли их все. До сих пор насчитывается примерно 3,5 миллиона советских солдат, без вести пропавших во время Второй мировой войны, и было приложено мало усилий, чтобы узнать их местонахождение или помочь их семьям. В России понятие «пропавший без вести» предполагает возможные проявления трусости, малодушия или дезертирство, и семьи этих солдат по сей день страдают из-за этого позора. См.: *Weir F.* On Kursk, a New Caring Kremlin // *Christian Science Monitor*. 2000. Nov. 2.

11. *Felgenhauer P.* Time to Let Go of the Past // *Moscow Times*. 2000. Nov. 9.

12. *Скойбеда У.* Расследование по письму вдовы // *Комсомольская правда*. 2001. 24 фев.

13. Мать Тылика Надежда Тылик сказала на пресс-конференции, что ее сын просто улыбнулся ей, когда она говорила ему, что все будет хорошо. См.: *Russia is Said to Have Known of Sub Flaw* // *New York Times*. 2001. Feb. 23.

14. См. *Святов Г.* Гибель Курска. С. 51–52. Другое, не менее важное мнение могло относиться к личным амбициям Клебанова; ходили слухи, что он является главным кандидатом на пост министра обороны России, что входило в планы Путина преобразовать и сделать «гражданским» этот пост. Очевидно, любое указание на то, что его личная невнимательность повлияла на трагедию «Курска», уменьшало его шансы; см.: *Kursk Recovery Mission Ended, Many Questions Unanswered // Jamestown Foundation Monitor.* 2000. Nov. 10.

Некоторые отставные морские офицеры не разделяли точку зрения Клебанова и Куроедова. На одном из московских семинаров два бывших командира подводных лодок, один из которых раньше командовал «Курском», а другой — аналогичной подводной лодкой, категорически заявили, что «Курск» не мог затонуть из-за столкновения с другой подводной лодкой. Другой российский морской офицер, адмирал Эдуард Балтин, бывший командующий Балтийским флотом, заявил, что если такое столкновение имело место, «оно бы не вызвало столь трагических последствий». Он утверждал, что крушение оставило бы след на корпусе подводной лодки, но не нанесло бы таких повреждений кораблю. Бывшие морские офицеры предполагали, что причиной этой катастрофы стало сочетание нескольких внешних и внутренних факторов. Однако они отказались конкретизировать свои выводы из-за страха, что их будет преследовать ФСБ за разглашение секретных данных; см.: *Lost Russian Submarine Continues to Generate Controversy // Jamestown Foundation Monitor.* 2000. Dec. 4.

Подтверждением точки зрения, что столкновения «Курска» с другой подводной лодкой не было, является то, что корпус субмарины типа Антей имел десять отдельных водонепроницаемых отсеков и был сконструирован таким образом, что мог оставаться на поверхности воды даже после прямого попадания торпеды.

15. *Емельянов А.* «Курск» не сталкивался с иностранной подлодкой // Новая газета. 2001. 18 февраля.

2. Рязань

1. Анна Савина, проведя всю ночь на улице, описывала атмосферу паники, царящую в Рязани в связи с происшествием: «В 11 часов утра милиционеры стали ходить из дома в дом, требуя немедленно покинуть здание. Я была в ночной сорочке, но набросила на себя плащ и выбежала из дома. Только очутившись на улице, я поняла, что наше здание заминировано. Но моя мать осталась в квартире. Она абсолютно беспомощна. В ужасе я подбежала к милиционеру и сказала: «Разрешите мне вернуться в здание, чтобы забрать свою мать!» Но они не позволили мне вернуться. Только в 2.30 ночи они постепенно стали разрешать жителям возвращаться в свои квартиры, чтобы проверить, не было ли

чего-то подозрительного. Когда подошла моя очередь, я показала на свою больную мать и сказала милиционеру, что без нее я не сдвинусь с места.

Милиционер спокойно записал что-то в блокноте и исчез. Тогда я поняла, что я, возможно, осталась одна с матерью в заминированном здании. Это было ужасно... Но внезапно в дверь позвонили. На пороге стояли два старших офицера милиции. Они строго спросили меня: „Вы решили похоронить себя заживо?“ У меня ноги подкашивались от страха, но тем не менее я настаивала на том, что без матери никуда не пойду. Услышав это, офицеры смягчились. „Хорошо, — сказали они. — Здание уже разминировано“... В этот момент я выбежала на улицу». См.: *Литвиненко А., Фельштинский Ю.* ФСБ взрывает Россию // Новая газета. 2001. 27 авг.

2. Рязанское ФСБ ни перед чем не останавливалась, чтобы убедить жителей Рязани, что они не знали о предполагаемых учениях. После заявления Патрушева Юрий Блудов, сотрудник пресс-службы Рязанской ФСБ, заявил, что местную ФСБ не уведомили заранее о том, что в городе будут проводиться учения. Сергеев в интервью в телевизионной студии «Ока» заявил, что он ничего не знал об учениях. Когда его спросили, существует ли какой-либо документ, подтверждающий то, что, события, произошедшие в Рязани, были учениями, он ответил через своего пресс-секретаря, что он считает телевизионное интервью с Патрушевым доказательством того, что события, произошедшие в Рязани, были учениями.

Губернатор Рязанской области Б.Н. Любимов говорил, что ничего не знал о планируемых учениях, а Маматов заявил, что к жителям Рязани относятся как к подопытным кроликам. «Я не против учений, — сказал он. — Я служил в армии и сам участвовал в них, но мне никогда не доводилось видеть ничего подобного».

3. Волошин приехал в Рязань, чтобы осветить в печати церемонию награждения, организованную ФСБ. В то же время он воспринял происшествие как стремление ФСБ проводить эксперименты на людях. «Жители Рязани... стали участниками затянувшихся московских учений. Проведенные эксперименты были в духе великого академика Павлова, который был родом из Рязани, и они пришлось на его 150-ю годовщину. Жителей города... использовали органы управления ФСБ в качестве знаменитых павловских «подопытных собачек». См.: *Волошин П.* Человек человеку — собака Павлова // Новая газета. 1999. 4—10 окт. Позже, после проверки данных, Волошин пришел к выводу, что рязанский инцидент был неудачной попыткой совершения массового убийства.

4. ФСБ утверждала, что те, кто принимал участие в «учениях», были тайными агентами и не могли появляться на публике. Однако по закону не существовало запрета на появление агентов перед журналистами. В статье 7 Закона о государственной тайне Российской Федерации, принятого 21 июля 1993 года, говорится, что

информацией, которая не может считаться государственным секретом и считается секретными данными, являются данные о «чрезвычайных происшествиях и катастрофах, угрожающих безопасности и здоровью жителей и их последствиях... фактах нарушения прав и свобод и граждан... [и] факты о нарушениях закона государственными органами и деятелями». Зданович сказал, что если для проведения расследования необходимо присутствие агентов, они появятся. Однако дело, открытое в связи с рязанским инцидентом (которое, несмотря на объяснение ФСБ рязанских событий, генеральный прокурор отказался закрыть), было террористическим актом, и необходимость расследования определялась ФСБ.

5. Рязанские специалисты говорили, что взрывчатые вещества не упаковываются и не перевозятся в 50-килограммовых мешках, потому что это слишком опасно. Чтобы взорвать небольшой дом, требуется всего около 500 г найденного типа взрывчатки. 50-килограммовые мешки со взрывчаткой типа гексогена нужны только для террористических актов. Поэтому кажется вполне логичным, что три мешка, помещенные под основные опоры здания в Рязани, поступили со склада, охраняемого Пиняевым.

6. В передаче Николаева со стороны ФСБ участвовали Зданович, Сергеев и Станислав Воронов, первый заместитель начальника следственного управления ФСБ. Также присутствовали депутат Думы Юрий Щекочихин, бывший генерал КГБ Олег Калугин и Евгений Севастьянов, бывший начальник московского управления ФСБ, а также жители дома № 14/16 по улице Новоселова, следователи, независимые эксперты, юристы, защитники прав человека и психологи.

Во время этой передачи Николаев изо всех сил избегал параллелей с терактами в Москве, Буйнакске и Волгодонске. Когда один из участников поднял эту тему, он заявил: «Мы не будем это обсуждать», — и выключил микрофон. Позже Волошину сказали, что по настоянию ФСБ, как условие ее участия в программе, все дискуссии о других терактах должны быть исключены. Николаев пригласил жителей дома, чтобы они задавали вопросы представителям ФСБ.

Пожилый усатый мужчина в красной рубашке сказал:

— Это были не учения. Учения длятся всего несколько часов. Нам не разрешали вернуться в их квартиры. На следующее утро им разрешили вернуться, только чтобы переодеться, но не разрешили умываться и бриться. Больных людей оставляли в их квартирах.

Микрофон передали Здановичу, который ответил на этот вопрос:

— Это были учения. Реальной опасности не было. Позже я извинился перед жителями дома за причиненные неудобства, и Патрушев сделал то же самое. Мы можем доказать, что это планировалось заранее.

Жители дома спросили, где те люди, которые подложили мешки в подвал здания.

Зданович ответил:

— У нас работают тайные агенты, и мы не показываем их. В настоящее время начато судебное разбирательство по поводу этих учений. Если это будет необходимо в ходе расследования, они появятся. Но на данный момент мы можем разрешить, чтобы их сняли на пленку только со спины.

— В чем причина усиления внимания к данному инциденту? — спросил Николаев.

— В течение нескольких месяцев, — сказал Зданович, — не было особого интереса и публикаций. Эту тему стали опять обсуждать с самыми странными подробностями в канун президентских выборов, чтобы обвинить ФСБ в планировании взрыва, влекущего смертью людей. Такое часто используется в политической борьбе.

Седовласый мужчина спросил:

— Кто дал вам право проводить эти учения и издеваться над людьми?

— Мы проводим предупредительные учения с целью тренировки захвата самолетов, — ответил Зданович. — Такие учения проводятся с нарушением прав людей. Они проводились и будут проводиться. Насколько нарушаются права граждан, когда психически неуравновешенный человек делает анонимный звонок? Нам приходится эвакуировать здания, больницы, заводы, магазины. Это также нарушает права граждан, но защищает самое важное право, право на жизнь. Севастьянов, принимавший участие в передаче как независимый эксперт, сказал:

— Жители здания не должны были вовлекаться в эти учения. Мы проводим предупредительные учения, но без людей в самолетах.

Затем Николаев спросил Рафаэля Гилманова, независимого эксперта по взрывам, можно ли перепутать сахар с гексогеном.

— Никто из тех, кто видел гексоген, никогда не перепутает его с сахаром, — ответил Гилманов.

— Вы допускаете, что газовый анализатор может дать неправильные показания? — спросил Николаев.

— Нет.

Затем Николаев спросил, как получилось, что Сергеев по ошибке принял поддельную бомбу за настоящую.

— Генерал Сергеев, — объяснил Зданович, — не является экспертом в вопросах взрывных устройств.

Однако Сергеев говорил лишь то, что сказал ему Ткаченко, который разминировал взрывное устройство. Поэтому Зданович предположил, что саперы были некомпетентны.

Эксперт из ФСБ утверждал, что первый анализ был произведен неправильно: небольшое количество гексогена, которое было на крышке чемодана, прине-

сенного на место происшествия одним из саперов, попало на лакмусовую бумажку, используемую для тестирования содержания мешков, в результате чего появились данные о наличии гексогена.

В конце концов микрофон передали полковнику Чурилову, начальнику базы, где были обнаружены мешки с гексогеном. Он сказал, что не было никакого солдата Алексея Пиняева. Тогда Николаев обратился к Павлу Волошину, который находился в зале. Волошин дал послушать аудиозапись своего интервью с Пиняевым и показал присутствующим фотографии солдата.

После завершения первой части передачи стало ясно, как жителям дома № 14/16 по улице Новоселова, которые находились в зале, так и телезрителям всей страны, что ФСБ живо описывает проведение «тренировочных учений». Дискуссия проводилась с целью прикрытия.

Севастьянов сказал, что он готов поверить, что ФСБ устроила тренировочные учения для испытания «бдительности» населения, но был обеспокоен тем фактом, что МВД, отвечающее за борьбу с терроризмом, информировали об этих учениях только через два дня после того, как они произошли.

— Почему же это произошло с таким опозданием? — спросил он.

— Вы не должны забывать, — сказал Зданович, — что действия разворачивались поздно вечером и продолжались на следующее утро. Нам нужно было время, чтобы изучить всю последовательность действий и произвести поиски террористов. Вот почему операция проводилась из центра, а МВД и Рязанская ФСБ не были информированы.

— Действительная причина, — сказал мужчина из зала, — в том, что ФСБ нужно было два дня, чтобы выдумать подходящее объяснение.

— Работники ФСБ, организовавшие такие учения, являются преступниками, — сказал другой житель дома. — Это чудовищный, безнравственный эксперимент. Даже если это был сахар, что весьма сомнительно, они все равно преступники.

Николаев затем поднял вопрос о законности предполагаемых «тренировочных учений».

Адвокат Павел Астахов от имени группы жителей дома, которые собирались возбудить судебное дело, сказал, что закон об оперативных следственных действиях, где речь идет о проведении военных учений, не давал ФСБ права подкладывать бомбу в жилое здание и подвергать опасности жизни и здоровье людей. Более того, в статье 5 данного закона подробно говорится о необходимости соблюдения прав граждан во время проведения учений. В этом отношении инцидент в Рязани выходит за рамки российских законов.

Военнослужащий из зала добавил, что обстоятельства данных учений были чрезвычайно подозрительными, и организация военных учений всегда сопровождается подготовкой машин «скорой помощи», лекарств, повязок, а также

теплой одежды, и даже более ответственные учения, если они касаются гражданского населения, всегда согласуются с местными властями и связанными с этим организациями. В данном случае ничего не было согласовано и подготовлено.

Затем Николаев спросил, по какой причине продолжается расследование инцидента.

— ФСБ обязана расследовать акты терроризма, — сказал Астахов. — Но в данном случае прокурор может закрыть дело. Если бы в тех мешках был сахар, дело было бы закрыто давным-давно.

Зданович пытался отклонить обвинения, выдвинутые против ФСБ.

— Мы готовы для дискуссии, — сказал он. — Именно поэтому мы здесь. Данные учения были направлены на охрану безопасности жителей. Мы делали это потому, что у нас не было выбора. Наши действия никогда не были направлены против интересов людей.

После окончания передачи, когда жители Рязани и сотрудники ФСБ выходили из зала, стало очевидно, что ФСБ потерпела серьезное поражение. Чины ФСБ осознавали это, что было видно по их угрюмым лицам. Зданович, Воронов и группа других сотрудников ФСБ подошли к Волошину у контрольно-пропускного пункта и сказали ему: «Вы работаете на Запад. Готовьтесь к неприятностям».

Трансляция этой встречи по НТВ, независимому российскому телевизионному каналу, 23 марта, за неделю до президентских выборов, имела огромный эффект. Люди были потрясены неумелыми попытками представителей ФСБ защитить действия своей организации, и программа создавала впечатление, что инцидент в Рязани был больше похож не на военные учения, а на неудавшуюся провокацию.

Но однажды утром в сентябре 2000 года НТВ получило коллективное письмо от жителей дома № 4/16 по улице Новоселова в Рязани, адресованное Николаеву. Программа «Рязанский сахар — тест, проведенный секретными службами, или Неудавшаяся бомба» была показана шесть месяцев назад, и до сих пор вызывает ссоры. Препрезидентский телевизионный канал ОРТ обвинил НТВ в организации предвыборной провокации, и, по предварительным оценкам, передача уменьшила шансы на победу президента Путина на президентских выборах на несколько процентов.

Данная передача была номинирована на высокую журналистскую награду, и появление письма, по-видимому, было связано с этой номинацией.

В первом абзаце письма говорилось: «Мы, жители Рязани, проживающие в доме № 14/16 по улице Новоселова, решили выразить наш протест по поводу телевизионных передач, проводимых под вашим руководством, в которых снова и снова речь идет о прошлогодних событиях, связанных с учениями, проводимыми ФСБ».

Далее в письме жители дома выражали благодарность ФСБ, которую они не знали, как выразить раньше. «Мы всем сердцем благодарны руководству ФСБ Рязанской области, которая с такой человечностью реагировала на все наши просьбы, оказывая помощь в ремонте и обновлении нашего дома... Мы заявляем вам со всей ответственностью, что все сотрудники ФСБ спасают заложников и каждую секунду рискуют своей жизнью в борьбе с террористами в городах России». Заключение было написано в таком духе, что оставалось мало сомнений в том, на кого оно рассчитано. «Мы сообщаем вам, что копия этого письма будет направлена министру печати и информации и главе Администрации Президента». Когда это письмо показали Николаеву, он был поражен. Все в нем отличалось от сказанного жителями дома раньше. Поначалу показалось, что появилась еще одна тайна в этой истории, которая была зловещей с самого начала. Однако при тщательном изучении письма было установлено, что большинство подписей находилось на обратной стороне листа. Когда журналисты задали жителям дома вопрос об их подписях, они ответили, что никогда не расписывались под письмом, обвиняющим НТВ. Было установлено, что подписи собрал житель этого здания Виктор Кузнецов, бывший милиционер, который раньше выполнял мелкие задания ФСБ, для оплаты домофона на двери подъезда. Те подписи, которые Кузнецову не удалось собрать, он просто подделал. *Волошин П. И* вновь ФСБ — Гексоген, Рязань: история одной фальшивки // Новая газета. 2000. 21–24 сент.

7. Существовали веские доказательства того, что во время рязанских «тренировочных учений» население нуждалось в успокоении, а не в дальнейшем усилении паники. Еженедельная газета «Версия» сообщала, что в период с 13 по 22 сентября особые подразделения рязанской милиции приняли более сорока заявлений от жителей домов о том, что в их здания подложены взрывные устройства.

13 сентября жители дома № 18 по улице Костюшко и соседних зданий были эвакуированы на 20 минут, пока их дом осматривали от подвала до чердака. Аналогичные операции производились в жилых кварталах на Интернациональной улице и улице Блюзова. В этот период также потребовалось эвакуировать редакцию газеты «Вечерняя Рязань» и учащихся школы № 45. Во всех этих случаях тревога была ложной. В тот же период у дома № 32 по Станкозаводской улице был обнаружен артеллерийский снаряд. Его оставили там школьники, чтобы пошутить, но он мог взорваться. См.: *Бахрошин Н.* Кто взорвал Россию: зачем ФСБ пыталась взорвать сахар? // Версия. 2000. 22–28 фев.

8. Взорванные здания в Буйнакске, Москве и Волгодонске находились в окраинных рабочих районах. Это было еще одним признаком того, что «учения» в Рязани планировали те же самые люди, которые совершали предыдущие теракты.

3. «Молодые реформаторы»

1. Чубайс был председателем Государственного комитета по управлению государственным имуществом (ГКИ), а после июня 1992 года — заместителем премьер-министра; Максим Бойко был советником Чубайса, а после 1993 года — исполнительным директором Российского центра приватизации; Петр Мостовой был заместителем председателя ГКИ, а позднее — начальником Федеральной Комиссии по делам о банкротстве; Александр Казаков руководил приватизацией в регионах, а затем был заместителем главы Администрации Президента.

2. Двойка по поведению? // Комсомольская правда. 1997. 18 нояб.

3. *Freeland K. Sale of the Century: Russia's Wild Ride from Communism to Capitalism*. New York: Crown-business, 2000. P. 295–296.

4. Поскольку Ельцин объединил кабинеты президента и премьер-министра, Бурбулис на посту первого заместителя премьер-министра был действующим главой правительства.

5. «В советской системе поощрялись дети рабочих и крестьян, — рассказывала мне женщина, которая работала и училась вместе с «молодыми реформаторами». — Это вызывало у нас глубокую обиду и такую точку зрения, что мол, если бы у нас были возможности, мы бы показали этому миру!»

Будущие «молодые реформаторы» обычно были специалистами в области Запада, который они по своему службы должны были критиковать. Советский Союз мы серьезно не изучали. Если мы и проводили серьезный анализ, то только жизни на Западе. Когда «молодые реформаторы» неожиданно получили власть, оказалось, что они плохо знают свою страну. Они знали о ней гораздо меньше, чем работники старой номенклатуры, которые, по крайней мере, были знакомы со своей областью знаний. Реформаторы заимствовали зарубежный опыт — корейский, латиноамериканский, американский, но они не имели понятия о том, как эта экономика действует в России. Их неспособность продвигаться вверх в советской системе совершенно отделила их от старой элиты, и они были готовы построить общество, в основе которого лежала идея „каждый сам за себя“.

6. Как и в случае с большевиками, вера реформаторов в безусловную ценность своих теоретических предположений сделала их безразличными к страданиям, которые они приносили. Когда первые мероприятия в связи с реформами привели к резкому падению уровня жизни и росту смертности, в правительственных кругах отнеслись к этому как к революции, а во время революции людям приходится страдать.

Гайдар, Чубайс, Мостовой и другие реформаторы путешествовали по стране, беседуя с большими аудиториями. Куда бы они ни приезжали, они вели себя так, как будто выступали в экономическом клубе и были неспособны выражаться понятным языком. Отвечая на вопросы типа «Почему не увеличивают-

ся пенсии?» или «Почему закрываются заводы?», они вдавались в простран- ный экономический анализ, наполненный такими словами, как *индексация, де- фолт, деноминация, долларизация и девальвация*. У людей, уходивших с по- добных митингов, создавалось впечатление, что оратор смеется над ними и старается показать им, как мало они знают.

Однажды Гайдар поехал в Магадан, где местные руководители просили у него кредиты на покупку продуктов питания и выплаты за электроэнергию. Гайдар ответил на это, что Дальний Восток в настоящее время слишком перенаселен и может содержать, лишь вдвое меньшее население. В другой раз, когда Гай- дар, у которого была неуместная привычка причмокивать губами во время раз- говора (потом он избавился от нее), был предупрежден о том, что реформы разрушающе действуют на сельское хозяйство России, он ответил: «Это не- важно, мы купим продукты на Западе».

7. В сталинскую эпоху обычных преступников считали «социально близкими», и в результате к ним в трудовых лагерях относились лучше, чем к политиче- ским заключенным, которые считались идеологическими противниками.

8. Реформаторы понимали, что население не будет долго терпеть трудности, связанные с экономическими реформами, но, зная о проблемах, связанных с проведением реформ, они совершенно не сочувствовали населению, однако испытывали сочувствие к самим себе. Они называли себя «камикадзе» и ис- пользовали любую возможность, чтобы добиться «точки необратимости», за пределами которой будет невозможно реставрировать учреждения социализ- ма независимо от воли общества.

Во время выступления в телевизионной программе «Детали» 29 июня 1994 го- да Чубайс сказал: «Цель приватизации заключается в построении капитализ- ма в России, фактически за несколько напряженных лет, делая ту работу, ко- торую остальная часть мира выполняла несколько столетий» (см.: *Медведев Р. Капитализм в России? М.: Права человека, 1998. С. 172*). Слова Чубайса имеют зловещее сходство с декларацией Сталина 1929 года о том, что Совет- ский Союз должен построить основу индустрии за десять лет и таким образом осуществить за десятилетие то, что остальная часть мира делала в течение столетия.

9. В советский период любое назначение на высший административный пост должно было получить одобрение партийного аппарата района, области или на уровне Центрального Комитета. Людей, занимающих эти посты, называли но- менклатурой.

4. История реформ

1. *Аслунд А.* Три основных источника богатства новых русских // *Известия*. 1996. 20 июня.

2. Рассказ о событиях, приведших к разгону Верховного Совета и последовавшей за этим бойне около на Останкинской телебашни, явившихся предпосылкой для обстрела здания парламента, см. в кн.: *Satter D. Age of Delirium: The Decline and Fall of the Soviet Union*. New Haven: Yale Univ. Press, 2001.
3. См. *Крыштановская О.* В чьих руках собственность? // Аргументы и факты. 1997. № 15.
4. Провал ваучерной приватизации был одной из причин негативного отношения к Чубайсу, о котором сложилось мнение, что он намеренно обманывал население. До сих пор вспоминают его обещание, данное им в 1992 году, что ваучер, представляющий долю каждого гражданина в национальном доходе, составит стоимость машины «Волга», а может быть, и двух. См.: *Медведев Р.* Капитализм в России? М.: Права человека, 1998. С. 176.
5. *Глинкина С.* Преступные компоненты российской экономики // Рабочий доклад № 29, *Berichte des Bundesinstituts für Ostwissenschaftliche und Internationale Studien*, 1997.
6. *Лунев С.* Российская организованная преступность // Jamestown Foundation Prism, 1997. 30 мая. С. 10.
7. *Глинкина С.* Преступные компоненты российской экономики // Рабочий доклад № 29, *Berichte des Bundesinstituts für Ostwissenschaftliche und Internationale Studien*. 1997.
8. *Glinkina S., Grigoriev A., Yakobidze V.* Crime and Corruption // *The New Russia: Transition Gine Awry* / Ed. by L.R. Klein, M. Pomer. Stanford: Stanford Univ. Press, 2000. P. 247.
9. В период между 1990 и 1998 годами Россия продала больше предприятий, чем какая-либо другая страна в мире, но занимала 20-е место по национальному доходу. Бразилия заработала 66,7 млрд долл., Великобритания — 66 млрд долл., Италия — 63,5 млрд долл., Франция — 48,5 млрд долл., Австралия — 48 млрд долл., а Россия — 9,25 млрд долл. Даже Венгрия, где гораздо меньше предприятий находилось под контролем государства, чем в России, заработала на 2,1 млрд долл. больше, чем Россия. В России доход от приватизации был равен 54,60 долл. на душу населения по сравнению с 2560,30 долл. в Австралии и 1252,80 в Венгрии. См.: Приватизация, русский стиль // Независимая газета. 2001. 17 апр.
10. *Политковская А.* Норильск готов пойти в банк // Общая газета. 1997. 6–12 марта.
11. *Bernstein J.* Watergate: Day at the Beach // *Moscow Times*. 1996. Nov. 22.
12. *Глинкина С.* Характеристики теневой экономики в России // Независимая газета — Политэкономика. 1998. № 5, март.
13. Согласно Государственному комитету по статистике (Госкомстату), в период с 1992 по 1998 год валовой внутренний продукт в России сократился пример-

но на 44%. В период Второй мировой войны — на 24%. В период Великой депрессии в США валовой внутренний продукт сократился на 30,5%. Промышленное производство в России за период 1992–1998 годы уменьшилось на 56%. См.: *Reddaway P., Glinski D. The Tragedy of Russia's Reforms: Market Bolshevism against Democracy*. Washington, D.C.: US Inst. of Peace Press, 2001. P. 249.

14. *Weir F. A Slow Descent*. www.intellectualcapital.com. 1997. Sept. 25; *Shenfield S. On the Treshold of Disaster: The Socio-Economic Situatuin in Russia* // *Johnson's Russia List*. 1998. July 2.

15. *Аманова Н. Россия — страна универсального взяточничества* // Разбор: Приложение к «Аргументам и фактам». 1998. № 6. С. 2.

16. *Shenfield S. On the Treshold of Disaster; Feshbach M. Russia's Population Meltdown* (*Wilson Quarterly*) // *Johnson's Russia List*. 2001. Jan. 11.

17. *Reddaway P., Glinski D. The Tragedy of Russia's Reforms*. P. 606.

18. *Ibid.* P. 611. Утечка информации о планировании операции «Буря в Москве» свидетельствовала не только о том, что российское руководство планировало террористические акты. 6 июня 1999 года, за три месяца до взрывов зданий на улице Гурьянова и на Каширском шоссе, шведский журналист Ян Бломгрэн писал в газете «*Svenska Dagbladet*», что кремлевское руководство и его сообщники готовили серию «террористических актов» в Москве, вину за которые можно будет свалить на чеченцев. Константин Боровой, независимый депутат Думы, сказал, что один сотрудник российской военной разведки предупредил его о готовящейся серии террористических актов.

19. После того как ранее не известный Путин стал премьер-министром во время предварительных выборов, его рейтинг был такой же, как у Ельцина. Из тех, кто голосовал за него, 2% сказали, что голосовали бы за Путина как за президента.

20. В начале сентября в прессе появились сообщения, что Березовский, Александр Волошин (в то время глава Администрации Президента), Антон Суриков (бывший сотрудник Главного разведывательного управления — ГРУ) и Басаев встретились во Франции в июне или июле и разрабатывали план вторжения в Дагестан. 13–14 сентября газета «Московский комсомолец» напечатала фрагменты стенограммы беседы между человеком с голосом, похожим на голос Березовского, и человека, чей голос напоминал голос Мовлади Удугова, неофициального представителя радикальной чеченской оппозиции, в которую входили Басаев и Хаттаб. Во время этой беседы ее участники, обращаясь дружески друг к другу, обсуждали передачу денег от человека, похожего на Березовского, боевикам. Павел Гусев, главный редактор «Московского комсомольца», сообщил, что, по его утверждению, сотрудник ФСБ, записавший на пленку эту беседу, позже был уничтожен «по приказу тех, чьи голоса он записал».

По-видимому, эти публикации побудили Третьякова, главного редактора самой известной газеты, принадлежавшей Березовскому, предложить какую-то версию событий, которая, если и не оправдывала его шефа, то, по крайней мере, давала понять, что он был не единственным, кто участвовал в организации вторжения в Дагестан. Третьяков писал: «Совершенно очевидно, что чеченцев завлекли в Дагестан... чтобы оправдать восстановление федеральной власти в республике и начало военных действий против террористов, окопавшихся в Чечне. Ясно, что это была операция, подготовленная российскими спецслужбами... более того, она была санкционирована самими высокопоставленными кругами.

В свете всего этого вот мое собственное личное предположение: в худшем случае Березовским воспользовались, не посвятив его в деятельность российских спецслужб, или, что наиболее вероятно, он действовал заодно с ними... Моя гипотеза гораздо более похожа на правду, чем мнение, что Березовский сам все устроил, которое предполагает его абсолютное влияние на обе воюющие стороны одновременно» (Третьяков В. // Независимая газета. 1999. 12 окт.).

21. Reddaway P., Glinski D. The Tragedy of Russia's Reforms. P. 614.

22. Это был не первый террористический акт в России, случившийся именно в преддверии выборов. В июне 1996 года, в канун первых президентских выборов, была взорвана бомба в московском метро, в результате чего четыре человека погибли и еще 12 были ранены; еще два взрыва прогремели в троллейбусах, при этом пострадало 38 человек. Эти события, создав ощущение нестабильности, сработали в пользу кандидатуры Ельцина. В случае 31 августа 1999 года тайная группировка, выступающая против общества потребления, под названием Союз революционных писателей, оставила на месте происшествия листовки, в которых объясняла его причины. В листовках, в частности, говорилось: «Гамбургер, не съеденный до конца мертвым потребителем, это революционный гамбургер». В прошлом бессодержательные заявления об ответственности ранее неизвестных или малоизвестных группировок в какой-то степени свидетельствовали о том, что стороны, несущие ответственность за теракты на самом деле работают в разведывательных спецслужбах.

23. В конце концов, многие останки так и не были найдены.

«Я похоронила мою дорогую дочку Юленьку, — рассказывала Татьяна Горбалева. (Юлия Чернова жила в квартире 141 взорванного дома по улице Гурьянова.) — Ей было всего 28 лет. Во время взрыва также погибли мой зять Андрей и внук Темочка, но их останки до сих пор не опознаны, хотя я лично обошла все морги. Если бы вы знали, какие ужасы я там видела. Нам удалось опознать Юленьку только по ее густым волосам... Нашему Темочке через несколько дней исполнилось бы четыре года. Я поклялась на могиле дочери, что разыщу Темочку и похороню его рядом с ней, хотя бы это будет лишь его часть».

В семье Боровских-Рыхлецких, живших в квартире 123 на улице Гурьянова, погибли бабушка, двое детей, мать и отец. Их родственникам не удалось опознать тела ни одного из них.

Всего в результате взрыва дома на улице Гурьянова погибло 17 человек; см.: Волкова Л., Ресина Т. Доченька, я принесу тебе Темочку... // Московский комсомолец. 1999. 19 окт.

24. Высокопоставленным чиновникам сообщили о готовящемся взрыве в Волгодонске за несколько дней до него. 13 сентября Геннадий Селезнев, выступая на встрече в Совете Думы, получил записку из аппарата Думы, которую он читал присутствующим. В послании говорилось о произошедшем взрыве в Волгодонске. Лидер либерально-демократической партии Владимир Жириновский сказал, что после этого заявления присутствующие стали ждать сообщения о взрыве по телевидению. Однако взрыв произошел только через три дня, 16 сентября. 17 сентября Жириновский напомнил Селезневу о его заявлении 13 сентября и спросил, почему тот не предупредил власти. Селезнев рассказал корреспонденту газеты «Новые известия» в марте 2002 года, что он посчитал, что речь шла о взрыве, устроенном преступными бандами 15 сентября, и в котором не было жертв. Факт о последнем взрыве был подтвержден местной волгодонской прессой, но в объяснении Селезнева остается несколько невыясненных моментов. Если взрыв в Волгодонске, о котором шла речь в записке, переданной Селезневу, был частью мелкого преступного конфликта, почему было необходимо срочно сообщить спикеру Думы и — согласно информации, находящейся в руках Сергея Юшенкова, члена независимой комиссии для расследования взрывов 1999 года, — Путину? Было ли лишь совпадением, что Селезнев и Путин были информированы о взрыве в одном и том же городе, где произошел сильный взрыв на следующий день? Почему Селезнев, тесно связанный с Путиным, не упомянул об «обычном» взрыве в сентябре 1999 года, когда впервые подняли вопрос о его осведомленности заранее? И, наконец, если в записке, которую читал Селезнев, речь шла о незначительном преступном столкновении в Волгодонске, почему Селезневу сообщили об этом за два дня?

25. Путин употребил выражение «Мочите их в сортирах». В октябре, когда было предложено, чтобы Россия провела переговоры с повстанцами, Путин заявил, что это бандиты, и если кто-нибудь попытается сделать это, то может получить «контрольный выстрел» в голову.

В течение нескольких месяцев после взрывов Путин невозмутимо и хладнокровно отвечал на самые разнообразные вопросы, за исключением вопросов о Чечне. Когда поднимали тему Чечни, он неизменно выходил из себя. Этот факт наряду с использованием им воровского жаргона заставляет некоторых предположить, что по каким-то причинам его задевает критика в адрес второй чеченской войны не только в политическом смысле, но и лично.

26. Масхадов обвинил российские секретные службы в проведении взрывов жилых зданий с целью отвлечь внимание от корруптивных скандалов в Кремле, и выразил свое соболезнование жертвам. Басаев и Хаттаб отрицали участие чеченцев во всех трех взрывах и сказали, что они всегда отвечают за свои «военные акты», и если бы они захотели взорвать здания в Москве, выбрали бы военный гарнизон или Кремль, потому что они осуждают слепые нападения на мирных жителей, которых они избегали даже во время первой чеченской войны; См.: *Shihab S. Attentats: La piste vite oubliée des services russes // Le Monde. 2000. 12 janv.*

27. См. *Satter D. Anatomy of a Massacre // Washington Times. 1999. Oct. 29.*

28. См. статью: Тишина после взрывов // Московский комсомолец. 2000. 19 янв. Также заслуживало внимания, что в июне началось сосредоточение российских войск на границе с Чечней, включая значительное количество артиллерии и самолетов, после чего в начале июля, туда прибыл батальон с многочисленными ракетными установками, который был в состоянии уничтожить огромные территории и, таким образом, подходил для вторжения, но не для преследования террористов. За этими действиями последовало постепенное сосредоточение сил вдоль линии фронта. Из всех регионов страны прибывали подразделения ОМОНа пока их численность на границе не достигла целой российской дивизии, около 7000 человек. Дивизии и полки, прибывшие после сентябрьских терактов, присоединились к уже имеющимся здесь подразделениям.

29. Начавшись 4 сентября в Буйнакске, теракты устраивались с трех- или четырехдневными интервалами, и поэтому каждый новый теракт происходил во время похорон жертв предыдущего. Тот факт, что «учения» в Рязани произошли через 6 дней после теракта в Волгодонске, был еще одним подтверждением того, что он являлся частью одной и той же серии взрывов.

30. Через несколько часов после второго взрыва жилого дома в Москве милиция арестовала Тимура Дахкилгова, рабочего-текстильщика, ингуша по национальности, после того как у него на руках были обнаружены следы гексана — химического вещества, широко применяемого для окраски тканей. Он провел много недель в тюрьме, где его неоднократно избивали. См.: *Saradzhyan S. After One Year, Blast Probe Still Drags on // Moscow Times. 2000. Sept. 15.*

31. После взрывов обломки домов были сразу же убраны, несмотря на возращения МВД и Министерства по Чрезвычайным ситуациям. Поспешность, с которой ликвидировались следы преступления, особенно поразительна на фоне того, как велось следствие по терактам против зданий американских посольств в Кении и Танзании в 1998 году: подозреваемые были выявлены и в конечном итоге арестованы в результате тщательного многомесячного просеивания обломков. А ФСБ не подпускала следователей из Министерст-

ва по чрезвычайным ситуациям к местам взрывов на улице Гурьянова и на Каширском шоссе и препятствовала попыткам рабочих-спасателей позаботиться о жертвах. Российские власти отклоняли предложения о предоставлении помощи в расследовании от Соединенных Штатов и других стран Запада.

32. *Lasswell H. Propaganda Technique in the World War.* New York: Garland, 1972. Р. 190. Ощущение, что взрывы были инсценированы, подкреплялось последующей реакцией властей. После взрыва на улице Гурьянова в Москве были приняты чрезвычайные меры безопасности. Вереницы грузовиков с прицепом и легковых машин образовались на дорожных контрольно-пропускных пунктах у въезда в город. Дивизия МВД им. Дзержинского численностью 15 000 человек была рассредоточена на улицах Москвы, увеличив и без того огромное количество работников милиции. Однако через 4–5 дней после взрыва на Каширском шоссе ситуация почти вернулась в нормальное русло, создавая впечатление, будто власти знали, что дальнейшей опасности не существует. Западные дипломаты, пытавшиеся получить информацию из правительственных и других источников, сталкивались с тем, что обычные контакты не дают им никакой информации о безопасности обстановки, и любая попытка поднять вопрос о терактах приводила к прекращению разговора.

33. Осенью 2001 года в Ставрополе к суду привлекли двух человек, которые по национальности не были чеченцами, за участие в московских терактах, но они были оправданы. Хотя их осудили за другие тяжкие преступления, данные о том, что они имели какую-то связь с терактами в Москве, выглядели явно фальсифицированными даже для обычно твердолобого российского суда. В декабре 1999 года, вскоре после того, как ФСБ объявила, что взрывчатое вещество, используемое во время терактов жилых домов, представляло собой не гексоген, а аммиачную селитру и порошок алюминия, российские войска в Чечне объявили, что обнаружили лабораторию, где изготавливалось взрывчатое вещество для терактов. Это место находилось в Урус Мартане, который в недолгий период независимости Чечни был центром торговли похищенными детьми; поэтому неудивительно, что в лаборатории стояли мешки с аммиачной селитрой и порошком алюминия.

34. Подходит для выполнения «семейных услуг» // Сегодня. 2000. 18 мая. В газете также высказывались предположения, что Кремль уже вложил слишком много в Устинова, чтобы заменить его кем-то другим. В 1998 году, как сообщалось, Бородин купил квартиру для Устинова стоимостью 500 000 долларов. Кроме того, отдел недвижимости под контролем президента предоставил шикарные квартиры в Москве десяти другим высокопоставленным сотрудникам прокуратуры.

35. Волошин сменил на посту Николая Бордюжу, главу Администрации Президента в 1998–1999 гг., и Валентина Юмашева, который возглавлял Администрацию Президента в 1997–1998 гг.

5. Золотоискатели

1. *Соловей П.* Разыскивается убийца // Труд. 1995. 13 сент.

2. В течение трех лет, пока страницы российских газет пестрели объявлениями о пирамидных схемах, эти газеты почти не предпринимали попыток предупредить граждан об опасностях новых финансовых компаний. Напротив, они советовали довериться им. Россиян уговаривали «не позволять деньгам бездействовать», что побуждало людей поспешно вкладывать их, и советовали им не «рисковать всем», в результате чего люди вкладывали деньги в разные компании и потеряли их во многих местах.

Реклама использовала склонность россиян жить в воображаемом мире. В Советском Союзе рай, который они строили, получал подтверждение в фальшивой официальной статистике, а после развала Советского Союза банки и финансовые компании стали демонстрировать диаграммы, показывающие, как увеличатся их вложения, точно так же, как советские власти использовали диаграммы, свидетельствующие о неуклонном росте производства в ходе следующих одна за другой пятилеток.

3. Существовало несколько факторов, которые побуждали россиян клянуть на обещание высоких прибылей и отдать свои деньги мошенникам. Во-первых, гиперинфляция, начавшаяся после 2 января 1992 года, съела все сбережения людей и толкала россиян на поиски путей сохранения стоимости их заработка.

Во-вторых, россияне не отдавали себе отчета, на какой риск они идут. Мошенники не подчинялись абсолютно никаким законам. Чтобы создать инвестиционную компанию в России, достаточно было иметь начальный капитал всего-навсего в 10 000 рублей. Компанию можно было зарегистрировать на любой адрес, и десятки компаний регистрировались на адреса, где на самом деле ни одна из них не находилась. Никакие усилия по проверке криминального окружения людей, принимавших вклады у населения, не прилагались. Вмешательство официальных лиц в дела компаний ограничивалось главным образом сбором взяток.

4. Реклама «Чара-банка» соответствовала ситуации. В одной из реклам мужчины, стоящий на столе, на котором было написано «Чара», появлялся из середины водоворота и говорил: «Мы единственные, кто может вас спасти». В другой рекламе человек, умирающий от жажды в пустыне, терял сознание. Большая деревянная кружка с надписью «Чара» появлялась перед ним, он пил из нее и оживал.

5. Термин «новые русские» относится к тем, кто накопил огромное состояние в новых экономических условиях. Обычно считается, что их психология отличается от психологии «старых русских».

6. Рабочие

1. В Советский период директор был связующим звеном между партией и рабочим классом. Он работал под сильным давлением, в его работу постоянно вмешивались вышестоящие чиновники, которые ругали и унижали его при каждом промахе. В то же время сам он быстро подавлял любые выступления со стороны рабочих. Это было нетрудно, потому что рабочие не имели политических и юридических прав и поэтому не могли рассчитывать на помощь в случае применения силы.

Результатом такой системы сосредоточения власти, было то, что директора привыкли относиться к рабочим, как к сырью, которое можно использовать для выполнения плановых задач. Они часто бранили рабочих, почти всегда обращались к ним на «ты», заставляли их при необходимости работать долгие часы и унижали их достоинство, если они вызывали проблемы.

2. Другим способом разграбления имущества завода была сдача в аренду всего, что только возможно, причем в договоре указывалась лишь небольшая часть арендной платы, а остальное выплачивалось наличными директору. Директора также начали организовывать бартерные сделки между заводами, используя бесплатный труд рабочих для разгрузки железнодорожных вагонов друг для друга. Другой метод заключался в хранении товаров на складах предприятий. Товары со складов продавались в кредит по ценам, превышающим цены на складах соседних предприятий. Как только рабочим переставали платить, у них не было выхода и приходилось покупать товары на этих складах. Качество товаров там было хуже, чем в других местах, а цены на 10–15% выше. При данных обстоятельствах российские производители товаров могли не волноваться, что их низкокачественная, непригодная для употребления продукция будет распределена среди голодных рабочих, которые не получают зарплату и которым ничего не остается, как принять эту продукцию.

3. Провинциальная хроника: Специальный выпуск // Информационное рабочее агентство — Союз Общественных корреспондентов (ИРА-СОК). 1996. Окт. С. 2.

4. Высказывания Мордашова вызывали чувство горечи у рабочих. Работа на заводе была опасной; в месяц случались по крайней мере два серьезных несчастных случая, один из них — со смертельным исходом. В здании была плохая вентиляция, а фильтры не менялись в течение пяти лет. У рабочих сталелитейных цехов угольная и коксовая пыль скрипела на зубах, а жара и шум старили их преждевременно; они выходили на пенсию в 55 лет, но мало кто

жил достаточно долго. В то же время было хорошо известно, что Мордашов приобрел свое право собственности над заводом благодаря финансовым махинациям.

5. Банки, организующие аукционы в рамках кампании «Ссуды за акции», неизменно оказывались победителями на таких аукционах. Покупка «Юкоса» сочеталась с историей Ходорковского, который использовал правительственные связи для накопления состояния. В 1987 году, занимая высокий пост в московской комсомольской организации, Ходорковский на деньги партии организовал торговый кооператив. В следующем году он учредил банк «Менатеп». С 1990 по 1993 год Ходорковский занимал в российском правительстве пост экономического советника Гайдара и заместителя министра топливной и энергетической промышленности. В этот период группа «Менатеп» продолжала расти. В 1992 году из «Менатепа» брались деньги для финансирования множества федеральных программ, в том числе снабжения воинских частей продовольствием, на ликвидацию последствий Чернобыльской аварии, а позже на восстановление Чечни, в ходе которого, согласно данным Счетной палаты РФ, 4,4 млрд долл., посланные в Чечню, исчезли. В 1992 году, когда цена на нефть в России была в 300 раз ниже цен на мировом рынке, «Менатеп» получил разрешение экспортировать нефть. В 1993 году он был уполномочен распоряжаться федеральным бюджетом и использовал его фонды для предоставления краткосрочных межбанковских кредитов, получая огромную прибыль на государственные деньги. См.: *Bivens M., Bernstein J. The Russia You Never Met // Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization. 1998. № 6. p. 613–647.*

6. В конце 1997 года Ходорковский приобрел Восточно-Сибирскую нефтяную компанию, что позволило ему объединить нефтеперерабатывающие заводы и предприятия обслуживания в соседних областях страны. По мере падения цен на нефть «Юкосу» приходилось ликвидировать долги и выплачивать иностранные кредиты, полученные для покупки Восточно-Сибирской нефтяной компании. В этих обстоятельствах легче всего было не платить местные налоги, поскольку к городам и районам не применялись штрафные санкции федерального правительства, которое за невыплату налогов могло лишить права экспортировать нефть.

7. Рабочим говорили, что им либо придется согласиться на жалование, уменьшенное на 30–40%, либо начнутся массовые увольнения. «Юганск нефтегаз» перестал платить премии, которые раньше выплачивались регулярно. Оператор нефтяной скважины раньше получал основную зарплату, коэффициент за работу на Севере и 70% от общего количества в качестве премии. При новой политике оплаты многие рабочие стали зарабатывать от одной трети до 40% от прежней величины выплат.

7. Правоохранительные органы

1. Некоторые эксперты, которые связывают рост количества преступлений среди милиции с тем, что после падения советского режима новое правительство ликвидировало отдел КГБ, который контролировал милицию. Если раньше КГБ следил за соблюдением законности, то после снятия с КГБ ответственности за милицию все дела там пошли на самотек. См.: *Романов С. Мошенничество в России: как уберечься от аферистов. М.: Эксмо, 1998. С. 455.*
2. В обзоре, проведенном социологическим центром «Статус» в 1996 г., 43% москвичей сказали, что если бы они были дома одни, то не открыли бы дверь милиционеру, а 37% добавили, что они одинаково боятся бандитов и милиции (*Скосирев В. Кто же в России будет защищать граждан, а не государство? // Известия. 1997. 5 апр.*).
3. Милиция также вымогает деньги у продавцов, которые торгуют на городских рынках, имея официальное разрешение. Продавцу могут запретить продавать свои товары из-за того, что у него грязные руки, или из-за того, что он зимой пользуется электрическим обогревателем, который потребляет слишком много энергии, или же потому, что он торгует в «недозволенном месте». В любом случае вопрос можно уладить с помощью взятки. Если рынок находится под контролем банды, члены этой банды откупаются от милиции. В этом случае милиция оказывает давление на банду.
4. *Гликин М. Милиция и беспредел. М.: Центрполиграф, 2000. С. 120.*
5. *Романов С. Мошенничество в России: как уберечься от аферистов. М.: Эксмо, 1998. С. 480—481.*
6. Шамиль Басаев потратил 9000 долл. на взятки российской ГАИ, чтобы она не проверяла грузовики боевиков. В результате чеченским боевикам удалось достичь Буденовска, захватить несколько сотен заложников и заточить их в городской больнице. После того как российские спецслужбы предприняли две неудачные попытки штурмовать больницу, было достигнуто соглашение с Басаевым о немедленном прекращении огня, в результате чего начались мирные переговоры и был разрешен безопасный проезд и проход отрядов Басаева в Чечню. Пока велись мирные переговоры, чеченские боевики получили важную передышку на несколько месяцев, прежде чем снова начались крупномасштабные боевые действия. В этот период они проникли во многие районы Чечни, в сущности захватывая их без борьбы. См.: *Lieven A. Chechnya: Tombstone of Russian Power. New Haven: Yale Univ. Press, 1998.*
7. По некоторым оценкам, две трети российского населения испытали это на себе.
8. *Шишков В. Я боюсь: милицейские приключения интеллигента // Новое русское слово. 1998. 30 января. (Перепечатано из «Криминальной хроники».)*

7. Карачева Е. За что забрал, начальник?! Отпусти! // Новое русское слово, 2000. 12 января. (Перепечатано из «Криминальной хроники».)

Перфильева говорила, исходя из непосредственного опыта. Когда ее свекровь, с которой случился инфаркт на улице, не вернулась домой после работы, она и ее муж начали звонить в московские морги. Настя наконец опознала тело свекрови в морге, находящемся в цокольном этаже одной из московских больниц. Больше всего ее ужаснули не ряды обнаженных тел, лежащих на столах, которым никто не пытался придать приличный вид для опознания, а то, что в некоторых случаях служители морга помещали два тела на один стол.

8. Организованная преступность

1. Основы борьбы с организованной преступностью // Независимая газета, 1997. 14 июня.

2. ЦРУ о связях российских банков с мафией // Новое русское слово. 1994. 12 дек.

3. Наиболее распространенные слова — «мочить», «наехать» и «беспредел». Как уже было сказано, «мочить» используется преступниками в значении «убить». «Наехать» означает «вступить в противоречия» и в отношении встречи описывает попытку бандитов надавить на клиента или потенциальную жертву. «Беспредел» — это жаргон трудового лагеря. Первоначально это слово применялось в отношении работников тюрем, превышающих свои полномочия в жестоком отношении к заключенным, теперь это слово широко используется для обозначения жестокости без пределов.

4. Рост организованной преступности в современной России начался в 1970-е годы, когда в Советском Союзе появились первые подпольные заводы. Они использовали имеющееся оборудование и материалы для нелегального производства товаров для «черного» рынка. Качество их продукции было намного выше, чем у государственных заводов, и их руководители богатели, удовлетворяя огромный спрос на хорошие потребительские товары.

Однако деятельность руководителей (цеховиков) неизменно привлекала внимание местных преступников, которые вытягивали из них деньги. Поскольку заводы были нелегальными, их руководители не обращались за помощью в милицию, и, чтобы выжить, вступали в соглашения с преступниками. В 1979 году на встрече в Кисловодске, на которой присутствовали многие из таких руководителей, было достигнуто соглашение, о том, что те будут платить бандитам 10% от своих доходов в обмен на защиту и позволят им продавать часть своей продукции. Эта встреча ознаменовала начало связи между организованной преступностью и зарождающимся в России капитализмом.

Во второй половине 1980-х годов в Советском Союзе были узаконены кооперативы, первые частные предприятия страны. По мере укрепления и распространения кооперативов к обычным преступникам (блатным) присоединялись бан-

диты, часто бывшие спортсмены, которые стали вымогать у них деньги. После развала Советского союза и полной легализации частного бизнеса такая тенденция продолжалась. Если кто-то хотел открыть частное дело в России, его тут же посещали бандиты, предлагая услуги своей банды в качестве «крыши» в обмен на долю доходов предприятия.

Банды организовывали два типа преступников: «законники», которые подчинялись правилам преступного мира и его ритуалам, и «бандиты», в число которых входили большей частью мелкие хулиганы, которые черпали вдохновение из американских гангстерских фильмов и любили называть себя «бизнесменами».

В тюрьмах и трудовых лагерях было больше всего воров, и в ответ на насильственное внедрение коммунистической идеологии они разработали свою собственную, воровскую идеологию, противопоставив ее государственной. Эта идеология требовала, чтобы преступник отказывался от любого сотрудничества с властями, и утверждалась элитой воровского мира, «ворами в законе». Они заправляли делами преступного мира и улаживали споры. В начале 1990-х гг., по некоторым оценкам, в России было 400 «воров в законе».

Вор в законе выбирался преступной иерархией на основании его личного авторитета и до недавнего времени определялся сроком пребывания в лагерях. Он приобретал полномочия отдавать приказы, которым нужно было подчиняться. По традиции ему не разрешалось иметь семью или работать, и жить он должен был исключительно за счет своей преступной деятельности.

В отличие от воров, многие бандиты ранее не находились под арестом, не соблюдали воровской кодекс, но входили в организации с определенной дисциплиной, вымогали деньги у бизнесменов и использовали их для того чтобы начать собственный бизнес.

Однако по мере развития капитализма в России воры уже меньше соблюдали свой кодекс и больше переходили к сотрудничеству в преступных группировках.

К концу 1980-х гг. местные банды объединялись в более крупные группировки, которые обычно хозяйничали в конкретном регионе, например в московском районе Солнцево, или представляли собой группу одной национальности, как например, чеченцы или дагестанцы. Каждая банда пыталась создать для себя сферу влияния, и конкуренция между ними приводила на первых порах к столкновениям из-за территории.

В начале организованной преступностью в Москве заправляли чеченцы. Когда другие банды организовали встречу в 1988 году для дележа капитала, чеченцы на ней не присутствовали. В ответ на это славянские бандиты, особенно группировки в Солнцево, Люберцах и Балашихе, попытались очистить Москву от чеченцев. Последующая за этим бандитская война с драками в кафе, рестора-

нах и на улицах привела к новому разделу сфер влияния в Москве. Солнцевская группировка стала контролировать западную и юго-западную части города, Долгопрудной группировке достались аэропорт Шереметьево и северная часть города, группировка Люберец контролировала несколько московских окраин, а измайлово-гольяновская группировка захватила Измайловский округ и часть Московской области. Чеченцы тоже хотели бы иметь собственную территорию, но им достался контроль над отелями, ресторанами, предприятиями и банками по всей Москве.

5. «Общак» обычно находился в ведении вора в законе и использовался для подкупа тюремных властей, наемных адвокатов и покупки алкоголя и наркотиков для заключенных, на заботу о членах их семей и помощь в планировании и совершении новых преступлений.

Примером коррупции милиции может служить факт, о котором было рассказано на закрытой встрече главного управления Министерства иностранных дел в Санкт-Петербурге. Какой-то подросток, сидя на окне, часто слушал музыку. Глядя из окна, он стал замечать, что одна и та же машина приезжает в соседний магазин после его закрытия. Ее пассажиры что-то разгружали, а затем быстро вносили «товар» в магазин. Подросток вскоре понял, что они перевозят оружие. Он записал государственный номер машины и на протяжении последующих нескольких дней стал за ней следить. Наконец, он пошел в районное отделение милиции и сообщил об увиденном одному из милиционеров. Но это оказался тот самый милиционер, которому платили бандиты, разгружавшие оружие.

Через два дня подросток исчез. Его тело с явными следами пыток было найдено в лесу за городом. После проведения крупномасштабной операции убийца был найден, но объявлен психически больным и потому не отвечающим за свои действия. Его свидетельские показания в расчет, естественно, не принимались. Милиционер, с которым подросток поделился своей информацией, оставался на своем посту до тех пор, пока не вышел в отставку. См. *Дикселиус М., Колесников А. Преступный мир России*. СПб.: Библиополис, 1995. С. 187.

6. Иванов — возможно, самый известный из преступных авторитетов. Известный во времена бывшего Советского Союза как «отец вымогания», он уехал в Соединенные Штаты с намерением установить новые преступные связи между Россией и Соединенными Штатами, но был арестован в 1995 году в Нью-Йорке и приговорен к девяти с половиной годам заключения за вымогательство.

7. Фонд был назван в честь легендарного футбольного вратаря. В действительности заявление Квантришвили о том, что он будет защитником спортсменов, было весьма сомнительным, потому что в начале 1990-х гг. спортивные клубы и школы служили тренировочными площадками для преступных организаций.

8. *Klebnikov P.* Godfather of the Kremlin: Boris Berezovsky and the Looying in Russia. New York: Harcourt, 2000. P. 19.

9. *Jensen D.N.* How Yuri Luzhkov Runs Moscow // Johnson's Russia List. 1999. Nov. 20.

10. *Duparc A., Ivanidze V.* Iouri Loujkov et «Sistema», ou l'archetype de l'oligarchie muscovite // Le Mond. 1999. Fev. 26.

11. Название Солнцевского района и группировки происходит от русского слова «солнце». Название операции «Закат» указывало на решение положить конец правлению солнцевской группировки.

12. Чтобы выманить жертву из квартиры, киллер вывернул пробки в подъезде // Московский комсомолец. 1995. 3 нояб.

13. Чтобы не ошибиться, киллер расстрелял всех директоров // Московский комсомолец. 1998. 28 апр.

14. Они были готовы к смерти... // Новое русское слово. 2000. 22 дек.

15. *Максимов А.* Бандиты в белых воротничках: как разворачивали Россию. М.: ЭКСМО, 1999. С. 48–51.

16. У Субботина были деньги, чтобы одолжить Юрию Куркову для вложения в пирамиду «Властелина», потому что он стоял во главе собственной «пирамиды» — компании, которой нужны были деньги на строительные проекты и торговлю. Компания Субботина должна была давать прибыль 35% в месяц, что было не так много по тем временам, но придавала ему уверенность. С целью рекламы своей компании Субботин записал видеофильм, содержащий интервью с инвесторами. Один из опрошенных, мужчина лет шестидесяти, сказал: «Я отдал деньги в одну фирму, и они одурачили меня. Я положил деньги в банк, и они снова пропали. Потом я вложил деньги в фирму по строительству жилых зданий, а ее начальство исчезло; но здесь я чувствую, что меня не обманут. Процентная ставка здесь 35%, и мне кажется, я получу свои деньги». Это интервью постоянно показывали в кабинете Субботина, и приходившие к нему люди видели его.

Субботин сказал Юрию: «Люди, создавшие эти пирамиды, мошенники, но мы живем честно. Мы кинем всех остальных, но своим людям вернем их деньги».

9. Ульяновск

1. В период увольнений рабочим говорили, что они получают две трети своей задержанной зарплаты. В ответ на это 2 сентября 1996 года около 1000 уволенных рабочих запрудили все 24 километра на пути к мосту через реку Волгу, соединяющему Новый город с Ульяновском, и заблокировали движение транспорта. Акция протеста длилась пять часов и закончилась обещанием руководства пересмотреть вопрос о задержанной зарплате, но многие рабочие так и не получили все причитающиеся им деньги.

2. Из-за нехватки финансирования пришлось прекратить сооружение нового моста через Волгу, который был крайне необходим, чтобы можно было отремонтировать старый мост, построенный в 1956 году. Он находился в таком плачевном состоянии, что тяжелым грузовикам разрешалось ездить по нему только ночью, когда движения было меньше. Ульяновские водители считали, что мост может рухнуть и машины упадут в Волгу. В начале 1999 года центральный пролет нового моста стоял посреди реки.

10. Владивосток

1. Жукова С. Ледяной дом // Владивосток. 2001. 25 янв.

2. События, имевшие место на острове Русский, были ужасны даже по меркам Российских вооруженных сил. В феврале 1993 года моряки морской базы вылетели во Владивосток, чтобы сообщить друзьям и родственникам, что многие люди на острове массовый голод. Их родственники связались с Черепковым, бывшим морским офицером и депутатом парламента края, он отправился на остров Русский и заснял моряков на пленку. Увидев кадры этой трагедии, вся страна пережила шок.

Условия жизни на острове были варварскими. Вновь прибывших выпускников двух морских училищ радиосвязи избивали и морили голодом, а запасы продуктов воровали. Моряки жили в бесхозных строениях без парового отопления в зимнюю стужу и болели дизентерией в результате прорыва канализации, которая заражала питьевую воду. Врачи, лечившие моряков, говорили, что никогда не видели такого истощения среди воинского состава. Один из уцелевших моряков заметил, что тот, кто побывал на острове Русском, «не испугался бы Бухенвальда».

3. В октябре 1993 года Ельцин распустил Верховный Совет, и вскоре за этим краевые, областные и городские советы были упразднены. Новые выборы проводились в Приморье только через 10 месяцев, и отсутствие законодательного контроля создавало лазейку для Наздратенко и администрации края. В условиях начавшейся приватизации единственным человеком, способным помешать массовой коррупции, был Черепков.

4. На жизнь Черепкова уже делались покушения. В него стреляли в июне и июле 1993 года, а в августе пять хулиганов напали на него на улице. В ноябре служебная машина Черепкова была сбита другой машиной, а в декабре, когда Черепков допоздна работал в своем кабинете, на полу разлили ртуть. Позже Черепкову сообщили, что это было частью плана поместить его в больницу и там убить.

5. Отпечатки пальцев Черепкова не были найдены ни на одном из предметов, будто бы использованных для его подкупа. Вместо этого эксперты обнаружили на денежных купюрах и сигаретах отпечатки пальцев людей, которые вели

против него судебное дело. Двое понятых, присутствовавших при обыске кабинета Черепкова, оказались женой и племянницей следователя Дудина.

6. Садиков, работавший на радиостанции VBC, был похищен и подвергнут пыткам 28 июня 1994 года. Его схватили, надели ему на голову мешок и отвезли на кладбище, где несколько бандитов избивали его и несколько раз выстрелили из пистолета над его ухом, требуя, чтобы он сказал, кто заплатил ему за передачу. Чтобы его не убили, Садиков сказал своим мучителям то, что, как он считал, они хотели услышать, — что ему заплатил Черепков. После этого его отвели в подвал, где сломали ему пальцы, зажав их в тиски. Несколько часов его били дубинками и трубами и жгли огнем от зажженных сигарет, после чего впили в багажник машины, пообещав сбросить в океан. Незадолго до рассвета его бросили на безлюдном берегу, сказав, что принято решение его не убить. Его также предупредили никогда больше не выступать с критикой Толстошеина и никому не рассказывать о том, что с ним случилось. Садиков сообщил об инциденте в милицию и сделал подробную запись на видеопленку. Известие о нападении вызвало волну страха по всему городу, особенно среди журналистов. См.: *Барабаш Н.* Свободу печати у нас всегда зажимали, но не железными тисками // *Комсомольская правда*. 1994. 22 июля.

7. Один из обвиняемых убийц Захаренко, Александр Брехов, был привлечен к суду в апреле 1998 г. Во время слушания дела он утверждал, что это убийство организовано или, по крайней мере, санкционировано Наздратенко. См.: *Номоконов В.А., Шульга В.И.* Убийство напрокат как проявление организованной преступности // *Демократизация*. 1998. № 6, осень. С. 679.

8. Репутация Наздратенко, который убивал каждого, кто ему мешал, была еще больше испорчена из-за смерти Бауло.

Правление Бауло, бесспорного босса организованной преступности во Владивостоке, продолжалось около двух лет. Предполагается, что именно указ Ельцина о снятии Черепкова привел к его смерти. Согласно версии, приводимой в числе других Черепковым, указ о снятии Черепкова с поста мэра был подготовлен в обмен на взятку в 4 млрд рублей (1,2 млн долл.), выплаченную членам Администрации Президента. Эти деньги были собраны Бауло из регионального общака. Наздратенко потребовал дополнительных денег, но Бауло отказал ему. В ходе спора о деньгах Наздратенко, очевидно, убедился, что Бауло, хорошо осведомленный о действиях администрации края, стал для него опасен. В августе 1995 г. Бауло занимался подводным плаванием с друзьями недалеко от острова Рейнеке и вдруг начал барахтаться и размахивать руками. Убийцы ждали его под водой, — возможно, это были члены отряда особого назначения, прошедшие обучение в Тихоокеанском флоте, — и пережали ему воздухопровод. Когда его вытащили из воды, он сказал: «Ребя-

та, я умираю». Его перенесли в машину, и он скончался по пути в больницу. Причина смерти так и не была установлена. На похороны собралось примерно 4000 человек, что было беспрецедентным для Владивостока; из-за огромного кортежа машин и автобусов остановилось все движение в городе.

9. Также не было воды, потому что город был построен на холмах, и отключение электричества останавливало работу насосных станций.

10. То, что Чубайс участвовал в борьбе за власть, стало ясно при аресте Петра Карпова, заместителя директора Федеральной комиссии по делам о банкротствах. Этот арест произошел в Москве 25 июля 1996 г. Петр Карпов в 1995 г. возглавлял комиссию по расследованию коррупции в Приморье. В 1992 г. Карпова обвиняли в получении взятки, равной 5000 долларов. Хотя это была по российским масштабам небольшая сумма, данное обвинение создало проблему для Чубайса. Карпов был правой рукой Петра Мостового, первого заместителя Чубайса во время ваучерной приватизации. Свидетельские показания Карпова могли быть использованы для обвинения Мостового, которого вслед за этим могли заставить давать показания против Чубайса.

Чубайс решил избавиться от Наздратенко, чтобы укрепить свою собственную власть, но арест Карпова, по-видимому, был организован людьми, близкими к Черномырдину, в качестве предупреждения Чубайсу. «До недавнего времени Чубайс был нужен Черномырдину в качестве противовеса Коржакову... Однако, с разгромом группы Коржакова... бывшие друзья... стали соперниками, которых нужно было отстранить с помощью компрометирующей информации друг на друга». См.: *Крутаков Л.* Скажи мне, кто твой друг, и я тебе скажу, когда они тебя арестуют // Новая газета. 1999. 19–25 авг.

11. Диспетчеры советовали звонившим либо идти в больницу самим, либо ехать в центральное отделение «Скорой помощи». Также работники «Скорой помощи» давали медицинские советы по телефону и просили позвонить еще раз, если в дальнейшем возникнут проблемы. Во многих случаях они с большой точностью диагностировали заболевание и давали советы, но в других случаях состояние больного сильно ухудшалось, и он умирал, прежде чем успевал позвонить вторично.

12. Врачи, работавшие в центральном отделении «Скорой помощи», месяцами не получали зарплату и в условиях нарастающего кризиса были так же ранимы, как и их пациенты. Александр Кердяшкин, врач-педиатр с тремя детьми, кормил их только хлебом, кашей и чаем. Он жил километрах 30 от Владивостока и вскоре стал ездить на работу на электричке «зайцем», не платя за проезд. Когда его останавливал контролер, он говорил: «Я врач „скорой помощи“. Я четыре месяца не получаю зарплату». Обычно контролер на это отвечал: «Мне все равно, кто вы. Если вы не оплатите проезд, мы вызовем милицию и вас отведут в отделение».

Александр Семенов, пожилой врач «скорой помощи», впал в глубокую депрессию и покончил с собой. Незадолго до самоубийства он сказал одной из коллег: «Я не могу жить в таких условиях. Я прихожу к внукам и не могу им ничего купить, даже немного конфет или яблоко». Вскоре после этого разговора Семенов забрал из банка свои сбережения и разделил их между двумя взрослыми детьми, после чего купил черный костюм, в котором его нужно было похоронить, и аккуратно разложил его на столе. После этого он снял всю одежду, поставил под себя ведро для мочи и кала, после чего повесился.

13. Одним из секретов чрезвычайного успеха Наздратенко в получении поддержки от центральных властей, даже после свержения Коржакова, было «интенсивное воздействие» на них. Приморские чиновники постоянно обхаживали членов правительства в Москве, непрерывно просили субсидии, кредиты, налоговые льготы, а также политическую протекцию, многие из которых предоставлялись в обмен на взятки.

14. До января 2001 г. было предпринято 16 попыток выборов в городскую думу, и в каждом случае избирательная комиссия края находила причины для признания выборов недействительными, ссылаясь на отсутствие кворума или на нарушения правил выборов. Если бы существовала городская дума, это увеличило бы авторитет Черепкова, который смог бы опираться в своих действиях на законы, а не на административные решения. Без думы Черепков правил сам.

11. Красноярск

1. Михаил Черный познакомился с Тарпищевым, работая в спортивном комитете Узбекистана. Черные познакомились с Сосковцом, когда он был советским министром тяжелой металлургии, так как они работали в торговой компании, привозившей кокс на сталелитейные заводы и получавшей взамен прокат для продажи за рубежом. Впоследствии Сосковец стал вести металлургической промышленностью России. Позже Тарпищев познакомил Черного с Коржаковым, и Тарпищев и братья Черные имели связи с Малевским (Антон) и Алимжаном Тохтахуновым (Тайванчик).

О взаимоотношениях между Черными, Тарпищевым, Коржаковым, Малевским и Тохтахуновым было рассказано в записанном на пленку разговоре Бориса Федорова, председателя национального спортивного фонда, и трех других людей, обозначенных только как «журналист», «женщина» и «бизнесмен». Федоров, ранее близкий помощник Тарпищева, стал жертвой покушения 19 июня 1996 г. Запись на пленке передали в «Новую газету», и часть выдержек из этого разговора были напечатаны в газете от 8 июля 1996 г. Ниже приведены выдержки из публикации.

Федоров: Там был некто Тайванчик...

Бизнесмен: Он — один из наиболее опасных преступных лидеров в России.

Федоров: [Тарпищев] свел его с Черным. Затем появилась измайловская [преступная] группировка. Тайванчик был в какой-то мере связан с ними. Они получили исключительные сообщения о Шамиле. Там говорилось...

Женщина: У вас есть возможность встретиться с Коржаковым?

Федоров: Я звоню ему каждый день, но что я могу ему сказать? И потом, честно говоря, я боюсь. Я ведь не знаю, какие у них [Коржакова и Тарпищева] отношения...

Бизнесмен: Невозможно, чтобы нормальный человек, имеющий в своем распоряжении все эти спецслужбы и огромное количество осведомителей, не знал... что Шам [Тарпищев] крадет огромные суммы денег.

Федоров: Крадет!

Бизнесмен: ...Коржаков в этой ситуации похож на бандита, совсем как Шамиль.

Подробнее о карьере Черных см.: *Мухин А.* Коррупция и группы влияния. М.: Служба политической информации и консультации «Центр», 1999. Т. 1. С. 61–72; *Он же.* Российская организованная преступность. М.: Служба политической информации и консультации «Центр», 1998. С. 91–93. Опубликованный текст записи беседы см.: *Минкина А.* Фавориты // Новая газета. 1996. 8 июля.

2. Операции с поддельными извещениями (авизо) находятся в ряду наиболее мрачных дел, связанных с экономическими мошенничествами, в российской истории. Согласно данным, приведенным Сергеем Глушенковым, старшим следователем Министерства внутренних дел, ограбление Центрального банка России не произошло бы без попустительства высокопоставленных чиновников самого Центрального банка. Без такой помощи мошенники не смогли бы узнать шифры и коды, необходимые для допуска в систему внутренней коммуникации банка. В то же время в начале 1990-х гг. банковские переводы совершались медленно, а поддельные авизо стоимостью в миллионы рублей обрабатывались очень быстро.

Наиболее интересной стороной скандала с поддельными авизо было его возможное влияние на начало первой чеченской войны. Одним из тех, кто поощрял военные операции в Чечне, был Сосковец, спонсор братьев Черных, который приобрел свое состояние при помощи поддельных авизо. Эта война, в свою очередь, началась в тот момент, когда московские следователи начали выяснять происхождения поддельных авизо. Они обнаружили, что часть денег, украденных в Сибири, была послана в Грозный. После начала войны российское правительство теоретически должно было заинтересоваться получением

документальных подтверждений преступной деятельности чеченцев. Но первым шагом российских вооруженных сил в Грозном была бомбежка национального банка и Министерства финансов, что позволило ликвидировать все следы скандала. См.: *Андреев М.* Грязные: За что Черные любят цветные металлы? // *Собеседник*. 1997. Июль; *Тарасов А.* Великая сибирская алюминиевая война продолжается // *Известия*. 1995. 27 янв.

3. Связь Быкова с Татаренковым, имевшим длинный преступный послужной список, показывала, что его предполагаемая ненависть к профессиональным преступникам была чисто пропагандисткой. Члены его банды обычно носили кресты, заявляя о своей религиозности, и гордились своей преданностью семье. Их заверения в нравственности не мешали им организовывать заказные убийства. С 1993 по 1998 г. в Красноярском крае сорок восемь дельцов, связанных с алюминиевым бизнесом, и 27 представителей преступных группировок, пытавшихся установить контроль над продажей алюминия, стали жертвами наемных убийц. По крайней мере 28 из этих убийств приписывались Быкову. См.: *Украинцев И.* Последний антигерой боевика // *Деловые люди*. 2001. № 124, июль; № 125, авг.

4. *Латынина Ю.* Крах империи Анатолия Быкова: Хроника событий // *Совершенно секретно*. 2001. Май.

5. На Братском алюминиевом заводе братьев Черных представлял Владимир Тюрин (Тюрик). Согласно данным, предоставленным министром иностранных дел Александром Куликовым Государственной думе, «Тюрик вместе с группой профессиональных московских воров, используя связи с... братьями Черными, ведает доставкой алюминия на Лондонскую биржу металлов». См. *Тарасов А.* Неприкосновенные: 2. Быков и бандиты, или Война и мир по-новорусски // *Известия*. 1997. 12 нояб.

6. Наличие фамилии акционера в списке реестра часто было единственным доказательством владения акциями, поскольку по российским законам именные свидетельства на акцию не существовали. Согласно регламенту, регистры акционеров компаний с более чем 1000 акционеров хранились у независимого регистратора акций. Но многие списки акционеров находились в ведении директоров заводов, которые боялись, и иногда по веским причинам, что независимые регистраторы акций могут оказаться подкупленными. В результате директор мог удалить акционера, просто вычеркнув его имя из реестра компании; в подобной ситуации заявить о своих правах можно было лишь с помощью вооруженной силы.

7. Дэвид Рубен — британский подданный, а Михаил Черный стал гражданином Израйля.

8. Возможно, акции Быкова и Дружинина были сохранены Колпаковым.

9. *Латынина Ю.* Крах империи Анатолия Быкова.

10. Молдавская Приднестровская республика была провозглашена в 1991 году славянами, проживающими в восточной части Молдавии на реке Днестр. Сепаратистов открыто поддерживала 14-й Российская армия, которая дислоцировалась на этой территории под командованием Лебедева. Данный регион стал местом притяжения крайних националистов, возражавших против распада Советского Союза.

11. Почти сразу же возникли сомнения, был ли Струганов на самом деле убит. Свидетели утверждали, что тело его было вынесено головой, а не ногами вперед, как это обычно происходит с трупами. Кроме того, его увезли в машине «скорой помощи», а не в обычной перевозочной машине морга. Похороны Струганова затем были отложены по необъясненной причине. В конце концов уполномоченный агент, отправленный для обыска дачи Быкова, сказал, что обыск был санкционирован на основании «свидетельских показаний жертвы».

12. *Беррес Л.* Анатолий Быков чуть не заплакал // Коммерсант. 2000. 14 окт.

12. Цена человеческой жизни

1. Главврач Кизей в беседе со мной в Пограничном в апреле 1998 г. не мучился такими угрызениями совести. По его мнению, обстоятельства, приведшие к смерти Суверновой, были вызваны недобросовестной работой руководящих правительственных органов. Однако он добавил, что некоторые сотрудники больницы пытались использовать данный инцидент как повод избавиться от него, потому что у него «жесткий характер».

2. Готовность государства пожертвовать своими гражданами вполне соответствовала готовности граждан жертвовать собой. Безразличие российских солдат к собственной жизни делало их грозными соперниками, и этот факт отмечали немцы в начале Второй мировой войны. Немецкая газета «Volkischer Beobachter» писала: «Русский солдат превосходит наших противников на Западе своим презрением к смерти. Выносливость и фатализм заставляют его держаться до конца, до тех пор, пока он не взлетит в воздух вместе с окопом или не погибнет в рукопашном бою» (цит. по: Hitler's Soviet Campaign: A Monumental Military Folly Remembered // Agence France Press. 2001. June 17).

3. Водка стала широко доступна даже для самых бедных людей. Появилось десять новых видов водки неизвестных производителей, которая продавалась в ящиках на улицах и на обочинах шоссе.

Всемирная организация здравоохранения полагает, что если в стране потребление алкоголя на душу населения превышает 8 литров, каждый дополнительный литр сокращает на 11 месяцев продолжительность жизни среднестатистического мужчины и на 4 месяца — среднестатистической женщины. В России потребление алкоголя на душу населения достигло 16 литров. Среди последствий беспрецедентного поощрения алкоголизма со стороны правительства был

рост всех видов насильственной смерти, а также резкое увеличение числа сердечно-сосудистых заболеваний и рака. См.: *Медведев Р.* Капитализм в России? М.: Права человека, 1998. С. 205–207.

4. Палаты института Вишневецкого начали пустеть с того момента, когда правительство прекратило финансирование. В 1997 году одна операция в среднем стоила 10 млн рублей (1725 долл.), плюс стоимость пребывания в больнице, которая составляла от 100 000 руб. (17 долл.) до 200 000 руб. (34 долл.) в день в зависимости от состояния пациента. Средний заработок тогда составлял около 50 долл. в месяц. При таких обстоятельствах лечение в больнице, служившей «последним прибежищем», было доступно только для избранного меньшинства. См.: *Покровский В.* «Последняя инстанция» больше не спасает // *Общая газета.* 1997. 20–26 марта.

5. В 1993 г. в России было совершено 45 060 убийств, тогда как в Соединенных Штатах — 26 254, причем в российскую цифру еще не включены около 22 000 человек, пропавших без вести, и многие жертвы, чья смерть расценивалась как несчастный случай. Также резко возросло количество самоубийств: с 26 796 в 1988 г. до 46 016 в 1993 г. В 1992–1996 гг. произошло три миллиона несчастных случаев на рабочих местах, 63 500 из них — со смертельным исходом. См.: *Медведев Р.* Капитализм в России? С. 201–207; *Калинин А.* Смерть в капустном чане. И т.п. // *Известия.* 1997. 14 янв.

6. Иван Лапшин рассказал свою историю «Новой газете» после года бесплодных усилий заставить милицию предпринять действия по поводу смерти его внука; см.: *Федянин Н.* Расследование. Убийцы сопровождения», *Новая газета.* 1999. 16 авг.; *Он же.* Убийцы сопровождения-2 // *Новая газета.* 2000. 14–20 фев.

7. Перед тем как стать президентом, Путин старался избежать опасности убить невинного человека в аварии, перекрывая все дороги, по которым он собирался ехать. Летом 2001 г. он каждый день ездил в Кремль со своей дачи, поэтому движение останавливалось по утрам и вечерам на два часа, не пропустили даже автомобили технической помощи, и тысячи водителей были вынуждены ждать на соседних улицах, пока проедет кортеж его автомобилей. Когда Путин ехал в аэропорт Внуково, дорога перекрывалась наряду с воздушным пространством над аэропортом, которое открывалось лишь спустя некоторое время после того как самолет Путина взлетит.

8. *Жарков Д.* Лицензия на убийство // *Коммерсант.* 1999. 4 марта; Как они нас давят // Там же.

9. Кроме Марины Яровой, еще одна неопознанная женщина примерно 45 лет умерла в Москве 12 марта 1998 г. после падения в яму с кипящей водой, образовавшейся в результате разрыва труб возле дома № 56 по улице Тухачевского. Соседи сообщили репортерам, что из-под земли регулярно поднимался пар, но аварийные бригады ограничивались засыпанием трещин песком.

В конце февраля в результате разрыва трубопровода нижние этажи жилых зданий и магазинов на Русаковской улице заполнились кипящей водой, из-за которых пострадали пятеро взрослых и двое детей. По данным московских спасателей, в столице за один месяц 1998 года девять человек погибло в результате разрыва труб с горячей водой. См.: За месяц в Москве заживо сварились девять человек // Комсомольская правда. 1998. 14 марта.

10. Николай Пясецкий был призван в российскую армию в июне 1994 г. и вскоре испытал все трудности службы в армии в период ее распада. Он был направлен на одну из баз Омска, где проходил обучение на макете танка, бросал учебные гранаты и копал картофель. Затем его перевели в Рязань, где он вошел в состав Рязанского парашютно-десантного полка и занимался строительством дачи. В конце декабря, не пройдя настоящего военного обучения и не обладая опытом, он был послан в Чечню.

Он испытал то же, что и солдаты других подразделений, посланные в Грозный в канун Нового года. Многие готовились к войне в Чечне, работая на складах, расчищая строительные площадки, строя дома для старших офицеров и ремонтируя транспортные средства. Обучение обращению с оружием ограничивалось тремя выстрелами из автоматического оружия, и некоторые солдаты всего несколько раз ездили на бронев автомобиле. Многих солдат 81-го Самарского полка отправляли в бой без военных билетов, вероятно, потому, что не было времени его выдавать. Позже это упущение осложнило опознание тел погибших.

11. 81-й Самарский полк и 131-я Майкопская бригада торжественно вошли в Грозный. Чеченские боевики подождали, пока они пройдут на небольшие узкие улочки города, затем блокировали передние и задние пути к отступлению, открыли минометный огонь из окон, подвалов и ворот и стали бросать гранаты. Из 26 танков 131-й Майкопской бригады 20 сгорели дотла; из 120 бронев автомобилей только 18 были в конечном итоге эвакуированы из Грозного. См.: Литовкин В. Расстрел 131-й Майкопской бригады // Известия. 1995. 11 янв.

12. В середине января чеченцы предложили прекратить огонь, чтобы каждая сторона получила возможность собрать тела погибших, но российский командир Иван Бабичев категорически отказался от этого предложения. Станислав Божко, борец за права человека, занимавшийся эвакуацией мирного населения, рассказал мне, что он слышал ответ российского командира по радио: «Пусть собаки едят их тела; нам они больше не нужны». Тела российских солдат лежали на улицах в течение нескольких недель до тех пор, пока русские не вытеснили чеченцев из центра города.

13. Криминализация сознания

1. После того, как с Михайлова были сняты обвинения в принадлежности к преступной организации, главным образом из-за отсутствия сотрудничества

со стороны российских властей, газета «Ле тан» писала: «Судебное разбирательство доказало, что современная Россия еще более закрыта и вызывает более серьезные опасения, чем раньше. Нельзя не думать обо всех испуганных людях, которые надеялись что хоть на короткое время террору и хаосу, в котором они жили, в Женеве будет положен конец». См.: Geneva Court Sets Mikhailov Free // Moscow Times. 1998. Dec. 15. Николе описывает свою встречу с Михайловым в своей статье: *Nicolet L. Qu'est devenu Serguei Mikhailov, plus riche de 800,000 francs? Rencontre à Moscou // Le Temps. Geneva. 2000, Nov. 13.*

2. Драматург Аркадий Левитов, давний знакомый Михайлова, говорил о нем: «Михайлов представляет собой тот же тип человека, что и все мы, за исключением того, что он миллиардер, а мы нет. Он преуспевающий бизнесмен, превосходный руководитель. Люди прислушиваются к нему. Он умеет организовать дело... Все его компании... исправно платят правительственные налоги, и неизвестно, кто делает это лучше: Михась или большинство нормальных граждан. Если Михась станет нашим премьер-министром (и я не считаю это фантастикой), мы будем жить совершенно по-другому. Конечно, лучше. Он прекрасный руководитель мирового уровня. Он знает, как заставить людей работать, и его невозможно одурачить. И все это не с помощью силы оружия, а силой своего авторитета» (см.: Максимов А. Российская преступность. М.: ЭКСМО, 1997. С. 342–343).

3. Обязательное «распределение» облегчается благодаря нарушению секретности банка. У бандитов широко распространена практика «внедрять» своих агентов в банки, чтобы им было известно, когда клиент банка получит большую сумму денег. После этого они требуют от него часть денег независимо от причины, по которой выплачены эти деньги.

3. В ту ночь рассказ со «Службы 02» вела Ольга Минаева. См.: Трупы поют песни // Аргументы и факты. 1996. № 20.

4. Рузанна и Наталья дают объявления в «Московском комсомольце». Они предлагают «любовную магию, все виды предсказания судьбы, снятие страха, беспокойства и депрессии, коррекцию веса за один сеанс и снятие алкогольной зависимости».

В других газетах также есть объявления о колдунах, обычно в разделе «услуги» или «магия». Показательно следующее объявление, напечатанное в газете «Мегаполис-Экспресс» от 23 июня 1999 г.: «Самый мощный колдун в России. Наследственный ясновидящий. Парапсихолог. Сразу и навсегда вернет вашего любимого (любимую). Приворот без разрушения здоровья; гарантированные результаты в 100% случаев. Полностью разлучает мужа с любовницей и возвращает его домой. Снятие любого колдовства, независимо от сложности и длительности».

6. Цит. по: Убийца. Недорого! // Комсомольская правда. 1998. 1 апр.

7. Например, и Горин и Бедняков нарушили запрет о телевизионной агитации в канун выборов. В случае Горина эта агитация имела место в виде рекламы

известного сатирика Григория Горина, который делал особый упор на фамилии, которая у него была одинаковой с кандидатом. В случае с Бедняковым в телевизионном интервью он отрицал слухи о том, что снял свою кандидатуру, и уговаривал всех участвовать в выборах. В связи с этим один из местных журналистов спросил: «Могут ли проступки потерпевших поражение кандидатов аннулировать победу победителя?» *Окмянский В.* Суд тоже «не понял». Заявления избирателей // Нижегородские новости. 1998. 16 марта.

8. Заголовки появились газетах: Перекрестки России. 1998. 10 апр.; Московский Комсомолец в Нижнем Новгороде. 1998. 9 апр. и др.

9. На самом деле результаты были различными. Климентьеву снова запретили баллотироваться на пост мэра после того, как Верховный Совет поддержал его обвинение. Юрий Лебедев, бывший заместитель губернатора Нижегородской области, победил Беднякова во втором раунде новых выборов мэра, проведенных 11 октября 1998 г. Проголосовало всего 36% избирателей.

10. Лидеры банды «Уралмаш» часто проявляли чувство юмора. Выбирая новое название для своего социально-политического союза (общественно-политический союз), они намеренно сохраняли ту же аббревиатуру, как и в названии, данном им милицией, — организованная преступная группировка (организованное преступное сообщество). Они дарили золотые часы журналистам, писавшим о них комплиментарные статьи, и даже выдали удостоверение Сергею Плотникову, одному из немногих репортеров, который привлек внимание к их преступлениям, написав в нем такие слова: «В знак признания его постоянного внимания к деятельности Уралмашского ОПС».

11. Официальное название района — Орджоникидзевский, но обычно его называют Уралмашским районом. Банда взяла себе название не по заводу, с которым у нее не было связи, а по популярному названию района.

12. Рак простаты, по-видимому, являлся профессиональным заболеванием у всех лидеров преступной группировки Екатеринбурга, которые окончили свою жизнь за решеткой. Владимир Колупайло (Северенок), Андрей Трофанов и Игорь Зимин все предположительно страдали этим заболеванием, что было указано в свидетельствах, выданных одним и тем же медицинским учреждением.

13. По данным Василия Руденко, бывшего главы РУБОПа, в 1998 году доход банды превысил бюджет города. См.: *Смирнов В., Сеславский И.* Криминал создал свою партию // Аргументы и факты. 1999. № 27.

14. Организация политической партии бандой «Уралмаш» привела в смятение некоторых людей в Екатеринбурге, но Эдуард Россель встретил это известие спокойно. «Говорят, что лидер „Уралмаша“ ... грабитель, бандит и т. д., — сказал он на пресс-конференции, в которой рассказал о своих взаимоотношениях с преступным миром. — Но я приглашу [этого лидера] к себе и скажу

ему: ну, садись, вор, Расскажи мне, как ты живешь, я дам ему задание, и он выполнит это задание: потратит деньги на капитальное строительство Свердловской области».

В других случаях Россель говорил, что не существует такого понятия, как Уралмашская организованная преступная группировка, ее изобрели журналисты. На самом деле Россель, в прошлом близкий помощник Ельцина, имел длительную тесную связь с бандой «Уралмаша». Банда вложила большую сумму денег в его избирательную кампанию, и в связи с сообщениями в газете «Русский телеграф» он целую неделю праздновал свою победу. Когда после того, как Россель рассказал о своих отношениях с криминальным миром, местный журналист Эдуард Худяков, хорошо известный своим мужеством, спросил у него, является ли недавнее апрельское пожертвование одного миллиона рублей от банды «Уралмаш» в фонд заработной платы бастующих рабочих-строителей метро вкладом преступников в капитальное строительство Свердловской области, Россель начал угрожать ему. «О чем вы говорите? — спросил Россель. — Вам надо бы пожить здесь». Несколько дней спустя на Худякова у входа в дом напали и избили бандиты.

15. В Советский период один из наиболее распространенных политических лозунгов гласил: «Народ и партия едины».

16. Андрей слишком боялся репрессий, чтобы дать свое полное имя; см. *Franchetti M. Russians Thrash Their Drug Takers to Stop Addiction // Sunday Times. London, 2001. June 17.*

Заключение: Есть ли у России будущее?

1. *Binyon M. Booming Russia Has a Happy Christmas // Times. 2002. Jan 7.*

2. *Aron L. Putin's Progress: Russia Jons the West // Weekly Standard. 2002. Feb 7.*

3. *Aslund A. The Russian Success Story // Moscow Times. 2002. Feb 7.*

4. Взятие НТВ под контроль Газпрома было проявлением лояльности.

В ночь с 19 на 20 июня 1996 года два сотрудника ельцинского избирательного штаба были задержаны более чем с полумиллионом долларов наличными при выходе из правительственного здания. В течение всей ночи НТВ передавала сводки новостей, в которых лживо говорилось, что сотрудники Службы безопасности президента подбросили эти деньги арестованным. Эти сообщения помогли Чубайсу убедить Ельцина уволить Коржакова. После этого Чубайс стал начальником штаба Ельцина и тесно сотрудничал с НТВ.

В сентябре 1996 года НТВ приобрела лицензию на круглосуточное вещание по четвертому каналу, что рассматривалось как плата за поддержку Ельцина. У НТВ не было конкурентов, и она заплатила за нее менее 1000 долл. В 1997 году журналисты НТВ писали речи для Ельцина.

Однако отношение НТВ к коррупции ельцинского окружения резко изменилось после того, как Лужков выдвинул свою кандидатуру на пост президента. НТВ неожиданно стала поддерживать российские средства массовой информации, публиковавшие голословные обвинения в грехах «семьи» Ельцина. См. *Belin L. Ten Ironies of the NTV Saga // RFE/RL Russian Political Weekly. 2001. Apl. 16*
 5. *Graff P. Russian Closure of Independent Television Sparks Wide Concern // Reuters. 2002. Jan. 22.*

6. *Скуратов Ю.* Интервью с Ильей Тарасовым. Pravda.ru, 2001. 5 ноября.

7. *Ципко А.* «Семья» приобретает контроль над национальной политикой России // Jamestown Foundation Prism. 2001. Сентябрь.

8. По мере роста сомнений относительно событий в Рязани Российское правительство, отвечая на звонки о проведении расследования, считало мысль об участии ФСБ оскорбительной или не заслуживающей внимания. Правительство также препятствовало повторным попыткам заняться расследованием рязанского инцидента, последний раз в феврале 2002 года. В тот раз 161 депутат проголосовал в пользу расследования, 7 против, а 296 воздержались.

9. *Lavrentieva V. Ministers Flet over Diving Oil Prise // Moscow Times. 2001. Nov. 5.*

10. *Анисимов Е.* Не похоронит ли Россию взбесившаяся техника? // Комсомольская правда. 2000. 21 сентября.

11. *Is Russia on the Verge of Collapse? NewsMax.com. 2000. Aug. 29*

12. *Гундаров И.* Необъявленная эпидемия: интервью с Александром Васинским // Время МН. 2002. 21 февраля.

13. *Горбачева А.* Пока надеюсь — дышу // Независимая газета. 2001. 26 янв.

14. *Васинский А.* Время людей. Необъявленная эпидемия // Время МН. 2002. 21 фев.

15. *Гундаров И.* Демографическая катастрофа в России: причины, механизм, пути преодоления. М., 2001. С. 17–18.

16. *Бердяев Н.* Судьба России. М.: Изд-во В. Шевчук, 2000. С. 289–294.

Оглавление

Предисловие автора	7
Введение	8
1. «Курск»	12
2. Рязань	33
3. «Молодые реформаторы»	44
4. История реформ	57
5. Золотоискатели	88
6. Рабочие	111
7. Деятельность правоохранительных органов	132
8. Организованная преступность	148
9. Ульяновск	189
10. Владивосток	198
11. Красноярск	216
12. Цена человеческой жизни	232
13. Криминализация сознания	258
Заключение: есть ли у России будущее?	286
Примечания	296

Литературно-художественное издание

Дэвид Саттер

ТЬМА НА РАССВЕТЕ

Возникновение криминального государства в России

Разработка макета: А. Ирбит

Объединенное гуманитарное издательство
103051, Москва, ул. Петровка, д. 26, стр. 8.
Тел./ (095) 744-3170
факс: 924-57-61
e-mail: info@ogi.ru

Подписано в печать 12.02.2004. Формат 60х84 1/16.
Гарнитура Helios. Объем 21,0 печ. л.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Тираж 3000 экз. Заказ № 238.

Отпечатано с готовых пленок
в ОАО "Чебоксарская типография № 1".
428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 15.

Дэвид Саттер

Тьма на рассвете

**Возникновение
криминального
государства
в России**

Дэвид Саттер — американский журналист и писатель, проработал в Москве в качестве корреспондента английской газеты «Файненшел таймс» с 1976 по 1982 год. Позже он был свидетелем драматических событий перестройки, распада СССР и образования нового российского государства.

В своей книге Дэвид Саттер, рассказывая о важнейших событиях недавнего времени, стремится показать, как эти события отразились на повседневной жизни обыкновенных русских людей из самых разных социальных слоев, почему свобода и демократия привели к духовному кризису и криминализации общества, почему новые духовные ценности не смогли заполнить огромный моральный вакуум, который образовался после падения коммунистического режима.

ISBN 5-94282-242-5

9 785942 182242 >

ВОЗНИКНОВЕНИЕ
КРИМИНАЛЬНОГО
ГОСУДАРСТВА В РОССИИ

ТЬМА НА РАССВЕТЕ

Дэвид Саттер